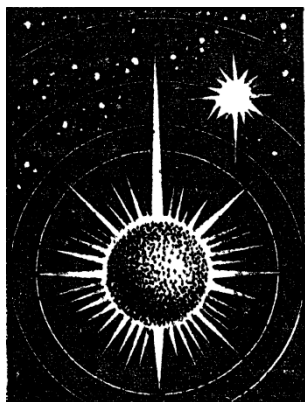

Звёздные
дневники

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Серия «Раритет»

Москва

ВЛАДИМИР САВЧЕНКО

ПРИЗРАКИ ВРЕМЕНИ

Научно-фантастические повести

Звёздные дневники

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С1

С1 Савченко В. Призраки времени: Научно-фантастические повести. – М.: Звёздные дневники, 2022. – 448 с., илл. — Библиотека приключений и научной фантастики. Серия «Раритет».

Редактор-составитель А. Никольский

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© В. Савченко, текст.
© Р. Масаутов, иллюстрации.
© А. Никольский, составление, редакция перевода,
текстологическая работа.

От составителя

К началу 1960-х годов 27-летний Владимир Савченко был уже довольно маститым писателем-фантастом. В центральной периодике начиная с 1955 года были напечатаны несколько его рассказов и повесть «Чёрные звёзды», а в 1960 году в московском Детгизе тиражом 230 тыс. экземпляров вышел и первый авторский сборник, куда вошли все эти произведения.

В 1961 году Савченко написал свою вторую повесть — «Привидение времени» и... столкнулся с неожиданными трудностями. Один за другим центральные журналы возвращали рукопись с отказом в публикации. Только в конце 1962 года удалось опубликовать повесть (в сильно сокращённом варианте) в переводе на украинский в киевском журнале «Наука та життя».

В 1963 году Владимир Савченко несколько переработал повесть (написал обширный пролог, сократил число членов экипажа звездолёта с восьми до шести, изменил некоторые имена и названия), но и в таком виде повесть удалось год спустя напечатать только на украинском языке в киевском издательстве «Молодь»¹.

Дальнейшие попытки напечатать повесть Савченко прекратил, а рукопись утратил. В течение нескольких десятилетий повесть классика русской фантастики оставалась неизданной на русском языке.

Неожиданное продолжение эта история получила в начале 2000-х годов. Издание трехтомника избранных произведений Владимира Савченко в серии «Классика отечественной фантастики» издательства «АСТ» готовилось при участии автора. Именно в рамках этой подготовки Савченко перечитал свою многострадальную повесть и решил, что она была забыта и заброшена совершенно незаслуженно — прежде всего из-за по-прежнему свежей, незаезженной идеи. «И — взялся переводить обратно на родной язык. Вчитался — ожили персона-

¹ В выходных данных этого издания указано оригинальное русское название повести.

жи, завели проблемы — со второй половины стал писать заново. Затем и первой досталось».¹

В результате такого подхода в варианте 2002 года (получившем новое авторское название «Призрак времени») от изначального варианта повести, увы, мало что осталось. По сути это была уже другая повесть: и по сюжету, и по авторской манере (Савченко 2000-х уже был очень непохож на Савченко 1950-х — 1960-х), и даже по сюжетообразующей идее. Остались только более-менее одинаковое с версией 1964 года начало и набор персонажей.

Отсюда и возник замысел данной книги: восстановить исходный текст первоначального авторского варианта повести без каких-либо примесей кардинально изменившихся за сорок лет авторской идеологии, манеры и стиля и тем самым познакомить русскоязычного читателя с ранней повестью одного из лучших отечественных писателей-фантастов. Для этого был выполнен обратный перевод текста повести с украинского на русский по тексту издания 1964 года (печатается с воспроизведением оригинальных иллюстраций из журнальной публикации и книжного издания).

В приложении последовательно публикуются:

1) текст полного издания первоначального варианта повести «Привидение времени» в переводе на украинский язык (Киев: Молодь, 1964);

2) обратный перевод с украинского языка текста журнального варианта повести «Привидение времени»;

3) текст журнального варианта повести «Привидение времени» в переводе на украинский язык («Наука та життя», 1962, № 11, № 12; 1963, № 1, № 2);

4) предисловие «От автора» к переработанному варианту повести «Призрак времени»;

5) текст переработанного автором варианта повести «Призрак времени» (сб. «Чёрные звёзды», М.: АСТ, 2002)²

Алексей Никольский

¹ Савченко В. Чёрные звёзды. — М.: АСТ, 2002. — С. 279.

² При подготовке текста исправлены многочисленные опечатки.

Привидение времени

Научно-фантастическая повесть

*Обратный перевод с украинского под редакцией
А. Никольского*

Иллюстрации Рафаэля Зейнуровича Масаутова

Пролог. Ледяные астероиды

Шёл последний час дежурства Рустама Синга в диспетчерском пункте грузовой трассы Земля — Космострой — Венера — Меркурий.

Ночная Земля мерцала скоплением огней в городах и на дорогах Африканского континента. Красновато-жёлтый рассвет подсвечивал только край Атлантического океана. А здесь, на стационарной орбите, в чёрном небе ещё владычествовало косматое солнце. Оно нанизывало, будто стеклянные бусинки, на свои лучи маневровые ракеты, которые сновали между шаровыми и дисковыми ангарам Космостройка.

К востоку от диспетчерского спутника лучи обрывались в конусе ночи. Там по искусственному Млечному Пути тянулась вереница огней.

Работа была несложная: следить на экранах и световых табло за движением автоматических ракет, принимать с трасс рапорты контрольных автоматов, скучать, ожидая, когда случится что-то непредвиденное, когда понадобится человеческая инициатива (за все дежурства Рустама такого ещё не случалось), да ещё постоянно препираться с теми, кто отправляет и получает грузы, — их никогда не устраивал оптимальный, рассчитанный машинами режим перевозок. Рустам усмехнулся: стоило бы вместо «оптимальный» назвать этот режим как-то иначе — ведь он никогда никого не устраивает.

Тихо прогудел зуммер возле телеэкрана «Земля». Ну, вот, пожалуйста! Рустам недовольно подошёл к пульту.

— Диспетчер Синг!

— Конструктор Ферро, Антарктида, Институт вакуумной сборки! — отрекомендовался лысый мужчина с роскошной рыжей бородой. Было видно, что он крайне возмущён. — П-о-очему до сих пор не отправлены на венерианскую станцию мои аппараты лучевой сварки?

— Ваши аппараты... — Рустам скользнул глазами по таблице очерёдности грузов. — Ваши аппараты пойдут послезавтра малой скоростью.

— П-п-послезавтра?! Малой?! Я же телеграфировал на Венеру, что отправлю их сегодня и средней! Вот! — Бородач помахал какой-то бумажкой.

— Если бы вы сконструировали свои аппараты чуть более лёгкими, — заметил диспетчер, — тогда...

— Вот как! — В голосе землянина чувствовался сарказм. — А вы, юноша, когда-нибудь сами занимались этим делом?

Рустаму было двадцать четыре года, и он терпеть не мог, когда его называли юношей.

— Не занимался и не собираюсь заниматься, дорогой товарищ. Лучевая сварка давно устарела, и я, откровенно говоря, не понимаю, зачем вы отправляете такие аппараты на венерианские стройки! На Земле не удалось пристроить?

У землянина отвисла челюсть. Он хотел что-то ответить на ехидное замечание, но не успел. В этот момент в диспетчерской прозвучало:

— Сообщает автомат-патруль 12! Неизвестное тело приближается из внешнего космоса к средней области трассы. Координаты 69 градусов восточной, 15,5 южной...

Рустам, забыв попрощаться с землянином, подскокил к главному пульту.

— Траектория тела пересекается с трассой под углом три градуса, — чётко докладывал патрульный автомат. — На предупредительные сигналы тело не отвечает, признаков управляемости не обнаружено...

Рустам поднял палец над клавишей «Уничтожение метеоров», чтоб выпустить самонаводящиеся атомные торпеды. («Наконец-то будет о чём рассказать!») И замер с поднятой рукой.

— Скорость тела девяносто мегаметров в секунду. Радиоизлучения ни в каких диапазонах нет... — размеренно звучал искусственный голос.

«Девяносто мегаметров в секунду, почти треть от световой! Тело из иной системы!»

Вот и произошёл тот чрезвычайный случай, когда нужна была человеческая инициатива, когда человек должен был превзойти машину в быстроте мысли! В свободное от работы время Рустам и сменявшие его товарищи придумывали задачи на возможные опасные ситуации в зоне трассы и соревновались, кто быстрее и лучше справится с ними. Теперь это пригодилось: мозг диспетчера мгновенно оценил расстояние от двенадцатого патрульного автомата до трассы, по которой один за другим на расстоянии сотен километров шли транспорты, и определил самый опасный участок. Драгоценная доля секунды, которую пришлось бы потратить, чтобы проследить глазами по светящейся схеме трассы, была сохранена. Теперь надо нажать и отпустить необходимые клавиши переключения. Рустам заслонила ладонью часть фотоэлементов, одновременно нажав локтем несколько клавиш. Транспорты веером начали расходиться прочь от опасного места.

Диспетчер снова нажал и отпустил клавишу. От соседнего ангара, распустив белые огненные веера, рванули вверх три электромагнитных автомата-перехватчика с аннигиляционными двигателями.

Нажать-отпустить! Двенадцатый патруль начал корректировать полёт перехватчиков, одновременно докладывая:

— Неизвестное тело имеет форму параллелепипеда. Анализ вещества по отражённым спектрам — лёд. Вес около тонны...

Диспетчер дал команду перехватчикам:

— Отвести тело от Солнца!

Только теперь Синг посмотрел на схему трассы. Там среди светлячков ракет, что ползли будто муравьи мимо неподвижных рубиновых точек астромаяков и патрулей, электронный луч гнал голубую капельку. Оставшийся позади неё яркий хвостик свидетельствовал об огромной скорости. Капля приблизилась к цепочке светлячков и на мгновение сомкнулась с ними. У Рустама похолодело в груди: сейчас вспыхнет! Но ледяной астероид пролетел в «окно»! За ним, описав пологие дуги, бросились зелёные чёрточки перехватчиков...

— Уфф... — Диспетчер вытер вспотевший лоб, отошёл — и встретился взглядом с землянином. Тот всё видел.

— Спасибо! — сердечно поклонился Синг экрану.

— За что?!

— Что вы ничего не сказали под руку. Большой кристалл, а?

— Чепуха! — Конструктор из Антарктиды покачал головой. — Таких кристаллов не бывает. Это искусственное тело. Сообщайте по Солнечной! Скорее!

— И впрямь. Будьте здоровы!..

Рустам перебросил рычажок переключателя телевизора на отметку «Молния». Радиоволны понесли его голос и изображение по всей Солнечной системе:

— Внимание, люди! — Рустам старался быть спокойным. — Только что обнаружено искусственное тело, которое летит со стороны созвездия Тельца со скоростью 90 мегаметров в секунду. Это ледяной параллелепипед весом около тонны. К нему полетели перехватчики, но они смогут только отвести тело от Солнца. Предлагаю послать вдогонку звездолёт... Внимание! Следите за сектором пространства от созвездия Тельца. Возможно, заметите что-то ещё новое. Передаю астрономические координаты...

Через двадцать четыре часа наблюдатели внешней обсерватории на Плутоне заметили ещё два ледяных параллелепипеда, мчавшихся от созвездия Тельца. Шестьдесят восемь суток понадобилось звездолётам, чтобы выловить астероиды в пространстве и доставить их на Землю, в Астроград.

Три глыбы льда были совершенно одинаковы по форме и размерам. Невидимая космическая пыль сделала своё: грани параллелепипедов, некогда, вероятно, прозрачные, стали матовыми. Астролётчики, транспортировавшие астероиды на Землю, внутри них ничего не заметили. Однако электромагниты обнаружили присутствие железа. На всякий случай, чтоб сохранить космический холод, астероиды поместили в контейнеры с жидким гелием.

Когда тела перегрузили из контейнеров в закрытый бассейн, наполненный гелием, матовые грани астероидов словно растворились в жидкости. Люди, собравшиеся вокруг бассейна, да и не только они — все жители Земли — увидели на телеэкранах внутри глыб людей. Две молодые женщины и плотный пожилой мужчина застыли в льдинах. Все трое были настолько очевидно земные, что допущение, будто «прилетели братья по разуму», сразу отпало.

Способ безракетного путешествия в космосе человека, охлаждаемого почти до абсолютного нуля в защитной ледяной оболочке, применяли в Солнечной лет двадцать, хотя технически это выполнялось иначе. Поэтому вернуть этих троих к жизни не составило труда.

Астероиды прогрели инфраизлучателями. Диспетчер Синг, увидев на экране, как из камеры теплового пробуждения вышла сероглазая красавица, воскликнул:

— И такую женщину я чуть не испепелил ядерной ракетой!

Высокий, слегка сутулый человек не спеша шагал по лестнице к комнате на пятом этаже, где отдыхали три астронавта. Председатель Звёздного комитета Остап Искра весь день сегодня провёл в Центральном архиве звездоплавания. И сейчас заново вспоминал то, что ему удалось узнать из микрофильмов старых научных отчё-

тов, поблёкших газетных вырезок, фотографий, магнитных записей рапортов патрульных автоматов об этих троих.

...На расстоянии десяти парсеков от Солнца в холодном пространстве летит жёлто-оранжевая звезда, принадлежащая созвездию Тельца. Она не имеет названия. В звёздном каталоге Гумбриджа есть лишь её номер — Г-1920. Невооружённым глазом звезду можно увидеть только с Луны, где наблюдению не мешает атмосфера. Звезда мчится к дальней группе Плеяд с чрезвычайной для системы Млечного Пути скоростью — 360 километров в секунду.

Лет восемьдесят назад учёные Центральной лунной обсерватории обработали данные многовековых наблюдений за движением Г-1920 и пришли к необычному выводу: тело, движущееся с такой скоростью по траектории звезды, не может принадлежать системе Млечного Пути! То есть Г-1920 прилетела из другой галактики. Учёные даже определили, из какой именно: из спиральной галактики М-33 в созвездии Треугольника.

Внегалактическая гостья в нашей системе! Сотни миллиардов лет две галактики — Млечный Путь и М-33 — развивались изолированно друг от друга, если не считать слабые, едва уловимые телескопом лучи света, которыми обменивались эти громадные сгустки материи. Двести восемьдесят тысяч парсеков разделяют Млечный Путь и М-33 — больше миллиона световых лет. А теперь звезда оттуда летит поблизости, рядом, на расстоянии десятка парсеков. Путешествие к ней — это всё равно, что полёт в М-33.

Учёные хорошо исследовали свою галактику, поэтому чужеродная звезда их особенно влекла. Действительно, в жарких супертропиках Венеры первые космонавты открыли небелковую кремнийорганическую жизнь: ихтиозавры плавали там в кипящих кислотных озёрах, а птероящеры водились в пылающих пещерах. Ещё дальше, на раскалённой стороне Меркурия, жили металлические насекомые. Первые автоматические ракеты, вылетевшие за пределы радиошумового фона Солнечной системы, принесли записи осмысленных

сигналов, которые шли от центрального звёздного ядра Галактики. Два десятилетия назад автоматические звездолёты зафиксировали около двух планет ближайшей к Солнцу звезды Проксима Центавра группы метеоров, которые «произвольно меняли орбиты». Произведя анализ электромагнитных записей автоматов, учёные пришли к неожиданному открытию: в космосе живут разумные кристаллические существа.

Выходило: чем дальше от Земли, чем больше отличались от земных условия развития материи, тем удивительнее с точки зрения человека был путь развития материи к своей высшей форме — жизни. Что же там, возле звезды из другой галактики, мчавшейся теперь на расстоянии всего десяти парсеков от Солнца?

«Какие-то десять парсеков...» Искра покачал головой. Тридцать пять лет туда, тридцать пять обратно. Даже теперь это не ближний свет. А тогда, в начале двадцать первого века... Антивещество для фотонных звездолётов синтезировали искусственно. Снаряжение звёздной экспедиции стоило столько же, сколько год жизни всего человечества... Техника анабиоза ещё не вышла из лабораторий, да и там экспериментировали только на собаках и обезьянах. Такое путешествие в то время было вне технических и, главное, человеческих возможностей. Нет, сильных и смелых людей и тогда хватало. Но в психике людей остался след двадцатого столетия! Век революций, войн, небывалых открытий, изобретений, кипения страстей, борьбы... Каждый, где бы он ни был, чувствовал, что дышит тем же воздухом, что и все, что дела и события на другой стороне планеты касаются и его, что спутник, пролетевший над ним, вызвал у него такие же мысли и переживания, как и у миллионов других людей. Каждый чувствовал себя членом сложной пятимиллиардной человеческой семьи.

Мир расширился. Жизнь человека стала многограннее: за год он делал столько дел, сколько в двадцатом веке хватило бы на десять.

Вырвать человека из водоворота жизни и обречь его на несколько десятилетнее комфортабельное прозябание в космосе означало почти полный провал путешествия.

Космос, межзвёздные перелёты... О, если бы в межзвёздном пространстве действительно были опасности, которые изображали писатели-фантасты в своих произведениях: облака таинственной пыли, разрушавшей звездолёты, смертоносные потоки излучения, космические ямы с потусторонними свойствами! Однако уже во время первых полётов автоматических ракет стало ясно: космос скрывает нечто гораздо более простое и страшное — опасность под названием Ничто. Нет ничего, даже смен дня и ночи. Тишина. Пустота.

В памяти ещё не изгладилось поражение звездолёта «Фрегат». Машину оснастили универсальными автоматами. Они вели звездолёт по курсу, делали в пространстве нужные вычисления, переносили грузы, открывали двери, готовили еду, убирали каюты, устраивали киномузыкальные передачи — пальцем не надо было шевелить! Эскалаторы, лифты, роботы-массажисты... А какой был сложный конкурс для участников первого звёздного полёта! Все они должны были быть талантливыми учёными, замечательными спортсменами, хорошо знать искусство, быть красивыми и остроумными. Отбрали двадцать самых ярких индивидуумов Земли и отправили к Альфе Центавра по трассе, которую проложили автоматические ракеты.

И... «Фрегат» вернулся, не пролетев и трети пути. Ещё бы! Людей, привыкших к каждодневному труду, к разнообразной земной жизни, избалованных общим вниманием, вдруг обрекли на многолетнее безделье, забвение. Для них остановилась жизнь! Двадцать неповторимых индивидуумов взбесились от многомесячного безделья, от купания в роскошном бассейне, от упражнений в гимнастическом зале, обалдели от изысканных бесед друг с другом... Кончилось всё тем, что они не выдержали и ни с чем вернулись на Землю.

Снова вспыхнули споры. Учёные начали разрабатывать новые проекты. Может, надо сначала исследовать звёзды автоматическими ракетами? Но автоматы только расширят и уточнят уже известное, они не увидят принципиально нового — того, ради чего люди стремятся в космос... Установить в околосолнечном пространстве

телескопы-рефлекторы с уникальными многокилометровыми зеркалами? В них можно будет рассматривать планеты у ближайших звёзд, как Марс и Венеру с Земли. Но этого мало...

Кто-то даже предложил создать на окраине Солнечной системы «спутник-интернат» и с детства воспитывать там будущих астронавтов. Но автор этого проекта пожелал на всякий случай остаться неизвестным.

Возобновились теоретические и экспериментальные поиски «принципа сверхскорости», который позволил бы или вовсе отказаться от теории относительности или хотя бы опровергнуть её положение: «никакой материальный объект не может двигаться со скоростью большей, чем скорость света в вакууме». Возглавил эти поиски видный физик Бруно Аскер. Учёные ломали головы, как с наименьшим расходом времени преодолеть расстояние, разделяющее звёзды во Вселенной. Но не нашли в Солнечной системе никакого явления, противоречащего общим философским законам Эйнштейна.

«Имеющихся у нас знаний недостаточно, чтобы перейти к следующему этапу по сравнению с механикой Эйнштейна, — так формулировал неудачу поисков Бруно Аскер. — Нужны новые данные о веществе, пространстве, мире. Чтобы добыть их, нужно лететь, причём не за десятки, а за сотни и тысячи парсеков. А чтобы лететь, нужно уже сейчас знать то, что мы сможем узнать только после полётов, — принцип сверхскорости... Получается замкнутый круг».

А мир звёзд манил! Гипотетические тайны белых карликов, сияющая пустота красных гигантов, направленные потоки космических лучей, шорох межзвёздного водорода, неясные радиоизлучения погасших звёзд... Человечество сняло с глаз пелену атмосферы. Наблюдатели на внеземных обсерваториях одну за другой открывали планеты и планетные системы у далёких звёзд. А жёлтая звезда Г-1920 убегала со скоростью 360 километров в секунду. На семнадцать миллиардов километров ежегодно удалялась нераскрытая тайна... Звёзды мерцали в земном небе, неподвижными россыпями сия-

ли над Луной и Марсом — влекли, раззадоривали людей, уже познавших могущество своего труда и разума.

Зов звёзд! Остап Искра хорошо знал, что это такое. В ясную ночь не можешь заснуть, до галлюцинаций отчётливо представляя сумеречные блики на полированном корпусе космолёта и раскалённый, голубоватый от большой скорости рой звёзд впереди. Мысли становятся спокойны и величественны, забываешь о трудностях пройденных парсеков пустоты, о сосущем сердце одиночестве, и остаётся только одно: а что там, у самой яркой звезды? Этот призыв возник из благороднейшего и высокого стремления человека вперёд. Не раз он срывал с Земли, бросал в пространство и Остапа Искру.

«Надо ждать. Возможно, через полвека и удастся снарядить экспедицию в загадочную Г-1920. А пока — увы, увы!»

Тогда шесть человек заявили: «Мы полетим к Г-1920! Полетим не через полвека, а сейчас — на звездолёте, который будет иметь скорость всего 0,8 световой!»

Впрочем, сначала их было только трое: инженер-космостроитель Иван Корнев, конструктор Стефан Март и межпланетник Антон Летье. Они обнародовали свой проект и программу полёта на ракете-мастерской.

Звездолёт-мастерская... Искра вспомнил фото этих троих, найденные им в картотеке астронавтов. Рассматривая их, Остап удивлялся. Ну, Антон Летье, тридцатидвухлетний ас номер один, разумеется. Тонкие черты лица, дерзкая улыбка, смелый взгляд, роскошные кудри. Такому всё как игра... Стефан Март смотрел с фото высокомерно и холодно, решительно сжав губы. Тоже, видно, человек честолюбивый и упрямый, готовый косями лечь, но доказать своё. А вот Иван Корнев. Скуластое лицо, коротко подстриженные с проседью волосы, толстые губы, простодушный взгляд, немного выпуклые глаза, мясистый нос. Этот человек казался медлительным, осторожным — из тех, что семь раз отмерят, один отрежут. Трудно было поверить, что именно ему принадлежал столь дерзкий отчаянный замысел.

Через некоторое время к ним присоединились две женщины: Марина Плашек — врач, биолог, ботаник — и девятнадцатилетняя Галина Крон — инженер-радиотехник.

Даже теперь такой смелый проект Звёздный комитет подверг бы сомнению. В пространство должен был подняться не звездолёт, а просто трехсотметровая цистерна с фотонными двигателями, большим запасом материалов, станками, инстру-

ментами, продовольствием... и экипажем из шести человек. Оборудовать звёздный корабль эти смельчаки должны были сами уже в космосе.

«На приключения лучше не рассчитывайте, — предупреждал членов экспедиции Иван Корнев: — лететь придётся годы, десятилетия. Это будни. Пережить их в космосе гораздо труднее, чем на Земле. Жизнь человека делают содержательной труд, творчество. Ни спорт, ни развлечения их не заменят. Вот мы и планируем свой полёт так, чтобы никогда не оставаться без работы, чтобы и в межзвёздной пустоте прикладывать силы, воплощать замыслы, проявлять мастерство».

Словом, Иван Корнев был человеком дела. Он считал, что шесть квалифицированных специалистов,

даже если будут работать не спеша, успеют до финиша у Г-1920 полностью оборудовать звездолёт...

Проект звездолёта-мастерской многих ошеломил. Столько проектных институтов и заводов, сотни тысяч специалистов трудятся над проблемой звездоплавания... И вдруг — на тебе! Обошлись без них. Разгорелись споры.

«Послать людей в космос на таком, с позволения сказать, звездолёте — то же самое, что отправить их прямо на тот свет!» — возмущался известный теоретик астронавтики.

«Экспедиция обречена! Астронавты не смогут развить нужную скорость, и их притянет обратно к Солнцу!» — уверяли другие.

«Если им удастся вылететь из Солнечной, всё равно они не смогут затормозить у звезды!» — предсказывали третьи.

«Даже затормозив у звезды, астронавты не разгонят ракету назад!» — подтверждал ещё какой-то авторитет.

Но наиболее яростно, как свидетельствовали пожелтевшие страницы газет и протоколы заседаний различных комиссий, выступал против проекта Бруно Аскер — физик, математик, кибернетик, выдающийся учёный того времени. Студенты на кинолекциях до сих пор видят этого дородного мужчину, слышат его грубый бас, простую, далёкую от академической изысканности речь. До сих пор на лекциях, конференциях, в научных статьях упоминают то «формулу Аскера», то «метод Аскера», то «эффект Аскера». Теперь он — классик.

А потом случилось непредвиденное: Бруно Аскер вдруг стал шестым участником экспедиции Корнева. Возможно, это и решило судьбу голосования в Звёздном комитете: посылать или не посылать шестерых смельчаков в Пространство.

Астронавты стартовали отсюда, из Астрограда, шестьдесят девять лет назад, в октябрьский день 2048 года.

И вот трое из них вернулись.

Остап Искра тихонько приоткрыл дверь и остановился на пороге комнаты.

Глаза всех троих астронавтов были прикованы к раскинувшимся перед ними горам и морю. Женщины стояли на балконе обнявшись, мужчина немного в стороне облокотился на перила. Искра на мгновение взглянул на всё их глазами, глазами людей, много лет видевших только приборы и чёрное небо в колючих крапинках звёзд. Он тоже, когда вернулся оттуда, жадно впитывал взглядом бело-снежные облака, величаво плывущие близ голубых, синеватых снежных горных вершин; зелёные, пронизанные лучами солнца волны, разбивающиеся о парапет набережной на белые брызги и пену; потоки мчащихся по улицам машин, зелень двухъярусных бульваров, лица незнакомых, но родных людей... Он так же вдыхал терпкий воздух, подставлял тело свежему предвечернему ветру, належавшему с моря.

Остап Искра подошёл к астронавтам.

— Здравствуйте! — произнёс он взволнованно. — Здравствуйте, Галина Крон. Я ведь не ошибся?

Девушка усмехнулась. Её большие синие глаза радостно засияли. Она протянула руку.

— А вы — Марина Плашек?

— Да, здравствуйте, — раздался в ответ приятный чистый голос.

— Стефан Март, конструктор-механик?

— Угадали. — Мужчина энергично пожал протянутую руку. — А вы кто?

— Искра, председатель Звёздного комитета. — Остап прошёлся по комнате, сдвинул кресла в ряд и выкатил их на балкон. — Садитесь... и расскажите, что случилось с вашим звездолётом-мастерской? Куда он подевался? Где ваши товарищи?

— Как? — Галина Крон удивлённо посмотрела на Остапа. — Неужели вы не получили радиограммы? Выходит... — Голос её задрожал.

— Ничего не выходит, Галинка, — сказал Стефан Март, усаживаясь в кресло. — Не забывай, что на Земле прошло... Какой сейчас год, председатель?

— Две тысячи сто семнадцатый.

— Значит, прошло шестьдесят девять лет. В течение этих шестидесяти девяти лет здесь ежедневно происходила уйма событий. Радиограмма могла где-то потеряться.

— Нет, она не потерялась. — Искра достал из кармана лист бумаги, разгладил его на колене. — Точнее, не потерялось то, что дошло до Земли. А дошли, к сожалению, только обрывки... Вот: «...ние, Солнечная!» — вероятно, «Внимание». «Буревестник...» Шумы. «...летит со скоростью ноль девяносто одна от световой...» Выходит, сильно превысили расчётную скорость? — Искра вопросительно взглянул на конструктора Марта.

— Да, — подтвердил тот. — Что там дальше?

— Дальше... дальше шум и несколько слов, которые нельзя разобрать. Затем — «местонахождение...» Снова шум. «Г-1920...» Шум. «...маршрута такие...» Шум. «...яркость звезды...» Шум. «...пропорциональна квадрату расстояния до неё». — Председатель удивлённо посмотрел на астронавтов. — Зачем такое сообщать?

— Яркость звезды уменьшается пропорционально квадрату расстояния до неё! — сердито заметила Марина. — Уменьшается, понимаете?

— Уменьшается?! — Остап Искра потрясённо смотрел на женщину. Прижатый рукой к колену лист бумаги трепетал на ветру. — Та-ак... «Параллакс...» Снова шум. «...уменьшается, повторяю...» Шум снова заглушил несколько фраз. «Столкнулись с... в направлении... видим... исследовать причины этого явления...» — Искра вздохнул и отдал свёрнутый листок Галине Крон. — Вот и всё. Затем начался такой шум, что расшифровать что-либо дальше не смогли даже вероятностные электронно-вычислительные машины¹. Но если учесть, что радиограмма прошла четыре парсека, то и это чудо!

¹ Вычислительные устройства для распознавания и переработки искажённой информации; определяют вероятность появления того или иного сигнала по совокупности остальных сигналов. (Здесь и далее примечания автора.)

Астронавты, склонившись над листком, удивлённо рассматривали его.

— Значит, они всё-таки пролетели! — радостно воскликнула Марина Плашек. — У них всё хорошо!

— А почему такой шум? Может быть, передатчик? — Март вопросительно взглянул на Галину.

— Передатчик был в порядке. В полном порядке! — уверенно произнесла инженер-радиотехник. — Просто, видимо, очень далеко залетели. Предел слышимости. Ведь здесь эфир заполнен радиопередачами...

— «...как доходит к нумизмату стёршийся пятак, или как свет умерших звёзд доходит», — продекламировал Стефан Март. — Ну, приняли вы эту радиограмму — и что дальше? — повернулся он к Искре.

— Мы... то есть не мы. Тогда, в 2078-м, я был в экспедиции. Руководство Комитета, судя по протоколам, зашло в тупик. Во-первых, вы чересчур увеличили скорость при таких-то запасах горючего. Кроме того, потратили горючее на эту радиограмму... Если учесть, что вообще к вашей экспедиции относились скептически...

— Ну, естественно! — Март кивнул головой.

— Словом, решили, что ваш «Буревестник» на пути к Г-1920 столкнулся с каким-то телом, был повреждён и что вы просите помощи. Тогда и снарядили спасательный звездолёт-автомат.

— Да-да, — воскликнул Март, вскочив с кресла. — Спасательный аппарат! Людям же так далеко лететь нельзя! — насмешливо бросил он.

— Между прочим, такие автоматы хорошо себя зарекомендовали, — заметил Искра.

— Летит теперь ваш автомат, врезааясь в звёзды.

— Скажите, товарищ Искра, — вмешалась в разговор Марина, — больше никаких известий не было с «Буревестника»?

— Ну, какие могут быть известия, если корабль погиб неизвестно где! Автомат ни на трассе, ни в предполагаемом районе его не нашёл... Пространство есть пространство! Не могли же мы обшарить всю Галактику... — Искра хотел улыбнуться, но улыбки не получилось. Разговаривая с астронавтами, он чувствовал

смущение. Он был старше и в то же время явно моложе их. Как человек более поздней эпохи, Остап знал гораздо больше, чем астронавты, — и вместе с тем чувствовал себя юнцом перед этими людьми, столько пережившими...

— Пространство есть пространство... — повторила Марина. — А время есть время. Да?

— А вы разве сомневаетесь в этом? — Искра пожал плечами.

— Выходит, старый Бруно был прав, — задумчиво продолжала женщина. — Есть вещи, которые можно узнать только там...

— Что именно? — спросил председатель. — Может, расскажете?

— Да, расскажем. — Стефан Март уселся поудобнее в кресле, посмотрел на всех. — С вашего позволения начну я, потому что в тот день дежурили мы с Корневым...

Часть первая. Призраки времени

1. Открытие

В механическом отсеке раздавались чистые мелодичные звуки скрипок. У каждого астронавта были свои любимые композиторы, свои избранные записи. Иван Корнев любил Третий концерт Бетховена для фортепиано с оркестром и часто его проигрывал. Под эту музыку хорошо работалось и думалось. Вступление скрипок в темпе медленного марша. Потом нежная, певучая мелодия... Сейчас вступит фортепиано...

В динамиках щёлкнуло, и послышался тенорок Стефана Марта:

— Иван, а со звездой что-то случилось...

— Случилось? — Капитан корабля выключил стенок, удивлённо скосился на динамик. — Испортилась, что ли?

— Не знаю. Она не становится ярче.

— Это из-за увеличения скорости, оптический обман. Звезда была оранжевой, потом пожелтела, теперь стала голубой. Эффекты Доплера. Ведь максимальная чувствительность глаза приходится на жёлтый...

— Спасибо, это я тоже хорошо знаю! Но вот сейчас смотрю — и глазам не верю.

— Ну, хорошо, проверь приборами распределение яркости звезды по спектру. Ты ведь понимаешь, что это чепуха?

— Понимаю, Иван, понимаю. В том-то и дело, что я всё понимаю... — Динамики ещё что-то пробормотали и умолкли.

Зазвучало соло фортепиано. Корнев пожал плечами, снова включил электроэрозионный станок. Сине-белые искры начали хлестать лоснящийся латунный цилиндр, выплёвывая в бензол чёрные крошки и муть. Электролезец оставлял глубокий трапециевидный паз. Искры

погасли. Корнев извлёк из ванны станка тёплую втулку, остро пахнущую бензолом, потрогал поверхность паза: шершавая. Вытер втулку губкой, зажал в тиски. Затем вынул из ящика треугольный напильник с мелкой бархатной насечкой и принялся осторожно притирать втулку к грани паза.

Вечная музыка звучала среди вечных звёзд. Сложный ритм концерта Бетховена удивительным образом совпадал с движением рук Корнева. Иван начал даже тихонько напевать.

Всё идёт хорошо, просто на славу: и втулка, и экспедиция, и жизнь! Прошло пятнадцать лет со дня старта, а по внутреннему счёту только девять. Если отбросить время анабиоза, то каждый из них не прожил в звездолёте и четырёх лет... А сколько сделано!

Тогда от стартовой станции на Плутоне удалялась, выбрасывая голубые столбы пламени, трехсотметровая герметичная цистерна. На три четверти она была заполнена аннигилирующим горючим, восьмую её часть занимал склад материалов, продовольствия, инструментов и приборов. В носовом, удручающе пустом и неудобном отсеке, сидели на ящиках шесть астронавтов — четверо мужчин и две женщины. Они посматривали на голые стены с сизыми следами сварки и раздумывали, с чего начать.

— Да-а... — усмехнулся Корнев своим воспоминаниям и бросил втулку в ванночку с чистым толуолом: отмыть налёт масла.

Цистерна «Буревестник» ввинчивалась в пространство. Внутри и снаружи кипела работа. Первые годы трудились все астронавты: сваривали параболические решётки антенн в пустоте под бешено крутящимися звёздами, рассчитывали и паяли схемы, налаживали курсовые и аварийные автоматы, малярничали, прессовали из пластмассы бытовую мелочь, проектировали и монтировали санузел так, чтобы отходы шли на удобрение в оранжерею, работали за станком, отыскивали в гигантских стенах «Буревестника» места утечки воздуха, переплавляли отходы материалов, готовили пищу...

Но с особым увлечением каждый брался за своё любимое дело. Вряд ли кто-нибудь другой из членов экспедиции создал бы такую оранжерею, как биолог Марина. А кто лучше радиста Галины Крон озвучил бы корабль? Теперь во всех отсеках играет музыка. Людей больше не удручает мёртвая тишина пространства. И как Галина всё оборудовала: стереофоническое звучание, полный динамический диапазон! Как будто сидишь в концертном зале!

«Как много может сделать человек!» — думал Корнев. На Земле, когда твой труд растворяется в труде многих, это не так заметно. А здесь — вот она, совершенная звёздная машина, сгусток их труда, мысли, творчества, их корабль, жилище, инструмент для исследования Вселенной! И они, шестеро, создали её за четыре прожитых релятивистских года¹. Теперь работу приходится даже экономить...

Стефан вошёл в мастерскую, посмотрел исподлобья. Он был немного растерян.

— Яркость звезды не увеличилась. Ни в одной части спектра. Следовательно, эффект Доплера ни при чём. Мне кажется... — Главный конструктор утомлённо прищурился. — Мне кажется, яркость даже уменьшилась...

Они только вдвоём дежурили на «Буревестнике». Остальные спали в контейнерах анабиозной установки «Засыпание—пробуждение» при температуре, близкой к абсолютному нулю. Когда самое нужное — обсерватория, энергосистема, оранжерея, система автоматического контроля двигателей, каюты, кухня — было подготовлено, астронавты перешли на режим трехмесячного дежурства по двое. И жизнь, и силы нужно было экономить.

— А скорость? — Корнев вытер руки тряпкой.

¹ По теории относительности, при скоростях, близких к скорости света, ритм всех процессов, в том числе жизненных, замедляется. Для «Буревестника», летящего со скоростью 240 000 км в сек., год равен 19 земным месяцам.

— Нормальная — 0,82 световой. С чего ей меняться? Двигатели выключены. — Стефан пригладил пятернёй редкие волосы. — Слушай, Иван, ты понимаешь что-нибудь? Мы летим к звезде, а она тускнеет! Мы прошли почти половину пути. Г-1920 должна светить втрое ярче, а она...

— Фотоэлементы в порядке?

— А с чего им быть не в порядке? Это же кристаллы.

— Ты всё-таки проверь. Полупроводники, они иногда...

— Хорошо. — Стефан повернулся к двери.

— Подожди! — окликнул Корнев. — Пойдём вместе.

В стометровом коридоре, который вёл мимо рубки управления в носовую обсерваторию, тоже разносились звуки фортепиано с оркестром. Здесь было прохладно — как всегда, когда не работали двигатели. Корнев и Март прошли мимо оранжереи — там пышно цвели розы и пионы, зеленели овощные грядки, выстроились выведенные специально для пассажирских планетолётов карликовые яблони и апельсиновые деревья. Прошли овальные двери кают, люки пищевых холодильников, покрытые инеем двери отсека с установкой «Засыпание— пробуждение» — от неё веял колючий холод. Проходя мимо, Корнев подумал, что через 36 часов они со Стефаном вернут к жизни двух астронавтов, а сами залезут в контейнеры и на три месяца превратятся в куски льда. Да и пора — они уже устали от однообразия пути.

Изогнутые стены коридора были разрисованы от пола до трапа, который заходил на потолок, — им пользовались, когда звездолёт увеличивал скорость и ускорение меняло привычное представление о «верхе» и «ниже». И чего только здесь не было! Закат над тёмно-синим морем, кроваво-красное солнце разлилось рекой между призрачными облаками... Голубой ветер прижимает к жёлтому песку какие-то причудливые растения, срывает и несёт ярко-красные лепестки цветов... Зелёные поля по обе стороны гудроновой дороги, теряющейся где-то у горизонта, а на этой дороге — маленький мотоциклист... Всё нарисовано размашисто и ярко: пилот Антон Летье не любит смешивать краски.

«Что это ты всё Землю да Землю рисуешь? — спросил его однажды Корнев. — Рисовал бы с натуры».

«Вот вернёмся на Землю, тогда буду рисовать звёзды», — усмехнулся Тони.

— Скоро ему негде будет рисовать, — заметил Март.

— Ничего. Закрасит и начнёт по новой.

Март открыл массивную дверь в конце коридора и, казалось, ступил прямо в бешено вращающийся звёздный простор. Корнев, который шёл следом, хоть и знал, что прозрачная полусфера обсерватории крепка, как броня, с инстинктивным страхом шагнул на ступеньки, ведущие в бездну. Здесь тоже было холодно: космос высасывал тепло сквозь полусферу.

— Включить освещение? — спросил Март.

— Не надо, пусть глаза привыкают, — ответил капитан.

Они на ощупь нашли сиденья, закрепились в них ремнями.

Капитан включил противовращение обсерватории.

Звёзды замедлили головокружительный бег. Возникло тошнотворное ощущение стремительного падения — переход к невесомости. Корнев чувствовал, что покрывается липким потом, во рту скопилась слюна. Через силу усмехнулся: на чём только не летал, но так и не удалось побороть в себе приступы морской болезни.

За прозрачной полусферой ярче всех пылал Альдебаран. Из-за огромной скорости корабля он выглядел не жёлто-красным, как с Земли, а голубым.

— Видишь, какой он стал яркий. — Стефан указал рукой на звезду. — Сразу чувствуется, что до Альдебарана уже не 12 парсеков, а восемь. А наша Г-1920 — наоборот...

Через несколько минут их глаза привыкли к темноте, и теперь в свете звёзд можно было не только различить контуры многообъективного телескопа, похожего на дерево с обрубленными ветвями, но и шкалы приборов, риски делений на микрометрических конусах. Болезненный переход к невесомости закончился, астронавты будто окунулись в спокойную, неощутимо лёгкую воду. Конструктор что-то искал в ящике стола, выбрал са-

мый чувствительный фотоэлемент и стал проверять его по стандартной световой точке.

Корнев склонился к окуляру. Россыпь звёзд в круге телескопа стала гуще. Капитан сразу отыскал у перекрестия окуляра неяркую звёздочку. Огромная скорость звездолёта превратила её из оранжевой в бело-голубую. «В чём же дело? Плохо, что мы не следили за ней постоянно, а только наблюдали время от времени. Обычная психология путешественников: для чего наблюдать то, на что вволю насмотришься вблизи? Астрономы знали эту звезду более ста лет, и никто не заметил у неё колебаний яркости. В чём же дело?»

Стефан приладил фотоэлемент к спектроскопической приставке телескопа, настроил.

— Посмотри, Иван.

Корнев увидел радужные полосы спектра на экране, стрелки приборов. Бесспорно, яркость звезды уменьшилась, по крайней мере в три раза. Это было так странно, что капитан растерялся. Приборы показывают правильно, нет сомнений. В то же время как всё это объяснить? «Мы ведь летим к звезде, а не удаляемся от неё! Такого не бывает: звезда, одинаково светящая тысячи — да что там тысячи, миллионы — лет, вдруг начала гаснуть на глазах!» — Корнев всё ещё не мог в это поверить.

И то, что капитан сделал потом, конструктор Март воспринял как оскорбление. Корнев ещё раз тщательно проградуировал фотоэлемент, внимательно осмотрел призмы и линзы в спектроскопе, вытер с них невидимую пыль, затем снова измерил яркость звезды. Результат был тот же...

Капитан задумался.

— Что ты хочешь сделать? — обиженно спросил Март.

— Снова измерить параллакс Г-1920.

— Ты думаешь, что астрономы ошиблись? Расстояние до звезды другое? Этого не может быть.

— Я ничего не думаю. Но проверить надо. — Капитан расстегнул ремни. — Не забудь поставить подпорки под деревья. Сломаются.

Боковые двигатели работали сорок восемь часов, наполняя звездолёт равномерной дрожью и двойным против обычного ускорением. Теперь корабль летел не по лучу звезды Г-1920, а отходил в сторону на 5000 километров в секунду. Через 45 часов смещение стало заметно. Корнев и Март измерили угол, на который сдвинулась звезда.

С молчаливого взаимного согласия каждый отдельно проверил данные и рассчитал расстояние от звездолёта до Г-1920. В другое время оба рассмеялись бы, если бы кто-то сказал, что их так страшно напугает элементарная школьная задача: по двум углам и стороне вычислить треугольник... Но теперь было не до смеха. Астронавты обменялись бумажками.

Они знали, что расстояние от Солнца до звезды Г-1920 было 10,1 парсека. После пятнадцати лет полёта «Буревестника» к звезде с субсветовой скоростью расстояние до неё составляло 13,883 парсека! Расчёты совпали до третьего знака после запятой... Теперь уже не было сомнения: астронавты летели к звезде, видели её впереди — и в то же время удалились от неё, причём как раз на такое расстояние, на которое должны были приблизиться, — на двенадцать световых лет.

Корнев и Март молчали, ошеломлённые этим открытием. Капитан, болезненно наморщив лоб, произнёс через силу:

— Время... Больше нечему быть. Только время.

— О чём ты? — не понял конструктор.

— Об этой звезде. У неё ход времени противоположен нашему. Потому так и случилось. Она не впереди, а позади нас... Полтора десятилетия лететь не туда! — Корнев обхватил голову руками.

Стефан растерялся. Он смотрел на Корневу испуганными глазами.

— Этого не может быть! Ты сошёл с ума! Хотя постой. Если знак времени меняется, то по уравнению Максвелла электромагнитные волны света пойдут не от источника света, а к нему. К нему! А мы и на Земле, и здесь смотрим навстречу волнам... Может, что-нибудь ещё? — Он умолк, напряжённо раздумывая.

Корнев пожал плечами, робко улыбнулся.

— Вот это положение.

— Что же делать? Тормозить?

— Не спеши. Там, где потеряны годы, дни уже ничего не решат. — Капитан встал с кресла. — Посоветуемся с товарищами.

Анабиозная установка «Засыпание—пробуждение» (УЗП) была вторым после оранжереи детищем Марины Плашек. На Земле она начала изучать это дело и взяла с собой несколько десятков кроликов для опытов.

После того, как на «Буревестнике» было оборудовано всё необходимое, все взялись за конструирование анабиозной установки и, наконец, создали её. УЗП могла легко выключать человека из жизни и возвращать к ней. В полёте это очень важно. Жизнь надо было экономить.

Корнев не раз пробуждал товарищей, подвергался этому процессу сам и каждый раз удивлялся тому, как это происходит. По-настоящему недоумение должна была вызывать противоположная операция — засыпание: под влиянием лучей молекулярных генераторов, замедляющих тепловые колебания молекул и атомов, человеческое тело охлаждается так быстро и равномерно, что вода в тканях не успевает кристаллизоваться, — каждая клетка, нерв и мускул живут. Но человек при этом превращается в стеклоподобную глыбу. Это было противно и страшно.

А когда во время пробуждения сизый кусок аморфного льда становится живым человеком, это кажется чудом.

Март встал у пульта молекулярных генераторов. Корнев надел асбестовые рукавицы, вкатил на площадку покрытый инеем контейнер с вмёрзшим в лёд человеком. Капитан был сосредоточен и хмур.

Корнев очистил от инея верхнюю стенку контейнера. Там, в прозрачной толще льда, застыл человек. Глаза его были закрыты. Под белой кожей отчётливо выступали мускулы. Антон Летье, или просто Тони, первый пилот.

Иван установил контейнер под рефлекторы генераторов. Стефан повернул выключатель. Мощные потоки электромагнитной энергии прошли лёд и тело. В какой-то неуловимый момент возобновилось тепловое движение молекул. Тело Тони из синего стало бледно-розовым. Звякнули выключенные контакторы.

Но Тони не проявлял признаков жизни. Его обмякшее тело безвольно качалось в воде.

— Что это с ним? — обеспокоился Март.

Корнев хмыкнул, засучил рукава, погрузил руки в воду и энергично пощекотал пилота. Тот сразу вскочил и сел.

— А, это ты, Иван... Пстой, а почему ты? Мы ведь с Бруно дежуриим после Галинки и Марины.

Расплёскивая воду, он выскочил из контейнера, тряхнул головой, поправил мокрые волосы. Потом пристально посмотрел на Корнева и Марта.

— Что случилось, ребята? — быстро спросил он.

Вместо ответа Корнев протянул ему полотенце.

— Иди оденься. Соберёмся через тридцать минут в отсеке управления.

Тело Марины Плашек просвечивало сквозь мутноватый слой льда, словно в полумраке. Сейчас она откроет лучистые серые глаза, соберёт в тяжёлый узел пепельные волосы и немного робко улыбнётся. Иван положил руку на край контейнера — холод почувствовался и сквозь асбестовые рукавицы.

Женщины на корабле... Марина, Галя. Обе чудесные, каждая по-своему. Рядом с ними хотелось быть красивым, умным, остроумным. Хотелось нравиться им. Конечно, за общительностью, дружбой скрывались и другие чувства. Но никто не пытался сблизиться. Каждый понимал, что это усложнит жизнь на корабле.

Правда, прятать свои чувства было легче, пока астронавты жили на звездолёте вместе, всё время видели друг друга. А когда начались полугодовые дежурства по двое, «неустойчивое лирическое равновесие», как назвал его Бруно Аскер, могло нарушиться, и капитан

корабля определил: Марина и Галя будут дежурить в одной смене.

...Первым, кого увидела Марина после пробуждения, был Корнев. Она радостно и удивлённо улыбнулась: на щеках появились очаровательные ямочки. Потом девушка заметила Стефана — уголки губ дрогнули, улыбка исчезла.

Отжимая мокрые волосы, Марина заметила:

— Давно я не видела вас такими небритыми, мальчики. Что-то случилось, а?

Корнев смущённо коснулся рукой подбородка и отдёргнул руку, уколовшись о щетину.

— И действительно, не побрились.

...Бруно Аскер даже во льду, казалось, о чём-то размышлял.

— Толстеет физик. Если так пойдёт дальше, то его больше не удастся заморозить, — шутил Март.

Корнев часто спрашивал себя: если бы он, Иван Корнев, сначала яростно напал на проект звездолёта-мастерской, а потом пришёл проситься в состав экспедиции — приняли бы его? Ни за что. Посмеялись бы в лицо. Он человек обыкновенный. Иван это понял давно и не расстраивался зря. Правда, Корнев сделал в жизни немало. Но всё это не имело покоряющего блеска таланта: он умел работать, умел бороться до последнего за то, что, по его мнению, требовалось и было правильным. И только...

А вот Бруно приняли. Бруно Аскер! Этим всё сказано.

Корнев усмехнулся, вспомнив юбилей Аскера — тридцатилетие «плодотворной научной деятельности». В назначенный день у входа в лабораторию (Аскер работал в области ядерного синтеза) собрались учёные, студенты и просто любопытствующие. Бруно вышел из лаборатории в синем, перепачканном графитом и маслом халате. Навстречу ему выдвинулся пожилой мужчина, держа перед глазами бумажку с приветствием. Выступающий торжественно прокашлялся... Но юбиляр пронзил всех язвительным взглядом и начал

первый: «Любовь к круглым датам свойственна людям, которые плохо считают. К тому же я поклонник двоичной системы, а в ней число 30 — не круглое», — повернулся и ушёл.

Проснувшись, Аскер фыркнул, ухватился за борт контейнера и выпрыгнул.

— Заболеваем зеркальной болезнью, физик, — насмешливо бросил ему Март.

Аскер удивлённо уставился на него, вынимая из шкафа одежду.

— Что за болезнь? Впервые слышу.

— Скоро сможешь увидеть свои волосатые ноги только в зеркале, — объяснил конструктор.

— Гм! Остроумно, но... — Бруно легко наклонился и коснулся ладонями пола, — только и всего.

— Шутки шутками, а вообще тебе не мешало бы сбросить килограммов пять, — вмешался Корнев. — Зачем увеличивать конечную массу звездолёта?

— Пока мои пять килограммов не составляют и миллионной доли массы «Буревестника». — Бруно был в хорошем настроении. — Когда нужно будет, похудею... — Достал из штанов сигареты, закурил и пошёл одеваться.

«Уже нужно», — чуть не крикнул ему вдогонку Корнев.

Остался последний контейнер. Иней на нём оттаял, пока размораживали другие. Галина Крон лежала во льду, закинув руки за голову. Корнев пододвинул контейнер к площадке, когда в отсек вошла Марина.

— Капитан, — решительно обратилась она к Корневу, — я давно собиралась сказать тебе. Стефан, выйди, пожалуйста. Мы всё сделаем сами.

Март взглянул на Корнева.

— Хорошо, — сказал тот, — иди, Стефан. — И, когда конструктор вышел, обернулся к Марине.

Плашек немного смущённо улыбнулась.

— Понимаешь... Галина ждёт ребёнка.

У Корнева на мгновение потемнело в глазах. Только этого ещё не хватало. Он внимательно посмотрел на Галину. Да, похоже...

«Кто? Неужели Летье?»

Как-то так получалось, что Крон всегда работала с Тони. А однажды капитан, зайдя в оранжерею, увидел, как Галина растрепала пилоту шевелюру. Тот от счастья был похож на мальчишку. Тогда Корнев не придал этому значения.

— Марина, — капитан чувствовал себя неловко, — но вы же дежурили вместе!..

Он заметил, как женщина закусила губу, а в глазах заиграли лукавые искорки.

«Вот так, капитан. Девушка полюбила — и все твои хитроумные психологические построения разлетелись как пожелтевшие листья под ветром. Неважно, что космос, что это осложнит и без того нелёгкую жизнь всех. Она любит. У неё будет ребёнок. Это выше всех расчётов, всех истин... Надо оберегать её от тяжёлой работы, от перегрузок».

— Иван, они любят друг друга. Любят!

От её взгляда Корневу стало не по себе.

— Да-да. Я понимаю... — Но вдруг вспомнив всё, капитан невольно воскликнул: — Как же это не вовремя!

Марина теперь смотрела на него холодно.

— Вы правы, капитан: это действительно не вовремя... Вы слишком деловой и правильный человек, капитан, чтобы для вас это вообще когда-нибудь было «вовремя»!

Корнев тяжело вздохнул, сдерживая внезапно вспыхнувшую ярость. Покраснев, отрубил:

— Ошибаетесь, биолог Плашек. Я очень люблю детей. У меня не было семьи, но это ничего не значит. А сейчас я вспомнил о дисциплине. И ещё о том, что до ближайшего родильного дома отсюда чуть больше четырёх парсеков.

— Прости, Иван, — тихо сказала женщина.

У Корнева заиграли желваки.

— Становитесь к пульту, Плашек. — И он надел рукавицы, чтоб выкатить контейнер на площадку...

...Отсек управления — самое большое помещение на «Буревестнике». Передняя стенка в экранах, табло, циферблатах, индикаторных лампах. Перед ней — авто-вращающийся пролёт штурманского мостика, закреплённого в дисковых шарнирах боковых стен; на нём стоят скошенные тумбы пультов, усеянные разноцветными кнопками и верньерами, кубы дорожных самописцев, астронавигационных автоматов. Потолок отсека по диагонали пересекает чёрная полоса с фосфоресцирующими пятнышками — звёздная карта. Перо самописца чертит на ней светящуюся зелёную прямую, ведёт её к ярко-оранжевому пятнышку на границе полосы...

«Карту-то придётся исправлять», — мелькнула мысль у Корнева.

Включили верхний свет. Газовые трубки, закрытые шторками фильтров, залили отсек мягким жёлто-зелёным, как в солнечный день в лесу, светом.

Астронавты рассаживались в кресла, стоявшие у стен. Вскоре собралась вся команда. Тони Летье, взглянув на капитана, не утерпел:

— Иван, у тебя вид, как у гоголевского городничего. «Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить пренеприятное известие».

— Ты угадал, — кивнул капитан пилоту. — Я действительно пригласил вас, чтобы сообщить пренеприятное известие. Мы летим... не туда!

— Неплохо сказано, — спокойно пробасил Бруно.

— Я говорю совершенно серьёзно! Мы действительно летим не в ту сторону.

В отсеке сразу наступила гнетущая тишина. Астронавты ошеломлённо смотрели на капитана. Тот рассказал о своих и Стефана наблюдениях.

— Пожалуй, нужно начинать тормозить, — продолжал Корнев. — Я и Стефан сами решить этого не могли. Мы не отважились остановить машину на полпути. Может, кто-то сомневается в правильности наших наблюдений и выводов, может, есть какие-то идеи, как проверить эти данные, может, наконец, кто-то считает, что нужно повторить измерения, — говорите откровенно. Дело серьёзное — не до самолюбия и мелочных обид... Если возражений нет — предлагаю не терять времени тормозить в экономичном режиме. Затем обсудим, что делать дальше.

Поднялся Бруно Аскер; от его благодушия не осталось и следа.

— Я хочу посмотреть записи в путевом журнале. И последние, и старые.

Корнев подал ему стопку тонких синих книжечек. Бруно сразу принялся внимательно их просматривать.

— Слушай, физик! — Тони Летье со всеми был на «ты». — Возможно, ты и найдёшь одну-две мелкие ошибки, но не в этом же дело! Речь не о том, на сколько процентов они ошиблись, измеряя яркость и параллакс Г-1920. Важно, действительно ли мы летим не в ту сторону. А может, здесь что-нибудь другое?

— А я это и проверяю, — не поднимая головы от журналов, буркнул Бруно.

— Может, какие-то изменения пространства? — вслух размышлял пилот. — Например, зеркальное отражение в пространстве.

— Что бы то ни было: зеркальное отражение, обратное время или ещё что-то, — но мы летим не туда, —

сухо подтвердил Март. — Это факт. Надо поворачивать! — И он снова тоскливо уставился в пол.

— Мы удаляемся... Каждая секунда раздумий уносит нас на 390 тысяч километров не в ту сторону... — Марина нервно стискивала пальцы. — Пятнадцать лет лететь не туда!

— Иван, мы же видим звезду Г-1920 там, около группы Плеяд, — звонко сказала Галина. — Видим, понимаешь? Как же поворачивать назад?

— Зажмуриться, — тихо посоветовал Летье.

Стефан поднял голову, укоризненно взглянул на пилота. «Он ещё шутит...» А на самом деле со звездой всё ясно. Законы механики неумолимы. Звезды нет. Надо возвращаться. На Землю, домой. Экспедиция не удалась.

Всё не удалось. К чёрту, домой. Хватит. Стефан вдруг почувствовал, как ему всё здесь опротивело, даже лица и голоса товарищей.

«Ну, что они ещё обсуждают? Просто тянут время. Им нужно привыкнуть к мысли, что там нет звезды. В конце концов, ничего ужасного не случилось. Просто природа поставила человека на своё место. Такое случилось уже не раз. И всегда люди пытаются противопоставить могучим проявлениям сложности мира свой комариный писк. «Мы видим...» — сказала Галина. Ты и в зеркале себя видишь. И очень приятно».

— Ага! — воскликнул вдруг Бруно, вставая. Все повернулись к нему.

— Я искал в журналах идею эксперимента, которым можно проверить, куда мы летим, и нашёл его... Вот записи, — он поднял один журнал. — Помните, в конце второго года полёта мы обнаружили, что курсовой гироавтомат систематически сносит «Буревестник» вправо от звезды? «Ошибка» за два года составила полторы угловых секунды. Тогда Летье и Крон «починили» прибор. И... «исправили» ошибку, перестроив автомат! Но автомат был точен! Он строго вёл звездолёт в том направлении, которое задали ему во время разгона, с учётом того, что скорость звезды Г-1920 отклоняется в сторону в пространстве почти на одну тысячную скорости света. Автомат не врал, врала звезда.

Мы удалялись от неё — и её угловое перемещение уменьшалось. А прибор был настроен на увеличение угла сноса. Вот так...

Бруно сел. Толстые щёки его обвисли.

Ничего не изменилось в отсеке. Так же лился сверху жёлтый свет, так же сидели вдоль стен астронавты. Но теперь каждый понимал: они со скоростью молнии мчатся в неизвестность... Слова Бруно произвели огромное впечатление: если уж он не смог опровергнуть наблюдения Корнева и Марта, значит, они действительно летят не в ту сторону. Начать тормозить? Но это большой расход топлива. Нет, нужно хорошо подумать.

— «Фрегат» летел-летел, не долетел, — нарушил молчание Тони. — «Буревестник» летел... На земле нас засмеют. «Те, что летели не туда» — до смерти останутся за нами.

— Но почему? — подняла пушистые брови Галина. — Мы ведь сделали такое открытие — нашли в пространстве звезду с обратным ходом света!

— Сделали? — Бруно даже подскочил. Его глаза и лысина сияли в свете газовых трубок. — Ты действительно считаешь, что это сделали мы? Интересно, когда же? Когда лежали в контейнерах или отворачивались от фактов, плевали на наблюдения? А может, тогда, когда исправляли гироавтомат? А!?! Мне приходилось испытывать радость открытия. Это был труд, поиск, творчество — и это было настоящее счастье. А теперь я не чувствую ни счастья, ни восторга. Мне стыдно. «Нашли звезду с обратным ходом!..» Не думал, что самый правильный способ поиска — бежать с субсветовой скоростью от объекта поиска!

2. Парадокс Марины Плашек

Небо над городом потемнело, покрылось тучами. Только западный край его подсвечивало жёлтое солнце.

Искра поднялся, тронул рычаг: над балконом развернулся тент. Почти сразу же по нему застучали крупные капли дождя.

— Дождь! — Галина протянула руки, подставляя ладони под крупные капли. — Смотрите, идёт «слепой» дождь.

Косые струи забарабанили по тенту, рассыпались радужной пылью на крышах соседних домов, сотворили мутные пузырчатые ручьи внизу на асфальте. Люди попрятались под деревьями. Улица обезлюдела. Только машины сновали по мокрой автостраде.

Астронавты притихли, жадно всматриваясь в затуманенный город, хмурые горы.

— Сейчас будет молния! И гром! Ну! — воскликнула Галина Крон.

— Молнии не будет, — безразлично сказал председатель. — Это только так, вечерняя поливка улиц. И чтобы воздух стал чище. Дождь через минуту перестанет.

И действительно, вскоре тучи растаяли в синеем небе. Под солнцем заблестели мокрые крыши, над ними и над асфальтом поднялся пар.

— Жаль... — расстроено сказала девушка и снова села.

— Рассказывайте теперь вы, Марина, — предложил конструктор Март. — То, что вы тогда сказали, во многом определило дальнейшие события.

— Если бы я этого не сказала, — мягко улыбнулась женщина, — сказал бы кто-то другой — Бруно, Летье, Корнев или вы... Таковую мысль подсказала мне моя наивность. Свежий взгляд не физика на физические проблемы. И тогда все начали спорить... Понимаете, — Марина обернулась к Искре, — мы столкнулись с опасностью там, где меньше всего её ждали: в космической межзвёздной пустоте, в нескольких парсеках от ближайших звёзд. Да ещё с какой опасностью! О, если бы это было что-то материальное, что угрожало нашей жизни, звездолёту... Если бы мы могли применить свою силу, мастерство, смекалку, даже смелость — как упорно начали бы мы работать, исследовать! Но опасность оказалась гораздо проще и ужаснее. Она скрывалась в нашем незнании. С детства, со школы мы усвоили механику Ньютона — Эйнштейна, все те незыблемые и

ясные истины о пространстве, времени, движении, которые на Земле и в Солнечной системе тысячу раз были проверены на практике, на которых держится представление людей о мире. А когда мы хотели применить эти представления к открытию Корнева и Марта, выяснилось, что они никуда не годятся. И мы вместо того, чтобы принимать какие-то решительные меры, сидели в мчащем нас неизвестно куда звездолёте и спорили. Впрочем, лучше рассказать всё по порядку...

После горячих и страшных своей правдой слов Бруно в отсеке управления вспыхнул спор.

— Ничего не понимаю... — растерянно сказала Марина, глядя на товарищей широко раскрытыми глазами. — Мы открыли звезду, у которой время течёт в обратном направлении? Хорошо. Посмотрим на всё это с логической точки зрения. Допустим, звезда имеет планеты. Допустим дальше, что на планете есть мыслящие существа... Это ведь логически допустимо, так?

— Ну и что! — воскликнул Летье и выпрямился в кресле.

— А то, что для этих существ их время движется «нормально». По нашему мнению, время там идёт назад, от будущего к прошлому — старики превращаются в юношей и девушек, потом в малышей и так далее. Но это только по нашему мнению, по мнению людей, где система хода времени другая. У тех существ исходная точка и направление хода времени свои. Для них время идёт от прошлого к будущему. Им, пожалуй, казалось бы, что это наше время идёт назад, что мы развиваемся от стариков к детям... Итак, две разные точки хода времени, две противоположные системы, но в пределах каждой — естественная последовательность событий.

— Одну киноленту смотали не с того конца, — заметил снова Тони. — Герой сначала погибает, а потом завтракает.

— Именно так, — кивнула ему Марина. — Пока эти системы не взаимодействуют, такое движение времени вполне устраивает и нас, и тех существ, если они там есть. Но ведь системы взаимодействуют! Мы, напри-

мер, видим «антилучи» Г-1920, видим физическое явление, подчиняющееся другому течению времени...

— Вообще-то полностью изолированных систем не существует, — заметил Бруно. Его тоже заинтересовали рассуждения биолога.

— Теперь допустим, что две системы сближаются. Одна — Г-1920 и её планета. Вторая... ну, например, наш «Буревестник», подлетающий к Г-1920 и её воображаемой планете. Существа на планете заметят наш звездолёт. Будем считать момент, когда нас заметят, за нуль, за начальную общую точку времени... После этого момента для существ с антивременем наступит их прошлое: те дни и годы, когда они ещё не заметили нас. — Марина перевела дыхание. — И наоборот, до этого момента, даже вот сейчас, антивремя разворачивает их будущее в обратном направлении, в то будущее, в котором уже есть воспоминания о прилёте «Буревестника». Итак, хоть мы от Г-1920 на расстоянии 14 парсеков, там знают о нашем прилёте, знают, среди каких созвездий движется «Буревестник», какой он... Именно сейчас разворачивается их будущее до того момента, когда они нас увидят. Выходит, о нашем полёте на той планете знали ещё до того, как мы отправились в путь, стартовали с Земли и даже до того, как мы родились?.. Какая-то «божественная обусловленность»... — Марина растерянно улыбнулась.

— И всё-таки где-то здесь логическая ошибка, — резюмировал Антон Летье.

— «Парадокс Марины»! Неплохо, — усмехнулся Бруно, удобнее усаживаясь в кресле. — Стало быть, незачем туда и лететь. Мы там уже побывали.

— Мы туда не сможем полететь, — промолвил Стефан.

— Подожди, не об этом речь! — Марина встала. — Неважно, как назвать этот парадокс. Не в том дело. Предположить, что у Г-1920 антивремя, — значит прийти к абсурду, к бессмысленному удвоению одного события. По-моему, это имеет не только теоретический интерес. Возможно... — В её глазах зажглась надежда.

— Возможно, мы сейчас что-нибудь поймём, и всё встанет на свои места. Это вы хотели сказать, Марина? — спросил Аскер.

Женщина пожалала плечами.

— Что ж, попробуем... Кто, собственно, первый произнёс слово «антивремя»? — продолжал Бруно. — Кто высказал глубокую мысль, что звезда Г-1920 существует в антивремени?

— Ну, я, — тихо произнёс Корнев. — А что?

— Тогда объясни нам, — физик посмотрел на капитана: — что такое время? Просто время.

— Время — это... Гм... Объективно реальная форма существования развивающейся материи... — Корнев попытался вспомнить институтский курс философии. Он был убеждён в материальности мира и в исследованиях более полагался на здравый смысл, опыт и интуицию. Иван напряг память: — Мир существует в пространстве и времени... Время присуще всем явлениям мира... Устраивает?

— Не совсем, — ответил Бруно, — давай проще и конкретнее, для практического использования.

— Проще? Продолжительность событий — это и есть время. Мы видим, что одно событие, например прыжок кота, происходит быстрее другого, ну хотя бы оборота Земли вокруг Солнца. Из этого делаем вывод: продолжительность прыжка кота меньше, чем продолжительность одного оборота Земли. Поскольку все события имеют длительность, равно как и все предметы — размеры, возникает универсальное понятие времени наравне с понятием пространства... Примерно так.

— Прекрасно, — кивнул Бруно. — А что же тогда антивремя? Антидлительность? Чепуха. Длительность, продолжительность не имеют обратного знака, равно как длина, ширина и высота. Что же всё-таки за зверь — «антивремя»?

— Подождите, Аскер! — воскликнул Корнев. — Ведь время — это продолжительность событий. От начала до конца...

— А антивремя — продолжительность того же события, только от конца до начала? Bravo!

— Где начало того конца, которым оканчивается начало? — глубокомысленно воскликнул Стефан Март.

Словно прохладным ветерком продуло по отсеку. Все оживились: теперь они могли если не действиями, то хотя бы силой мысли сопротивляться обстоятельствам, в которые их загнала Вселенная.

— Не путайте меня! — отчаянно взмахнул руками капитан. — Я вот что имел в виду, когда употребил термин «антивремя». В известной части Вселенной события происходят в более-менее понятной или привычной последовательности. Например, Солнце благодаря термоядерным реакциям, возникающим в его недрах, излучает кванты света. Они расходятся от него. Подчёркиваю, *от* него! Если мы наблюдаем обратную последовательность: свет звезды идёт *к* звезде, — почему же не сделать вывод, что время этой звезды течёт в обратном направлении?

— Потому, что это неправильно! — отрубил Бруно. — Не последовательность событий определяет течение времени. Тут стародавняя путаница. Время — продолжительность событий, больших и малых, простых и сложных. Продолжительность — и ничего больше! Время обуславливается событиями, а не наоборот. А события, их последовательность, развитие, результаты, всё, в том числе и продолжительность, — определяется причинно-следственными связями между явлениями природы... И с точки зрения диалектической причинной связи здесь всё ясно: следствие — то, что звездолёт заметят гипотетические существа Марины, — никогда не наступит раньше причины, то есть прибытия корабля к звезде Г-1920. И нечего тут, как говорится, голову морочить!

— Что ж, может, и так, — сдался Иван.

— Да, это объясняет, — кивнула Марина, — хотя и не всё...

— Нет, я удивляюсь! — вскочил с места Тони. — И тебе, Марина, и тебе, Иван. Профессор давит на вас своим авторитетом — и вы легко отказываетесь от своих идей. А главное — от правильных идей!

— Так или не так, — вздохнул Стефан, — это всё равно ничего не меняет.

Аскер повернулся к Тони, нахмутив лохматые брови.

— Чем сбивать с толку других, пилот, скажите сами, если вам действительно есть что сказать.

— Есть, — вспылчиво принял вызов Летье. — Время — не просто продолжительность событий! И в представлении людей, и в науке — это нечто большее... Это реальность, обладающая разнообразными свойствами. А уравнения в физике, в которые входит символ «t»? А гипотезы о существовании «квантов времени»? — Тони перевёл дыхание. — А гипотезы об антиэнтропийных¹ вселенских процессах, возникающих из текучести времени и влияющих даже на форму планет? Что вы скажете на это, профессор?

— Не морочьте мне голову, юноша! — снисходительно произнёс Бруно. — Какой каскад терминов! Какая эрудиция. Я в своей жизни слушал не одну сотню студентов, которые, не имея настоящих знаний, пытались отделаться трескотнёй о том, чего совсем не понимают. Всем им приходилось сдавать мне зачёты по нескольку раз...

— По сути, по сути, профессор!

— В ваших доводах нет сути, студент! — оборвал Аскер. — В подтверждение невероятной мысли «время — это что-то» вы выдвигаете гипотезы, которые сами нуждаются в доказательствах!

— Пойдите! — остановил их звонкий голос Галины. — О чём вы спорите? Нас ежеминутно относит на десятки миллионов километров куда-то к Плеядам, а

¹ Явления и процессы, предотвращающие «тепловую смерть» Вселенной, которая должна наступить от постепенного выравнивания температуры всех тел (рост энтропии). Учёные полагают, что такие процессы происходят внутри звёзд. Советский астроном Козырев считает, кроме того, антиэнтропийной силой течение времени, но его гипотезу отрицают другие учёные.

вы... — возмущалась девушка. — Нам нужно туда лететь? Там есть звезда?

— Нет! — Бруно сердито промокнул лысину носовым платком.

— Нет, Галинка... — грустно улыбнулся Летье, сразу утратив интерес к спору. — Тут не о чем говорить.

— Хорошо, что хоть в этом все единодушны, — облегчённо вздохнула девушка.

Слова Галины вернули всех к действительности.

— Ладно, поговорили. — Корнев поднялся. — Суммирую. Яркость Г-1920 уменьшилась втрое, а расстояние до неё увеличилось почти на четыре парсека. Это прямые измерения. Бруно дополнил их: угловое смещение звезды уменьшилось. Но достаточно ли этого, чтобы утверждать: звезды там нет? — Капитан указал рукой на оранжевую точку на звёздной карте.

— Конечно, — подтвердил Летье.

— Именно так, — кивнул Март.

— Значит, тормозить! — решительно произнёс Корнев.

Дежурные Корнев и Март отправились на мостик. Все остальные астронавты закрепились ремнями в креслах. Где-то за стеной взвыли, набирая скорость, маховики противовращения: постепенно, словно проваливался пол, исчезла тяжесть. Затем заработали маховики системы маневрирования, направляя звездолёт назад к Солнцу. На большом овальном экране передней стены замелькали созвездия: астронавтов прижало к спинкам кресел. Ещё несколько минут маховики в шахте гироавтомата завывали на разные голоса, успокаивая «Буревестник» в новом положении.

Передняя стена вдруг поднялась и превратилась в потолок. Мостик повернулся на шарнирах, конец его лестницы описал дугу перед лицами сидевших у стены. Собственно, они уже не сидели, а лежали: задняя стенка отсека стала полом. Астронавты расстегнули ремни и закрепили кресла в новом положении. Иван и Март, выверив приборы, спустились к товарищам.

Теперь каждый переживал ощущение полёта. Тяга двигателей не создавала того безмятежно спокойного ускорения, которое свойственно гравитационным полям¹ планет. Сотрясения от микровзрывов аннигилирующих порций антигелия и водяного пара упруго передавались по корпусу «Буревестника», тело чувствовало инфранизкий музыкальный гул.

— Интересно, насколько раньше Ньютона люди задумались бы над тяготением, если бы оно так давало себя знать? — задумчиво произнёс физик.

На его высказывание никто не обратил внимания — все думали о другом.

— Почему так бестолково всё получилось? — грустно глядя прямо перед собой, произнесла Марина. — Почему мы не открыли этого в первые годы путешествия? В первые, а не через пятнадцать!

— То, что мы открыли, противоречит представлениям людей о мире, — объяснил Бруно. — Мы не поверили, что это объективная реальность, и объяснили всё неисправностью приборов... Эх, сколько явлений ещё не открыто только потому, что люди считают погрешностью приборов всё не похожее на то, что им хотелось бы увидеть!

— От вас сегодня веет глубокомыслием, профессор, — иронически заметил Стефан.

— Жаль, что оно не постигло нас раньше, — зло ответил физик. — Тогда бы мы не залетели неизвестно куда!

— Неужели так и вернёмся ни с чем на Землю? — снова разволновалась Марина. — Мы погубим хорошее начинание — сверхдальные звездолёты-мастерские. С таким трудом добились разрешения на полёт, и теперь... Сколько на Земле скептиков! Они сразу завопят: «Ага! Мы предупреждали!» Они истолкуют наше возвращение как поражение. И тема дальних перелётов будет надолго забыта.

¹ Поля, которые образует сила тяжести.

— Марина права, — поддержал девушку Летье. Его глаза сузились от злости. — Хоть эти деятели из «Гипрозвезда» — сразу же поднимут шум: «Вот! Не послушали нас! Летели бы в обычном звездолёте... А то всё у вас не так, как у людей. Даже время!»

Галинка и Марина рассмеялись. Да и остальные немного оживились. Даже мрачный Стефан усмехнулся.

— Да не в том дело: поражение или победа, — сказал физик. — Главное — с чем мы вернёмся на Землю? Какие новые знания о Вселенной принесём людям? Мы ведь летели именно для этого. А теперь знаем даже меньше, чем раньше! «Открытие...» На Земле могут и не поверить в то, что мы станем рассказывать. Что мы принесём с собой? Ведь, кроме наших слов и факта возвращения с середины пути, доказательств никаких!

— Почему молчит капитан? — спросила Галина.

— В самом деле, Иван, что же ты молчишь?

Все обернулись к Корневу. Тот сидел, подперев руками подбородок. Его лицо было в тени, только волосы сияли алюминиевым блеском, да ещё лоснился кончик толстого ровного носа. Корнев распрямился, откинулся на спинку кресла. Черты лица его были крупны, даже несколько размашисты: мясистые губы, массивный подбородок, широкие брови, высокий лоб, немного выпуклые зелёно-серые глаза, которые всегда пристально смотрели на собеседника.

— Кто вам сказал, что мы летим назад?

— Тогда куда же? — воскликнул Тони. — Может, завернём на Альдебаран? Двойная звезда, очень интересные силовые поля! И всего-навсего на два парсека дальше...

— Нет, — решительно возразил Корнев. — Мы полетим туда, куда нас послали, — к звезде Г-1920.

— Куда? Г-1920? — Летье присвистнул. — 14 парсеков до неё и ещё 10 от неё обратно к Земле — почти восемьдесят световых лет пути. А горючее? А время? Может, у тебя в кармане спрятано бессмертие и ты отрежешь нам всем по кусочку?

— Перестань, Тони! — рассердился Корнев. — Я говорю совершенно серьёзно.

В отсеке разом стало тихо-тихо.

— Прости, Иван, но это совсем несерьёзно, — нарушил молчание Стефан. — Три торможения и два разгона. Итак... — размышлял он вслух, — с нашим запасом горючего мы сможем развить скорость не более чем 100 000 километров в секунду — в 2,5 раза меньшую, чем до сих пор. Полёт продлится 240 лет. Уже в первые 60 лет он потеряет смысл. Ведь за это время можно долететь до Земли, а оттуда на новом звездолёте — до Г-1920 и обратно.

— Я всегда восхищался твоей способностью извлекать в уме корень пятой степени, Стефан, — спокойно ответил Корнев. — Так быстро рассчитать режим полёта сумеет не каждый... — Капитан решительно встал с места, посмотрел на товарищей. — Нас послали к звезде Г-1920, и мы обязаны долететь до неё. Надо привезти на Землю не скандальный факт: «Звезды нет!» — а ясные знания или точные всесторонние наблюдения. В случившемся мы сами виноваты. Летели к звезде чужой галактики и должны были быть готовы ко всему, даже к тому, что все наши основные физические понятия полетят кувырком. Должны были, но обнаружили позорную косность мышления... Поэтому мы сами обязаны исправить то, что случилось. Наконец, антигелий, который мы сожгли понапрасну, люди на Земле синтезируют героическим трудом. Этот труд нужно оправдать.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Стефан.

— Я предлагаю уменьшить конечную массу «Буревестника» настолько, чтобы лететь к Г-1920, а от неё к Солнцу, как и раньше, с субсветовой скоростью¹. А для этого придётся демонтировать звездолёт — оставить в космосе лишнее оборудование, приборы, инструменты, продовольствие, обиходные вещи. Надо внимательно всё осмотреть и решить, что именно. Тогда мы не проиграем во времени по сравнению с экспедицией, кото-

¹ Скорость, близкая к скорости распространения света в вакууме.

рую пошлют... — Корнев усилил голос, — вместо нас и после нас.

Конструктор Март нервно барабанил пальцами по подлокотнику кресла.

— Ну, а дальше? — язвительно усмехнулся он. — Ну, опустошим звездолёт. А потом? Летим туда — не знаем куда? Ищем то — не знаем что? Как в сказке! И снова окажемся в дураках.

— Ты серьёзно? — Корнев удивлённо посмотрел на Стефана.

— Да. — Конструктор схватился с места, начал размахивать руками. — Мы столкнулись с наименее элементарнейшим фактом: свет звезды распространяется не в ту сторону. И не можем решить, антивремя это или что-то ещё. Там — сложный мир. А мы прилетели, поудивлялись и улетели назад, ничего не поняв? У нас не хватает знаний, которые помогли бы нам подойти к этой звезде!

— Так что, по-твоему, люди не должны туда лететь? — воскликнула Галина.

— Нет, почему же? — уклонился от прямого ответа Март. — Но надо относиться к этосу делу, как к любой исследовательской работе. Если у тебя достаточно знаний, сил, средств — ты выполняешь её. Если нет, тогда... Вернёмся на Землю, доложим о наших наблюдениях. Пусть люди подумают, решат и подготовят настоящую экспедицию. Лучше мужественно признать поражение, чем нестись неизвестно куда и зачем! — Он сел с видом победителя.

— Зачем всё так усложнять?

— Нет, Стефан прав!

— Неужели учёным на Земле виднее?

— Разве они лучше нас подготовлены?

— Мне даже стало грустно, когда я такое услышал, — побагровел Бруно. — Наверное, Март забыл, для чего мы сюда прилетели. Так что позволю себе напомнить. На Земле надеются, что у Г-1920 мы получим новые нужные знания. Понимаете? — Физик помолчал. — И теперь, когда эта надежда сбылась — неважно как, — Стефан предлагает лететь обратно!

— А я согласна со Стефаном, — неожиданно заявила Марина. — Надо сначала оценить наши знания, а потом решать, что делать. В самом деле, что там, возле этой звезды? С чем мы можем столкнуться? Пока есть только одно предположение: Г-1920 имеет обратный ход времени и всё там происходит наоборот.

«Пока мы спорим, — думал Корнев, — двигатели сжигают антигелий, тормозя лишнюю массу. Но без этого не обойтись. Надо решить наверняка».

— Ладно, — сказал он. — Высказывайтесь.

— Ты и высказывайся, — произнесла Галина. — Ты ведь первый сказал: «Антивремя...»

— Да, действительно... — Иван задумчиво погладил подбородок. — Откровенно говоря, если мне вместо антивремени предложат что-нибудь другое, я легко изменю своё мнение. Теперь я вижу, что всё не так просто... — Капитан немного помолчал. — Давайте вспомним, как создавалось представление о времени. Поначалу был бог Хронос, который поедал своих детей. В этой фантазии древних людей отразилась неповторимость каждого прожитого мгновения. Потом, в средние века, никто особо не задумывался над тем, что такое время. Да и зачем? Ведь жизнь на Земле считалась только досадным эпизодом перед раем на небесах, «где нет ни болезней, ни скорби, ни вздохов...» Потом Исаак Ньютон сказал: время и пространство абсолютны, они существуют независимо от материи и друг от друга, материя вложена в эти божественные категории, как в какой-то ящик. Ход времени одинаков для всей Вселенной... Эти взгляды считали за истину почти три столетия. Затем — великий кризис в физике, опыты Майкельсона, теория Эйнштейна. Оказалось, что время и пространство связаны со свойствами и движением материальных тел. Пространство искривляется и ритм времени меняется, когда тела движутся с гигантской скоростью или мчатся около исполинских, как звёзды, скоплений вещества. Когда-то это считалось чепухой, а теперь — азбука практической астронавтики. Потом долго ничего нового в вопросе о времени не было сказано. Возникали, правда, разные гипотезы, вроде той, что будто бы из вселен-

ского хода времени можно добыть энергию, что должны быть кванты времени, похожие на кванты энергии, но... Бруно прав. Они так и остались гипотезами.

— К тому же скорее фантастическими, чем научными, — добавил Аскер.

— Да... Отсутствие новых знаний о времени и пространстве много кто стал воспринимать как полную ясность в этом вопросе. И вот наши наблюдения. Нам эта «ясность» дорого стоит...

Корнев умолк.

— А всё-таки там, около Г-1920, — антивремя! — не сдавался Тони. — Если есть время, то почему бы не быть антивремени? Время — это реальность! Мы даже знаем свойства этой реальности.

— Интересно, какие? — обрадовался Корнев возможности уклониться от спора.

— Во-первых, время необратимо, — Летье загнул палец. — Оно всегда движется в одном направлении и не поворачивает назад. Во-вторых, время однородно, — пилот загнул ещё один палец. — Одна его секунда ничем не отличается от какой-либо другой. Третье качество — отсутствие одновременности, единого времени во Вселенной. Никакими следствиями из теории относительности, ни умозрительными, ни практическими, невозможно установить, одновременно или нет произошли два события в различных системах. Э, да что там теория! За этими стенами мы видим мир, не единый во времени. Вот Альдебаран, — Тони указал на овальный экран, покрытый россыпями звёзд. — Мы видим его не там, где он сейчас, а там, где он был 50 лет назад, и не таким, каким он стал. А вот, чуть ниже, полыхает белый Ригель. Может, он уже не полыхает — погас... А может, наоборот, — вспыхнул, превратился в сверхновую. Неизвестно. Мы его видим таким, каким он был семь веков назад, причём совсем в другом месте. И звёздная полоса Млечного Пути за нами — центральное ядро нашей галактики, — теперь совсем не такова. Ведь свет оттуда идёт тысячелетия. Такое расположение звёзд там было, когда строили египетские пирамиды...

— Неплохо, совсем неплохо, — пробормотал Бруно.

— Выходит, — горячо продолжал Тони, — разные звёзды и галактики имеют свой ход, а возможно и направление времени. Четвёртое — Иван уже об этом говорил — тела,двигающиеся с субсветовой скоростью, имеют замедленный ритм времени. В сильных гравитационных полях, например, у сверхплотных звёзд-карликов, ритм времени тоже замедляется. И, наконец, шестое: для тел,двигающихся со скоростью света, для фотонов, например, время как будто останавливается совсем. — Летье загнул мизинец на правой руке и помахал обеими руками: — Видите, как много мы знаем о ходе времени? Выходит, во Вселенной есть реальные «реки времени». Они подхватывают своим течением события, явления, миры. Пусть наш Млечный Путь развивается в одном направлении времени: у него одно спиральное строение. А время галактики М-33 бежит в обратном. Получается, что ручей антивремени М-33 ответвился сюда вместе с её звездой Г-1920!

— Хорошо сказал, Тони! — одобрительно воскликнула Марина.

— Особенно про египетские пирамиды! — заметил Стефан.

В углу поднялась толстая, в рыжих волосах рука: Бруно не выдержал.

— Давайте всё-таки подумаем получше о том, что Летье назвал свойствами времени, — начал физик. — Разве это свойства времени? Напротив, это то, что ему несвойственно. Возьмём хотя бы однородность времени. Что это такое? Она означает, что законы физики одинаковы для любых промежутков времени. Согласен, Тони?

— Да.

— Например, соль растворяется в воде зимой и летом, днём и ночью, сейчас, как и миллион лет назад. Следовательно, закон не зависит от промежутков времени, здесь время никак себя не проявляет.

Тони нахмурился.

— Теперь о релятивистских эффектах, — продолжал Бруно. — Начнём с последнего — время для частиц,

двигающихся со скоростью света, останавливается. Не «плывёт»! Это, коллеги, скандальный факт. Выходит, материя, например, фотоны, может существовать и вне времени?

— Но непременно в системе отсчёта, связанной с фотонами! — возразил Летье.

— По теории относительности все системы равноправны, — парировал физик. — Для фотонов важна именно их система... Но главное в другом: в системах, где материя движется со скоростью света, понятие времени невозможно применить. И опять же это ничего не говорит о реальных свойствах времени. Теперь об эффектах торможения ритма времени. Тони сформулировал их неточно. Теория относительности излагает это так: часы, движущиеся с большой скоростью или помещённые в мощное силовое поле, идут медленнее, чем в обычных условиях. При этом под часами понимают не только движение маятника, а вообще какой-то процесс, происходящий в материальных телах: жизнь организма, распад урана, остывание тел, химические реакции. Итак, часы — это любые процессы, происходящие в веществе... — Физик всё больше увлекался. — Почему же мы относим эти эффекты к свойствам времени, а не к свойствам вещества?

— Потому что эффект замедления — общий и одинаковый для любых процессов и веществ! — воскликнул Летье.

— А разве все вещества, — обернулся к нему Бруно, — не состоят из молекул и атомов, а те — из электронов, протонов и нейтронов? Почему не отнести эффект замедления процессов к свойствам частиц вещества?

— И в самом деле, — оживился Корнев. — Тогда замедление приобретает физический смысл! Элементарные частицы взаимодействуют медленнее из-за роста массы при больших скоростях. Они становятся более инерционными.

— Другими словами, о времени как о самостоятельной реальности мы не знаем ничего. О веществе мы знаем многое: его строение, плотность, цвет, способ-

ность вступать в реакции, твёрдость, точки кипения и плавления... О силовых полях, которые образует вещество, знаем тоже немало, хотя большинство из них и не чувствуем непосредственно. Нам известно, что образует поля: электрические заряды, ток, масса; как зависит напряжение полей от расстояния, как они взаимодействуют между собой и с веществом... А вот о свойствах времени как физической реальности никто ничего не знает, потому что нет у него свойств!

Летье скептически усмехнулся.

— Который час, Бруно? — безразлично спросил он. Аскер посмотрел на электрический хронометр, висевший над дверью.

— Семнадцать часов восемь минут. А что?

— Да ничего. Просто интересно, что же вы измеряете, если время — не физическая реальность?

— Давайте посмотрим, что измеряют часы, и вообще измеряют ли они что-нибудь, — спокойно ответил Бруно. — Сравним измерение времени с измерением... ну хотя бы электрического напряжения. В измерительных приборах мы используем какое-либо физическое явление: магнитное поле, отталкивание одноимённых зарядов и т. д. Этот принцип справедлив и для измерения других физических величин — оптических, механических, тепловых. Для измерения всегда используют свойства самой величины. И частица её, пусть самая минимальная, — тратится на измерение... А время? Сказывается ли на часах какое-либо свойство времени? Никогда. В песочных часах действует поле притяжения Земли, влекущее песчинки вниз, а также трение между ними. В маятниковых часах — опять поле притяжения или сила сжатой пружины и сила инерции. В электрических — заряд и разряд конденсатора.

— Всё это только слова, — презрительно бросил То-ни. — А где доказательства?

— Слова?! — Физик решительно подошёл к хронометру, висевшему над дверью. — Летье думает, что измеряет «поток времени» — плавный, непрерывный, могучий, влекущий за собой всё! А если так, то почему этот прибор... отстаёт? — Бруно повернул рычаг на

щитке: блестящая секундная стрелка замедлила бег по циферблату. — Спешит? — Стрелка завертелась так, что за ней стало тяжело следить; закрутились и две другие. — Останавливается? — Щелчок, и стрелки замерли. — Ну, который час, Тони? — В голосе Аскера слышался сарказм. — Где же силы времени? Почему «поток времени» не тянет за собой стрелки? А это что, по-твоему, — он щёлкнул другой переключатель, и стрелки закрутились в обратном направлении, — антивремя?

Стефан и Марина захлопали в ладоши.

Бруно настроил хронометр на нормальный ход и сел.

— Выходит, часы не нужны? — язвительно произнёс Летье. — Они вводят нас в заблуждение, да?

— Не путайте принципиальные вопросы с практическими, пилот! — поднял палец Бруно. — Время существует как продолжительность событий, как форма существования движущейся материи. Как форма, но не как реальность с особыми свойствами, понимаешь? Мы живём в мире, в котором непрерывно происходят события. Нам нужно измерять их продолжительность для того, например, чтобы не опоздать на экспресс «Земля — Луна», чтобы не передержать сталь в конверторе или суп на плите, чтобы поезда не столкнулись на рельсах, мало ли для чего ещё! Как измерить эти продолжительности? Сравнивать с процессами, продолжительность которых уже известна: с вращением Земли вокруг своей оси и вокруг Солнца, колебаниями маятника... Но всё-таки часы показывают время, а не время двигают часы! Итак, нет у нас знаний о свойствах времени, — вздохнув, закончил Бруно. — И о каком же антивремени у Г-1920 может идти речь?

3. Лететь!

Галина повернула кресло к поручням балкона.

Над тёмно-синим морем краешек вечернего солнца расплылся в красную полосу заката. Прозрачная облачная завеса над ней тоже окрасилась в розовые оттенки, а потом стала сизой, беловато-голубой, перешла в густе-

ющий синий цвет. С другой стороны розовели снежные вершины гор. В провалы между ними падали тёмно-синие тени.

Перед тремя астронавтами сидит мужчина, слушает их почтительно и внимательно. Для него всё, что они говорят, далёкое прошлое. А им кажется, что это произошло всего несколько дней назад.

Закончив длинную речь, Бруно Аскер откинулся в кресле, снова вытер носовым платком блестящую от пота лысину.

— Значит, мы ничего не понимаем, да? — сказала Галина. — И кто это сказал, что истина рождается в споре?

Бруно промолчал.

Воцарилась такая тишина, что все услышали низкое пение двигателей. Звездолёт сбавлял скорость, не долетев до цели. Цели не было на месте.

Сверху, на экранированном потолке, послышался мягкий треск: это счётчик Гейгера зафиксировал неизвестно откуда залетевшую космическую частицу.

«Мы сейчас похожи на неё, — подумала Галина. — В пустоте без цели несёмся в никуда... Однако болтовнёй звезду на место не вернёшь, надо что-то делать. Но что? Бруно, Тони, Корнев, один умней другого, а к единому мнению прийти не могут. А я?»

Она встала.

— Иван, позволь мне пойти в радиорубку. Надо проверить электронику.

Корнев кивнул. Галина вышла.

Бруно вынул из кармана сигарету.

— Аскер! — строго сказала Марина. Физик положил сигарету за ухо.

— Но что же там? — задумчиво сказал Корнев. — Должны же мы чем-нибудь руководствоваться, когда окажемся у звезды?

— Причинно-следственной связью событий и явлений, — произнёс Аскер. — В каждом случае нужно докапываться до причин явления, эффекта, противоречия в знаниях. Кстати, ты, Иван, так и поступил. Ты начал

докапываться до причины релятивистского замедления процессов и нашёл её: возрастание массы элементарных частиц вещества. Вещества! В этом, вероятно, всё дело.

— Вот мысль! — воскликнул Стефан.

Физик посмотрел на него затуманенным взглядом.

— Похоже, что «свойства времени» — это, по сути, свойства причинных связей в природе, — продолжал Аскер. — Например, необратимость — якобы некое мистическое свойство времени, бог Хронос, поедающий своих детей. А на самом деле это необратимость причинно-связанных событий: причина предшествует следствию, и наоборот никогда не бывает... Или другой факт — принципиальная невозможность установить одновременность событий. Если события причинно связаны, можно определить, какое из них предшествовало другому. А если они не связаны, этого установить невозможно. Мы всегда и везде — в повседневной жизни и в исследованиях — наблюдаем причинную связь явлений. Изредка мы её понимаем хорошо, иногда плохо, а чаще — только неясно улавливаем... И, видимо, поэтому интуитивно стремимся подменить непрерывный поток самых разнообразных и многочисленных причинно связанных явлений чем-то более простым — течением времени.

Галина открыла овальную дверцу радиорубки и остановилась на пороге. Здесь было её хозяйство: радиопередатчики, трансляционный узел, счётный автомат, блоки контроля всего оборудования звездолёта. Она нажала несколько кнопок: на контрольном щите вспыхнули зелёные лампочки индикаторов, стрелки приборов дружно отклонились вправо. Ни одна красная лампочка не загорелась — значит, всё хорошо.

В никелированной скобе на сером корпусе транслятора торчал букетик сухих коричневых стеблей с цветочными шишечками и сухими скрученными листочками. Он напомнил Галине, что в последний раз она была в радиорубке год назад. Цветы принёс Тони. Девушка взяла стебли — от них шёл печальный запах прели и пыли.

«Прошёл год... На Земле за это время у меня уже родился бы сын. Почему сын? А может, дочь? — Галина улыбнулась. — Нет, пусть сын. Обязательно сын. А тут ещё никто не знает, кроме Марины. Даже Тони...»

И вдруг Галину охватило беспокойство, похолодело в груди. Как же теперь будет? Когда они, как говорит Корнев, улетят к настоящей Г-1920 на опустошённом, облегчённом звездолёте, жизнь станет очень тяжёлой! А ведь она ждёт ребёнка. Ещё недавно мечтала, как будет гулять с ним в оранжерее... Что же теперь будет с оранжереей?

О чём они спорят? Галина швырнула букет в мусоропровод, нажала рычаг на щитке транслятора.

— А что ты скажешь о нашем случае? — спросил динамик глубоким голосом Корнева.

— Распространение света Г-1920 не от неё, а к ней, — раздался громкий бас Бруно. — Конечно, причины и там предшествуют следствию, а не наоборот... Старые и там не превращаются в подростков. На этом держится мир, все миры, как они ни построены. — Он помолчал. — Думаю, распространение антилучей связано с некоей коренной разницей между веществом звезды и веществом наших звёзд. В чём разница? Не знаю и не берусь предполагать.

— Послушайте, а может... — Это раздался тенорок Стефана Марта. — А может... никакой звезды вообще нет?

— Что-о? Как нет? — послышалось несколько голосов сразу.

— Правда... Нет там, где мы её видим. Неужели из этого следует, что она находится в противоположной стороне — там, где мы её не видим?

— А что же тогда это? — закричал Тони.

— Так... Марево. Оптическое явление в пространстве, которое мы по своей тупости не понимаем. Вот и будем гоняться за призраками, будем блуждать по Вселенной, как конь без уздечки.

— Ну, знаешь!

— Совсем перемудрил!

— Марево! А наши наблюдения?

— Если даже там ничего нет, всё равно нужно лететь, — заявил Бруно. — Установить, что там действительно ничего нет. Исследователи мы или не исследователи?

— Да, надо лететь, товарищи! — решительно произнёс Корнев.

— А звезда всё-таки есть! Поверьте старику Бруно! Есть!

— Галинка, ты слышишь? — раздался радостный голос пилота. — Мы летим к звезде!

— Я слышу, Тони, слышу... — Молодая женщина стояла перед динамиком, обхватив руками плечи.

«Что делать? Войти, рассказать им всё, остановить? Нет. Пусть лучше я буду лежать в контейнере УЗП. Когда нужно будет работать, разбудят на несколько дней — и снова. А что, это идея! И на Землю вернусь совсем молодой. — Галина посмотрела в зеркальную поверхность шкалы. — «Кто эта молодая красавица?» — будут спрашивать люди. И никто не поверит, что женщине сто лет!»

Когда Галина вошла в отсек управления, там всё ещё шёл спор.

— Значит, четверо «за», — подытожил Корнев. — А ты, Галина?

— Конечно, за, — ласково улыбнулась девушка.

— Твоё мнение, Март?

Стефан встал, картинно опёрся рукой о кресло и произнёс, чеканя каждое слово:

Надеюсь,
верю:
пройдёт
позорное благоразумие!

— Тебе больше удавалась проза, — холодно заметил капитан.

— Можно и прозой. В глубокой древности это называли: сжечь корабли. — Стефан помрачнел. — Жалко жечь! Сами ведь строили. Но если все «за», то и я не отстану... К звезде так к звезде!

4. Человек в пятой степени

После обеда принялись за дело. Стефан Март заперся в радиорубке, разложил возле себя чертежи и папки, включил счётный автомат. Ему, главному конструктору корабля, нужно было определить, насколько облегчить вес звездолёта, что выбросить в пространство, как демонтировать оборудование.

Бруно Аскер и Галина работали в отсеке УЗП. Тратить 600 дней на торможение и новый разгон до субсветовой скорости с обычным ускорением в $1 g^1$ было теперь недопустимой роскошью. Физик придумал способ сэкономить полтора года.

Галина, нахмутив брови, сосредоточенно припаивала последние проводки к схеме. Физик протягивал провода от электрощита и вставлял в гнезда на панели миниатюрные, похожие на чёрненькие пуговицы кристаллоиды.

— Всё-таки страшновато доверять жизнь даже самым совершенным механизмам, — вздохнул он. — Одна ненадёжная деталь — и мы, обледенелые, будем мчаться миллионы лет, пока не сгорим у какой-нибудь звезды.

— Не пугайтесь, Бруно, — тоненьким голоском заметила Галина. — Уже 15 лет вы только и делаете, что доверяете свою драгоценную жизнь всяким механизмам. И ничего. А тут даже не механизмы — электроника.

— Человеку всё-таки свойственно полагаться на себя, — рассудительно возразил тот, зачищая контакты, — или на товарища. Универсальность, живучесть, талантливость, инициативность — вот что присуще человеку. Это, к сожалению, не свойственно автоматам, девочка...

— Готово! — Галина щёлкнула выключателем. — Попробуем... Ставлю выдержку 10 минут.

¹ Ускорение земного тяготения — $9,8 \text{ м/сек}^2$.

Схема работала чётко. Под лучами молекулярных генераторов вода в контейнере превращалась в ледяной монолит, затем через точно отмеренные электронным реле промежутки времени монолит снова превращался в воду. Галина довольно посмотрела на физика.

— Да, да... — неопределённо пробормотал Аскер. — Теперь попробуем иначе.

Он взял схему и изо всех сил швырнул её на пол. Дюралевая панель погнулась.

Галина схватилась за голову.

— Что вы делаете?!

— А ускорение в 80 g? — объяснил физик. — Такое сотрясение вполне возможно. — А ну, включи теперь! — Он подал погнутую панель.

Как ни странно — автомат работал. Только время выдержки реле произвольно изменилось. Галина вздохнула, взялась перепаивать...

В это время Корнев и Летье лазили по скобам и мостикам в шахте гироавтомата. Над и под ними перекрещивались тускло лоснящиеся валы с маховыми дисками, змеились кабели от электродвигателей.

— Теперь только на них и надежда, — сказал пилот-инженер. — Боковые двигатели выбрасываем, конечно.

Летье был мрачен: они собирались разрушить совершенную систему маневрирования, которую он разработал и которая придавала звёздной машине подвижность живого существа.

— Многое придётся выбросить. Больше, чем оставить. — Капитан ухватился за скобу.

Сверху над шахтой возникла голова.

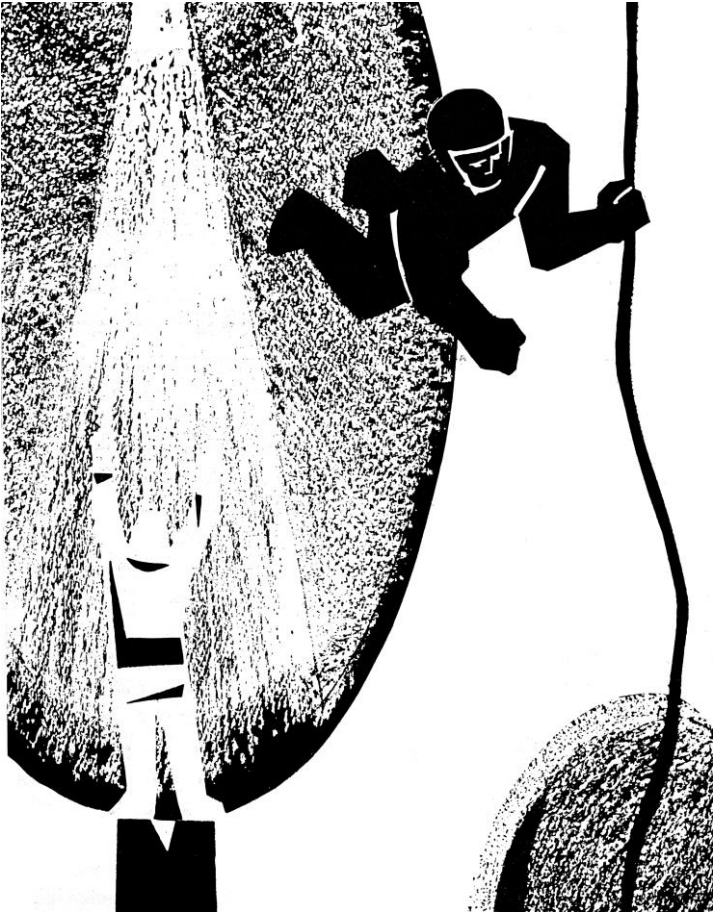
— Иван, ты здесь? — Это был Стефан.

— Да.

— Зайди в радиорубку. — Конструктор был чем-то взволнован. — Здесь такое выходит...

Через полчаса капитан созвал в отсек управления всех членов команды.

Стефан приколол к стене отсека несколько листов ватманской бумаги. Корнев подошёл к чертежу.

— Здесь всё предусмотрено, — сказал он: — что выбрасывать, последовательность демонтажа и прочее. Только... — Он нерешительно посмотрел на товарищей. — Пожалуй, лучше рассказать всё по порядку. Основа расчётов заключается в следующем...

Ему тяжело было начать. Таким угрюмым, собранным и решительным товарищи ещё никогда не видели Корнева. Это насторожило всех.

— На звездолёте есть установки, работающие непрерывно: и во время разгона, и во время замедления, и во время полёта по инерции, и когда мы спим в контейнерах. Вы их знаете: курсовой гироавтомат, астронавигатор, контрольные блоки УЗП. Есть ещё разные мелочи, но эти — основные, без них нельзя. Следовательно, они, точнее, их долговечность определяет срок жизни нашего «Буревестника», а значит, и то, сколько он сможет пролететь...

Мы рассчитывали преодолеть 20 парсеков со скоростью 0,82 световой. Это должно было составить 49 лет по внутреннему счёту времени. На такой срок — округлённо на 50 лет или 450 000 часов работы — мы и спроектировали наше оборудование. И ясно, почему мы не предусмотрели большего запаса долговечности: кто ж знал!? — Корнев грустно улыбнулся. — Оборудование уже прослужило десять внутренних лет. Осталось ему, а значит, и звездолёту ещё 40 лет. Не так уж мало. Но теперь нужно пролететь ещё 24 парсека — 14 к звезде и 10 от неё до Солнца. Дальше всё выводится математически однозначно... — Капитан устало провёл рукой по лицу. — Чтобы уложиться в эти 40 внутренних лет, придётся развить скорость не менее 0,91 световой. А чтобы поддерживать такую скорость с нашими запасами антигелия, надо снизить конечную массу звездолёта во столько раз... — Он посмотрел на товарищей. — Словом, средства к жизни — только на троих, и то в обрез.

Ужасный смысл сказанного не все поняли сразу.

— Для троих? — повторила Марина. — Это значит?

— Это значит, что глубокомысленные разговоры окончены, и мы возвращаемся на Землю, — весело улыбнулся Стефан Март.

— Нет! — Корнев сжал спинку кресла так, что у него побелели пальцы. — Трое из нас должны лететь к Г-1920 и трое — к Солнцу!

Галина вскочила с места, глядя на капитана широко раскрытыми глазами.

— Это жестоко — выбрасывать людей за борт! — воскликнула она дрожащим голосом. — Я не хочу...

— Никто никого силой выбрасывать не будет, — сурово сказал Летье.

Девушка исподлобья посмотрела на него. Её большие глаза влажно заблестели.

— Вот что, — решил Корнев, — устроим жеребьёвку. Чтобы никто не обижался...

Марина подошла к столику, начала громко читать:

— Боковые двигатели... Три четверти запаса воды и пищи. Библиотека. Оранжерея. Каюты. Половина радиопередатчиков. Все станки. Две трети инструментов... Три человека в контейнерах и все личные вещи... Послушайте, а если разведывательную ракету?

— Тогда незачем и лететь! — сказал Летье. — Без неё там не обойтись.

— Ракету и обсерваторию сбросим после исследований у звезды, — добавил Корнев. — Это учтено...

— Неужели ничего нельзя придумать? Чтобы не выбрасываться в пространство? — Марина посмотрела на капитана с такой болезненной надеждой, что ему стало не по себе. — Пусть трое пересидят это время в контейнерах. Всё-таки веселее... И замена, если кто-то заболел, а?

— Нельзя! Пятая степень, понимаете, Марина? — Бруно, сидевший до сих пор, напряжённо согнувшись в кресле, резко выпрямился. — Три торможения, два разгона. Это значит, скорость зависит от пятой степени конечной массы... Наименьшая перегрузка замедлит движение «Буревестника» и увеличит продолжительность полёта. А три человека, их контейнеры и вода — это полторы тонны.

— Три астронавта смогут долететь до звезды при условии, что весь путь будут сидеть в анабиозных контейнерах, — добавил Корнев.

— Но ведь мы не просто масса! Мы люди! — кипела Галина. — Решали сложнейшие проблемы — и на тебе...

— А здесь всё очень просто, понимаешь, — перебил физик. — Просто, ясно и непреложно — стена без лазек. Возможно, около Г-1920 посчастливится раздобыть знания, которые помогут преодолеть и эту стену. Но до звезды надо сначала долететь.

— Да-а... — покачал головой Летье. — Жестокая вещь математика!

— Постойте, — Марина озабоченно посмотрела на товарищей. — А что будет с теми, кто останется за бортом?

— Мёртвый груз нужно выбросить немедленно. А контейнеры с людьми катапультируем, когда разгоним звездолёт до Г-1920. «Буревестник» всё равно будет лететь в направлении Солнца. Лет через пятнадцать контейнеры будут возле Солнечной. Там их перехватят. Из звездолёта, когда он будет пролетать мимо Солнца, дадим радиограмму.

— Встретимся на Земле. — Летье усмехнулся, показав белые крепкие зубы. Но в глазах у него не было радости.

— Мёртвый груз... Живой груз... Ну, что ты говоришь, Иван? — Галина смотрела на него сердито. — Что ты говоришь?

— Прости, не так выразился, Галинка... Да и в этом ли дело! — Корнев, махнув рукой, сел.

— Трое в контейнерах, — сказал Стефан. — Малой скоростью, как неспешный багаж.

— Да перестань ты! — с досадой сказал Летье.

— Что вы дурачков из себя строите! — подхватился с кресла конструктор. — Выбросить в пространство трёх товарищей, выбросить всё, что мы изобрели, что создали своими руками... Этими руками! — Он замахал могучими кулаками. — И ради чего? Чтобы лететь неизвестно куда, возможно, на неизбежную... — У него перехватило дыхание. — На черта эта плакатная жертва? Ах, ах, мы идём до конца, несмотря ни на что! Какие мы герои! Вздор это всё, а не героизм, вот что! Мужественные и честные вернулись бы на Землю, раз ничего не вышло. А если вы так боитесь, что нас будут обвинять в поражении, то вот звездолёт, который мы создали в пустоте! Разве это не успех? А вы хотите его разгромить, всё выкинуть...

— Ну, конечно! — добавил Летье. — Храбрость — это осторожность, принцип разумного малодушия.

— Помолчи, Тони. — Капитан обернулся к Марту, голос его смягчился. — Я тебя хорошо понимаю, Сте-

фан. Понимаю с тех пор, когда мы с тобой только разрабатывали проект этого звездолёта. Тебя увлекла идея создать звёздную машину в необычных условиях — в полёте... Ты конструктор. Прекрасный конструктор, что и говорить. Но звездолёт строят, чтобы лететь. Он не цель, а средство достижения цели. И мы не стыда боимся, не в этом дело. Мы хотим добиться цели, хотим довести дело до конца. Какая же это жертва?

— Хорошо, — примирительно сказал Стефан. — Эти психологические копания ни к чему. Считаю, что меня убедили — не столько твои слова, сколько молчание остальных. — Он обернулся к Летье. — Не в малодуший дело, пилот. Не думал я вернуться на Землю в свежемороженом виде...

— А может, тебе придётся лететь к звезде, — заметил Иван. — Сейчас бросим жребий.

— Да, действительно, — оживился Бруно. — Начнём жеребьёвку!

— Нет, лучше разыграем это дело в карты, а? — язвительно заметил Летье.

— Да будет тебе! — укоризненно бросил ему Бруно.

— Что — будет?! — повысил голос Тони. — С какой стати мы должны разыгрывать судьбу экспедиции? Ведь мы разыгрываем не только дальнейшую роль каждого из нас, но и успех или поражение всего дела. — Он постепенно успокоился. — Ну, скажите откровенно, неужели всё равно, кто полетит к этой звезде, — Марина, Стефан и Галина или Корнев, Бруно Аскер и...

— И ты? — насмешливо добавил Стефан.

— А хотя бы и я! Неужели это равноценные силы для такой экспедиции? Теперь ведь риск неизмеримо возрастет...

— Он прав, — грустно и спокойно сказала Марина. — Это не для меня. Я биолог, врач — там это не главное!

— Что же ты предлагаешь? — спросил капитан у Летье.

— Обсудить и проголосовать.

— Правильно.

— Теперь конкретно, — вскочил ободрённый Летье. — Предлагаю...

— Подожди! — властно остановил его Корнев. — Это мы решим потом. Сначала неотложное: демонтаж, форсированное торможение, разгон... А сейчас — объявляю ночь на восемь часов. Дежурит Стефан. Всё...

Астронавты начали расходиться по каютам.

— «Объявляю ночь!» — Летье шутливо подтолкнул Корнева к двери. — Прямо как Всевышний в первый день творения!

— Эх, Тони, будь я Всевышним... — Иван устало улыбнулся, — я бы сотворил из ничего тонн 50 антигелия. А потом мы бы показали всем богам!

5. Стефан Март

— А как получилось, — спросил председатель Звёздного комитета, — что один ледяной контейнер опередил два других на целые сутки? Кстати, кто из вас находился в этом контейнере?

— Я, — смущённо ответил конструктор Март.

Уже спустилась ночь. На улицах засияли пунктиры белых фонарей, геометрическая огненная россыпь окон, разноцветные линии вывесок и реклам. Огоньки мерцали во влажном воздухе. А наверху мелькали, переливались всеми красками спектра — от красного до голубого — большие звёзды. Спутники Космосстроая вереницей белых шариков пересекали искрящуюся пыль Млечного Пути. Над чёрными тополями набережной плыла Венера.

— Неужели вы стартовали не вместе? Или система катапультирования сработала нечётко?

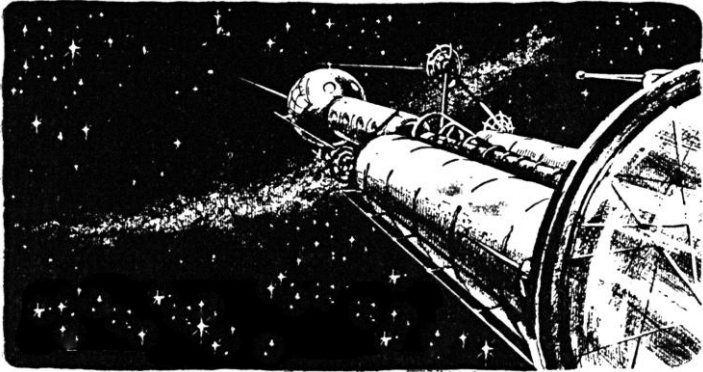
— Система сработала прекрасно. — В голосе Галины Крон почувствовалась насмешка. — Нечётко сработал её конструктор...

Стефан укоризненно посмотрел на девушку.

— Да что там «нечётко»? Моё поведение было возмутительным. Стыдно вспомнить. Запутался я тогда во всём: в себе, в обстоятельствах, в своих идиотских честолюбивых мыслях...

Из-за чёрных гор, увлекая за собой хвост стартового пламени, рванула вверх ракета. Трепетный жёлтый свет на несколько секунд осветил всё вокруг. Хвост огня за ракетой быстро сокращался, устремляясь к звёздам. И только когда ракета исчезла в темноте ночи среди светил и огней Космосстроя, послышался грохот стартового взрыва.

— Больше всего меня угнетает, — произнёс Март, — что и они там сейчас думают обо мне плохо...

«Буревестник» летел сквозь безграничную звёздную ночь. Собственная инерция всё ещё тянула его назад, и он боролся с ней, отталкиваясь от пространства двухсотметровым столбом бело-голубого огня. Будь это в атмосфере, даже в самых высоких слоях, — грохот аннигиляции сотрясал бы скалы и ломал деревья, но чёрная пустота глотала столб беззвучно.

Стефан Март обходил отсеки звездолёта и, заглядывая в список, отмечал мелом места, где завтра команда начнёт развинчивать, резать, ломать... «Так, наверно, католики рисовали кресты на дверях гугенотов перед Варфоломеевской ночью, — подумал он. — Ладно, разметку я сделаю, но сам ломать не буду, премного благодарен!»

Он карабкался по скобам. Теперь, когда двигатели работали, коридор звездолёта превратился в полутора-сотметровую шахту. Снизу тянуло теплом.

Конструкторы из «Гипрозвезда» разинули бы рты, увидев, как он решил задачу с двигателями. «Проект самосъедания звездолёта» — так окрестили когда-то проект эти остряки. А он сделал! И в каких условиях: в космосе, на субсветовой скорости! Теперь пояс аннигиляционных камер силой своей тяги сам понемногу сдвигался вперёд по корпусу «Буревестника», а стенки и перегородки опустевших топливных отсеков вместо того, чтобы висеть на корме ненужным балластом, тоже сгорали. Это изобретение позволило увеличить скорость звездолёта на 6000 километров в секунду.

Деревья оранжереи торчали из плотной земляной стены, словно дула орудий, окутанные зелёным дымом. Стефан взглянул и удивился: кому это пришлось в голову поставить подпорки под ветви? Теперь это уже ни к чему.

«Да это же я и Корнев — ещё когда измеряли параллакс Г-1920», — вспомнил он и грустно улыбнулся. Трое суток прошло с тех пор, трое суток, которые перевернули их жизнь.

Стефан дотянулся до ближайшей карликовой яблоньки, сорвал крупное яблоко, стал разглядывать. Яблоко было зеленоватое, твёрдое, на прозрачной коже проступали белые крапинки. Первые яблоки — они все так ждали их, а теперь никто и не вспомнил. Стефан положил яблоко в карман и полез по скобам выше.

Сверху появились белые овалы дверей. Март остановился, перевёл дух. Жилые каюты. Спроектировал он их наподобие люлек чёртова колеса — с гироскопическим подвесом. В них можно спокойно спать даже во время маневрирования.

«Теперь они уже не нужны». Март начал ставить меловые отметки на едва заметных выпуклостях обшивки — крышках подшипников! И ничего он не покажет на Земле. Всё улетит. Всё погибнет.

Вдруг рука Стефана повисла в воздухе. Постой, а это идея! Проектировать звездолёты так, чтобы, когда станет не нужно какое-либо оборудование, его можно было отсоединить и выбросить! Например, телескопы — в обратном полёте они не нужны, да и вся обсерватория

тоже; достаточно астронавигатора. Зачем же тратить на них аннигиляционное горючее? Только лучше не выбрасывать, а сжигать в двигателях. Да, конечно, — и учитывать это в проектном запасе горючего! Это же новый принцип конструирования звездолётов! Есть с чем вернуться на Землю!

Стефан повеселел. Нет, он не просто масса.

Ему вдруг захотелось декламировать во весь голос, но он сдержал себя: в каютах спят!

Но в каютах не спали.

К Ивану Корневу пришла Марина — пришла, чтобы сказать всё: теперь уже было безразлично, кто первый скажет об этом. Они стояли обнявшись, двое красивых, сильных, суровых людей и молчали. Всё было понятно без слов: он улетит к звёздам, Марина — к Солнцу. Однако они сохранят чувство, которое пришло хотя и поздно, но властно...

Тони и Галина тоже не спали.

— Пусть летят к звезде. А для нас хватит интересных дел и на Земле. Правда, Тони? Правда? Что ты молчишь?

— Эх, искупаться бы сейчас в море... — мечтал пилот. — Я бы заплыл далеко-далеко. А потом жарился бы на солнышке, лёжа на песке.

— А ещё бродить по улицам, смотреть на лица людей...

— Послушай, Галинка, а вообще похоже, что мы знаем карту Метагалактики с точностью до наоборот! Не единственная же такая звезда во Вселенной, да и не одна галактика, пожалуй. Теперь каждую звезду надо подвергать сомнению: там она, где мы её видим, или в противоположной стороне? И звездолётчикам придётся смотреть в оба, чтобы не вышло как у нас. Но всё равно очень интересно, что же там такое? А что если действительно антивремя? И мы, люди с крошечной планеты Земли, овладеем им... Ради этого следует рискнуть. Иван прав. А вообще ничего не случится — все вернёмся. Одни в звездолёте, другие так. Быстрее всего прибу-

дут те, что улетят в контейнерах: закрыли глаза здесь, а открыли уже на Земле. Представляешь, послезавтра будешь на Земле!

— А ты? Ты хочешь лететь туда?

— Конечно! Но не волнуйся. Всё будет хорошо. Семь посадок на Луну, посадки на Юпитер, Плутон, двенадцать рейсов через астероидный пояс между Марсом и Юпитером, без счёта метеорных атак — и, как видишь, целёхонек.

Они помолчали.

— Тони...

— Что?

— Нет, ничего.

— Ты чем-то взволнована, Галинка?

— Нет, это я так. Просто противно подчиняться уравнениям. «Пятая степень!» «Лишняя масса...» Будто я уже не человек, а просто пятьдесят килограммов.

— Тем более что в тебе не пятьдесят, а сорок восемь с половиной...

Бруно Аскер курил сигарету за сигаретой.

«...Думай, физик, думай! Поспать ещё успеешь... Вот ты лежишь в темноте, только сигареты светятся, а за стеной, в нескольких метрах, пустота. Какое понятное слово «пустота»! Ничего, ничегошеньки нет... А учёные веками ломают головы, разгадывая, что это такое...»

Бруно припомнил лекцию Поля Дирака. Москва, 1956 год. Тогда Аскер был ещё мальчишкой, увлекающимся физикой... В зале политехнического института полно людей. Сухой высокий человек, совсем лысый, остроносый, лобастый, с глубоко посаженными голубыми глазами... Один из тех, кто провозгласил революцию в физике, учёный, предсказавший антивещество! Бруно впитывал всё, что он говорил, как сухая земля дождь.

«Каждая точка пустоты, — утверждал учёный, — это энергетическая «яма», заполненная скрытыми элементарными частицами. Чтобы «вынуть» частицу из «ямы», надо придать ей огромную энергию, например, бомбя

пустоту нуклонами¹, разогнанными в синхрофазотронах. На месте той частицы, которая выскочит из «ямы», останется дыра в вакууме — античастица».² И ещё более удивительный вывод из этой теории: вакуум — это энергетическая яма безграничной глубины! В каждой точке его скрывается видимо-невидимо электронов, протонов и нейтронов — полный набор частиц с энергией от «минус mc^2 » до отрицательной бесконечности. Ну, конечно! Так должно быть, чтобы согласно квантовой механике не оставалось свободных уровней отрицательной энергии. Иначе частицы как-то проявят себя, а это противоречит факту, что пустота всё-таки пуста...

Да, здесь учёный схитрил. Правда, сам Дирак даже не пытался философски обосновать свою теорию. Он признавал за истиной утончённость, остроумие. Да, да! «Учёный никогда не знает, насколько близка к истине новая теория, даже если она удачно объясняет какие-либо наблюдения и подтверждается новыми наблюдениями. Но если теория остроумна, а выводы её радуют нас математическим изяществом, то она более близка к истине, чем менее остроумная и утончённая теория. Истина всегда красива и не банальна...»

¹ Частицы ядра — протоны и нейтроны.

² Согласно теории английского учёного П. Дирака пустота (вакуум) заполнена элементарными частицами с отрицательной энергией (включая также энергию, содержащуюся в самой массе частицы — mc^2).

Если придать такой частице энергию больше $2mc^2$, то она превратится в обычную (например, электрон), а на её месте в пространстве появится «дыра» — незапятнанный энергетический уровень. Эта «дыра» и есть античастица, ибо характеристики её, в том числе электрические и магнитные, противоположны обычным частицам (к примеру, антиэлектрон — позитрон имеет положительный заряд).

При столкновении частица и античастица превращаются в лучевую энергию; этот принцип положен в основу идеи «фотонных звездолётов».

Античастицы (антинейтроны, антипротоны, позитроны и т. п.) уже получают экспериментально. Однако их существование само по себе ещё не доказывает правильность теории Дирака.

Ещё тогда у Бруно возникло сомнение: материя без движения — какая же это материя? Он даже послал записку, в которой лукаво спрашивал: «М-р Дирак, а бог есть?» Её не прочли...

Как давно это было! Он успел пройти путь от школьника до учёного, квалифицированного физика. Вещества — и те, что были на Земле всегда, и те, что сотворили люди, — раскрывали ему в лаборатории и в математических расчётах свои глубочайшие тайны. Он сам стал создателем небывалых веществ и поверил в себя.

И вот теперь снова стал школьником...

Там какое-то новое вещество, вокруг этой Г-1920. Какое? Если б хоть крошку и сделать анализ — сразу стало бы ясно. Но её нет. Там — тёмная глыба, впитывающая лучи.

«Думай, Бруно, думай... Мало разрушить представление об антивремени, нужно предложить что-нибудь взамен. Ты должен доказать и себе, и всем, что понадобишься для исследования этой Г-1920. Похоже ведь, что звезда прячет именно то, что ты ищешь, ради чего ты отправился в экспедицию.

Да, ты снова школьник. Начинающий в классе природы. Природа... Она не ограничивает себя лабораторным стендом — творит везде, всегда, нескончаемые миллиарды лет. Её пробырки — звёзды и туманности. Её стенд — пространство... Вздор, что природа вроде как вариант бога! Нет природы — есть развивающаяся материя!

Как трудно сделать вывод, когда его нужно сделать самому! На Земле собрались бы учёные — спорили бы, думали, вычисляли. Скрещивались бы противоположные взгляды, идеи. И, как от удара кремня о камень, высекались бы искры истины.

Но вокруг пустота. В ней происходит круговорот материи: вещество превращается в энергию, энергия — в вещество. В ней возникают, развиваются и умирают галактики, туманности, звёзды. Даже такие удивительные, как эта Г-1920. Нет, конечно, трудно поверить во вселенную Дирака, наполненную скрытыми частицами

с отрицательной энергией. Но что-то в этом есть, если можно получать позитроны, антипротоны, антинейтроны и синтезировать из них антигелий. Думай, физик, думай...»

А «Буревестник» мчался сквозь звёздную ночь. Столб бело-голубого огня за кормой удлинился: Стефан повысил тягу торможения в полтора раза.

6. Иван Корнев

Музыка звучала в звездолёте — в отсеках, в коридоре, в каютах. Но теперь к звукам фортепиано, скрипок, контрабасов, арф всё чаще примешивался стук, скрежет и лязг металла, шипение газовых резаков.

Летье и Бруно Аскер в скафандрах с магнитными присосками на ботинках ползали по необъятному корпусу звездолёта, отделяли газовыми резаками кожухи бортовых двигателей, обнажая многотонные камеры из чёрного ядерного монолита.

— Делали на совесть... Не отдерёшь! — пробормотал Тони в микрофон.

Наконец правая камера тихо отделилась от борта. Звездолёт встряхнуло. Бруно не устоял, сел. Камера зацепилась за выступ выходного люка — корабль вздрогнул от нового удара. Летье подбежал к ней, неестественно стоя под прямым углом к Бруно, стал отталкивать чёрный цилиндр руками. Освободившись от лишнего веса, звездолёт снова рванул вперёд. Камера исчезла за кормой среди огня и звёзд.

— Иван, замедли скорость, а то нас потянет за реактором! — крикнул пилот.

Стефан, уклонившийся от демонтажа, разрушал библиофильмофонотеку. Он разложил в две кучи книги, микрофильмы, магнитные ленты с записями текстов и музыки, рукописи. В одну, предназначенную на выброс, складывал творения, которые ему не нравились, устаревшие проекты и расчёты. Во вторую — то, что хотел оставить. Кучи вышли почти одинаковые. «Много...» —

вздыхнул Стефан и сделал новую ревизию. Вторая куча уменьшилась наполовину. Всё равно много.

Он принялся было снова перебирать книги, катушки и пластмассовые цилиндры с лентами, но вдруг, разозлившись, принялся хватать охапками и швырять в люк переходной камеры всё подряд. Уцелели несколько справочников, коробка плёнок с видами и музыкальными записями и необходимые технические документы. Через четверть часа вслед за библиотекой в космос полетели и дюралюминиевые стеллажи...

Марина со слезами на глазах уничтожала оранжевую. Нелегко было вырастить в условиях межзвёздного перелёта эти замечательные жёлтые, красные и синие розы, надменные пионы, кусты помидоров, огурцы и морковь, яблоки и апельсины. Здесь, в этом живописном уголке земной природы, астронавты часто отдыхали. Сколько труда и изобретательности они вложили в изготовление гироскопических гнёзд-подвесок, чтобы спасти саженцы от сотрясений во время торможений и ускорений!

Теперь через переходную камеру в пустоту летела и флора корабля, и механика! Марина видела в иллюминаторе, как беззвучно лопались в холодном пространстве налитые красным соком помидоры, мгновенно скручивались в чёрные стручки листочки...

«Мы не принадлежим себе. В этом дело. Мы улетели не ради острых ощущений, не из любопытства и даже не ради того, чтобы доказать правоту свою или других. Мы добываем нужные человечеству знания, огромные знания о мире, в котором мы живём. И неважно, кому посчастливится их добывать. Важно — добыть. Важно послужить как можешь этому делу. Утешай себя хоть этим, биолог Плашек. Полетит твоя анабиозная установка».

Наконец Корнев отладил астронавигатор так, что он автоматически менял тягу двигателей. Когда масса звездолёта уменьшилась, задал ему курс. Везде царил беспорядок. Капитан спускался вниз по коридорной шахте — и не узнавал её. За пустыми гнёздами кают виднелись ребристые бока корабля. Мимо прополз

вверх на нейлоновом канате громоздкий куб с кусками кабеля. Капитан не сразу узнал электроэрозионный станок, на котором недавно работал.

А музыка всё звучала в коридорной шахте. Вот нежно, величественно и грустно повела мелодию скрипка, к ней присоединились рожок, фагот и гобой, затем весь оркестр: «Ромео и Джульетта» Чайковского.

...Они встретились посередине шахты. Марина устало шла из оранжереи: комбинезон испачкан, волосы непослушно выбились из-под платка. На площадке молча постояли, прижавшись друг к другу. Иван поцеловал её в глаза, почувствовал привкус соли. «Плакала», — мелькнула мысль. Затем крепко поцеловал руки, маленькие, в ссадинах и в земле. И, не сказав ни слова, пошёл дальше.

Он спустился в самый низ, в ассенизационный отсек. Здесь кончалась жилая часть звездолёта.

В углу Стефан наращивал винипластовую трубку на торчавший из стены отросток.

— Для чего это? — спросил Корнев.

— Для отходов, — коротко и сердито пояснил конструктор. — Оранжереи теперь нет. Пусть идут в топливные камеры, аннигилируют...

— Правильно, — похвалил Корнев. — Давай помогу.

— Сними щиток в левом углу — там магистральный всасывающий вентиль, — мотнул головой Стефан. — Держи отвёртку... Всё-таки какое странное существо — человек, а, Иван?

— Чего? — Капитан, присев, орудовал отвёрткой. — Человек — просто человек, и всё.

В каютах звучала торжественная музыка Чайковского.

Галина резко повернула регулятор. Музыка оборвалась. Девушка отсоединила разъёмы, взяла инструмент и пошла по отсекам снимать динамики.

Площадка у переходной камеры была завалена разными предметами. Тони разбирал каюты. При виде Галины он протянул к ней руки, чтобы помочь пробраться через хаос.

— Галинка, слышишь, Галинка! Вот удивятся где-нибудь в центре Галактики, когда выловят наше кресло, а? «Космический летательный аппарат небывалой конструкции». Будут восхищаться: вот техника, куда нам с нашими спиралодисками...

Девушка посмотрела на пилота, улыбаясь: «Ну какой он ещё мальчишка! Но я именно такого его и люблю...»

— Пстой, — Тони пошарил в карманах, достал кусочек мела, написал на обивке: «Галя + Тони = ?! Привет, жукоглазые! Дышите носом, если он у вас есть». Засунул кресло в камеру, нажал кнопку. — Пусть ломают головы...

Раскрасневшийся и потный, Бруно, сердито поглядывая вокруг, снимал переборки между опустевшими отсеками, сматывал кабели электропроводки, гибкие пластмассовые трубы, подводившие воду и газ, отдирал от стен электрощиты.

Все работали молча и споро, понимая: чем раньше они выбросят в космос вещи, ставшие теперь балластом, тем больше сэкономят драгоценного антигелия.

Впрочем, разрушать проще, чем создавать. Они управились за трое суток. Уцелели только отсек управления, анабиозная установка, электромагнитная катапульта, обсерватория, часть склада биозапасов (еда, вода, кислород), установка для кондиционирования; и ещё лежала в стартовом гнезде на носу одноместная разведывательная ракета «Ласточка». Напоследок астронавты, как смогли, сгладили следы разорения.

Потом все собрались в отсеке УЗП. Двигатели были выключены, звездолёт вращался, создавая центробежную гравитацию.

— Делаем цикл сверхускоренного торможения и обратного разгона, — объявил Корнев. — Через полтора часа астронавигатор переведёт двигатели в форсированный режим. Ускорение 80 g, программу вы знаете. Что ж, — он посмотрел на Марину, коротко улыбнулся, отвёл глаза, — приготовьтесь ко сну. Я — последний...

Астронавты по очереди раздевались, чтобы одежда не повредила тело при замораживании, и погружались в контейнеры.

Импульс излучения превращал их в лёд. Автомат сам включал и выключал генераторы. Капитан отводил покрытые изморозью контейнеры в магнитные гнёзда. Через десять минут он остался один.

Корнев поставил под лучи генераторов свой контейнер, включил ток электромагнитов. Теперь стальные основания контейнеров и генераторных колонн наглухо прикипели к полу и гнёздам; 80-кратная перегрузка не сдвинет их.

Ещё раз всё осмотрел, разделся, выставил на дисках автомата выдержку «120 часов», включил 60-секундную задержку перед срабатыванием системы, вдохнул полную грудь воздуха, нырнул с головой в воду и стал ждать.

Очевидно, он проделал всё это слишком быстро. Или секунды убегали медленнее. Как бы то ни было, Корнев почувствовал, что воздух распирает ему грудь. «Перемудрили Аскер и Крон, — раздражённо подумал он. — Переавтома...

.....
...тизировали! Конечно! Нужно было провести кнопку включения в бак, а не ставить выдержку. Жди теперь! — Он мучился от удушья. Судорожно сжал челюсти и губы, чтобы не втянуть в лёгкие воду. — Что ж такое? Неужели автомат испортился? Может, выскочить из контейнера?»

Но перед глазами вдруг возникла картина, запомнившаяся со времени испытания УЗП: испытуемый кролик освободился от груза, держащего его на дне контейнера, и сильным прыжком выскочил из воды. В этот момент сработали генераторы — и белый комочек, в который, замёрзнув на лету, превратился кролик, звякнул о пол и рассыпался на осколки, как стекло.

В глазах капитана закружились красные круги. От натуги он заскрежетал зубами, изо всех сил оттолкнулся ногами, вылетел из цилиндра и клубком покатился по полу. Поднялся. Плечи и грудь были в багровых ссадинах. «В чём же дело?» Корнев подошёл к автомату. Алюминиевый кожух тускло блестел в свете газоразрядных ламп. Взгляд капитана упал на счётчик автома-

та: цифровые диски, которые он только что установил на «120», показывали «000».

Иван не успел ещё оправиться от недавнего удушья, как у него снова тревожно забилось сердце.

— Неужели прошло 120 часов?

Он оглянулся вокруг. Ничего не изменилось. В прозрачных контейнерах замерли синеватые тела товарищей. Зеркальные антенны генераторов были направлены на цилиндр, из которого Корнев только что выскочил. На полу растеклись лужи воды. Это Корнев расплескал из контейнера.

Капитан подошёл к своему баку, сунул руку в воду: она была немного теплее, чем когда он погрузился. Может, вода нагрелась от его тела?

Неужели он проспал сто двадцать часов? Пять суток? И ничего не заметил! Ничегошеньки... Когда его будили товарищи, это было понятно — значит, прошёл установленный срок. Юношей он служил на морском корабле, и его не раз будили заступать на вахту. Тогда можно было не сомневаться, что предшественник отдежурил положенные четыре часа. А теперь... Корневу стало жутко.

Он старательно обтёрся полотенцем и, напряжённо размышляя, стал одеваться. Было какое-то противоречие между ощущением и сознанием. «Ты только что, несколько минут назад, залез в контейнер, — доказывало ощущение. — Ты сидел в воде и ждал, когда работают молекулярные генераторы. Ты даже подумал, что лучше включать автомат прямо из бака... Значит, ты начал думать эту мысль 120 часов назад, а закончил только что? Бред какой-то! Чуть не задохнулся... И всё это было только что!»

Корнев растерянно пригладил мокрую чёлку. Он же не почувствовал ни замораживания, ни пробуждения. Но так и должно было быть. Ведь эти процессы длятся тысячные доли секунды.

И всё-таки... Между ощущениями «до» и «после» не было разрыва. Ведь за это время произошло много событий! Навигационные автоматы прекратили вращение корабля. Из кормы его вырвалось ослепительное пламя

протяжённостью, наверное, несколько километров. Огромная тяга за пять суток повернула звездолёт назад, в направлении Солнца, изменила его курс. Затем двигатели отключились, автоматы запустили маховики, звездолёт снова завертелся. Цикл форсажа кончился.

«Кончился? А что, если он ещё и не начинался? Анабиозная установка могла не сработать или пробудила меня сразу. Шестерёнки сцепились не так — и выскочило сразу заданное число! Тогда...»

Корнева как обухом по голове ударило: значит, цикл может начаться с секунды на секунду! Невесомость, затем ударят двигатели, и его тело расплющит невидимый пятидесятитонный пресс перегрузки. Тогда погибнут все — их некому будет разбудить: генераторы направлены на его пустой контейнер!

Немедленно действовать! Капитан работал быстро и чётко: заморозил воду в своём контейнере, выключил электромагниты, передвинул под лучи генераторов контейнер Летье, включил электромагниты, снова установил на дисках автомата 120 часов выдержки. Всё. Теперь Тони разбудит всех.

Иван отошёл к стене. Тело напряжённо ждало. Вот сейчас невесомость, потом удар... Так ли ты жил, Иван Корнев? Не страшно умирать?

Не было страшно, только стало досадно и невыносимо жалко себя. «Как всё глупо получилось! Мне 45... Эх, мало пожил, не сделал того, что задумал...»

Прошло несколько минут. Отсек и весь корабль окутывала тишина, только еле слышно шуршал часовой механизм автомата.

Иван со страхом, ожидая удара в 80 g, прошёл в отсек управления. Светящиеся цифры электрокалендаря показывали «3657». Тогда, когда Корнев засыпал, было «3652». Итак, прошло 5 дней. Синяя черта на шкале индикатора скорости дрожала слева от нуля, около отметки «0,3 с». Последние миллиметры светящейся прямой на звёздной карте были толще. «Получается, и торможение и разгон произошли!» — Капитан чувствовал смущение.

«А может, и эти приборы врут? — обожгла мысль. — Может, это какое-то новое влияние Г-1920?»

— Нет, так можно сойти с ума... — пробормотал капитан, направляясь в обсерваторию.

Звёздное небо поворачивалось. Среди множества голубых, жёлтых, белых, оранжевых кружочков ничего нельзя было разобрать. Корнев включил противовращение обсерватории. Небо остановилось.

Прежде тусклые созвездия Скорпиона, Стрельца, Змееносца теперь пылали. Недалеко от Антареса сияло бело-жёлтое Солнце...

Иван измерил эффект Доплера, вычислил скорость корабля. Она составляла 96 тысяч километров в секунду в направлении Солнца.

Затем Корнев вернулся в анабиозный отсек, разбудил товарищей и рассказал им о том, что пережил.

— Надо управлять автоматом из контейнера, — сердито закончил он. — И придумать какую-то сигнализацию, что ли? А то не разберёшь: прошли месяцы или секунды.

— Да-а... — протянул Летье, надевая штаны, и вдруг, поражённый мыслью, замер на одной ноге. — Слушайте! А если бы мы не тормозили от субсветовой скорости, если бы неподвижно висели в пространстве?

— Неподвижно относительно чего? Невозможно висеть неподвижно, — заметил Бруно, вытираясь. — Все тела во Вселенной двигаются друг относительно друга.

— Ну, если бы мы двигались относительно ближайших звёзд с такой же скоростью, как и большинство тел нашей галактики, то есть делали десятки километров в секунду, и не было никаких приборов, часов, могли бы мы определить по внешним признакам, сколько пролежали замороженные в контейнерах: пятьдесят секунд или пятьдесят лет?

— Пожалуй, нет, — сказал физик. — Вот пять тысяч лет от пятидесяти секунд мы бы отличили — по смещению звёзд в созвездиях.

— А если бы, — Тони натянул вторую штанину, встал на обе ноги, — а если бы мы находились в межгалактическом пространстве на расстоянии тысяч парсеков от ближайших галактик? Как тогда?

— Тогда бы мы смогли различать промежутки времени в миллионы лет.

— То есть практически мы бы совсем не заметили ход времени, — подытожил Корнев.

— Вывод: нельзя заметить того, чего нет! — Бруно оделся и принялся убирать отсек. — Нет течения событий — нет и времени. Ещё Ленин писал, что время вне временных вещей — бог. Воистину бог — тот «бег времени», о котором говорит Тони. Бог Хронос, пожирающий своих детей. Тяжёлое наследие античного прошлого. Корнев доказал это экспериментально. Если мы не наблюдаем движения и развития материи, то не можем ничего сказать и о времени...

Астронавты собрались в отсеке управления. Теперь это было единственное более-менее приличное помещение на «Буревестнике». Здесь стало просторнее. Уцелевшие два кресла стояли в углах, повёрнутые сиденьями к стене. Никто не подошёл к ним, не сел.

Корнев, спускаясь с мостика, увидел, что все стоят, прислонившись к стенам, как гости, и жалость сдавила ему горло.

— Ну, что вы как чужие? — Он через силу улыбнулся. — Двигатели перегрелись, два дня будут остывать. Устраивайтесь поудобнее. Времени достаточно и поговорить есть о чём...

— Да, есть о чём, — поддержал его Бруно. — Я хочу доложить команде о своей гипотезе по Г-1920.

— Вот и хорошо! — обрадовался Корнев. Ему очень не хотелось, чтобы товарищи, ничем теперь не занятые, скучали в ожидании разлуки. — Садитесь, кто где сможет. Рассказывай, Бруно.

Сам капитан сел на ступеньку, Марина и Галинка облюбовали кресла. Тони устроился на тюке с постелями. Аскер и Март так и остались стоять. Теперь они казались похожими друг на друга: оба в одинаковых коричневых комбинезонах, невысокие, коренастые, круглоголовые, только и разницы, что один лысый, а другой коротко подстрижен.

— Всё дело в том, что... — начал Бруно. Он приготовил большую, хорошо аргументированную речь с экскурсами в историю физики, но, посмотрев на товарищей, понял, что она здесь неуместна. — Словом, вот что. Вещество звезды Г-1920 состоит из частиц, которые своими свойствами подобны обычным частицам или античастицам, кроме одного: их энергия — отрицательна!

Физик заложил руки за спину и, словно приготовившись к нападению, посмотрел на ошарашенных товарищей.

— Постой, постой, — Корнев наморщил лоб, размышляя. — Вещество Дирака?

— Да, вещество Дирака — вакуум, — кивнул Аскер. — только в более удобном для применения виде. У Дирака в каждой точке вакуума множество частиц с отрицательной энергией. Они там двинуться не могут и потому никак себя не проявляют... Возможно, действительно так и есть, но не во всей Вселенной, а только у скоплений обычного вещества или антивещества. Ведь опытные данные относятся именно к пространству возле Земли и Солнца... А между звёздами — пустота, не заполненная ничем, кроме космических лучей и силовых полей. Это не более противоестественно, чем Вселенная, по самое никуда набитая отрицательными частицами... А если так, то в мировом пространстве могут быть и скопления вещества Дирака с отрицательной энергией, но уже в естественном состоянии — в форме звёзд и планет, атмосферных газов, ядерной плазмы,

минералов, морей и даже живности; говоря языком физики, в форме скоплений частиц, которые движутся и взаимодействуют.

«О чём они говорят? Что они доказывают, когда кричать хочется! Они притворяются: и Иван, и Бруно, и Тони — все! Разве эти абстрактные догадки что-нибудь значат по сравнению с тем, что произойдёт с нами?» — отчаянно думала Галина.

— На черта мне всё это нужно?! — тоном, рассчитанным на скандал, выкрикнул Стефан Март и направился к выходу. Никто не последовал за ним. Астронавты молча проводили его отрешёнными взглядами.

Бруно смущённо заморгал, растерянно усмехнулся.

— Может, и в самом деле не надо? А?

— Нет, надо, — решительно сказал Корнев. — Мы на работе. У нас научный семинар! Давайте дальше... Мне не совсем понятно: если придерживаться постулатов квантовой механики, то такое вещество не может существовать в форме звезды, планеты или ещё чего-то. Частицы с отрицательной энергией не удержатся на высшем энергетическом уровне, если ими не заняты более низкие уровни.

— А с какой стати мы должны строго соблюдать постулаты квантовой механики? Их же в своё время тоже не от хорошей жизни придумали — надо было объяснить новые экспериментальные факты, — громко сказал Летье.

Бруно не ожидал его поддержки и удивлённо посмотрел на Тони.

— А теперь у нас есть новые факты. Зачем беспрекословно приспособливать постулаты к тем видам вещества, для которых они не предусматривались?

— Приятно поражён! — кивнул Аскер. — Нет, Иван, мы не отказываемся от постулатов Бора, Паули и других корифеев квантовой механики. Мы признаём, что частицы пытаются занимать состояние с минимальной энергией и так далее. Но... — Бруно многозначительно поднял палец, — уточним, что понимать под минимальной энергией. Так вот: минимальная энергия частицы — это не бесконечная отрицательная энергия, а энергия, близкая к нулю. Понимаете?

— Не совсем, — сказал Корнев.

— Тогда ещё проще. Частицы с отрицательной энергией — это лишь частицы с отрицательной массой. Действительно, есть положительный заряд электричества, есть и отрицательный, есть северный полюс, но есть и южный. Имеются вещества с положительной массой. Так почему же не быть и с отрицательной? Возможно, в мире они вполне равноправны с положительными...

— Может, сейчас где-то во Вселенной заседают академики, которые состоят из частиц с отрицательной массой, и убедительно доказывают, что миров, где масса имеет противоположный знак, быть не может, потому что частицы с противоположной массой должны самопроизвольно накапливать бесконечную энергию, — снова вставил Тони.

— Вот-вот! — обрадовался Бруно. — Что с вами, Тони? Это противоречит тому, что вы отстаивали до сих пор.

— Вникаю в вашу гипотезу, профессор. Только это не значит, что я согласен с вами.

— Пусть так, — согласился Корнев, — отрицательные массы возможны. Но при чём здесь Г-1920?

— А вот при чём. — Физик повернулся к капитану. — Если Г-1920 имеет отрицательную массу, то по закону Ньютона она будет отталкивать тело обычной массы. Будет отталкивать! Физически это значит, что поле тяготения распространяется не от звезды Г-1920, а к ней! У неё поле гравитационного отталкивания, а не тяготения. Понимаете? Но тяготение — лишь одно свойство, одно проявление того *единого* пространственного поля, которое создают вокруг себя скопления вещества. Другие свойства *единого* поля мы воспринимаем как свет, электрические, магнитные, внутриядерные силы и поля... Пространственное поле этой звезды распространяется наоборот. Все его проявления: свет, поле от электрических зарядов, от магнитов, поля тяготения, ядерных сил.

— Ага! — кивнул Корнев. — Выходит, потому и свет её распространяется не в ту сторону. Что же...

На мостике призывно замелькала лампочка селектора. Все смолкли. Капитан поднялся наверх.

— Иван? — услышал он из динамика голос Стефана.

— Да, я.

— Докладываю: автоматику катапульты проверил, всё хорошо. Ты можешь немного сместить звездолёт, на 0,5 угловой секунды до Солнца?

— Зачем?

— Чтобы контейнеры не оказались на траектории звездолёта. Так они пойдут прямо в цель в пределах орбиты Сатурна. Я рассчитал...

— Что ж, правильно. — Корнев подошёл к пульта, нажал и отпустил кнопку. Коротко завизжал мотор маховика, на угломерной шкале едва сдвинулась светящаяся черта. — Готово, Стефан.

— Спасибо. Вы там ещё не наигрались? А то — карета подана...

Корнев резко повернул регулятор громкости влево. Спустился вниз, сел...

— Кто следующий?

— Ну, ладно, — легонько хлопнул в ладони Тони. — Допустим, Г-1920 состоит из вещества с антимассой. Что же нас там ждёт?

— Во-первых, гравитационное отталкивание, когда будем подлетать к звезде. — Бруно загнул указательный палец.

— Это неплохо, — одобрил капитан. — Звезда будет гасить нашу скорость и поможет разогнаться от неё. Сэкономим горючее.

— Какую-то мелочь. Масса звезды невелика. Её отталкивание будет гасить скорость — сотню-две километров в секунду, — возразил Бруно. — Во-вторых, для ядерных сил отталкивание наших и тамошних нуклонов будет столь же сильно, как обычно их взаимное притяжение. — Он загнул второй палец.

— А это здорово! — отозвался Летье. — Может, удастся разработать новые типы распада ядер? Новые реакции?

— Это было бы здорово, — грустно усмехнулся Корнев. — Особенно если учесть, что в распаде придёт-ся участвовать «Буревестнику» и нам.

— Ещё должно быть взаимное отталкивание молекулярных полей у нашего вещества и вещества Г-1920. Три. — Бруно загнул ещё один палец. — Вот и всё.

— Не густо! — заметил Летье. — А что ты скажешь относительно происходящих в том веществе процессов? Не в полях вокруг него, а в самом веществе?

— Я сказал только то, что мог обосновать, — сухо ответил физик.

— Дорогой профессор, — прищурился глаза, задушевно сказал пилот, — вы ничего нового не провозгласили! Все эти элементарные эффекты можно предположить исходя из гипотезы антивремени. Гравитационное поле, по Эйнштейну, распространяется по законам, подобным законам распространения электромагнитного поля. Если изменить символ времени в уравнениях Эйнштейна, то как раз и получится обратное распространение полей. Такие рассуждения можно применить к любым полям: и к ядерным, и к молекулярным. Что вы скажете на это, профессор?

— Но Бруно обошёлся без парадокса Марины, — возразил Корнев.

— Ах, какое страшное слово... парадокс! — воскликнул Тони. — Парадокс — это лишь противоречие между устаревшими представлениями и новыми фактами. Когда-то утверждение, что Земля круглая, считалось парадоксом. Ещё бы — мы же видим, что она плоская! Выходит, по ту сторону Земли ходят вверх ногами? И то, что Земля вращается вокруг Солнца, считалось бессмысленным и опасным парадоксом... Не надо бояться парадоксов — из них рождаются новые знания. Разве измерения Майкельсона, показавшие, что скорость света не зависит от скорости движения источника света, — не парадокс? А из этого возникла теория относительности! Разве открытие, что электрон имеет и свойства частицы, и свойства волны, — не парадокс? А из этого родилась квантовая механика! Разве открытие, что атом, то есть по-гречески «неделимый», на са-

мом деле делим, — не парадокс? А ведь на этом выросла ядерная физика! И когда-нибудь из удивления Марины, которое нам кажется неуместным, бессмысленным, возникнет новая наука о времени.

— Прекрасно! — восхищённо выкрикнула Марина. — Исходили из разных гипотез: антивремени и антимассы, — а вывели одинаковые эффекты! Вот же, можем разобраться, не наугад летим! — она обвела всех блестящими глазами и села, помрачнев: «Можем», «Летим»... Я-то здесь при чём?..»

Открылась дверь. Стефан Март вошёл в отсек и встал у стены. На лице у него было выражение скуки. Галина долго порывалась что-нибудь сказать.

— Послушайте, — заговорила она. — Если там вещество с отрицательной массой, то мы можем полететь все! Трое из нас — лишняя конечная масса, положительная масса. А там, у звезды, есть отрицательные массы...

— И можно скомпенсировать! — подхватил Летье. — Даже с лихвой! Да это же новый способ звездоплавания!

Так не хотелось примириться с неизбежным, с разлукой, что астронавты поверили в эту возможность. Марина с надеждой посмотрела на Корнева и Бруно. Стефан пробормотал:

— Да и правда...

Тони, судя по выражению его лица, готов был отказаться от своей гипотезы, если Бруно поддержит Галинину идею.

Но Бруно не поддержал её.

— А как мы это сделаем, Галинка? — поинтересовался он.

— Как? Ну, сядем на планету или подорвём с высоты какие-то скалы с антимассой, выловим обломки...

— На какую планету? На ту, что Марина придумала?

— Ну почему же придумала... Вокруг Солнца вращается девять планет, да ещё спутники и пояс астероидов. Многие звёзды имеют планеты.

— Конечно, соблазнительная картина, — прищурил глаза капитан. — Вот мы прилетаем туда. Все. Топлива

осталось мало, только на плохонький разгон. Удивительный мир, мелькают планеты. Возможно, из антимассы, а может, и нет. Но теперь мы не только исследуем — мы боремся за свою жизнь. Для нас вопрос встал по-гамлетовски: быть или не быть? Если мы сможем применить вещество звезды Г-1920 для полёта, хорошо. Если нет — экспедиция погибает. Мы напряжённо ищем, работаем, боремся. Надежды сменяются отчаянием и наоборот. Горючего нет. Кончаются продукты, вода, воздух. Мы умираем в красивых судорогах. Остаётся в живых только самый молодой и самый сильный из нас — Тони Летье. Перед его затуманенным взором встают чудовища. От них пахнет серой, их речь смахивает на сатанинский хохот.

И неожиданно, по всем канонам литературного оптимизма, оказывается, что эти чудовища — хорошие, мирные и суперкультурные обитатели одной из многочисленных планет, которые пророчила Галина. Существа хлопают щупальцами, говорят что-то непонятное. Все оживают. Чудовища передают нам свои знания об антимассе, об антивремени. Заправляют «Буревестник» горючим... И мы, поправившись на чужих хлебах, овеванные славой, возвращаемся на Землю. Эх, почему я не писатель! Я бы всё так и сделал. А поскольку я не писатель, — голос Корнева стал жёстким, — а руководитель экспедиции, то говорю прямо: авантюры не будет!

— Авантюра! И это говорит Корнев, — вмешался Март. — Тот самый Корнев, проект звездолёта-мастерской которого провозглашали авантюрой. Тот Корнев, который теперь устраивает авантюру со звездолётом и... нами!

— Не прикидывайтесь дураком, конструктор! — вскипел Бруно. — Проект не был авантюрой, вы это хорошо знаете! И то, что мы задумали теперь, — не авантюра! Здесь мы рассчитываем на себя, на свои силы, знания, приборы. Авантюра — это когда люди полагаются на милость природы, на счастливое стечение обстоятельств, когда желаемое принимают за возможное, а возможное — за реальность и действуют исходя

из этого. Из предположения о том, что существует антимасса, совсем не следует, что мы сумеем накидать её лопатами полные бункера.

— Какие вы все злые, — тихо сказала Галина.

— Вот что, — устало сказал Корнев, — насильно мы никого из звездолёта не катапультируем. Каждый может сам распорядиться собой. Но к звезде полетим только так, как рассчитывали: чтобы наверняка вернуться на Землю. Если нет — возвращаемся домой ни с чем. Решайте.

— Всё ясно, по-моему, — подняла на него глаза Марина. — Должны лететь Бруно, Летье и ты...

— Летье! А почему Летье? — воскликнул Март. — Хорошо, Иван — командир, организатор экспедиции и прочее. Бруно — исследователь, так сказать, интеллектуальный гигант межзвёздного масштаба... Третьим я прошу послать меня!

— А кто будет вести разведывательную ракету? Из звездолёта всего не рассмотришь... Кто знает, какие там условия? Тони эту ракету собирал, налаживал. В Солнечной имел звание мастера спорта по фигурному пилотированию лёгких ракет.

— Я строил разведывательную ракету вместе с Тони, между прочим! — сказал Март. — У меня тоже звание мастера! — Но тут же прикусил язык.

Кто, как не Тони, научил его водить ракету? Стефан всегда восхищённо смотрел на Антона Летье, «аса планеты», мечтал и сам научиться так сажать ракету «на три точки» в любых условиях, легко делать крутые виражи, когда перегрузка достигает 17 g. Что и говорить, он не может водить ракету лучше, чем Тони.

— Я тоже за то, чтобы летел Тони, — сказал вдруг Бруно.

— Зато... я вешу меньше, чем он! — выпалил Март.

— О боги, ну что мы спорим? — Бруно поднял руки. — Давайте решать!

Какая бы ни была напряжённая обстановка, все засмеялись. Стефан Март огляделся, злой, красный, махнул рукой.

— А ну вас всех! — И выскочил из отсека.

Минуты через две неожиданно мягко качнулся пол, послышался отдалённый лягз.

— Что это? — вскочил Бруно.

— Это Стефан! — Летье выбежал из отсека.

За ним бросились другие.

— Не спешите! — крикнул Иван. — Вы его уже не догоните!

Он поднялся к пультам, включил овальный экран. Круги звёзд образовали тоннель с блестящими сводами. Там, где туннель сходилась, мелькало маленькое тёмное тело. Корнев включил прожектор — тело блеснуло алмазными прямоугольными гранями.

Вошёл пилот и, держа перед глазами листок бумаги, растерянно прочитал:

— «Март сделал своё дело — Март может уйти. Терпеть не могу прощаться. Не знаю, с кем встречу на Земле». — Тони смял бумажку. — Пижон!

— Как глупо всё получилось! — смущённо произнёс конструктор Март. — Мне казалось, что я поступаю очень смело... Теперь мне стыдно.

— И такое бывает иногда, — заметил Остап Искра, — когда люди слишком долго оторваны от Земли. Медики-психиатры называют это «потерей социальной ориентации».

— Вижу, медицина сделала большой шаг вперёд, — усмехнулась Марина Плашек. — Но, по-моему, Антон Летье поставил более точный диагноз.

— А Бруно тогда сказал: «Вот и кончили спор!» — добавила Галина.

— Вот и кончили спор! — сказал физик.

Все вдруг поняли: это случилось. Всё решено.

Людам, с детства поверившим во власть над природой, трудно подчинять свою судьбу математически неумолимым законам той же природы. Вопрос был не в риске — к нему привыкли. Им пришлось разлучиться — не просто разъехаться и потеряться в мире людей, а разлететься здесь, в чёрной пустоте с колючими пятнышками звёзд...

— А я? — раздался из кресла в углу голос, такой тонкий и дрожащий, что капитана резанула по сердцу жалость. — А как же я? Ты улетишь — а я как? — Галина исподлобья смотрела на Летье, и в её больших тёмно-синих глазах блестели слёзы.

Тони грустно посмотрел на неё.

— Ты? Неужели ты хочешь, чтобы я всё бросил? Ты этого хочешь?

Галина с каждым его словом опускала голову всё ниже и ниже.

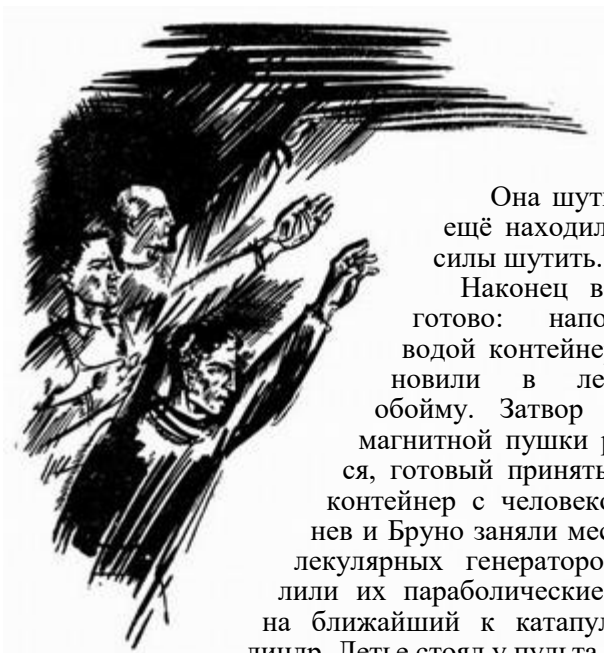
— Перестань! Перестань, слышишь? — Летье вдруг выскочил из рубки, глухо хлопнув овальной дверью.

«Мы карабкались по скалам как одержимые. Срывались и снова лезли. Прыгали через пропасти. О, мы проявили тогда гораздо больше отваги, героизма, чем в тех случаях, которые описывают газеты. Только об этом газеты не писали... Мы не успели. У него было синее лицо, выпученные глаза и — маленькая дырочка в баллоне скафандра. Смерть от удушья. Это произошло на Плутоне за три года до нашего старта, Галинка. Звали его Максим Лихо. Он тоже был пилот, как и я... Не всё по силам человеку, Галя. Тогда я это понял. Понял, но не испугался. В этом, вероятно, и заключается мужество. Я не расскажу тебе, чтобы не огорчать. Чужой опыт никогда не станет своим. Пусть у тебя будет свой опыт, Галинка. Пусть он научит тебя мужеству, девочка...»

По замыслу электромагнитная катапульта должна была выбрасывать только шары — астродатчики. Но когда оборудовали звездолёт, Корнев предложил смонтировать её в одном блоке с установкой «Засыпание— пробуждение». В случае крушения, когда корабль невозможно было бы спасти, катапульта автоматически выбросила бы в пространство замороженные в глыбы льда тела астронавтов.

Теперь она пригодилась.

— Вы осторожнее, ребята, — наставляла Марина. — А то пушка выбросит нас с такой силой, что мы расколемся на куски. А потом на Земле нас с Галиной соберут не так.

Она шутила. Она ещё находила в себе силы шутить.

Наконец всё было готово: наполненные водой контейнеры установили в ленточную обойму. Затвор электромагнитной пушки раскрылся, готовый принять первый контейнер с человеком. Корнев и Бруно заняли места у молекулярных генераторов, нацелили их параболические зеркала на ближайший к катапульте цилиндр. Летье стоял у пульта пушки.

Исчезли улыбки, не слышно ни шуток, ни разговоров. Корнев до боли стиснул челюсти и не отваживался расслабить их. «Надо что-то сказать. Непременно...» Он боялся, что голос не послушается, дрогнет и начнётся бог знает что. Наконец, выдавил из себя:

— Н-ну... До встречи... Мы ещё увидимся. Вы, вероятно, будете на Земле раньше нас. — И с ужасом понял, что сказал совсем не то.

— Иван! — Марина бросилась к нему, обняла тёплыми руками и принялась быстро покрывать поцелуями его лицо.

— Маринка... Хватит, не надо. — Голос Корнева хорошо задрожал. — Перестань, прошу тебя. — Он разнял её руки. — Иди.

Галина тоже рванулась к Летье, но, встретив его напряжённый, сухой и холодный взгляд, сникла... Бруно по очереди молча обнял астронавтов, отошёл к генератору.

Капитан овладел собой, приказал спокойно и властно:
— Раздеться и в контейнеры!

Лишняя вода выплеснулась, на полу образовались лужи.

Астронавты стояли по шею в воде. Вода разламывала их тела — головы казались отделёнными от туловища.

— Галина Крон, приготовься.

— До свидания, товарищи! До свидания, Тони!

Голова Галины ушла под воду. Корнев и Бруно одновременно нажали кнопки генераторов — на них повеяло теплом. Это мгновенно выделилась в виде инфракрасного излучения вся тепловая энергия воды и тела девушки. А уже через секунду повеяло холодом, контейнер оброс колючим инеем.

— До свидания, Галинка... — тихо сказал пилот.

Подождав немного, он перекинул рычажок. Дальше катапульта действовала сама: лязгнув, передвинулась обойма, контейнер лёг в затвор пушки, плоская штанга подала его немного вверх. Удар магнитного поля, от которого шатнуло пол под ногами, выбросил радиоинженера Галину Крон в космос.

— Марина Плашек, приготовься!

— До свидания, Иван! До встречи, товарищи!

Женщина замолчала.

«И что же дальше?» — хотел спросить Остап Искра, но спохватился... Дальше — ничего. «Ничего» продолжалось пятьдесят лет, пока Марина Плашек не открыла свои прекрасные серые глаза здесь, в Астрограде.

Было уже полночь. Автомат городской осветительной сети одну за другой выключал шеренги белых уличных огней. Казалось, ночь стирает светящиеся линии города. Вскоре остались только красные сигналы на радиомачтах, кое-где светились окна в домах, да звёзды сияли в небе.

«Как помочь тем троим? Ведь экспедиция в аварийных условиях... — размышлял Искра. — Послать встречный звездолёт? Разминутся. Да и что это даст? Связаться? Невозможно, пока не подлетят хоть на два парсека поближе. Остаётся только верить и ждать. Если всё прошло нормально, то через три-четыре года они будут здесь. Необходимо установить тщательное наблюдение за этим сектором пространства».

— Смотрите! — Галина показала рукой.

Там, где звёздная россыпь обрывала чёрные зазубрины гор, поднималось созвездие Ориона. Над поясом из трёх ярких мерцающих звёзд оранжевым угольком пылал Антарес.

Остап Искра по-новому смотрел на знакомую звезду. Где-то вблизи неё и таинственная Г-1920 — звезда, впитывающая лучи.

— Скажите, товарищ председатель, — спросила вдруг Марина, — а как бы вы действовали в такой ситуации?

— Серьёзный вопрос! — усмехнулся Остап Искра. — Сразу и не ответишь...

Но астронавты смотрели на него так требовательно, что он понял: пустыми словами здесь не отделаешься. Для них его ответ — оценка экспедиции, их дел и поступков.

Глава Звёздного комитета задумался. Он ещё раз придирчиво перебрал в памяти всё, что знал и что ему рассказали сейчас, и поднял голову.

— Наверное, так же.

Часть вторая. Мужество

1. Мимо Земли

Прошла только минута с того момента, когда в третий раз сработала катапульта, — одна из тех минут, которые запоминаются лучше, чем иные годы.

Астронавты молча прибирали отсек УЗП.

— Тоскливо будет, ребята, — нарушил тишину Бруно.

— Теперь ты сможешь проверить свои расчёты на практике, — отозвался Летье. Он закатал штаны и принялся собирать губкой воду с пола.

— Какие расчёты? — не понял Бруно.

— Насчёт «времени надоедания».

— А-а...

Помолчали.

— Зря ты с ней так... — укоризненно бросил Корнев, поворачивая в сторону башню генератора.

Тони понял, о чём идёт речь.

— Нет, не зря. Может быть, мы не вернёмся. Зачем ей потом любить воспоминание? Будет ждать неизвестно чего. Пусть быстрее выбросит меня из головы. Зачем ей портить себе жизнь!

— А ребёнок?

— Ребёнок?! — Тони замер с губкой в руках, на ноги ему стекала вода. — Да ты что?

— Неужели она тебе ничего не сказала? — удивился Корнев. — Вот это да... чёрт бы вас взял, молодых любовников! — Он сокрушённо хлопнул себя по бокам.

Бруно ошарашенно поглядывал то на Ивана, то на Летье: и он впервые услышал об этом.

Через день двигатели остыли. Контейнеры удалились от звездолёта на восемь тысяч километров, но луч прожектора всё ещё нащупывал их в пустоте. В телескоп Корнев различал мерцавшие среди звёзд блёстки:

они вращались после выстрела катапульты. Вот телескоп едва заметно сдвинулся, блёстки в окуляре исчезли. Это Бруно направил звездолёт на прежний курс. Корнев выключил прожектор. На душе стало спокойно и пусто.

Всё было готово. На дисках автомата выставлено «44600» часов: астронавтам предстоит на пять лет выключиться из жизни. Кнопка включения теперь была выведена в один из баков.

— До встречи у Солнца! — Летёе вскочил в контейнер.

— До встречи!

Капитан заморозил товарищей, влез в прохладную воду своего контейнера, осмотрелся: через пять секунд после того, как включатся генераторы УЗП, погаснет свет, из двигателей ударит столб огня, звездолёт разгонится до скорости 0,91 от световой и будет лететь, тёмный и безмолвный, от оранжевой лжезвезды за кормой. «Выключаю время», — подумал Корнев, набрал в лёгкие воздух, нырнул и нажал кнопку.

«Выключаю время». Корнев невольно чуть было не нажал на кнопку второй раз. Он был почти уверен, что система не сработала. Лишь воспоминание о том, что произошло с ним в прошлый раз, удержало его руку. В отсеке было темно. Вода стала тёплой. Мозг и тело Корнева зафиксировали только два события: погас свет, вода подогрелась.

Капитан осторожно вылез из контейнера, нащупал на стене выключатель, зажёл свет.

Ничего не изменилось в отсеке, только воздух стал немного затхлым и пахло горячим металлом. Корнев снял кожух с автомата. Да, так и есть: латунные винтики позеленели под воздействием воздуха, оловянные спаи в схеме стали серыми.

Прежде чем вернуть к жизни товарищей, капитан зашёл в обсерваторию. Звёздный тоннель, в котором летел «Буревестник», сверкал ярче, побелел. Корнев включил противовращение — тоннель рассыпался в звёздный порошок. Под ногами ослепительно пылала

бело-жёлтая звезда. Из-за невесомости капитану казалось, что он падает на неё. «Солнце. Всё в порядке».

Ждали третий час. Тони, утомившись, пошёл в обсерваторию на корме — посмотреть, как выглядит при такой скорости звёздное небо позади звездолёта. Аскер сел у отдушины кондиционера, смаковал первую после пробуждения сигарету и слушал рассуждения капитана.

— Мы действительно проживаем какие-то обрывки времени, — задумчиво говорил Корнев, опершись локтем на перила трапа. — А на Земле нас уже двадцать семь лет как нет. И не будет ещё семьдесят... Пройдёт почти сто лет, пока мы вернёмся! Сто лет бурной жизни, событий, дел, открытий, изобретений, споров, кипения человеческих страстей — безвозвратно исчезнут. Безвозвратно! Неужели ничего нельзя поделывать? Неужели людям не удастся преодолеть это растрачивание жизни в межзвёздных путешествиях? Всё равно — «течение времени» или ход событий, в которых мы лишены возможности принять участие. Дело не в терминах. Неужели человечеству не преодолеть эту жизненную инерцию мира? Может, там, возле звезды...

Дверь отворилась, на пороге стоял Летье.

— 3-3-3... — начал он, напрягаясь и краснея. Корнев участливо посмотрел на пилота.

— Иван, стукни его чем-нибудь, чтобы не мучился, — бросил Бруно, благодушно пуская синий дымок.

От злости к Тони вернулась речь:

— 3-3-звезды нет!

— Да ну?! — Физик хлопнул ладонью по колену. — Скандал!

— Не понимаю, при чём здесь шутки? — Корнев вслед за Тони бросился к кормовому телескопу.

Бруно с шумом помчался за ними по коридору.

Теперь ослепительные вспышки аннигиляции не мешали наблюдению, видно было всё звёздное пространство позади корабля. Невидимая линза субсветовой скорости искривила и радужкой заломила его по бокам звездолёта. Чёрное небо густо усеяли белые, го-

лубые, жёлтые светила. Позади преобладали оранжевые, красные и вишнёвые звёзды. Удаляясь, они, казалось, исчезали в пространстве.

Звезды Г-1920 не было видно ни невооружённым глазом, ни в телескоп. «Неужели сбились с курса?» — от этой мысли у Корнева пошёл мороз по спине. Сзади негромко фыркнул физик:

— Исследователь Летье! Нельзя так пугать людей. Пусти, Иван. — Физик втиснулся под колпак, насадил на окуляр телескопа инфракрасную приставку, отрегулировал резкость. — Смотрите.

В центре люминесцентного экрана тускло светилась зелёная звёздочка. Корнев облегчённо вздохнул.

— Эффект Доплера, будь он неладен! Звезда превратилась из жёлтой в инфракрасную. Эх ты! — повернулся он к Летье. — «Звезды нет!»

— Да, понимаете... — неловко оправдывался Тони. — От неё всего можно ожидать.

Вернулись в отсек. Корнев поднялся на мостик, покрутил рукоятку на белой панели, наклонился к динамику. Летье и Аскер остановились, следя за ним.

— Ничего?

— Ничего. Только фон. — Капитан сошёл вниз.

— Так, оказывается, ты трус, пилот! — не упустил случая поиздеваться над противником Бруно: — «Звезды нет!» Голосил, доказывал, а при первом же мелком осложнении так испугался, что даже заикаться начал: «От неё всего можно ожидать!» Всего, то есть и того, что она — призрак, как утверждал Март, и того, что, например, сейчас оттуда протянется скрюченная когтистая рука, схватит наш утлый звездолёт и забросит его за тридевять галактик... Так?

— Я этого не говорил, — пробормотал Тони.

— Так ты же изрёк «Всего!» — разгорячился Аскер. — Значит, всякого бреда, всякой чертовщины... Так нельзя, пилот! Иметь философские взгляды — значит быть не только красноречивым, но и мужественным.

— Бруно прав, — сказал Корнев. — Мы не должны ждать от звезды Г-1920 «всего». Это не фантазмагори-

ческий мир вне всяких законов. Разнообразие природы — не произвол, не прихоть. Во всех процессах, явлениях существует глубокая закономерность, которой подчиняются и вещество, и пространство, и время, и тяготение — всё развитие материи от простейших явлений до самых сложных...

— Причинная связь событий — вот что это, — сказал Бруно.

— «Причинная связь», «причины», «следствия»... Бруно употребляет эти слова так, словно знает их значения, как будто все причинные закономерности у него в кармане! — возразил Тони. — А не сможешь ли ты мне, бедному и тёмному, запуганному природой, точно сказать, что это такое? Только точно, повторяю! Приблизительно я и сам знаю.

— Не могу, пилот, ты прав, — сдался физик. — Мы все только чувствуем, что это: на причинных связях основываются наше мышление и поступки. Это действительно какая-то коренная закономерность в развитии Вселенной. Но точно описать её пока никто не может — ни философы, стремящиеся постичь разум, понять эту тайну, ни исследователи, обнаруживающие новые причинные связи в мире.

— Так на чём тогда держится твоё «мужество»? На том, что ты чувствуешь, но не можешь выразить? Это не мужество, а самая обычная наглость!

— Нет, мужество, пилот. И не только моё — каждого настоящего исследователя. Оно держится на убеждении, что во всём в природе можно разобраться, не прибегая ни к господу богу, ни к хаосу. Надо только думать, работать и быть готовым пересмотреть любые знания, даже освящённые веками и авторитетами. И, наконец, оно основывается на ясном понимании цели.

— Цели? — Тони приподнял брови. — А разве процесс исследования, познания, творчества — сам по себе не прекрасная цель?

— Так исследовал бы окрас бабочек! — вспыхнул Аскер. — Изучал бы употребление в XVII веке буквы «ер»!

— Тише! — поднял руку капитан. — Так мы ничего не услышим.

— Знания приобретают не для того, чтобы удовлетворить любопытство, творческие инстинкты, — Бруно понизил голос, — и даже не для достижения абсолютной истины. Разве суть в ней, в абсолютной истине? Знания приобретают для того, чтобы человеку лучше жилось, чтобы человечество развивалось, чтобы оно утвердилось во Вселенной! И мы летим добывать новые знания для людей. Те знания, которые уже не взять от природы на Земле и в Солнечной, сколько ни бейся. Возможно, мы добудем не так много, но и ради этого стоит лететь. На Земле этого и за пять столетий не добьёшься!

— Хороший ты мужик, Бруно Аскер, — неожиданно мягко сказал Тони. — Сильный и ясный...

Физик ошеломлённо посмотрел на него: новый подвох?

— Уважаю такую ясность ума. Ясность, производимую трудом, опытом, исканиями. Завидую тебе, физик.

— Ну, ну, побереги это для моего некролога, Тони... — неловко пробормотал Бруно. То, что сказал пилот, было ему приятно. Он улыбался, разглядывая пол. — Я тоже плутал. Годами бился лбом о стену, пытался в кабинете с помощью только карандаша и бумаги найти «принцип сверхскорости»...

— А что если мы там, около Г-1920, откроем его? — начал мечтать Корнев. — Принцип преодоления пространства, времени...

— И человек сможет путешествовать по жизни туда и обратно! — восхищённо поддержал Летье. — Совершил ошибку или работал несколько лет не в том направлении — вернулся, пережил всё по-другому. А?

— Ну, я не уверен, что такое плутание по жизни целесообразно, — заметил Корнев. — Вот если бы совершать межзвёздные полёты без такого страшного растрачивания жизни — это было бы прекрасно.

— Люди — как боги... — Бруно улыбнулся, погладил макушку. — Всё-таки интеллигент ты, Тони! Каша у тебя в голове. Нет, не будет этого! Наш мир развива-

ется по законам, не зависящим от человеческого желания. Возможно, и удастся превысить скорость света в пустоте, либо достичь температур ниже абсолютного нуля, либо преодолеть необратимое рассеяние теплоты. Но блуждания по жизни туда и обратно... — Он замотал головой. — Это не жизнь, а какой-то мистический интеллигентский мираж! Надо иметь мужество жить и действовать именно так, а не иначе, зная, что сделанного не вернёшь!

Аскер замолчал, прислушался. Тони птицей взлетел на мостик, замер у динамика открытой радиосвязи. Астронавты затихли. До сих пор внешние антенны улавливали только шум радиоизлучения Вселенной — шорох облаков межзвёздного ионизированного водорода, невнятный шёпот угасающих звёзд, излучение далёких галактик. Теперь сквозь этот фон, похожий на отдалённый шелест морского прибоя, пробивались размеренные тонкие звуки: «Пи-и... пи-пи-пи... Пи-и... пи-пи-пи...» Вот «пиканье» прекратилось, а через минуту послышалось снова.

— Приводной радиомаяк, — прошептал Корнев. — Включи противовращение, Тони.

Невесомость. Буревестник неподвижно завис в пустоте, направив, как уши, параболоиды антенн к Солнцу. Сигналы поступали непрерывно.

— Приводной. Номер 186, — расшифровал морзянку Летье.

Бруно осторожно полез по скобам к полке на противоположной стене, взял с неё «Каталог искусственных небесных тел», полистал.

— Приёмник маяка работает в полосе 4500—4501 мегагерц. Чувствительность — одна тысячная пиковольт. Этого маловато, чтобы слышать нас. Далеко проходим. Он связан через промежуточный астромаяк с навигационным пунктом на Плутоне.

— Плутон. — Тони смотрел на динамик, словно на чудо. — Это ж почти Земля! Я там два года работал!

— Летье, возьми точный пеленг маяка! — приказал Корнев. — Аскер, определи поправку частоты передатчика на скорость отнесения. Готовлю радиограмму.

Корнев раскрыл блокнот, набросал текст:

«Внимание, Солнечная! Внимание, Солнечная! Говорит звездолёт «Буревестник»! Говорит «Буревестник»! Идём на скорости 0,91 с мимо Системы. Курс — 268 градусов 35 минут галактической долготы, 14 градусов 15 минут северной галактической широты. Ориентир: альфа Скорпиона Антарес. Летим к настоящему местонахождению звезды Г-1920. Три наших астронавта летят в анабиозных контейнерах к Солнцу. Их скорость 0,3 световой. Следите за пространством в направлении созвездия Тельца.

Капитан «Буревестника» Иван Корнев»

Через несколько минут сконцентрированный параболическими антеннами радиолуч помчал сообщения к невидимому, далёкому астромаяку. Радиограмму передали четыре раза: дважды открытым текстом и дважды для надёжности — телеграфной морзянкой.

Но до радиомаяка, мимо которого почти со скоростью луча мчался звездолёт, было всё-таки очень далеко...

Астронавты пообедали, отдохнули. Капитан объявил о регламентных работах и генеральной уборке звездолёта. Они втроем методично проверили механизмы и приборы, заново подстроили их, подчистили контакты, заменили изношенные детали. Потом шлангами пылесосов высосали пыль из щелей и закоулков, вымыли до блеска пластмассовые стены, пол, трапы, двери в отсеках... Через четыре дня звездолёт сиял стерильной чистотой.

Теперь астронавты почти всё свободное время проводили в обсерватории. В телескопе можно было разглядеть крошечный диск ярко-жёлтой звезды. Над ним взметнул огненную иглу протуберанец. Солнце. Оно пробудило у всех воспоминания об одном и том же. В крошечной тьме пустоты затерялись крошечные шарики планет. Одна из них — Земля. Голубые реки, зелёные леса, могучие тёплые океаны... Города, дороги, ветер, синее небо. И люди, много людей — незнакомых, разных, но одинаково дорогих.

Идеально чистый кондиционированный воздух звездолёта с необходимым процентом влажности и запахом

хвои вдруг показался каждому невыносимо удушливым, лица товарищей — серыми...

Солнечные лучи с трудом догоняли двигавшийся с могучей скоростью корабль. Солнце заволоклось лёгкой красноватой дымкой. Грустно было сознавать, что Солнце — такая же звезда, как и другие. Никогда оно не станет для человека просто звездой. Возмущая пространство электрическими и магнитными вихрями, несётся к нему комариное попискивание телеграфных сигналов. Дойдут ли? Должны прийти.

— Через месяц радиограмма будет на Земле, — произнёс Корнев. — День пройдёт, пока там придумают, что ответить. Месяц — обратно. Не догонит нас ответ...

— Эх, под дождик бы сейчас, — неожиданно сказал Тони. — Босиком по лужам, как в детстве. «Дождик, дождик, припусти, припусти!»

— Да. А на лужах от капель пузырьки выскакивают, — поддержал пилота Бруно. — Весёлые такие. И лопаются...

— Ну, хватит! — оборвал капитан. У него заиграли желваки. — Готовиться к засыпанию!

И снова «Буревестник» на тридцать шесть земных лет ушёл в молчание и пустоту...

2. Шары не возвращаются

Корнев шёл по коридору, задумчиво прислушиваясь, как громко раздаются его шаги. Коридор теперь стал намного короче, исчезли каюты и стены, разрисованные Тони Летье.

Корнев огляделся. Фенолитовый пол коридора, изрядно затоптанный, потерял свой узор. На стене, на уровне глаз, — тёмная полоса. Это Тони. Он всегда, когда идёт, проводит пальцем по стене. Такая у него привычка. Дойдя до овальной двери обсерватории, капитан остановился, потрогал пальцами пластмассовую скобу, улыбнулся: «Вот как отполировали руками. Обжили звездолёт. А Марина, Стефан, Галинка кувыркаются

где-то в космосе в ледяных глыбах. Может, их уже перехватили».

Вошёл в обсерваторию. За прозрачной полусферой быстро вращалось звёздное пространство. Диск лжезвезды висел толстым оранжевым кругом. Тени от телескопа и приборов бегали за ним слева направо, словно пытались догнать. Иван включил свет. Звёзды за колпаком исчезли.

Корнев облокотился на стол и задумался. Прошло более двух месяцев с тех пор, как они вышли в район звезды Г-1920.

Сначала Г-1920 походила на Солнце, каким его видят космонавты с орбиты Плутона: маленькая, почти без диска, жёлтая звезда. Только Г-1920 была более тусклой, и свет её сменился на апельсиновый.

Проходили дни «кипучей праздности», как выразился Тони. «Буревестник», погасив двигатели, на малой скорости пробирался вперёд. «Пробирался», возможно, не то слово: вокруг по-прежнему была пустота, которую не разнообразили пока никакие явления. Время от времени астронавты запускали через электромагнитную катапульту кристаллические шары — датчики. Они углублялись в неисследованное пространство и лаконичными порциями радиосигналов сообщали об уровне радиации, о силовых полях, о наличии ионизированной и пылевидной материи. Удалившись на пятьдесят — сто миллионов километров от корабля, радиодатчики постепенно затихали. Пока их данные мало отличались от предыдущих.

Однако в жизнь трёх астронавтов вошло напряжённое ожидание. Снова установили дежурство: Корнев, Бруно и Летье каждые два часа поочередно просматривали записи автоматов-наблюдателей. Время от времени капитан останавливал вращение звездолёта, чтобы посмотреть, не появилось ли что-нибудь новое по борту звёздной машины. Тогда наступала невесомость, приходилось перемещаться по отсекам с помощью скоб и магнитных ботинок.

От бывшей бытовой роскоши осталась только портативная кухонька на одну конфорку и две подвесные койки. Спали поочередно.

На двадцатые сутки после торможения Бруно вошёл в рубку и торжественно положил перед товарищами три листка с таблицами, формулами и числами. Все эти дни он просиживал в обсерватории, измерял яркость сверкающей за кормой лжезвезды, рассчитывал угловые перемещения «Буревестника» относительно далёких звёзд, вычислял скорость корабля по эффекту Доплера и сравнивал всё...

— Я вычислил скорость звездолёта тремя разными способами — по эффекту Доплера для лучей звезды Г-1920, по нарастанию её яркости и по смещению далёких звёзд. Результаты совпадают. Двадцать дней назад наша скорость составляла 251,5 километра в секунду, а теперь — 250,5. Звездолёт замедляет ход... Понимаете? Звезда отталкивает нас. Хотите проверить?

Корнев и Летье мельком просмотрели выкладки.

— Значит, Стефан посрамлён, — удовлетворённо произнёс Тони. — Звезда всё же есть! Один — ноль в нашу пользу.

— Два — ноль, — поправил Иван. — Обратное течение света и антигравитация.

— Если всё будет гладко, — радостно продолжал Бруно, — то звезда сама затормозит наш «Буревестник» в 28 миллионах километров от себя, а потом начнёт разгонять назад. Неплохо, а?

— Неплохо, — согласился Корнев и добавил: — Если всё будет гладко...

Всё и было гладко до поры до времени. Это случилось спустя две недели после наблюдений Бруно. Однажды, условно говоря, утром, когда Летье и Бруно ещё дремали, Корнев вошёл в отсек управления и поднялся на мостик:

— Внимание! Закрепитесь! Корабль ложится на поперечный курс!

Взвыли, набирая обороты, маховики. Громада «Буревестника» стала медленно поворачиваться. Ударили струи аннигиляционного огня в двигателях, возобновилось тяготение... Тони и Бруно быстро отстегнули ремни. Капитан сбежал вниз, крикнул:

— Пойдёмте со мной!

В обсерватории он присоединил к окуляру телескопа электронную приставку — усилитель яркости. Экран замигал редко рассыпанными звёздочками. Среди них, как огонёк сигареты, пылал красно-жёлтый гигант Антарес. Левую часть овала заполнили призрачно светящиеся лоскутки облаков далёкой пылевидной туманности.

— Смотрите, — взволнованно обратился к товарищам капитан. — Слева от Антареса. Внимательно приглядывайтесь...

На экране вспыхивали зелёные чёточки и пятна помех от разрядов в двигателях. Корнев тихо выругался, дотянулся рукой до дублирующей кнопки в стене обсерватории — двигатели стихли. Экран прояснился. Глаза астронавтов постепенно привыкли к темноте...

— Ага! — отозвался Тони. — Вот она!

— Где? — Бруно придвинулся поближе к экрану.

По светящейся завесе туманности медленно ползло небольшое чёрное пятно. Прошло несколько минут. Пятно ползло и вдруг накрыло тлеющую точку Антареса!

— Г-1920! — выдохнул Бруно. — Настоящая!

Через десять минут Антарес, вынырнув из-за чёрного пятна, снова заблестел. Пятно растворилось в пространстве.

— Да-а. Пять угловых секунд, — отсчитал капитан по координатной сетке экрана. — Угловые размеры совпадают с размерами лжезвезды. Увидели, наконец!

Затем Корнев переложил звездолёт на обратный курс. И снова через полчаса тёмный сгусток материи заслонил звезду, проплыл по лоскуту туманности и сошёл с экрана. Сквозь прозрачный купол обсерватории на одном конце сиял жёлто-оранжевый призрак, а на другом — висел в пространстве, впитывая в себя лучи, ещё не видимый простым глазом чёрный сгусток настоящей Г-1920.

Через восемнадцать дней «Буревестник» приблизился к звезде. На искрящемся фоне звёзд и туманности теперь можно было различить её чёрный диск без телескопа. Скорость корабля уменьшилась вдвое. Была середина условной ночи. Тони дежурил в обсерватории: наблюдал звёзды то невооружённым глазом, то прикинув к телескопу. Корнев и Аскер спали в подвесных койках. Внезапно их разбудил раздавшийся в динамиках громкий крик:

— Планета! Планета!

Капитан и физик повскакивали с коек и, как были, босые прибежали в обсерваторию. Тони вместе со сфе-

рой и телескопом описывал круги. Он то наводил трубу на оранжевый «мнимый свет», то поворачивал её на сто восемьдесят градусов и рассматривал края чёрного диска Г-1920. От обсерватории веяло холодом. Космос высасывал тепло из-под прозрачного колпака.

— Ну-ка, дай посмотреть! — нетерпеливо бросил Бруно.

Летье остановил вращающуюся полусферу. Корнев и Бруно обосновались на сиденьях и, поёживаясь от холода, поочередно заглядывали в телескоп. Слабые глаза Бруно замечали только оранжевую искорку, очень медленно ползущую по чёрному пятну. Корнев и Летье различали диск планеты — правда, маленький и размытый аберрацией линз на предельном увеличении. А на светящемся пятне лжезвезды в другую сторону ползло чёрное пятнышко. Никаких подробностей на крошечном теле планеты астронавты не разглядели.

— Назовём её планетой Марины, — предложил Тони. — Девушка же первая заговорила о ней!

Планета была небольшая, размером с Меркурий. Оборачивалась очень близко от звезды и, следовательно, быстро. В последующие дни астронавты произвели вычисления, насколько это было возможно на таком расстоянии: определили период вращения планеты, её расстояние от звезды, диаметр, массу, сфотографировали и исследовали спектрограммы отражённого от атмосферы света. Атмосфера планеты содержала много кремнистой пыли, углекислоты, азота, зато в ней совсем не было кислорода.

Больше всего удивило астронавтов то, что здесь, в чужом по земным законам мире, есть такие же химические элементы, как и на Земле.

— Общность в строении противоположных миров! — восхищался Бруно. — Но ведь здесь чужая галактика! В принципе, этого могло и не быть...

— А вот на встречу с жителями этой планеты рассчитывать, к сожалению, не приходится, — вздыхал Тони. — Их там нет...

— Не печалься, — утешал его Корнев. — Там могут быть существа другой природы. Жизнь разнообразна...

И всё же этих открытий было мало, слишком мало, чтобы заполнить жизнь. К тому же они смущали своей обыденностью. И гравитационное отталкивание звезды, и её чёрный диск, и планета — всё было предсказано нетерпеливым умом опережающих события исследователей. Напряжённое ожидание великого и неожиданного не разряжалось ничем и утомляло больше, чем непосильная работа. «А стоило ли ради этих немногих данных лететь сюда? Стоило ли обречь на риск себя и товарищей, которые где-то в ледяных глыбах дрейфуют к Солнцу? — закрадывалось сомнение. — Стоило! — упрямо тряхнул головой Корнев. — Конечно, скептики найдут в нашей экспедиции много недостатков, ошибок, несуразностей. У них для этого достаточно времени. Даже нарисуют идеальную картину, как бы они организовали и совершили эту экспедицию. Пусть! Дело должно быть завершено. К тому же мы не встретили здесь другого звездолёта с Земли. Значит, там полагаются на нас!»

Трое в «Буревестнике» постепенно падали духом. Корнев это сознавал, но ничего не мог поделать. Астронавты мысленно всё чаще возвращались к Земле. Хотелось видеть небо, закат, деревья, встречать людей, разговаривать, смеяться, спорить. Хотелось ветра, вечерней тишины, солнца, стужи, женской ласки, детского смеха, газетных новостей, зрелищ. Звал к себе мир людей с его простым величием, радостями, беспорядочностью и разнообразием.

Споры о природе Г-1920, о возможных эффектах возле неё, требовавших всё более глубоких умозрительных рассуждений и непосильной для человеческого мышления строгости понятий, всем ужасно надоели и прекратились. Собирались, разговаривали о земной жизни, мечтали: что будет, когда вернуться.

Больше всего их беспокоила мысль о трёх товарищах, выброшенных в пространство. Долетели ли они до Солнечной? Перехватили ли их? Корневу становилось не по себе, когда он вспоминал, что все надежды на счастливый конец держатся на непрочной ниточке радиогаммы, которую они послали к Земле.

Однажды Тони взялся за расчёты, писал на бумаге цифры, формулы. Затем объявил:

— Когда мы вернёмся на Землю, моему сыну исполнится шесть лет. Прекрасный парень будет, а?

— Если в Галинку пойдёт, — добродушно уколол Бруно. — И вообще, почему ты так уверен? Может быть и дочь.

— Сын, — твёрдо произнёс пилот. — Сын — и никаких разговоров. Научу его летать: сначала на орнитоптере, потом на вертолётах, на скоростных самолётах, на ракетах. Мой сын должен летать... Иван, а ты что будешь делать, когда вернёшься?

— Что? — Корнев ответил не сразу. Он никогда не думал об этом, озабоченный делами экспедиции. — Ну... пойду преподавать куда-нибудь — в институт, в школу космонавтов. Наш опыт теперь пригодится. Буду готовить молодых...

— Вот как! — Пилот поднял брови, саркастически улыбнулся. — А в музей не хочешь?

— В какой музей?

— Истории техники, истории космонавтики. Экспонатом и по совместительству гидом... «Справа, дети, коллекция полупроводниковых минералов с Плутона и загадочный зверь — саламандра в спиртовой банке, а слева — бывший капитан «Буревестника» Корнев. Он неплохо сохранился, хотя ему сто пятьдесят лет. А сейчас, дети, дедушка Корнев поделится с нами своим космическим опытом: расскажет, как он летел не туда...»

— Ну, знаешь!

Аскер весело расхохотался.

— Что «знаешь»? Мне смешно: он будет преподавать, рассказывать о нашем опыте... Пройдёт сто лет! Наш опыт будет представлять сугубо исторический интерес. Там за это время понастроят таких звездолётов! Не знаю, как кто, а я, — Тони мечтательно прищурил глаза, — прилечу сюда ещё не раз. Пусть не первым пилотом — куда мне, устаревшему! — но хоть проводником. А сюда будут летать и летать, пока не исследуют этот мир как следует, пока не научатся использовать новые знания.

— Он прав, капитан, — вставил физик. — Эта звезда — наше прошлое, настоящее и будущее. Здесь мы — на передовом участке познания мира. Всё остальное в нашей жизни не суть важно. Так вышло, и от этого никуда не денешься. И, думаю, неплохо получилось!

— А сам ты что собираешься делать? В экспедицию тебя больше не возьмут — стар!

— Э, у меня столько замыслов, — махнул рукой Аскер, — за две жизни не управлюсь! Буду развивать теорию вещества с антимассой, попытаюсь добыть его экспериментально. По-моему, во Вселенной много различных веществ, состоящих из неизвестных нам частиц, ядер, атомов. Они формируют разные пространства вокруг себя — с самыми разными свойствами. Хорошо бы выстроить единую теорию: как свойства вещества формируют свойства пространства.

— А ты не боишься, что всё это уже открыто и сделано? — спросил Иван. — За сто лет наука далеко продвинется.

— Буду рад, — улыбнулся физик. — Во всяком случае, не обижусь, что меня не дождались. Пойду в лаборатории к тому, кто совершил эти открытия. Только я сомневаюсь! Сидя на Земле, не узнаешь и не переживёшь того, что здесь.

Но Бруно Аскер решил не дожидаться возвращения на Землю. Он устроил кабинет в обсерватории и работал там и днём и ночью: вёл наблюдения, вычислял, записывал.

Однажды капитан зашёл в обсерваторию. Бруно сидел в кресле и, неестественно далеко откинув голову, выписывал на листе бумаги уравнение — строчку за строчкой.

— Ты чего так? — Иван уселся в кресле рядом.

— Плохо вижу, — буркнул физик. — Пожалуй, старческая дальноркость.

— Ты бы ещё больше сидел у телескопов, писал и курил! Надо соблюдать меру.

— Не в этом дело, Иван. — Аскер закурил сигарету, пустил дым вверх. — Просто пришла старость. Несвое-

временно, как обычно. На Земле бы три инъекции аугена — и дальнорзости как не бывало... А тут хоть очки носил бы, так не взял с собой!

Только теперь Корнев увидел, как осунулся физик. Некогда толстые щёки собрались брюзглыми морщинами, под глазами образовались мешки, вокруг лысины серебрилась щетинка волос.

— Слушай, Бруно, что ты себя изводишь?

— Надо спешить, Иван, времени у меня осталось не так много... — Аскер положил волосатые руки на стол, опустил голову. — Трудно отдать себе отчёт, что всю жизнь занимался не тем...

— Зря ты так о себе, — сказал Корнев. — Мы летим в звездолёте, антигелий для которого синтезировал Бруно Аскер. И нейтронитная сверхпрочная оболочка «Буревестника» тоже родилась в лаборатории Аскера...

— Нет, Иван! — Бруно досадливо поморщился. — Это всё не то. Мне нужно было заняться другим. Понимаешь, я ведь мог раньше догадаться об антилучах и антимассах, мог предусмотреть сей физический казус. А теперь, после того, что с нами случилось, я всё время чувствую себя виноватым...

— Вот как. Искупаешь вину?

— Дело не в этом, капитан, — спокойно ответил физик. — Как бы мы и тут не попали в неприятности, вот что меня смущает. Мы находимся на стыке двух пространств: нашего, галактического, и этой звезды.

— Пока всё хорошо, — пожал плечами Корнев.

— Не очень, капитан. — Бруно искал на столике листочек с расчётами. — По моим вычислениям, первые радиометрические шары должны были уже вернуться от звезды, а их нет. Радио- и телеприёмники не принимали сигналов ни вчера, ни сегодня.

— Может, мы неточно направили шары? — Капитан посмотрел на Аскера. — И звезда отбила их в сторону?

— Не забывай, что из этой катапульты мы выбросили за борт Галину, Стефана и Марину к Солнцу с расстояния, в тысячу раз большего.

— Тогда, возможно, закон гравитационного отталкивания звезды Г-1920 отличается от закона Ньютона?

Бруно улыбнулся, как показалось Корневу, снисходительно.

— Здесь много «может», капитан. И на пальцах этих проблем не решить. Дай бог понять их математически. Только вот... — Он устало потёр глаза. — Эх, где ты, Марина Плашек! Она бы придумала, как вернуть мне зрение!

Разговор с Бруно состоялся позавчера. И вот Корнев снова в обсерватории. Стоит в задумчивости. Встрепенулся от размышлений, вспомнил, зачем пришёл сюда. Сел к столу, порылся в ящиках. Нашёл запасной кинообъектив, повертел его в руках. «Подойдёт?» — засомневался. Развинтил объектив, измерил штангенциркулем линзы. Эти около полутора диоптрий — как раз ему для чтения... А эти — чтобы носить постоянно. Приложил к глазам: размер подходит. Он ещё раз осмотрел линзы и положил их в карман, погасил свет в обсерватории и, не глядя на опять завертевшееся осточертевшее звёздное месиво, вышел. Надо было спешить: через два часа ему заступать на дежурство.

В коридоре капитан остановился: «Почему же шары не возвращаются?»

Приёмники, работавшие круглые сутки, не улавливали никаких сигналов. «Астродатчики имели большую начальную скорость, чем звездолёт, — значит, подошли к звезде значительно ближе. Сила отталкивания возрастает пропорционально квадрату сближения со звездой. Выходит, назад они должны лететь... — Капитан наморщил лоб, вычисляя в уме скорость полёта шаров. Потом пожал плечами. — Они уже давно должны были вернуться!»

Он взглянул на часы и направился в отсек, служивший теперь мастерской. Над очками для Аскера Корнев провозился полтора часа, теперь нёс их физику на примерку.

Очки получились довольно нелепыми. Бруно походил в них на сказочного филина. Тони потешался как хотел. Зато свечение звёзд, шкалы устройств и изображения на экранах снова стали для физика чёткими и ясными.

3. Метеорная атака

Звездолёт плыл теперь в пространстве на малой скорости. Ещё несколько суток — и чёрное тело Г-1920 остановит его совсем, а после этого начнёт выталкивать посторонний предмет из своей области космоса. Оранжевые лучи лжезвезды теперь ощутимо нагревали корпус звездолёта. За месяц, прошедший с тех пор, как была открыта планета, ничего нового не произошло. У астронавтов нарастало нетерпеливое желание: скорее всё закончить — и домой.

Сегодня дежурил Корнев. Он как раз готовил обед, когда к нему заглянул Бруно. Физик казался смущённым.

— Иван, все сроки прошли!

— Уже скоро, потерпи немного.

Корнев, не поднимая головы от плитки, укладывал на сковороду вываленные в сухарях свиные отбивные.

— Да нет, я об астродатчиках...

Капитан встревоженно посмотрел на Бруно. Физик показал на листе бумаги расчёты.

— Мы выпустили двенадцать шаров. Первые два должны были пройти мимо нас тринадцать суток назад, третьи — на день позже, четвёртые — ещё на день позже и так далее. Словом, последний астродатчик должен был пролететь мимо «Буревестника» вчера.

— Гм... — Корнев отложил нож, вытер руки. — Пойдём проверим записи.

Они отправились в отсек управления, прослушали контрольные магнитные записи автоматов. Шуршание межзвёздного водорода, потрескивание и пощёлкивание радиоизлучений звезды... Отрывочного попискивания телеграфного кода астродатчиков друзья не услышали.

— Может, они сгорели?

Физик покачал головой.

— Не должны. Ни один из них не подлетел так близко к чёрной звезде.

Летье, проверяя приборы, записывал их показания в бортовой журнал.

— Я не знаю, о чём идёт речь, — свесился он с мостика, — но если о том, что я думаю, то — да, сгорели!

— Как сгорели? — Корнев вопросительно уставился на него, потянул носом воздух: пахло горелым мясом. — Котлеты! — И бросился на кухню.

Так, приправленный запахом обугленных отбивных, начался необычный период в истории экспедиции. Кристаллические шары не возвращались. Чёрное тело Г-1920, уже заслонившее заметную часть звёздного неба, словно поглотило их.

— Сколько осталось шаров? — поинтересовался Корнев.

— Два, — вздохнул Летье: — радиометрический и телевизионный.

— Хорошо. Запустим их парой. Впереди — радиометрический, за ним — телевизионный. Второй нужно настроить так, чтобы он мог проследить путь первого.

— Ага! — догадался Тони. — Второй покажет, что случилось с первым, перед тем, как с ним случится то же самое... Неплохо!

— Итак, скорость первого относительно «Буревестника» сорок километров в секунду. Второй запустим через сто секунд с такой же скоростью.

Два толчка тряхнули звездолёт. Последние шары-астродатчики устремились в пространство. И снова дни надежд. Астронавты непрерывно следили за экраном, на который телевизионный астродатчик передавал изображение удалявшейся к тёмному пятну Г-1920 маленькой фосфоресцирующей сферы. На экран нацелилось широкое дуло «кинопушки» — скоростного киноаппарата, который производит до миллиона снимков в секунду.

На четвёртый день изображение на экране поблекло: шары были слишком далеко. Корнев включил двигатель и увеличил скорость корабля до сорока километров в секунду. Теперь звездолёт вслед за астродатчиками несся навстречу... Чему? Они не знали. Впереди было что-то, что поглотило двенадцать кристаллических шаров. Нервы астронавтов напряглись до предела.

...Когда это произошло, они толком не разглядели. Экран прочертили беспорядочные линии, коротко прожужжала «кинопушка», автоматически фиксируя каждое изменение на экране. Писк сигналов радиодатчика в динамике стих. Синевато светившийся шарик исчез. Долю секунды экран ещё был покрыт рябью линий и всплесков, затем покрывлся огненными зигзагами и погас...

Первым пришёл в себя Корнев.

— Это метеоры! — Он метнулся к стене, распахнул дверцу в нишу, бросил товарищам аварийные воздушные маски — резиновые шлемы с баллончиками, засунул такую же маску себе за пазуху, выбежал на мостик. — Включаю торможение, перегрузка 3 g! Летье, подготовь защитную энергопушку! Аскер, наблюдай пространство через бортовые локаторы! Метеоры могут залететь и сюда. По местам!

Боевая роспись метеорной атаки была рассчитана на шестерых: трое астронавтов должны были рассредоточиться по звездолёту для ликвидации пробоин, пожаров, аварий; остальные трое — дежурить у основных приборов. Теперь их было всего три человека. Астронавты прочно закрепились в сиденьях, торопливо настраивали приборы. Корнев лёг в кресло на мостике. «Хорошо, что я заранее повернул корабль, — мелькнула мысль. — Полторы минуты маневрирования занесли бы нас в самое пекло». Он нажал кнопку. Двигатели загудели сначала чуть слышно, потом громче. Перегрузка прижала тело к мягкой обшивке.

— Вижу метеоры! — донёсся снизу сдавленный голос Бруно. — Поток идёт мимо. Часть ответвляется. Один осколок летит на нас!

— Энергопушка готова! — воскликнул Летье, перекрывая рёв двигателей. — Переключаю автоматическое слежение на локаторы!

— Есть контакт!

— Переключаю систему маневрирования на локаторы! — крикнул Корнев. — Закрепитесь прочнее, будет болтать! Тони, контакт!

— Есть контакт!

Теперь «Буревестник» был готов самостоятельно бороться с метеорной атакой. Астронавтам оставалось только наблюдать, как сложится их судьба. Бруно видел на экране косые зелёные штрихи, быстро размышлял: «Это не страшно — такие линии прочерчивают пролетающие стороной метеоры». Но вот появились точки разной яркости. Они медленно плыли навстречу. Это было опаснее: радиолуч отбивается от метеоров, летящих или к кораблю, или от него. Чёрт! Он впился пальцами в перила: две точки медленно, очень медленно, расплзались на экране в разные стороны. Вилка! Мимо? Или...

В этот момент включилась система маневрирования. Двигатели затихли.

Сплетённое ремнями тело Бруно повисло в воздухе, его сразу прижало к левым перилам, занесло в сторону. Набирая высокие тона, взвыли поворотные маховики. «Буревестник» посторонился, пропуская метеоры.

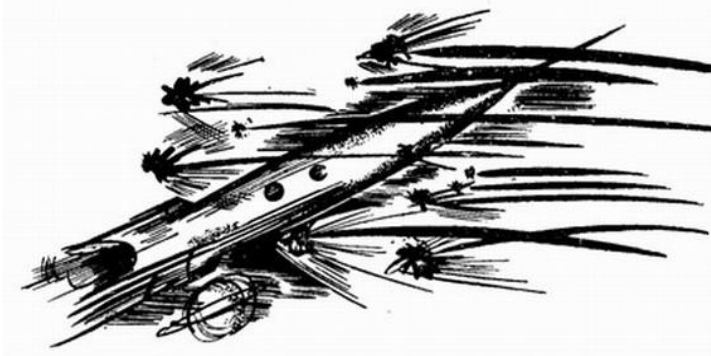
Снова заработали двигатели. Корабль помчался с ещё большей скоростью, отходя из опасной зоны. У астронавтов напряглись мышцы, тело боролось с непосильным весом. Очки больно врезались Аскеру в переносицу... У Корнева было такое чувство, будто это не в корабль, а в его незащищённое тело готовы вонзиться губительные небесные снаряды. Его замутило. Снова невесомость. Поворот. Рывок. Невесомость. Ещё рывок и одновременно поворот... Корабль боролся, словно живое существо. Корнев на мгновение потерял сознание. Очнулся от окрика Бруно:

— Один — прямо на нас!

Метеор шёл прямёхонько на корабль. Увернуться от него было невозможно. Неподвижное пятнышко в центре экрана зловеще раскалялось... Корабль пошатнулся от толчка — это рефлекторы энергопушки послали навстречу метеору сокрушительный импульс энергии. На экране всё расплылось — и опять из зелёного хаоса вынырнула яркая точка.

— Энерголуч не берёт! — воскликнул Тони.

На мгновение выключились двигатели и маховики, воцарилась тишина.

— Он отразился от метеора!

Толчок! Толчок! Толчок! Энергопушка посылала импульс за импульсом, и всё напрасно. На экране уже не точка светилась, а пылал зелёный осколок.

— Готовьтесь, ребята, — крикнул Тони.

«Только бы не в двигателях, — быстро подумал Корнев. — Куда угодно — только не в двигателях...»

— Надеть маски! — приказал он.

Толчок! Толчок! Ещё раз и ещё...

— Выключи энергопушку, Тони! Выключи её к чёрту! — заорал вдруг не своим голосом Бруно. — Это же антимасса!

И вдруг ужас в голове физика рассеяло непобедимое любопытство: как же метеор подействует на наше вещество?

Сотрясение.

Удар получился удивительно слабый. В тот же миг облегчённо взвыли двигатели. Рванувшихся с кресел астронавтов сжала перегрузка. Ещё десять минут «Буревестник» лихорадочно маневрировал и, наконец, вышел из потока метеоров. Двигатели стихли. Маховики раскрутили корабль вокруг оси, создавая центробежное тяготение.

Астронавты сбросили резиновые шлемы, отстегнули ремни, поднялись, разминая затёкшие мышцы. С мостика спустился Корнев. Лицо у него было серозелёное: перегрузка и невесомость давались ему тяжело.

Поймав на себе участливые взгляды товарищей, капитан слабо улыбнулся.

Бруно закурил, подошёл к пульту.

— Приборы вроде бы в порядке. Гм! Куда же попало?

— А почему ты кричал о пушке? — спросил Тони.

— А потому, что это вещество с антимассой. Энерголуч отталкивает тела с обычной массой! А этот метеор мы не отбивали, а наоборот, с каждым импульсом разгоняли к себе...

— Пойдём поищем, куда он попал. — Корнев вытащил из-за пазухи маску.

Астронавты надели скафандры и стали обходить отсеки. Место попадания обнаружили легко: герметичную дверь обсерватории невозможно было открыть. Пришлось откачивать воздух из коридора. Метеор пронзил насквозь бронеклопак обсерватории. Два отверстия в прозрачной броне были совершенно одинаковы: искривлённый треугольник с несколькими тупыми изломами на каждой стороне и двумя небольшими зазубринами. От дырок не расходились трещины, края не были оплавлены. Бруно, волнуясь, перебежал от одного отверстия к другому.

— Невероятно, а? Словно вырезано. Это не удар, не взрыв, не аннигиляция. Что тогда?

— Легко отделались, даже телескоп не повредило, — заметил Корнев. — Залатаем — и обсерватория будет работать...

— Но раньше я фотографирую эти отверстия! — Бруно повернул к нему шлем скафандра. — Это ж новый тип распада!

— Постойте! Есть же киноплёнка! — вспомнил Летье.

Кадры ускоренной съёмки, сделанные «кинопушкой» из телепередачи последнего астродатчика, безусловно, войдут в историю науки как не менее важное событие, чем открытие первых антипротонов. На плёнке зафиксирован распад материи при взаимодействии веществ с противоположными массами... Вот к радиометрическому шару медленно подплывает метеор раз-

мером с булыжник, углубляется в него! Ни толчка, ни взрыва, только из неровного отверстия в шаре выбрасываются струи чёрного газа. Астродатчик стал похож на надкушенное яблоко. Метеоры то и дело отгрызают по куску от шара, растворяясь в нём. Темнота.

Когда «Буревестник» повис в пространстве на безопасном расстоянии от зоны метеоров, Тони вылетел на разведывательной ракете «Ласточка» обследовать метеорный пояс. Он вернулся через 14 часов, вконец усталый, с запавшими глазами.

— Густо летят! — рассказывал, снимая скафандр. — Метеорный пояс в Солнечной между Марсом и Юпитером — вакуум по сравнению с тем, что делается здесь. К тому же звездолёт шёл в плоскости эклиптики¹ Г-1920, в ней вращаются и планета, и метеорный пояс. Я пролетел миллиона три километров поперёк пояса. Там — край: метеоров меньше. Звездолёт, правда, не пролетит, а разведывательная ракета проберётся.

— Почему ты так долго? — спросил Корнев.

Тони, сбросив жёсткий скафандр, делал гимнастические упражнения. Мышцы заиграли под кожей.

— Я хотел пригнать сюда один метеорчик. Маленький, с кулак размером. Пытался оттолкнуть его антигравитацией ракеты, сбить с орбиты. Но ничего не вышло. Уклоняется. Нужны специальные улавливатели.

— Та-ак... — Лицо капитана окаменело. — Надо было всё-таки брать Стефана Марта, а не тебя.

— Почему это? — Тони выпрямился.

— Ты нарушил приказ, пилот! Это могло бы закончиться повреждением ракеты! Нам пришлось бы спасти тебя — идти на экспедиционном звездолёте в самую гущу метеоров. Понимаешь?

— Я бы не дал вам этого сделать... — Тони побледнел. Он только теперь понял, что могло быть. — Я бы... я бы взорвал себя!

¹ Плоскость, в которой вращаются планеты вокруг звезды.

— Взорвал себя?.. Кому нужна эта жертва? — Корнев отвернулся.

Воцарилось молчание. Летье виновато молчал, складывая скафандр.

— А всё-таки было бы неплохо добыть метеор и исследовать его на Земле! — повернулся к товарищам Бруно. — Столько вопросов! Что даст сочетание антимасс с веществом обыкновенной массы? Что это за чёрный газ появляется при распаде антимасс? Как влияют антимассы на ход физических процессов?

— Может, попробуем? — снова оживился Летье.

— Нет, — отрезал Корнев.

— Почему?

— Да хотя бы потому, что мы не сможем доставить этот кусок с антимассой на Землю. Малейшее ускорение — и он насквозь пронзит звездолёт! Оставим это для следующей экспедиции. Она будет снаряжена понадежнее.

4. Концерт Грига

— А «Ласточка» там пролетит, — заметил Тони.

Они втроем магнитными манипуляторами заводили коническое тело разведывательной ракеты в гнездо на носу «Буревестника». Корнев молча орудовал рукоятками. Гудели моторчики, передвигая в вакууме суставчатые штанги, обхватившие серебристый корпус ракеты.

— Есть! — сказал Бруно, когда засветились все пять лампочек на контрольном щитке. — Стоит на месте.

— А ракета сможет пролететь, — упрямо повторил Летье.

Корнев молчал. Бруно тоже. Они коридором вернулись в рубку, и каждый приступил к своей работе. Иван взошёл на мостик — уточнить при помощи приборов местоположение корабля после метеорной атаки. Бруно засел у астронавигатора, программируя его на решение контрольной задачи — проверить, не увеличилась ли ошибка в курсовом направлении.

Тони записывал в вахтенный журнал про разведывательный полёт. Закончив писать, он снова упрямо сказал:

— Очень просто! Надо обогнуть пояс по гиперболической траектории. Туда двое суток полёта. И обратно двое, даже меньше — звезда будет отталкивать и планета тоже... Да вы оглохли, что ли?

Корнев и Аскер молчали.

— Что вы прикидываетесь глухонемыми?! Всю дорогу болтали о времени и антимассе... А как до дела, когда всё это можно проверить, — в кусты!

— Ну и демагог же ты! — буркнул Бруно, не оборачиваясь.

— Так как же всё-таки насчёт времени, профессор? — не унимался Тони. — Что есть на самом деле: ход времени или проявление разнообразных причинных связей? В здешнем мире — у звезды Г-1920 и её планеты — обратный ход времени или нет? Из того, что мы наблюдали до сих пор: антитяжесть, обратное направление световых лучей, распад метеоритов — ничего сказать нельзя. Всё это объясняется и так и эдак. Решающих фактов нет. Они там, на планете!

Он замолчал, встал и сердито стал ходить по рубке.

— А что ты там увидишь? — Корнев свесился с мостика. — Ближе подлететь нельзя — атмосфера не пустит. Издалека? В ракете телескоп слабенький, ничего не разглядишь. Для этого полёта нужно переоборудовать ракету. А где нам её теперь переоборудовать? Вот и выходит, что полёт к планете следует отложить до следующей экспедиции.

— Которая будет снаряжена через сто лет! — возмущённо продолжил Тони.

«А может, действительно послать туда разведывательную ракету? — закралось у Корнева сомнение. — В конце концов система как система: звезда, планета, метеорный пояс, как в Солнечной, только с отрицательной массой. Никаких фокусов... Догадки наши подтверждаются. Почему бы не отправить? Метеоры здесь менее опасны, чем те, что между Марсом и Сатурном. Наш метеор таких размеров начисто смёл бы обсерваторию...

А то, что их не разрушают импульсы электромагнитной пушки? А лжезвезда? Нет. Всё не так просто...»

— Я уверен, что пролететь можно, — упрямо повторил Тони.

«Он, наверное, всё же прав. Когда мы уже прилетели сюда, смешно не побывать у планеты», — думал Корнев.

— Надо к ней поближе подойти, чтобы рассмотреть и сфотографировать!

— Да, это так, но... — замялся Бруно.

— Что именно?!

— Опасно! — разозлившись, рывкнул физик. — Опасно! Из четырнадцати астродатчиков ни один не вернулся. Ни один! Очевидно, там, кроме пояса метеоров, есть ещё что-то такое... — Бруно нахмурился, — что поглощает шары. Из четырнадцати шаров хотя бы один уцелел. Все погибли от метеоров.

— Вовсе не обязательно, что все шары столкнулись с метеорами, — задумчиво произнёс Корнев. — Они могли рассеяться, изменить траектории из-за взаимного отталкивания...

— Я ничего не утверждаю категорически, — сдался Бруно, — но...

— Мне нравится твоё «но»! — напал Летье на физика. — А кто это совсем недавно болтал о мужестве исследователей?

— Я имел в виду совсем другое мужество, пилот, — мужество мышления! При этом голова исследователя остаётся на плечах.

— А обычный риск в этот высокий кодекс не входит? Конечно, это слишком примитивно! Хотя... погоди! — Тони потёр лоб. — Я как-то читал забавный некролог на смерть одного исследователя... «Выдающийся учёный в области теоретической и экспериментальной физики безвременно погиб при испытании новой ядерной установки для синтеза нейтронита...» Не помнишь?

Аскер недовольно поморщился, заёрзал в кресле.

— Правда, та газетка поторопилась с некрологом: исследователя через пять дней откопали из-под руин

установки. Он только перенёс лучевую болезнь и облысел. Тогда он ещё в интервью сказал, что в некрологе его наконец-то оценили по заслугам. Не знаю, как от радиации, а вот от скромности этот исследователь никогда не умрёт, даже не заболит.

— Всё, я больше не могу. — Физик промокнул платком лоб, посмотрел на капитана.

Тот хохотал.

— Пусти его, Иван! Отпусти его. Пусть летит хоть в самое пекло!

Корнев хлопнул по столу ладонью.

— Ну что ж, — посмотрел на пилота. — Сутки отдыхать. Мы пока заправим ракету и проверим управление...

Иван и Бруно ещё ползали в вакууме по рыбоподобному серебристому телу обвитой тяжами ракеты, проверяя крепление антенны, а Летье уже надел скафандр и устраивался в крошечной кабине на носу под колпаком из прозрачной брони. Затем капитан и физик сползли с корпуса на переходный мостик. Летье посмотрел на них.

— Всё хорошо? — услышал Корнев его голос в наушниках.

Капитан кивнул головой и досадливо подумал, как он всё-таки плохо разбирается в людях! Ведь он совсем не знал настоящего Антона Летье — астронавта, исследователя, бойца. Да, сейчас за рулями ракеты сидел боец, собравший в единый сгусток свободу, энергию мысли и умения для схватки с неизвестным. Даже лицо у Тони стало иным: оно словно затвердело, исчезло выражение иронии, губы сжались. Только глаза светились дерзким весельем, когда он смотрел вперёд, туда, где среди россыпи звёзд чернел сгусток Г-1920...

Аскер и Корнев, прощаясь, подняли руки. Пилот ответил им таким же жестом.

— От борта! — услышали Корнев и Бруно его голос.

— Есть от борта!

Они втянули в люк откидной мостик, вошли в звездолёт, задраили люк. Корнев взялся за рукоятку мани-

пуляторов. Вскоре почти одновременно раздались голоса Тони и Бруно:

— Есть!

— Ракета свободна!

Теперь ракета свободно висела в гнезде. Сквозь перископический иллюминатор астронавты видели кабину и в ней Тони. Вот он точным движением пристегнул к кистям рук пояски командных биоэлектрических датчиков, удобно уселся в кресле, откинулся и затылком выжал атомное сцепление. Где-то на другом конце ракеты из отверстий в серых урановых цилиндрах выдвинулись графитовые стержни; началась цепная реакция. Двигатели ракеты тонко пели, сама она рвалась в едва сдерживаемом порыве.

— Пилот Летье? — призвал Корнев.

— Готов!

— Разрешаю старт.

Мягкий толчок, дрогнувший под ногами пол, иллюминатор заволочло светящейся пылью. «Ласточка» вырвалась в пространство...

— «Буревестник»! Как слышите меня, земляне? Приём! — донёсся слегка искажённый микрофоном голос Летье.

— Прекрасно, Тони. Как ты? Приём!

Пауза, во время которой радиосигнал делал миллионы километров — до ракеты и от неё.

Корнев и Бруно стояли у динамика.

— Всё нормально, — через несколько секунд снова услышали они голос из динамика. — Скорость — 1200 километров в секунду. Закончил первый разгон. Иду по касательной к краю метеорного пояса. Слышу вас хорошо. Локатор показывает безопасную пустоту. Приём.

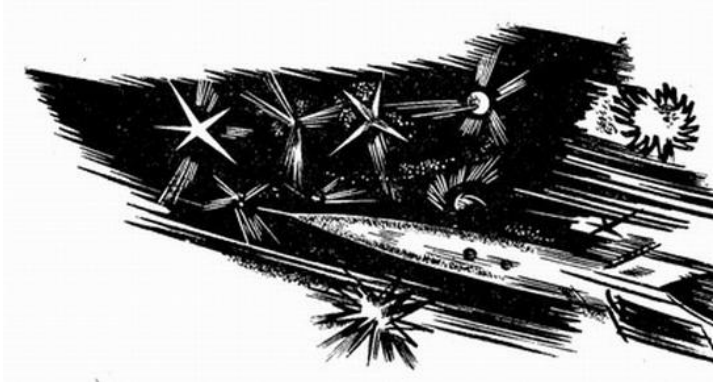
Заговорил Корнев.

— Антенны автоматически следят за ракетой. Не выключай передатчик — иначе можем потерять тебя из виду. Определи и сообщи расстояние до планеты. Приём.

Снова мёртвая пауза, ещё длиннее.

— Хорошо. Иногда посылайте сигналы слышимости. Лучше — телеграфным кодом... А вообще, скучное это дело — диалог на расстоянии в миллионы километров.

Словно разговариваешь с тугодумом. Придётся перейти на монологи... Определяю параллакс планеты. Про расстояние сообщу через три минуты... — После паузы Летье доложил: — По прямой — пятьдесят восемь миллионов километров. По моей траектории — около ста десяти миллионов, почти сутки полёта. Под влиянием антитяготения звезды ракету немного относит от расчётной траектории. Впереди по-прежнему пустота и пространство. Передачу кончаю, ничего нового больше нет. Следующая через три часа. Конец.

Корнев и Аскер эти три часа по одному дежурили у динамика. Время от времени Тони насвистывал, потом стал декламировать стихи:

Вы ушли,
 как говорится,
 в мир в иной.
Пустота...
 Летите,
 в звёзды врезываясь.
Ни тебе аванса,
 ни пивной.
Трезвость.

— Чьи это стихи? — поинтересовался Бруно.

Ответ пришёл через минуту:

— Владимира Маяковского, физик. Не знать такого поэта!

— Нет, почему же! «...певец кипячёной и ярый враг воды сырой» — процитировал Бруно.

— «Профессор! Снимите очки-велосипед! Я сам расскажу о времени и о себе!» Прямо о тебе сказано! — донеслось через минуту и десять секунд. — О времени и я тебе ещё расскажу, подожди. И об антивремени... Ох, чёрт! Глыба! — Наступила пауза. Потом послышалось и стихло резкое шипение двигателя. А ещё через минуту раздался спокойный голос Летье: — «Ласточка» — просто молодчина. Только что мы с ней уклонились от болида величиной с небоскрёб. И откуда он взялся? До зоны, по-моему, ещё миллиона полтора километров... После паузы послышалось: — Вортемолик аротлоп аноиллим... — Голос плавно затих.

— Что? Что? — насторожился Бруно. — Повтори. Приём!

— Плохо слышно? — после паузы снова раздался голос пилота. — Я сказал, что уклонился от болида. Кстати, похоже, что он — первая ласточка, точнее — первый летающий слон. Радиолокатор обещает ещё. Передачу прекращаю. Будет некогда. Конец!

Из динамика послышалось неистовое шипение: это Тони включил двигатель. Шипение то стихало, то становилось громче. Иногда доносился щелчок — это переключалось реле. Ракета маневрировала где-то там, в двадцати с лишним миллионах километров от «Буревестника», пробираясь через пояс метеоров.

Корнев и Бруно напряжённо стояли у динамика.

Прошло больше двух часов. Шипение наконец прекратилось.

— «Буревестник»! — раздался бодрый голос Летье. — Как слышите? Пояс прошёл. До планеты семьдесят миллионов километров по моей траектории. Впереди — пустота...

— Молодец, Тони! Слышим хорошо! Отдохни теперь, переключи управление на автопилот! — облегчённо вздохнув, закричал в микрофон Иван.

«А слышим не всегда хорошо... — Бруно вспомнил недавнее невнятное бормотание. — Надо включить магнитную запись». Он вставил в магнитофон, вмонти-

рованный в стене, бобину с чистой плёнкой и подсоединил его к приёмнику.

— До планеты 56 миллионов километров по моей траектории, — сообщил Летье через восемь часов полёта. — Иду по прямой. Немного относит антитяготение звезды. Вижу почти весь диск планеты, только верхняя часть ещё в ночи. Алло, земляне! Выключите, ради бога, свои позывные. Сдуреть можно. Дайте лучше музыку! Эфир чистый, я и так вас ни с кем не перепутаю. Приём!

Экран телескопа ракеты «Ласточка» показывал приплюснутый сверху мутно-оранжевый шарик. По нему плавали размытые бурями пятна. Летье подумал: «Почти как Марс, когда к нему летишь от Земли. От Земли, — повторил он одними губами. — Какая ты там теперь, планета Земля?»

Пилот откинулся на спинку кресла, лёг поудобнее. Тело не устало — невесомость не напрягала мышц. Устал мозг, устали нервы, немного дрожали руки. «Это после прохождения пояса», — вяло подумал Тони. Теперь впереди были десятки миллионов километров пустоты. Можно отдохнуть. «Да, в поясе пришлось поработать. Я слегка приврал, метеоры и здесь шли довольно густо. Благо, всё обошлось. Когда полечу назад, придётся выбирать какую-нибудь обходную траекторию, хоть и не хочется. Скорее бы в звездолёт и — домой, на Землю. Они тоже, вероятно, ждут не дождутся. Устали все...»

В эту минуту в слуховой капсуле прекратился размеренный писк позывных «Буревестника». Итак, просьба его дошла и принята. Несколько секунд пощёлкивания, лёгкое шипение — и вдруг грянул драматический аккорд фортепиано. Концерт Грига для фортепиано с оркестром. Летье усмехнулся. «Иван знает, что для меня поставить».

Пилот отстегнул пояски биодатчиков, запрокинул руки за голову, закрыл глаза и вспомнил последний час перед стартом в Астрограде...

Он решил дойти до космодрома пешком, чтобы не присутствовать на пышной и обременительной, как похороны, церемонии прощания. Была осень. С реки дул

влажный ветер. Небо заволокло серыми облаками, сквозь которые лишь кое-где открывались клочки холодной голубизны. Тони бродил по парку. Было сумрачно, торжественно, грустно. Голые скамьи, внизу серая речка, жёлтые листья на деревьях и чёрном асфальте дорожек.

Вдруг из алюминиевых, облепленных мокрыми листьями динамиков, скрывавшихся в ветвях, послышался далёкий нарастающий гул оркестра, затем раздался аккорд фортепиано — сильный, тоскливый и гневный. Он походил на отчаянно смелый всплеск человеческих желаний, мыслей, мечтаний. Тони узнал концерт Грига и мысленно поблагодарил людей, которые послали ему эту музыку в его последний час на Земле. Она очень импонировала его настроению.

Вступил оркестр — негромко, мягко, успокаивающе, словно уговаривал не унывать. Фортепиано будто согласилось и стало повторять фразу, полную красивой безнадёжности и какой-то по-женски очаровательной беспомощности.

Тони шагал по дорожкам, засунув руки в карманы плаща, разбрасывал ногами кучи опавших листьев, слушал и думал. Возможно, если бы у него было другое настроение, ему представились бы под эту музыку картины природы — норвежские фьорды, прибой, вспомнились бы давние лирические переживания. А теперь мысли были заняты другим — и музыка воспринималась по-другому. «Ничего не поделаешь, — повторял он. — Сорок лет лететь туда и столько же назад. А самого дела там всего на два-три месяца. Бессмысленно! Даже свет летит к Г-1920 тридцать два года... Ну так, ничего не поделаешь... Природа!..»

Мелодия нарастала в оркестре: она уже не уговаривала — диктовала. Смелые человеческие порывы гасились, разбивались о скалу мировых законов. А фортепиано роняло звуки — тягучие, прозрачные и круглые, как слёзы, — красиво оплакивало своё бессилие... Мелодия перебрасывалась от динамика к динамику. Резкие порывы ветра, свистящего в ветвях, словно раскачивали её.

Вот, наперекор всему, ворвались сигналы труб — призывные, мятежные. Их подхватил было оркестр... И снова всё сошло на нет, снова заполонило парк ласковое мелодичное успокоение.

«Ничего, видно, не поделаешь, — размышлял Тони. — Абстрактный факт из теоретической физики: невозможно двигаться со скоростью, большей скорости света в пустоте... Теперь этот факт поворачивается к нам своей драматической стороной». Вот они полетят за десять парсеков. Когда вернуться, не будет ни этих деревьев, ни живущих ныне людей, ни динамиков. Изменится город, изменится Земля. Восемьдесят лет, целая жизнь... А ведь они и сами ещё не знают, привезут ли ценные знания, открытия. Может, стоило бы подождать с такими путешествиями, пока люди откроют принцип сверхскоростных перелётов? Ну, конечно, откроешь его, сидя на Земле! Жди...

Летёе вышел из парка и направился по безлюдным улицам в город. Аллея, динамики, концерт Грига — всё осталось позади. Начал накрапывать дождь. Тони поднял воротник плаща.

Улицы становились шире и оживлённее, дома — выше. Налетевший из-за угла ветер сеял за шиворот дождевую пыль, дул то в лицо, то в затылок. Дождь не утихал.

«Чем дальше заглядываешь в будущее — тем больше вероятность ошибиться, — рассуждал Тони, проходя по улице. — Так стоит ли рыпаться? — снова заговорило в нём сомнение. — Может, мы, шестеро исследователей, достигнем большего, если потратим восемьдесят лет не на полёт, а, допустим, на создание в околоземном пространстве огромного телескопа, в котором можно будет рассматривать Г-1920 так, как мы рассматриваем, например, Луну? И это будет жизнь, а не прозябание в космосе!»

Переулок вывел на центральную улицу Астрограда. Разделённые полосой жёлтых клёнов и каштанов, неслись два встречных потока машин; грохот моторов сливался в лихорадочный рокот; шины шуршали по блестящему мокрому асфальту. Двухступенчатые тро-

туары тоже разделены травяным откосом; далее возвышались ряды домов, гармонично сложенных из бетона, керамики, стекла, алюминия, пластмасс. Последние этажи самых высоких домов исчезали в тумане.

«Ну и пусть сегодня дождь, слякоть, туман! Но завтра будет солнечно. А потом ливень — весёлый, грозовой. Зима. Весенняя зелень. Летняя жара... А там, в космосе, черно и пусто всегда».

Тони шёл по улице, растревоженный мыслями. Мимо него шли люди. Одни спешили, пряча лицо от дождя, другие прогуливались, пренебрегая ненастьем. Тони обогнали девушки под общей прозрачной накидкой.

Прошёл навстречу человек с седыми мокрыми волосами и толстым озабоченным лицом, похожий на Корнева. Тони посмотрел ему вслед, и его обожгла мысль: «А что, если не только я так думаю?! Что, если и другие? Только каждый скрывает свои мысли, стесняется их? Может, не лететь действительно мудрее? Надо немедленно поговорить с товарищами! Если такие сомнения возникнут у нас в полёте... Нельзя же летать восемьдесят лет только назло скептикам и консерваторам... — Он пошёл быстрее, но тут же замедлил шаг. — Постой. Что это я? Мы же летим к звезде чужой галактики за знаниями, которые на Земле никогда не получишь. Знания о Вселенной можно получить только во Вселенной. Какие тут могут быть сомнения? Чудак!»

И вдруг случилось нечто, от чего сердце Тони наполнилось буйной радостью. словно чудодейственная сила подхватила его и понесла вперёд. Тони не сразу понял, что это музыка. Концерт Грига, финал... Фортепиано и оркестр извергали такие же каскады звуков, как и в начале. Только теперь звучала гневная и гордая мелодия, не было горькой обречённости, не было красивой рассудительной слабости. Мятёжный бурный ритм крушил всё в неудержимом порыве вперёд!

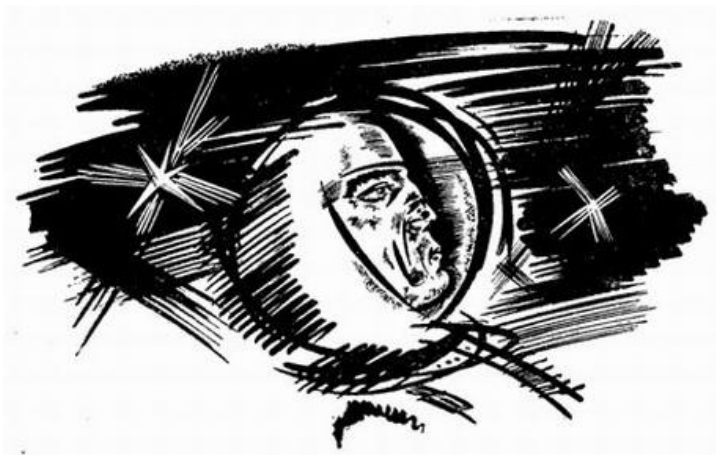
Казалось, люди выворачивают фонари, ломают будки и лабазы, катят бочки, сооружают баррикаду поперёк улицы, втыкают в ящик из-под селёдки трепещущее красное знамя восстания! А может, это крушат скалы — взрыв за взрывом, удар за ударом! — прокладывают

прямую дорогу через синий гранитный хребет. Поднимается пыль, летят обломки, дрожит земля — и горы раздвигаются, отступая перед упрямым гением людей! Может, это инженер бегаёт по прокуренной комнате, опрокидывая стулья, размахивая в такт музыке счётной линейкой, взлохмаченный, счастливый и гордый. Не получалось, казалось безнадежно трудным — а вот получилось! Он знает, что впереди ещё много труда, ошибок и разочарований, зато — получится, будет!

Вот снова раздались победные сигналы труб. Им потихоньку вторил оркестр. Ударили упругие и сильные аккорды фортепиано, и полилась прекрасная песня безудержного движения вперёд.

«Вперёд, человек! — Тони шёл по лужам навстречу дождю и ветру. — Шевелись, поворачивайся, белковая растяпа! Берись за всякое дело: посильное и непосильное, сделать которое возможно и невозможно, сомневайся, ищи, ошибайся, прозревай, но иди вперёд! Перед тобой огромная, сложная и могучая Вселенная. Укрепись в ней! Ты придумал машины: быстрые, точные, умные, они не боятся ни пустоты, ни времени, ни жары, ни холода... Ну-ка, докажи, что ты сильнее и умнее их, что мир подвластен тебе, твоему уму, твоим стремлениям!»

Тони почти летел, обгоняя прохожих. Лицо его пылало. Музыка из динамиков, шарканье ног по мокрому асфальту, шум, смех прохожих, рокот автомобилей, шипение шин, мокрые листья, насыпавшиеся на бульварные скамейки, резкие порывы ветра, капли дождя, туман над домами, ясные и горячие мысли в голове, — всё слилось в сложную, могучую и гордую симфонию человеческого движения... Они полетят, непременно! И те, кому придётся мчаться за сотни парсеков, а возвращаться через тысячелетия, — тоже полетят. А другие будут думать над тем, как летать в дальние миры не за тысячелетия, а за дни, — и откроют эту тайну. Всё зависит от людей!

...Тони открыл глаза. Россыпи звёзд, красный глаз Антареса, чёрная дыра Г-1920, оранжевое щербатое пятно планеты, жёлтое лохматое лжесолнце позади...

«Невероятный мир. Ну и занесло же нас!» — подумал Тони.

Мятежная и призывная музыка финала концерта Грига ещё звучала в кабине ракеты. Тони тихо подпевал мелодии. Нет, никому он не расскажет о своей слабости, нерешительности в последний час на Земле, о своих мудрых и осторожных сомнениях. Вперёд, человек! Вперёд, умный труженик, боец, беспокойный искатель, который никогда не удовлетворяет ни своего любопытства, ни стремления покорять и создавать. Вперёд, беспокойный и весёлый, гневный и гордый, упорный и сильный! И разве не величайшее счастье для человека — тяжёлое, но самоутверждающее движение вперёд?

— До планеты полмиллиона километров, — доложил Летье ещё через 19 часов. — Погасил скорость до 50 километров в секунду. Остальную погашу уже у самой Марины. Приборы показывают небольшой перерасход топлива в результате гравитационного отталкивания. Курс — прямо к центру планеты, иначе относит в сторону.

— Ты слышишь? Слышишь? — шёпотом выдохнул Бруно, до боли сжав капитану плечо. — Накладывается что-то... Это не помехи!

— Слышу, — прошептал в ответ Иван. Он слушал и не верил себе: к голосу Тони примешивалось едва уловимое, но чёткое бормотание на непонятном языке. Как будто две радиовещательные станции работали на близких волнах. — Включи дублирующий приёмник, поищи волну второго передатчика.

«Неужели там какие-нибудь существа?»

— Планета сейчас освещена на три четверти. Зрительно она размером такая, как Луна, когда на неё смотришь с Земли. В телескоп ничего не разобрать. Оранжевые облака, какая-то непроницаемая красная муть.

— Тум яансарк ямеацинорпен от яакак акалбо еывежнaro... тарбозар ен огечин покселет в... — отчётливо вклинился в паузу тихий чужой голос.

— В соседних диапазонах ничего нет. Только на частоте передатчика ракеты, — сказал Бруно. — Тогда что же это?!

— Тони, внимание! — громко сказал в микрофон Корнев. — На твоей волне припутывается какая-то передача. Её направление — тоже от планеты. Внимательно следи за нашими сообщениями. Приём.

«До него шестьдесят миллионов километров. Моё предупреждение дойдёт через три с чем-то минуты. За это время он пролетит ещё десять тысяч километров».

— Не планета, а самый настоящий апельсин! — передавал дальше Летье. — Сплошная оранжевая облачность. Хоть бы какой просвет! Попробую через инфракрасную насадку, может, найду прозрачную зону.

Какое-то время в динамике был слышен стук и пошвакивание: Тони возился с насадкой. В эти секунды астронавты снова слышали отчётливые фразы чужого шёпота:

— ...уноз юунчарзорп удйан тежом укадасан юунсаркарфни зереч...

Затем снова громко заговорил пилот:

— Да! Боюсь, что мы не очень польстили Марине, когда назвали её именем это безобразия. Это ж огнен-

ный водоворот! Вероятность увидеть стариков, превращающихся в младенцев, равна нулю, земляне! Планета ещё не остыла. В инфракрасных лучах можно увидеть лавовые моря... Какие-то вихри. Бушует планета. Заметно, что движется лава: воронки, какие-то валы перемещаются... Вот и догадайся, в каком течении времени это происходит — в нашем, противоположном или под углом? Может, когда подлечу поближе, тогда рассмотрю... Ага! Вижу острова. Они раскалены, температура поверхности — градусов семьсот. Похоже, они плавают в лавовом море. Что?! — Наконец-то Тони услышал голос Корнева. — Вздор какой-то! Я же слышу только вас — и без накладки, совсем чисто...

— ...месвос икдалкан зеб и сав оклот ушылс... — влезло в паузу бормотание. Оно стало громче.

— Передатчик с планеты я бы слышал гораздо лучше, чем вас! — звонко продолжал Летье. — Да и где бы здесь взялся передатчик и вообще — кто бы говорил, кому? Планета раскалена. Здесь явно нет ни одного существа, которое хотя бы квакало, не то что говорило...

— ...олировоо отч от ен алакавк ыб ятох... — словно передразнивая, пробормотал чужой голос.

Бруно посмотрел на Корнева испуганными глазами.

— Такое же было, когда ракета пролетала мимо большого болида «размером с небоскрёб», как сказал Тони. — Физик потёр лысину. — Там — болид, здесь — планета... Сгустки антимасс...

«Ласточка» немного помолчала. Затем Тони снова заговорил:

— До планеты триста девяносто тысяч километров. Немного относит в сторону. Пожалуй, пройду мимо неё по касательной к атмосфере...

— ...ерефсомта к йоньлетасак оп ёен омим... — снова ворвался голос, теперь уже громкий.

Корневу показалось, что он его уже где-то слышал.

Бруно в очках, сдвинутых на лоб, присел у динамика. Напряжённо шевеля губами, он водил пальцем по полу. От невероятно интенсивной работы мозга лицо его покраснело, на голове выступил обильный пот. Вдруг физик вскочил, разразившись криком:

— Тони, тормози! Это зеркальное эхо! Не приближайся к планете, тормози и поворачивай от неё. Впереди — слой зеркального эха! Это очень опасно! Беги от планеты, слышишь?!

— Летье! — присоединил свой голос Корнев. — Немедленно тормози с максимальной перегрузкой. Отойди в сторону! Приём!

— Поздно! — Физик в отчаянии схватился за голову, забегал по отсеку. — Поздно! Не успеет, не услышит... Три минуты, пока дойдёт сигнал и пока Тони начнёт тормозить! Скорость, инерция, пространство — всё против него.

Корнев в бормотании странным языком вдруг узнал голос Тони Летье. «Зеркальное эхо!? Что это?» Но спрашивать у Бруно было некогда.

— На лавовых морях планеты вижу какие-то вспучивания, — докладывал тем временем Тони. Бормотание теперь всё время сопровождало его слова. — Как будто надуваются и опускаются огромные волдыри... Однако из этого не могу сделать никаких выводов... Нужны подробности, детали, а я их пока не вижу. Ничего, потерпите немного, вот подлечу ещё тысяч на сто километров поближе, будут и подробности...

— ...итсонбордоп и тудуб... — повторил его голос.

— Мальчик... Дерзкий мальчишка с горячим сердцем. Неужели не услышит? Не успеет? — Бруно сидел на полу, тёр ладонью грудь у сердца. Лицо его было бледно. Интуицией опытного исследователя он понял: зеркальное эхо, насмешливо переворачивающее фразы Тони, — отзвук какого-то мощного и непонятого явления, происходящего в пространстве близ планеты. Туда, как бабочка на огонь, мчалась «Ласточка». Физик только очень поверхностно понял и ухватил закономерность явления. Интуиция подсказала, что она скрывает в себе смертельную опасность. Как и многие другие процессы в Космосе, это явление с равнодушной непоколебимостью может поглотить, раздавить, разрушить частичку приблизившейся к пределам его влияния материи — разведывательную ракету с обитателем другого мира — человеком, хрупким существом

со смелым, пытливым умом и пламенным сердцем исследователя.

— Неужели не успеет?

Корнев посмотрел на него, хотел успокоить. Но сказать было нечего — стиснул зубы, промолчал.

— Ага! — победно раздался в динамике голос Летье. — На острове вижу вулкан!

— ...наклав ужив евортсо ан... — Эхо было такое же громкое, как и голос пилота.

— Вот так вулканище! Скорее даже гигантский гейзер лавы. Бьёт на десятки километров вверх. Выбрасывает лаву и раскалённые камни...

— ...инмак еыннёлаксар и увал теавысарбыв...

— Ты прав, старый Бруно! Радуйся и кричи «ура». Никакого антивремени нет! Всё... — Голос Тони стал быстро стихать, словно пилот удалялся от микрофона. Зато зеркальное эхо гремело теперь как гром:

— ...етсем ан ёсв... яивтсделс и ыничирп... инмак и увал теавывёлпыв наклав...

И разом всё стихло.

Капитан ещё долго кричал в тихое пространство: «Алло, Тони! Алло, «Ласточка»! Вызывает звездолёт. Приём!»

Бесполезно.

Бруно сидел на полу и плакал. Смотреть, как пожилой сильный человек плачет, было невыносимо тяжело. На красные глаза Аскера набегали слёзы, тогда он скрежетал зубами, гримаса искажала его толстое лицо. Невероятным напряжением воли и мышц он пытался не дать слезам скатиться.

Но вот Бруно приподнялся и начал прослушивать магнитную запись передачи с ракеты. Те места, где было слышно бормотание зеркального эха, он отмечал на бобине магнитофона карандашом. Последний кусок ленты, где эхо совсем забило слова Летье, физик отрезал, разделил по паузам на маленькие кусочки и склеил их в обратном порядке. Затем смотал плёнку обратно на бобину.

— Слушай, Иван!

Шипение, и из динамика полилась возбуждённая, немного сбивчивая речь Тони:

— Всё на месте — причины и следствия. Сначала вулкан выплёвывает лаву и камни, затем они поднимаются вверх. Дальше теряют скорость и падают на вишнёвые склоны вулкана. Словом, всё как на Земле, как и должно быть. А жаль... — голос Летье затих.

Несколько секунд астронавты смотрели, как крутятся бобины. Бруно выключил магнитофон.

— «Радуйся, старый Бруно...» Словно в этом всё дело. — Голос физика задрожал, однако Аскер поборол себя. — Да я не так уж и прав. Всё гораздо сложнее. Как велик и разнообразен мир! Как мало мы ещё знаем о нём...

— Это... зеркальное эхо? — спросил Корнев. — Что ты думаешь о нём?

— В первый раз я его услышал, когда ракета Тони пролетела мимо огромного болида, пожалуй, слишком близко. Я тогда был на приёме и подумал, что мне помешалось... Потом никакого эха не было. А когда он подлетел к планете, снова появилось. Видимо, большие скопления вещества с антимассой окружены зоной пространства с особыми свойствами. Какими? Кто знает. Это исследуют те, кто прилетит сюда после нас. Одно из свойств этой зоны — зеркальное радиоэхо. Зеркальное — вот что важно: радиоволны не просто отражаются, но и последовательность сигналов меняется на обратную...

— Это можно понимать как антивремя? — поинтересовался Корнев.

— Не в большей степени, чем то, что антивремя содержится в магнитной ленте, которую я переклеил задом наперёд, — пожал плечами физик. — Нет, Иван, антивремя — слишком примитивная гипотеза для этого мира! Здесь всё сложнее, чем нам хочется.

— А как ты понял, что зона этого проклятого пространства близко от ракеты? До планеты ведь было ещё далеко.

— Никогда себе не прощу, что понял это слишком поздно. — Голос Бруно снова задрожал. — Я поздно догадался, что это бормотание — перевёрнутые фразы Тони. Были два признака быстрого сближения. Во-

первых, всё меньше становилась пауза между словами и эхом слов, причём зеркальное эхо отражалось всё более короткими отрывками. Во-вторых, слишком быстро эхо становилось громче. Ракета приближалась к незримой оболочке планеты. Пауза между прямыми радиосигналами ракеты и зеркальным эхом от них всё уменьшалась, пока не стала равна нулю. Ракета вошла в запретную зону и... Не представляю, что и как там произошло. — Бруно умолк.

На «Ласточке» был пятнадцатидневный по обычному счёту времени запас воздуха...

Друзья ждали Тони тридцать дней. У них ещё теплилась надежда: а может только радиопередатчик испортился? Может, радио и часть двигателей? Возможно, ракету или хоть её останки вытолкнет сюда антигяготение звезды...

Антигяготение относило звездолёт, но Корнев короткими толчками двигателей упорно возвращал его на прежнее место, в ту точку, с которой стартовала «Ласточка».

Настал тридцать первый день. Астронавты откачали воздух из коридора, надели скафандры. В телескоп новой обсерватории напоследок ещё раз обшарили окрестное пространство. Потом стали откручивать болты. Бронеколпак с телескопом и другими приборами отделился от носа звездолёта. Астронавты оттолкнули его ногами — он поплыл в пустоте, медленно опрокидываясь в оранжевых лучах лжезвезды.

После этого они проделали то же самое с кормовой обсерваторией и катапультной. Прогулялись по корпусу. Теперь от носа до чёрных сот аннигиляционных камер было только сорок шагов.

— Пока долетим до Земли, от «Буревестника» останется маленький огрызок, — отозвался Иван. — Метров двенадцать...

Бруно ничего не сказал.

Спустились в середину, разделись. Капитан поднялся по лесенке к пульту, включил маховики поворота. «Буревестник» дёрнулся, начал медленно разворачи-

ваться в пустоте. Бруно тяжело взошёл на мостик, встал рядом с капитаном.

В овале экрана проплывали созвездия. Вот промелькнул красно-жёлтый Альдебаран, за ним снизу вошли гроздью семь неярких звёздочек. Шесть из них образовали знакомый ковшик Плеяд. Седьмая, бело-жёлтая, ярче других — разместилась в центре ковша.

— Солнце, — тихо произнёс Бруно.

— Солнце...

Когда Солнце подошло к середине овала, Корнев переключил маховики. Звездолёт задрожал и замер. Оба молча сели в стартовые кресла. Капитан по привычке хотел подать в микрофон команду предстартового внимания, но вовремя спохватился. Досадливо поморщившись, нажал на кнопки двигателей. Мышцы почувствовали вибрацию звездолёта.

— Через шесть релятивистских лет будем дома, — сказал Корнев.

— Теперь, наверное, раньше. Через пять...

— Да, правильно, — быстро согласился Иван. — Долетим за пять... Впрочем, для нас всё равно: шесть или пять — в контейнерах сидеть. Дела не меняет. На Земле пройдёт почти сто лет.

Они помолчали.

— Ну, с этим я ещё поборюсь, — твёрдо сказал Бруно. — Разве это дело — улететь от людей на целые века? Теперь я представляю направление поисков: нужно преодолеть энергию, скомпенсировать массу тел... И знаешь, Иван: нам ещё придётся вернуться сюда. Обязательно! Тони хотел, но вот... А он был прав: новую экспедицию сюда должны вести те, кто уже здесь побывал.

Корнев молча кивнул.

...Впереди, немного справа по курсу, горела в пустоте обманным оранжевым сиянием несуществующая звезда Г-1920. А настоящий чёрный шар уже невозможно было увидеть — белый столб огня, вырывавшийся из звездолёта, заслонил его.

Вместо эпилога

(Из стенограммы заседания Комитета по астронавтике 27 ноября 2243 года. Заслушивается отчёт Виктора Крона, руководителя 3-й экспедиции к звезде Г-1920).

В. КРОН. Таким образом, применение антимасс тоже не решает основной проблемы звездоплавания. Конечно, они дают возможность экономить горючее, развивать скорость, очень близкую к скорости света. Но от этого десятилетия, превращающиеся для астронавтов в месяцы или даже в секунды, не перестают быть десятилетиями здесь, на Земле, в чём мы, вернувшись, с сожалением и убедились...

Поэтому хочу напомнить вам одну гипотезу исследователя Бруно Аскера, участника двух первых экспедиций к Г-1920. Коротко, только суть, теперь это весьма кстати.

Каждое скопление веществ (а мы уже знаем шесть типов веществ во Вселенной) создаёт вокруг себя пространственное поле, или, попросту говоря, пространство с вполне определёнными свойствами. Движение тел в таком пространстве подчиняется либо механике Эйнштейна, либо подобным ей механикам так называемых «зеркальных» и «анти-» пространств. Общим для всех них является положение о том, что двигаться со скоростью выше скорости света в вакууме невозможно.

Однако между чужеродными пространствами должны существовать смежные зоны с особыми свойствами... Ну, для нас это уже не гипотеза, а реальность. Именно такими зонами являются пространственные оболочки вокруг звезды Г-1920 и планеты Марины. Они есть и вокруг больших метеоров с антимассой. Такие оболочки обнаружены и у звезды Барнарда, состоящей из четвёртой разновидности веществ — так называемого антивещества с отрицательной массой.

Что же это за особые свойства смежных зон пространства? Исследовать их, как вы знаете, очень сложно. Правда, последующие опыты были не столь трагичны, как первый: оболочки планеты и звезды прошупывались автоматическими зондами и ракетами. Однако до сих пор мы знаем только четыре факта: эти оболочки создают зеркальное радиоэхо, они прозрачны для световых лучей, они поглощают тела с обычной массой... И четвёртый, самый интересный: поглощённые тела не взрываются, не падают на планету, — это можно было бы наблюдать, — а просто исчезают...

ГОЛОС. Мы ещё знаем размеры и форму оболочек.

В. КРОН. Ну, это уже из области геометрии. Я говорю о знаниях по сути, об особых свойствах смежных зон. Вот какова гипотеза Аскера по этому вопросу. В этих зонах противоположные воздействия силовых полей разных веществ взаимно уничтожаются. А это, в свою очередь, приводит к почти абсолютной проницаемости и безынерционности таких участков пространства. Зоны наименьшего сопротивления движению! Другими словами, материальные тела могут перемещаться там со скоростью, которая в миллионы и миллиарды раз больше, чем в обычном пространстве, а инерция тел, их масса во столько же раз уменьшается.

А это значит, — развивает свою мысль Бруно Аскер, — что тело, попав в такую зону, на какой бы малой скорости это ни произошло, начинает двигаться в ней, словно в некоем пространственном жёлобе, причём скорость его движения там по факту вырастает в миллионы и миллиарды раз. Когда такая зона замкнута, как оболочка Г-1920 или звезды Барнарда, тело будет крутиться в ней, как белка в колесе, не подвластное ни силам инерции, ни временным, ни внешним воздействиям.

ГОЛОС. Между прочим, эта гипотеза Аскера полностью противоречит другой его гипотезе о «вязком пространстве»... Старый Бруно оставил слишком много гипотез!

В. КРОН. А вы хотели бы, чтобы он сразу высказал не гипотезу, а истину в последней инстанции. Да ещё в вопросе, в котором мы до сих пор не можем разобраться?!

(Председательствующий просит исследователя Крона не отклоняться от темы, а присутствующих воздержаться от реплик до конца доклада).

Хорошо... Собственно, мне осталось рассказать об эксперименте по проверке этой гипотезы Аскера. Подробности описаны в нашем отчёте, скажу только суть. Мы выбрали метеор с антимассой среднего значения — вокруг него тоже была осязаемая пространственная оболочка — и в течение двадцати дней щедро облучали его мю-мезонами. Как вы знаете, эти частицы, возникнув, живут миллионные доли секунды. Стоит ли говорить о том, что вокруг метеора мы расположили счётчики и всевозможную регистрирующую аппаратуру? Оболочка исправно поглощала мезоны, а потом, когда насытилась, — лопнула! Это был фейерверк мезонов, я вам скажу! Счётчики чуть не вышли из строя. *(В зале движение.)* После этого оболочка метеора восстановилась и, как и прежде, поглощала частицы.

ГОЛОС. Опыт интересный. Но разве он подтверждает гипотезу Аскера?

В. КРОН. Не подтверждает и не опровергает, а уточняет. Теперь мы знаем, что недолговечные частицы мезоны действительно могут существовать в такой оболочке неизмеримо дольше обычного. Мы можем воздействовать на оболочки, разрушать их. Итак, после тщательного исследования этих зон можно будет понять, как их создаёт природа, и использовать в звездоплавании... Не исключено, что во Вселенной немало таких зон-каналов, зон-троп, которыми мы сумеем проникнуть в самые отдалённые уголки Метагалактики.

ГОЛОС. Однако это тропы, на которые лучше не ступать! В такие зоны легко влететь, но из них нельзя вылететь.

В. КРОН. Пока нельзя! Людям многое казалось невозможным, но стоило взяться за дело — и «нельзя» превращалось сначала в «возможно», а потом и в «можно»!

ГОЛОС. Исследователь Крон, я хочу задать вам вопрос, на который вы имеете право не отвечать. Не объ-

ясняется ли ваше благо-
склонное отношение к
этой гипотезе чисто лич-
ными мотивами? Тем, к
примеру, что Бруно Аскер
был вашим воспитателем
и учителем? (*Движение в
зале.*) Или тем, что астро-
навт, погибший во время
первой экспедиции к Г-
1920, был вашим отцом, а
гипотеза пробуждает как-
ую-то надежду на то,

что... (*Шум в зале. Возгласы: «Это недостойно!» —
«А если и так, то что?!» Председатель включает му-
зыкальный сигнал успокоения, шум стихает.*) Повто-
рю: вы имеете право не отвечать на вопрос. Но вы
должны ответить на него себе: не мешает ли это быть
объективным и беспристрастным в выборе идей?

В. КРОН. Отвечаю. Полностью объективной и бес-
пристрастной может быть только счётно-аналитическая
машина, и то, пока человек не введёт в неё программу.
Человек же бывает беспристрастным и объективным
только к тому, что ему безразлично, на что ему напле-
вать. А мне, моим товарищам по экспедиции, да и
большинству людей как здесь, так и за пределами этого
зала, не безразлично, не наплевать! Нам не наплевать на
борьбу за великие тайны звезды Г-1920, которую нача-
ли почти два столетия назад шесть исследователей «Бу-
ревестника»...

ГОЛОС. А может быть, только трое?

В. КРОН. Нет, их было шесть, и каждый сделал, что
мог!.. В этой борьбе — мы все целиком, как есть: с
нашими знаниями и мечтами, с удачами и ошибками, с
нашей смелостью и осторожностью, с нашим прошлым
и будущим, — а не просто абстрактный мозг! (*Апло-
дисменты.*) Ведь речь идёт о прекрасной возможности:
летать со сверхсветовой скоростью, сделать домом че-
ловечества не только Солнечную систему, но и всю
большую Вселенную! Не хотел бы я дожить до таких

Владимир Савченко

лет, когда стану равнодушным к этой мечте многих поколений. (*Аплодисменты.*) Что касается моего отца, астронавта Антона Летье, который пропал в оболочке планеты...

ГОЛОС. Может, всё-таки погиб?

В. КРОН. Который пропал в пространственной оболочке планеты Марины у Г-1920, то... что мы можем сказать о смерти, которой никто не видел, да ещё в условиях, в которых никто больше не оказывался? Только одно: это ещё не достоверный факт!

ПРИЛОЖЕНИЕ

В приложении последовательно публикуются:

- 1) текст полного издания первоначального варианта повести «Привидение времени» в переводе на украинский язык (Киев: Молодь, 1964);
- 2) обратный перевод с украинского языка текста журнального варианта повести «Привидение времени»;
- 3) текст журнального варианта повести «Привидение времени» в переводе на украинский язык («Наука та життя», 1962, № 11, № 12; 1963, № 1, № 2);
- 4) предисловие «От автора» к переработанному варианту повести «Призрак времени»;
- 5) текст переработанного автором варианта повести «Призрак времени» (сб. «Чёрные звёзды», М.: АСТ, 2002)

Привид часу

Науково-фантастична повість

Переклали з російського оригіналу
В. Р. Лихогруд та Н. І. Свечникова

Пролог. Крижані астероїди

Рустам Сінг чергував на диспетчерському пункті вантажної траси Земля — Космобуд — Венера — Меркурій останню годину.

Нічна Земля мерехтіла скупченням вогнів у містах і на шляхах африканського континенту. Червонувато-жовтий світанок підсвічував лише край Атлантичного океану. А тут, на стаціонарній орбіті, у чорному небі ще владарювало кудлате сонце. Воно нанизувало, ніби скляні намистинки, на свої промені маневрові ракети, які снували між кульовими і дисковими ангарами Космобуду.

На схід од диспетчерського супутника промені обривались у конусі ночі. Там по штучній Млечній Пугі тяглася низка вогнів.

Робота була не складна: стежити на екранах і світлових табло за рухом автоматичних ракет, приймати з трас рапорти контрольних автоматів, нудьгувати, чекаючи, поки трапиться щось непередбачене, коли потрібна буде людська ініціатива (за всі чергування Рустама такого ще не траплялося), та ще весь час сваритися з тими, хто відправляв і одержував вантажі — їх ніколи не влаштовував оптимальний, розрахований машинами режим перевозки. Рустам усміхнувся. Варто було б «оптимальний» назвати якимось інакше — адже цей термін ніколи нікого не влаштовує.

Тихо прогудів зумер біля телеекрана «Земля». Ну, ось, будь ласка! Рустам незадоволено підійшов до пульта:

— Диспетчер Сінг!

— Конструктор Ферро, Антарктида, Інститут вакуумного складання! — відрекомендувався лисий чоловік з розкішною рудою бородою. Було видно, що він надзвичайно обурений. — Чо-о-му досі не відправлено на венеріанські станції мої апарати променевого зварювання?

— Ваші апарати... — Рустам ковзнув очима по таблиці черги вантажів. — Ваші апарати підуть післязавтра малою швидкістю.

— П-п-післязавтра?! Малою?! Я ж телеграфував на Венеру, що відправлю їх сьогодні і середньою! Ось! — Бородань помахав якимось папірцем.

— Якби ви сконструювали свої апарати трохи легшими, — зауважив диспетчер, — тоді...

— Он як?! — в голосі землянина відчувався сарказм. — А ви, юначе, самі коли-небудь займалися такою справою?

Рустаму вже минуло двадцять чотири роки, і він терпіти не міг, коли його називали юнаком.

— Не займався і не збираюся займатися, дорогий товаришу. Променеве зварювання давно застаріло, і я, відверто кажучи, не розумію, навіщо ви відправляєте такі апарати на венеріанські будови? На Землі не пощастило застосувати?

У землянина одвисла щелепа. Він хотів щось відповісти на глузливе зауваження, та не встиг. У цю мить в диспетчерській пролунало:

— Сповіщає автомат-патруль 12! Невідоме тіло наближається з простору до середньої зони траси. Координати 69 східної, 15,5 південної...

Рустам, забувши попрощатися з землянином, підбіг до головного пульта.

— Траєкторія тіла перетинається з трасою під кутом три градуси, — чітко доповідав патрульний автомат. — На попереджувальні сигнали тіло не відповідає, ознак керованості не виявлено...

Рустам підняв палець над клавішею «Знищення метеорів», щоб випустити самонавідні атомні торпеди. («Нарешті буде про що розповісти!») і завмер з піднятою рукою.

— Швидкість тіла дев'яносто мегаметрів за секунду. Радіовипромінювання в діапазоні немає... — байдуже лунав штучний голос.

«Дев'яносто мегаметрів за секунду, майже третина швидкості світла. Тіло з іншої системи!»

Ось і стався той надзвичайний випадок, коли потрібна була людська ініціатива, коли людина мала перевершити машину в швидкості думки! У вільний від роботи час Рустам і товариші, які його змінювали, придумували «задачі» на можливі небезпечні ситуації в зоні траси і змагалися, хто швидше й краще впорасться з ними. Тепер це згодилося: мозок диспетчера вмить оцінив відстань од дванадцятого патрульного ав-

томата до траси, по якій ішли один за одним на відстані сотень кілометрів транспорти і визначив найнебезпечнішу ділянку. Дорогоцінну частку секунди, яку довелося б витратити, щоб простежити очима за світною схемою траси, було збережено. Тепер треба натиснути і відпустити відповідні клавіші перемикання. Рустам затулив долонею частину фотоелементів, одночасно натиснувши плечем кілька клавіш. У цю ж мить транспорти помчали геть од небезпечного місця.

Диспетчер знову натиснув і відпустив клавішу. Од сусіднього ангара, розпустивши білі вогненні віяла, вгору рвонулися три електромагнітні автомати-перехоплювачі з анігліційними двигунами.

Натиснути-відпустити! Дванадцятий патруль почав коректувати політ перехоплювачів, одночасно доповідаючи:

— Невідоме тіло схоже на паралелепіпед. Аналіз речовини за відбитим спектром: лід. Вага — майже тонна.

Диспетчер подав команду перехоплювачам:

— Одвести тіло від Сонця!

Лише тепер Сінг поглянув на схему траси. Там поміж світлячків ракет, що повзли наче мурахи, мимо нерухомих рубінових точок астромаяків і патрулів, електронний промінь гнав блакитну краплинку. Яскравий хвостик, що лишався після неї, свідчив про її величезну швидкість. Краплинка наблизилася до ланцюжка світлячків і на мить зімкнулася з ними. У Рустама похололо в грудях: зараз спалахне! Але крижаний астероїд пролетів у «вікно»! За ним, описавши пологі дуги, кинулися зелені рисочки перехоплювачів...

— Ух! — диспетчер витер спітніле чоло, відійшов — і зустрівся поглядом з землянином. Той усе чув.

— Дякую! — сердечно вклонився Сінг екрану.

— За що?

— Що ви нічого не сказали зопалу. Великий кристал, га?

— Дурниці! — Конструктор з Антарктиди похитав головою. — Таких кристалів не буває. Це штучне тіло. Повідомляйте по Сонячній! Швидше!

— І справді. Бувайте здорові...

Рустам повернув перемикач телевізофону на позначку «Блискавка», радіохвилі понесли його голос і зображення по всій Сонячній системі.

— Увага, люди! — Рустам намагався бути спокійним. — Тільки-но виявлено штучне тіло, яке летить від сузір'я Тельця з швидкістю 90 мегаметрів за секунду — крижаний паралелепіпед, вагою майже тонна. До нього полетіли перехоплювачі, але вони зможуть лише відвести тіло од Сонця. Пропоную послати в погоню зореліт... Увага! Стежте за сектором простору від сузір'я Тельця. Можливо, помітите щось нове. Передаю астрономічні координати...

Через двадцять чотири години спостерігачі зовнішньої обсерваторії на Плутоні помітили ще два крижані паралелепіпеди, які мчали від сузір'я Тельця. Шістдесят вісім днів треба було зорельотам, щоб виловити астероїди у просторі і доставити їх на Землю, в Астроград.

Три крижані брили були однаковісінькі за формою і розмірами. Невидимий космічний пил зробив своє: грані паралелепіпедів колись, мабуть, прозорі, стали матові. Астрольотчики, що транспортували астероїди на Землю, всередині нічого не помітили. Проте електромагніти виявили сталь. На всяк випадок, щоб зберегти космічний холод, астероїди поклали в контейнери з рідким гелієм.

Коли тіла перевантажили з контейнерів у закритий басейн, наповнений гелієм, матові грані астероїдів ніби розчинилися в рідині. Люди, що юрмилися навколо басейну, та й не тільки вони, — всі жителі Землі побачили на телеекранах людей усередині брил. Дві молоді жінки і присадкуватий літній чоловік застигли в крижинах. Усі троє були настільки земні, що припущення, ніби це «прийшли брати по розуму», одразу відпали.

Спосіб безракетної мандрівки людини, яку охолоджували до абсолютного нуля у захисній крижаній оболонці, уже застосовувався в Сонячній системі двадцять, хоч технічно це виконувалося інакше. Тому повернути цих трьох до життя не становило труднощів.

Астероїди прогріли інфравипромінювачами. Диспетчер Сінг, побачивши на екрані, як із камери теплового пробудження вийшла сіроока красуня, вигукнув вражено:

— І таку жінку я мало не спопелив ядерною ракетою!

Високий, трохи сутулий чоловік не поспішаючи йшов по сходинах до кімнати на п'ятому поверсі, де відпочивали три астронавти. Голова Зоряного комітету Остап Іскра сьогодні весь день сидів у Центральному архіві зорепплавання. І тепер ще раз пригадував усе, що йому пощастило узнати з мікрофільмів старих наукових звітів, побляклих газетних вирізок, фотографій, магнітних записів рапортів патрульних автоматів про цих трьох.

...На відстані десяти парсеків од Сонця у холодному просторі летить жовто-оранжева зоря, що належить до сузір'я Тельця. Вона не має назви. У зоряному каталозі Гумбріджа є лише її номер — Г-1920. Неозброєним оком зорю можна побачити тільки з Місяця, де спостереженню не заважає атмосфера. Зоря мчить до далекої групи Плеяд з надзвичайною для системи Млечної Путі швидкістю — 360 кілометрів за секунду.

Років вісімдесят тому вчені Центральної місячної обсерваторії опрацювали дані кількасотлітніх спостережень руху Г-1920 і прийшли до незвичайного висновку: тіло, яке рухається з такою швидкістю по орбіті зорі Г-1920, не може належати до системи Млечної Путі! Отже, Г-1920 прилетіла з чужої галактики. Вчені навіть зазначили, з якої саме — з спіральної галактики М-33 в сузір'ї Трикутник.

Позагалактична гостя в нашій системі! Сотні мільярдів років дві галактики: Млечна Путь і М-33 розвивалися ізольовано одна від одної, коли не брати до уваги слабкі, ледь вловимі телескопом промені світла, якими обмінювалися ці величезні згустки матерії. Двісті вісімдесят тисяч парсеків розділяли Млечну Путь і галактику М-33 — майже мільйони світлових років. А тепер зоря звідти летить отут, поруч, на відстані десяти парсеків. Подорож до неї — це все одно, що політ у М-33.

Учені добре дослідили свою галактику, тому чужорідна зоря їх особливо вабила. Справді, у жарких супертропіках Венери перші космонавти відкрили небілкове кремнійорганічне життя: іхтіозаври плавали там у киплячих кислотних озерах, а птероящери водилися в палаючих печерах. Ще далі, на розжареному боці Меркурія, жили металеві комахи. Перші автоматичні ракети, які літали за межі шумового радіофону Сонячної системи, принесли записи осмислених сигналів, що линули від

центрального зоряного ядра галактики. Два десятиліття тому автоматичні зорельоти зафіксували біля двох планет найближчої до Сонця зорі Проксіма Центавра групи метеорів, «які довільно міняли орбіти». Зробивши аналіз електромагнітних записів автоматів, учені прийшли до незвичайного відкриття: у космосі живуть свідомі кристалічні істоти.

Виходило: чим далі від Землі, чим більше відрізнялися од земних умови розвитку матерії, тим дивовижнішим з погляду людини був шлях розвитку матерії до своєї найвищої форми — життя. Що ж там, біля зорі з іншої галактики, яка мчала тепер на відстані близько десяти парсеків од Сонця?

«Якихось десять парсеків...» Іскра хитнув головою. Тридцять п'ять років туди, тридцять п'ять назад. Навіть тепер це — не близенький світ. А тоді, на початку двадцять першого століття... Антиречовини для фотонних зорельотів синтезували штучно. Спорядження зоряної експедиції коштувало стільки, скільки рік життя всього людства... Техніка анабіозу ще не вийшла з лабораторій, але й там експериментували тільки на собаках і мавпах. Така мандрівка в той час була за межами технічних і, головне, людських можливостей. Ні, сильних і сміливих людей і тоді не бракувало. Але у психіці людей лишився слід двадцятого століття! Століття революцій, воєн, небувалих відкриттів, винаходів, кипіння пристрастей, боротьби... Кожен, де б він не був, відчував, що дихає тим же повітрям, яким і всі, що справи і події на іншому боці планети стосуються і його, що супутник, який пролетів над ним, викликав у нього такі ж самі думки і переживання, як і у мільйонів інших людей. Кожен відчував себе членом складної п'ятимільярдної людської сім'ї.

Світ поширшав. Життя людини стало багатогранніше: за рік вона робила стільки справ, що їх у двадцятому столітті вистачило б на десятьох.

Вихопити людину з виру життя і приректи її на кількадесятилітнє комфортабельне животіння в космосі — означало майже цілковиту поразку подорожі.

Космос, зоряні перельоти... О, якби у міжзоряному просторі і справді були небезпеки, що їх змальовували письменники-фантасти у своїх творах: хмари таємничого пилу, який руйнував зорельоти, смертоносні потоки випромінювання,

космічні ями з потойбічними властивостями, жорстокі залізні диктатори! Проте вже під час перших польотів автоматичних ракет стало ясно: космос приховує щось значно простіше і страшніше: небезпеку під назвою Ніщо. Немає нічого, навіть змін дня і ночі. Тиша. Пустота.

У пам'яті ще не згладилася поразка зорельота «Фрегат». Машину оснастили універсальними автоматами. Вони вели зореліт за курсом, робили у просторі потрібні обчислення, переносили вантажі, відчиняли двері, готували їжу, прибирали каюти, влаштовували кіномузичні передачі — пальцем не треба було ворушити! Ескалатори, ліфти, роботи-масажисти... А який був важкий конкурс для учасників першого зоряного польоту! Всі вони мали бути талановиті вчені, чудові спортсмени, добре знати мистецтво, бути красивими і дотепними. Одібрали двадцять найяскравіших індивідуумів Землі і відправили до альфа Центавра по трасі, яку проклали автоматичні ракети.

І «Фрегат» повернувся назад, не пролетівши і третини шляху. Ще б пак! Людей, які звикли до щоденної праці, до розмаїтого земного життя, розпещених загальною увагою, раптом прирекли на багатолітнє неробство, забуття. Для них спинилося життя! Двадцять неповторних індивідуумів оскаженіли від багатомісячного неробства, від купання у розкішному басейні, від вправ у гімнастичному залі, очманіли від вишуканих бесід один з одним... Кінчилося все тим, що вони не витримали і ні з чим повернулися на Землю.

Знову спалахнули суперечки. Вчені почали складати нові проекти. Може, варто дослідити зорі спершу автоматичними ракетами? Але автомати лише розширять й уточнять уже відоме, проте вони не побачать принципово нового, того нового, заради якого люди прагнуть у простір... Встановити у навколосонячному просторі телескопи-рефлектори з особливими багатокілометровими дзеркалами? В них можна буде розглядати планети біля найближчих зірок, як Марс і Венеру з Землі. Та цього мало...

Тоді хтось запропонував запустити якнайдалі від нашої Сонячної системи «супутник-інтернат» і виховувати там з дітей майбутніх астронавтів. Але автор цього проекту побажав на всяк випадок лишитися невідомим...

Відновили теоретичні та експериментальні пошуки «принципу надшвидкості», який дав би можливість або зовсім відмовитись од теорії відносності або хоч би спростувати її положення: «ніщо матеріальне не рухається із швидкістю, більшою за швидкість світла в пустоті». Очолив ці пошуки видатний фізик Бруно Аскер. Учені сушили голови, як з найменшою витратою часу подолати відстань, що розділяє зорі у Всесвіті. Але не знайшли в Сонячній системі жодного явища, яке б суперечило загальним філософським законам Ейнштейна. «Знать, які ми маємо, дуже мало, щоб перейти до наступного етапу порівняно з механікою Ейнштейна, — так формулював поразку пошуків Бруно Аскер. — Потрібні нові дані про речовину, простір, світ. Щоб добути їх, треба летіти, причому не за десятки, а за сотні й тисячі парсеків. А щоб летіти, треба знати те, що ми знаємо після польотів, — принцип надшвидкості... Виходить замкнуте коло».

А світ зірок вабив! Гіпотетичні таємниці білих карликів, сяюча пустота червоних гігантів, спрямовані потоки космічних променів, шурхіт міжзоряного водню, невиразні радіовипромінювання згаслих зірок... Людство зняло з очей пелену атмосфери. Спостерігачі позаземних обсерваторій одну за одною відкривали планети і планетні системи біля далеких зірок. А жовта зоря Г-1920 тікала з швидкістю 360 кілометрів за секунду. На сімнадцять мільярдів кілометрів щороку віддалялася нерозкрита таємниця... Зорі мерехтіли в земному небі, нерухожими розсипами сяяли над Місяцем і Марсом, — вабили, розохочували людей, які вже пізнали могутність своєї праці і розуму.

Заклик зірок! Остап Іскра добре знав, що це таке. В ясну ніч не можеш заснути, до галюцинацій виразно уявляючи присмеркові відблиски на полірованому корпусі космольота і розжарений, голубуватий од великої швидкості розсип зірок. Думки стають спокійні і величні, забуваєш про труднощі пройдених парсеків пустот, про самотність, яка ссе серце, і лишається тільки одне: а що ж там, біля найяскравішої зорі? Цей заклик виник із найблагороднішого і високого прагнення людини вперед. Не один раз він зривав із Землі, кидав у простір і Остапа Іскру.

«Треба чекати. Можливо, через півстоліття і пощастить спорядити експедицію до загадкової Г-1920. А поки що — гай, гай!»

Тоді шість чоловік заявили: «Ми полетимо до Г-1920! Полетимо не через півстоліття, а тепер — на зорельоті, який має швидкість лише 0,8 світлової!»

А втім, спочатку їх було тільки троє: інженер-космобудівник Іван Корнєв, конструктор Стефан Март і міжпланетник Антон Летєє. Вони опублікували свій проєкт і програму польоту на ракеті зразка майстерні.

Зореліт-майстерня... Іскра пригадав фото цих трьох, які знайшов у картотеці астронавтів. Глядячи на них, Остап дивувався. Ну, Антон Летєє, тридцятидвохлітній ас номер один, зрозуміло. Тонкі риси обличчя, зухвала усмішка, сміливий погляд, розкішні кучері. Такому все за іграшку... Стефан Март дивився з фото зарозуміло і холодно, рішуче стиснувши губи. Це теж, видно, людина гонориста і вперта, ладна костями лягти, але довести своє. А ось Іван Корнєв. Вилицюватий, коротко підстрижене з сивиною волосся, товсті губи, простодушний погляд, трохи випуклі очі, м'ясистий ніс. Цей чоловік здавався повільним, обережним — з тих, що «сім разів одміряють, а один раз одріжуть». Важко було повірити, що саме йому належить такий до зухвальства одчайдушний задум.

Через деякий час до них приєдналися дві жінки: Марина Плашек — лікар, біолог, ботанік і дев'ятнадцятилітня Галина Крон — інженер-радіст.

Навіть тепер такий сміливий проєкт Зоряний комітет узяв би під сумнів. У простір мав піднятися не зореліт, а просто трьохсотметрова цистерна з фотонними двигунами, великим запасом матеріалів, верстатами, інструментами, продовольством... і екіпажем, що складався з шести чоловік. Обладнати зоряний корабель ці сміливці мали в космосі самі.

«На пригоди краще не розраховуйте, — попереджав членів експедиції Іван Корнєв, — летіти доведеться роки, десятиліття. Це будні. Пережити їх у космосі значно важче, ніж на Землі. Життя людини роблять змістовним праця, творчість. Ні спорт, ні розваги їх не замінять. Ось ми й плануємо свій політ так, щоб ніколи не лишатися без роботи, щоб і в міжзоряній пустоті мати змогу прикладати сили, втілювати задуми, виявляти майстерність».

А втім, Іван Корнєв був людиною діла. Він розраховував, що шість кваліфікованих спеціалістів, навіть якщо працюва-

тимуть не поспішаючи, встигнуть до фінішу біля Г-1920 повністю обладнати зореліт...

Проект зорельота-майстерні багатьох приголомшив. Чимало проектних інститутів і заводів, сотні тисяч спеціалістів працювали над проблемою зореплавання... І раптом — на тобі! Обійшлися без них. Суперечки розпалилися.

«Послати людей у космос на такому, даруйте на слові, зорельоті — все одно, що відправити їх у пекло!» — обурювався відомий теоретик астронавтики.

«Експедиція приречена! Астронавти не зможуть розвинути потрібну швидкість, і їх притягне назад до Сонця!» — запевняли інші.

«Якщо їм пощастить вилетіти з Сонячної, все одно вони не зможуть загальмувати біля зорі!» — пророкували треті.

«Навіть загальмувавши біля зорі, астронавти не розженуть ракету назад!» — підтверджував ще якийсь авторитет.

Та найзавзятіше, як свідчили пожовклі сторінки газет і протоколи різних комісій, виступав проти проекту Бруно Аскер — фізик, математик, кібернетик, найвидатніший учений того часу. Студенти на кінолекціях і досі бачать цього огрядного чоловіка, чують його грубий бас, просту, далеку від академічної вишуканості мову. І досі на лекціях, конференціях, у наукових статтях згадують то «формулу Аскера», то «метод Аскера», то «ефект Аскера». Тепер він — класик.

А потім трапилося непередбачене. Бруно Аскер раптом став шостим учасником експедиції Корнева. Можливо, саме це й вирішило долю голосування у Зоряному комітеті: послати чи не посилати шість смільчаків у простір.

Астронавти стартували звідси, з Астрограда, шістдесят дев'ять років тому — у жовтневий день 2048 року.

І ось троє з них повернулися.

Остап Іскра тихенько прочинив двері і зупинився на порозі кімнати.

Три астронавти прикипіли очима до гір і моря, що розкинулися перед ними. Жінки стояли на балконі, обнявшись, чоловік трохи осторонь сперся на поручні. Іскра на мить глянув на все їхніми очима, очима людей, які багато років дивилися тільки на прилади та чорне небо у колючих цяточках

зірок. Він теж, коли повернувся звідти, жадібно вбирав поглядом білосніжні хмарки, що велично пливли у блакиті, синоваті снігові вершини гір, зелені, пронизані промінням сонця хвилі, що розбивались об парапет набережної на білі бризки й піну; потоки машин, які мчали вулицями, зелень двоярусних бульварів, обличчя незнайомих, але рідних людей... Він так само вдихав терпке повітря, підставляв тіло свіжому надвечірньому вітру, що подихав з моря.

Остап Іскра підійшов до астронавтів.

— Здрастуйте! — схвильовано промовив. — Здрастуйте, Галино Крон. Я, здається, не помилився?

Дівчина всміхнулася. Її великі сині очі радісно засяяли. Вона подала руку.

— А ви — Марина Плашек?

— Так, здрастуйте, — почувся у відповідь приємний чистий голос.

— Стефан Март, конструктор-механік?

— Вгадали, — чоловік енергійно потис простягнену руку. — А ви хто?

— Іскра, голова Зоряного комітету. — Остап пройшовся по кімнаті, зсунув крісла в ряд і викотив їх на балкон. — Сідайте... і розкажіть, що сталося з вашим зорельотом-майстернею? Де він подівся? Де ваші товариші?

— Як? — Галина Крон здивовано глянула на Остапа. — Невже ви не одержали радіограми? Виходить... — голос її затремтів.

— Нічого не виходить, Галинко, — сказав Стефан Март, сідаючи в крісло. — Не забувай, що на Землі минуло... який тепер рік, голову?

— Дві тисячі сто сімнадцятий.

— Значить, минуло шістдесят дев'ять років. Протягом цих шістдесяти дев'яти років тут щодня відбувалася сила-силенна подій. Радіограма могла десь загубитися.

— Ні, вона не загубилась. — Іскра вийняв з кишені аркуш паперу, розгладив його на коліні. — Точніше, не загубилося те, що дійшло до Землі. А дійшли, на жаль, лише уривки... Слухайте: «...га, Сонячна!» Можливо, «увага». «Буревісник...» Шуми. «...мчить із швидкістю нуля дев'яносто один світлової...» Виходить, дуже збільшили розрахункову швидкість? — Іскра запитливо глянув на конструктора Марта.

— Так, — підтвердив той. — Що ж там далі?

— Далі... далі шум і кілька слів, яких не можна розібрати. Потім — «місцезнаходження...» Знову шум. «Г-1920...» Шум. «...маршруту такі...» Шум. «...яскравість зорі...» Шум. «...пропорціональна квадрату відстані до неї». — Голова здивовано глянув на астронавтів. — Навіщо ви таке повідомляли?

— Яскравість зорі зменшується пропорціонально квадрату відстані до неї! — сердито зауважила Марина. — Зменшується, розумієте?

— Зменшується?! — Остап Іскра вражено дивився на жінку. Притиснутий рукою до коліна аркушик паперу тріпотів на вітрі. — Та-ак... «Паралакс...» Знову шум. «...зменшується, повторюю...» Шум знову забив кілька фраз. «Зіткнулися з... у напрямку... бачимо... дослідити причини цього явища...» — Іскра зітхнув і віддав згорнутий аркуш Галині Крон. — Оце й усе. Потім почався такий шум, що розшифрувати далі слова не змогли навіть імовірносні електронно-обчислювальні машини¹. Та коли врахувати, що радіограма пройшла чотири парсеки, то й це чудово!

Астронавти, нахилившись над аркушем, зачудовано розглядали його.

— Отже, вони все-таки пролетіли! — радісно вигукнула Марина Плашек. — У них все гаразд!

— А чому такий шум? Може, передавач? — Март запитливо подивився на Галину.

— Передавач був справний. Цілком справний! — впевнено промовила інженер-радист. — Просто, мабуть, дуже далеко залетіли. На межі чутності. Адже тут ефір заповнений радіопередачами...

— «...як доходить до нумізмата стертий п'ятак або як світло мертвих зірок доходить», — продекламував Стефан Март. — Ну, прийняли ви цю радіограму — і що далі? — звернувся він до Іскри.

¹ Обчислювальні прилади для розпізнання і переробки спотвореної інформації; визначають імовірність появи того чи іншого сигналу за сукупністю решти сигналів. (Тут і далі пояснення автора).

— Ми... тобто не ми. Тоді, у 2078 році, я був у експедиції. Керівництво Комітету, судячи з протоколів, зайшло у безвихідь. По-перше, ви страшенно збільшили швидкість при своїх запасах пального. Крім того, витратили пальне на цю радіограму... Якщо врахувати, що взагалі до вашої експедиції ставилися скептично...

— Ну, звичайно! — Март кивнув головою.

— Словом, вирішили, що ваш «Буревісник» на шляху до Г-1920 зіткнувся з якимось тілом, був пошкоджений і що ви просите допомоги. Тоді й спорядили рятувальний зореліт-автомат...

— Так-так, — вигукнув Март, схопившись з крісла. — Рятувальний апарат! Людям же так далеко летіти не можна! — глузливо кинув він.

— Між іншим, такі автомати добре себе зарекомендували, — зауважив Іскра.

— Летить тепер ваш автомат, врізаючись у зорі.

— Скажіть, товаришу Іскра, — втруtilась у розмову Марина, — більше ніяких звісток не було з «Буревісника»?

— Ну, які можуть бути звістки, якщо корабель загинув невідомо де! Автомат ні на трасі, ні у гаданому районі його не знайшов... Простір — це простір! Не могли ж ми обшарити всю галактику... — Іскра хотів усміхнутись, але усмішки не вийшло. Відчував ніяковість, розмовляючи з астронавтами. Був старший і в той же час явно молодший од них. Як людина пізнішої епохи, Остап знав значно більше, ніж астронавти, — і разом з тим відчував себе малюком перед цими людьми, що стільки пережили...

— Простір — це простір... — повторила Марина. — І час — це час. Так?

— А ви хіба сумніваєтеся в цьому? — Іскра знизав плечима.

— Виходить, старий Бруно мав рацію, — задумливо вела далі жінка. — Є речі, які можна пізнати тільки там...

— Що саме? — спитав голова. — Може, ви розповісте?

— Так, розповімо. — Стефан Март вмовився зручніше в кріслі, глянув на всіх. — З вашого дозволу почну перший, бо саме того дня чергували я і Корнев...

Частина перша. Примари часу

1. Відкриття

У механічному відсіку лунали чисті мелодійні звуки скрипок. У кожного астронавта були свої улюблені композитори, свої вибрані записи. Іван Корнєв любив Третій концерт Бетховена для фортепіано з оркестром і часто його програвав. Під цю музику добре працювалося й думалось. Вступ скрипок в темпі уповільненого маршу. Потім ніжна, співуча мелодія... Зараз вступить фортепіано...

У динаміках клацнуло, і почувся тенорок Стефана Марта:

— Іване, а з зорею щось трапилося...

— Трапилося? — капітан корабля вимкнув верстат, здивовано глянув на динамік. — Зіпсувалася, чи що?

— Не знаю. Вона не стає яскравішою.

— Це через збільшення швидкості, оптичний обман. Зоря була оранжева, потім пожовтіла, тепер стала блакитною. Ефекти Допплера. Адже максимальна чутливість ока припадає на жовтий...

— Дякую, це я теж добре знаю! А тепер дивлюсь — і очам не вірю...

— Так перевір приладами розподіл яскравості зорі по спектру. Ти ж розумієш, що це дурниця?

— Розумію, Іване, розумію. У тому й справа, що розумію... — Динаміки ще щось промурмотіли і замовкли.

Залунало соло фортепіано. Корнєв знизав плечима, знову ввімкнув електроерозійний верстат. Синьо-білі іскри почали шмагати лискучий латунний циліндр, випльовуючи у бензол чорні крихти й каламуть. Електрорізець лишав позад себе глибокий, трапецієвидний паз. Ось іскри погасли. Корнєв витягнув із ванни верстата теплу втулку, що гостро пахла бензолом, помацав поверхню паза — шорстка. Обтер втулку губкою, затиснув у лещатах. Потім вийняв з ящика трикутний напилек з дрібною бархатною насічкою і почав обережно притирати втулку до грані паза.

Вічна музика лунала серед вічних зірок. Складний ритм концерту Бетховена дивно збігався з рухом рук Корнева. Іван почав навіть тихенько наспівувати.

Усе йде добре, просто на славу: і втулка, і експедиція, і життя! Минуло п'ятнадцять років з дня старту, а за внутрішнім рахунком тільки дев'ять. Якщо відкинути час анабіозу, то кожен з них не прожив у зорельоті і чотирьох років... А скільки зроблено!

Тоді від станції старту на Плутоні віддалялася, викидаючи блакитні стовпи полум'я, трьохсотметрова герметична цистерна. На три чверті вона була залита анігілюючим паливом, восьму її частину займав склад матеріалів, продовольства, інструментів і приладів. У носовому, гнітюче порожньому і незатишному відсіку, сиділи на ящиках шість астронавтів — чотири чоловіки і дві жінки. Вони поглядали на голі стіни з сизими слідами зварювання і розмірковували, з чого почати.

— Та-а-к... — усміхнувся своїм спогадам Корнев і кинув втулку у ванну з чистим толуолом: одмити наліт масла.

Цистерна «Буревісник» вгвинчувалась у простір. Усередині і зовні кипіла робота. Перші роки працювали всі астронавти: зварювали параболічні решітки антен у пустоті під зорями, що шалено крутилися, розраховували і паяли схеми, лагодили курсові та аварійні автомати, малярували, пресували з пластмаси побутовий дріб'язок, проектували і монтували санвузол так, щоб в оранжерею надходило добриво, працювали за верстатом, одшукували у велетенських стінах «Буревісника» місця витоку повітря, переплавляли відходи матеріалів, готували їжу...

Але з особливим захопленням кожен брався за свою улюблену справу. Навряд чи хтось інший з членів експедиції створив би таку оранжерею, як біолог Марина. А хто краще за радиста Галину Крон озвучив би корабель? Тепер у всіх відсіках лунає музика. Людей більше не пригнічує мертва тиша простору. А як Галина все обладнала: стереофонічне звучання, повний динамічний діапазон! Ніби сидиш у концертному залі!

«Як багато може зробити людина!» — думав Корнев. На Землі, коли твоя праця розчиняється в праці багатьох, це не так помітно. А тут — ось вона, досконала зоряна машина,

згусток їхньої праці, думки, творчості, їхнє житло, корабель, інструмент для дослідження Всесвіту! І вони, шестеро, створили її за чотири релятивістських роки¹ життя. Тепер працю доводиться навіть економити...

Стефан зайшов у майстерню, зиркнув спідлоба. Був трохи розгублений.

— Яскравість зорі не збільшилася. В жодній частині спектра. Отже, ефект Доплера ні при чому. Мені здається... — Головний конструктор втомлено примружився. — Мені здається, яскравість навіть зменшилася...

Вони лише вдвох чергували на «Буревіснику». Решта спали в контейнерах анабіозної установки «Засинання — пробудження» при температурі, близькій до абсолютного нуля. Коли найпотрібніше: обсерваторії, енергосистема, оранжерея, система автоматичного контролю двигунів, каюти, кухня — було зроблено, астронавти перейшли на режим тримісячного чергування по двоє. І життя, і сили треба було економити.

— А швидкість? — Корнев витер руки ганчіркою.

— Нормальна — 0,82 світлової. Чого їй мінятися? Двигуни вимкнуто. — Стефан пригладив п'ятірнею рідке волосся. — Слухай, Іване, ти розумієш що-небудь? Ми летимо до зорі, а вона тьмяніє! Ми пройшли майже половину шляху. Г-1920 мала б уже сяяти втричі яскравіше, ніж раніше, а вона...

— Фотоелементи справні?

— А чому їм бути несправними? Це ж кристали.

— Ти все-таки перевір. Напівпровідники, вони іноді...

— Добре. — Стефан попрямував до дверей.

— Зачекай! — гукнув Корнев. — Ходімо разом.

У стометровому коридорі, який вів мимо рубки управління до носової обсерваторії, теж лунали звуки фортепіано і оркестру. Тут було прохолодно, як завжди, коли не працювали двигуни. Корнев і Март пройшли повз оранжерею — там

¹ За теорією відносності, при швидкостях, близьких до швидкості світла, ритм усіх процесів, у тому числі й життєвих, уповільнюється. Для «Буревісника», який летить із швидкістю 240 000 км за сек., рік дорівнює 19 земним місяцям.

пишно цвіли троянди і півонії, зеленіли овочеві грядки, вишикувалися виведені спеціально для пасажирських планетолетів карликові яблуні та апельсинові дерева. Поминули овальні двері кают, люки харчових холодильників, укріті інєєм двері відсіку з установкою «Засинання — пробудження» — від них віяв колючий холод. Проходячи мимо, Корнєв подумав, що через 36 годин вони з Стефаном повернуть до життя двох астронавтів, а самі залізуть у контейнери і на три місяці перетворяться в куски льоду. Та й час — вони вже втомилися від одноманітності шляху.

Вигнуті стіни коридора були розмальовані від підлоги до трапа, який правив за стелю — по ньому рухалися, коли зореліт збільшував швидкість і прискорення змінювало звичне уявлення про «верх» і «низ». І чого тільки тут не було! Захід сонця над темно-синім морем, криваво-червоне сонце розлилося рікою між примарними хмарами... Голубий вітер притискує до жовтого піску якісь химерні рослини, зриває і несе яскраво-червоні пелюстки квітів... Зелені поля обабіч гудронової дороги, що губиться десь біля обрїю, а на цій дорозі — маленький мотоцикліст... Усе намальовано розгонисто і яскраво: пілот Антон Летє не любить змішувати фарби.

«Чого це ти все Землю та Землю малюєш? — спитав його одного разу Корнєв. — Малював би з натури».

«От повернемося на Землю, тоді малюватиму зорі», — всміхнувся Тоні.

— Незабаром йому ніде буде малювати, — зауважив Март.

— Нічого. Зафарбує і почне знову.

Март відчинив масивні двері в кінці коридора і, здавалося, ступив у зоряний простір, що шалено крутився. Корнєв, який ішов слідом, хоча й знав, що прозора півсфера обсерваторії міцна, мов броня, з інстинктивним страхом ступив на сходинки, що вели ніби в безодню. Тут теж було холодно: пустота висмоктувала тепло крізь півсферу.

— Ввімкнути освітлення? — спитав Март.

— Ні, нехай очі звикають, — відповів капітан.

Вони навпомацки знайшли сидіння, закріпилися в них ременями.

Капітан увімкнув протиобертання обсерваторії.

Зорі уповільнили запаморочливий біг. Виникло нудотне відчуття стрімкого падіння — перехід у невагомість. Корнєв відчував, що вкривається липким потом, у роті зібралось багато слини. Над силу всміхнувся: на чому тільки не літав, але так і не пощастило побороти в собі приступи морської хвороби.

За прозорою півсферою найяскравіше палахкотів Альдебаран. Через величезну швидкість корабля він здавався не жовто-червоним, як із Землі, а блакитним.

— Бачиш, який він став яскравий. — Стефан вказав рукою на зорю. — Одразу відчувається, що до Альдебарана вже не 12 парсеків, а вісім. А наша Г-1920 — навпаки...

Через кілька хвилин очі звикли до темряви, і тепер у світлі зірок можна було не тільки розрізнити контури багатооб'єктивного телескопа, схожого на дерево з обрубаними гілками, але й шкали приладів, рисочки поділок на мікрометричних конусах. Хворобливий перехід до невагомість закінчився, астронавти ніби занурились у спокійну, невідчутно легку воду. Конструктор щось пошукав у шухляді стола, вибрав найчутливіший фотоелемент і почав перевіряти його за стандартною світловою точкою.

Корнєв нахилився над окуляром. Розсип зірок у колі телескопа став густіший. Капітан одразу відшукав біля перехрестя окуляра неяскруву зірочку. Величезна швидкість зорельюта перетворила її з оранжевої на біло-голубу. «У чому ж справа? Погано, що ми не стежили за нею постійно, а тільки наглядали час од часу. Звичайна психологія мандрівників: для чого спостерігати те, на що досхочу надивишся зблизька? Астрономами знали цю зорю більше ста років, і ніхто не помітив у неї коливання яскравості. У чому ж справа?»

Стефан приладив фотоелемент до спектроскопічної приставки телескопа, настроїв її.

— Подивись, Іване.

Корнєв побачив райдужні смуги спектра на екрані, стрілки приладів. Безперечно, яскравість зорі стала меншою, принаймні втричі. Це було так дивно, що капітан замішався. Прилади показують правильно, сумніву немає. Тоді як усе це пояснити? «Адже ми летимо до зорі, а не віддаляємось од неї! Такого не буває: зоря, яка однаково світила тисячі, та що там

тисячі, мільйони років, раптом почала гаснути на очах! — Корнєв усе ще не міг цьому повірити.

І те, що капітан зробив потім, конструктор Март сприйняв як образу. Корнєв ще раз старанно проградуював фотоелемент, уважно оглянув призми та лінзи у спектроскопі, обтер з них невидимий пил, потім знову виміряв яскравість зорі. Результат був той самий...

Капітан замислився.

— Що ти хочеш зробити? — ображено спитав Март.

— Знову виміряти паралакс Г-1920.

— Ти думаєш, що астрономи помилилися? Відстань до зорі інша? Цього не може бути.

— Я нічого не думаю. Але перевірити треба, — капітан розстебнув ремені. — Не забудь поставити підпірки під дерева. Поламаються.

Бічні двигуни працювали сорок вісім годин, наповнюючи зореліт рівномірним дрижанням і подвійним проти звичайного тягарем прискорення. Тепер корабель летів не по променю зорі Г-1920, а відходив убік на 5000 кілометрів за секунду. Через 45 годин зміщення стало помітне. Корнєв і Март виміряли кут, на який зсунулася зоря.

Мовчки порозумівшись, кожен окремо перевірів дані і розрахував відстань од зорельота до Г-1920. В інший час обидва розсміялися б, якби хтось сказав, що їх страшенно налякає елементарна шкільна задача: за двома кутами і стороною обчислити трикутник... Але тепер було не до сміху. Астронавти обмінялися папірцями.

Вони знали, що відстань од Сонця до зорі Г-1920 була 10,1 парсека. Після п'ятнадцятилітнього польоту «Буревісника» до зорі з субсвітловою швидкістю вона становила 13,883 парсека! Розрахунки збіглися до третього знака після коми... Тепер уже не було сумніву: астронавти летіли до зорі, бачили її попереду і водночас віддалились од неї, причому саме на таку відстань, на яку мали наблизитися, — на дванадцять світлових років.

Корнєв і Март мовчали, приголомшені цим відкриттям. Капітан, болісно наморщивши лоба, вимовив над силу:

— Час... Більше нічого. Тільки час.

— Про що ти? — не зрозумів конструктор.

— Про цю зорю. У неї біг часу протилежний нашому. Тому так і сталося. Вона не попереду, а позаду нас... Півтора десятиліття летіти не туди! — Корнев обхопив голову руками.

Стефан розгубився. Він дивився на Корнева переляканими очима.

— Цього не може бути! Ти збожеволів! Хоча стривай. Якщо знак часу змінюється, то, за рівнянням Максвелла, електромагнітні хвилі світла йтимуть не від джерела світла, а до нього. До нього! А ми і на Землі, і тут дивимося назустріч хвилям... Можливо, щось іще? — Він замовк, напружено роздумуючи.

Корнев знизав плечима, роблено всміхнувся.

— Оце так становище.

— Що ж робити? Гальмувати?

— Не поспішай. Там, де згаяно роки, дні вже нічого не вирішать, — капітан підвівся з крісла. — Порадимось з товаришами.

Анабіозна установка «Засинання — пробудження» (УЗП) була другим після оранжереї дітищем Марини Плашек. На Землі дівчина лише почала вивчати цю справу. З собою вона взяла кілька десятків кроликів для дослідів.

Після того, як на «Буревіснику» було зроблено все конче потрібне, за конструювання анабіозної установки взялися всі і, нарешті, створили її. УЗП могла зовсім легко виключати з життя і повертати до нього людину. В польоті це дуже важливо. Треба було економити життя.

Корнев не раз пробуджував товаришів, піддавався цьому процесові сам і кожного разу дивувався тому, що відбувалось. Насправді подив мала викликати протилежна операція — засинання: під впливом променів молекулярних генераторів, які уповільнюють теплові коливання молекул і атомів, людське тіло охолоджується так швидко і рівномірно, що вода у тканинах не встигає кристалізуватися, — кожна клітина, нерв і мускул живуть. Але людина перетворюється в брилу склоподібної маси. Це було бридко і страшно.

А коли під час пробудження сизий кусок аморфного льоду стає живою людиною, це здається дивом.

Март стояв біля пульта молекулярних генераторів. Корнев надів азбестові рукавички, вкотив на площадку вкритий інеєм контейнер з людиною, що вмерзла в лід. Капітан був зосереджений і похмурий.

Корнев очистив од інею верхню стінку контейнера. Там, у прозорій товщі льоду, застигла людина. Очі її були заплющені. Під білою шкірою виразно виступали мускули. Антон Летєє, або просто Тоні, перший пілот.

Іван поставив контейнер під рефлектор генераторів. Стефан повернув вимикач. Могутні потоки електромагнітної енергії прошили лід і тіло. В якусь невловну мить відновилося теплове дрижання молекул. Тіло Тоні з синього стало блідо-рожевим. Брязнули вимкнуті контактори.

Але Тоні не виявив ніяких ознак життя. Його обм'якле тіло безвільно гойдалося у воді.

— Що з ним? — захвилювався Март.

Корнев гмукнув, засукав рукави, занурив руки у воду і енергійно полоскотав пілота. Той одразу схопився і сів.

— А, це ти, Іване... Стривай, а чому — ти? Адже ми з Бруно чергуємо після Галинки і Марини?

Розхлюпуючи воду, він вискочив з контейнера, труснув головою, поправив мокре волосся. Потім пильно глянув на Корнева і Марта.

— Що трапилося, хлопці? — швидко спитав.

Замість відповіді Корнев подав йому рушника.

— Іди одягнися. Зберемося через тридцять хвилин у відсіку управління.

Тіло Марини Плашек просвічувалось крізь мутнуватий шар льоду, ніби у напівтемряві. Зараз вона розплющить променисті сірі очі, збере у важкий вузол попелясте волосся і трохи ніякового всміхнеться. Іван поклав руку на контейнер — холод відчувався крізь азбестові рукавиці.

Жінки на кораблі... Марина, Галя. Обидві чудові, кожна по-своєму. Поряд з ними хотілося бути красивим, розумним, до-тепним. Хотілося подобатися їм. Звичайно, за товарицькістю, дружбою крилися й інші почуття. Але ніхто не намагався зблизитися. Кожен розумів, що це ускладнить життя на кораблі...

Правда, приховати свої почуття було легше, поки астронавти жили на зорельоті разом, весь час бачили одне одного.

А коли почалися піврічні чергування по двоє, «нестійка лірична рівновага», як назвав її Бруно Аскер, могла порушитися, капітан корабля визначив: Марина і Галя чергуватимуть на одній зміні.

...Перший, кого побачила Марина після пробудження, був Корнев. Вона всміхнулася радісно й здивовано: на щоках з'явилися чарівні ямочки. Потім дівчина помітила Стефана — куточки губів здригнулися, усмішка зникла.

Віджимаючи мокре волосся, Марина зауважила:

— Давно я не бачила вас такими неголеними, хлопчики. Щось трапилося, га?

Корнев збентежено торкнувся рукою підборіддя і відсмикнув руку, вколовшись об щетину.

— І справді, не поголилися.

...Бруно Аскер навіть у льоду, здавалося, про щось міркував.

— Гладшає фізик. Якщо так піде далі, то його, либонь, більше не пощастить заморозити, — жартував Март.

Корнев часто запитував себе: якби він, Іван Корнев, спочатку страшенно нападав на проект зорельота-майстерні, а потім прийшов проситися до складу експедиції — прийняли б його? Нізащо. Поглузували б в обличчя. Він же людина звичайна. Іван це зрозумів давно і не засмучувався даремно. Правда, Корнев зробив у житті чимало. Але все те не мало підкоряючого блиску таланту: він умів працювати, вмів боротися до останнього за те, що, на його думку, було потрібне і правильне. І тільки...

А от Бруно прийняли. Бруно Аскер! Цим сказано все.

Корнев усміхнувся, пригадавши ювілей Аскера — тридцятиліття «плідної наукової діяльності». У призначений день біля входу до лабораторії (Аскер тоді працював у галузі ядерного синтезу) зібралися вчені, студенти, цікаві. Бруно вийшов з лабораторії у синьому, забрудненому графітом і маслом халаті майстра. Назустріч йому попрямував літній чоловік, тримаючи перед очима папірець з привітанням. Промовець урочисто прокашлявся... Але ювіляр пронизав усіх ущипливим поглядом і почав перший: «Любов до круглих дат властива людям, які погано лічать. До того ж я прихильник двоїчної системи, а в ній число 30 — не кругле», — повернувся і пішов геть.

Прокинувшись, Аскер пирхнув, вхопився за борт контейнера і виплигнув.

— Починаємо хворіти на дзеркальну хворобу, фізику, — глузливо кинув йому Март.

Аскер здивовано втупився в нього, виймаючи із шафи одержу.

— Що це за хвороба? Щось я не чув про таку.

— Незабаром зможеш побачити свої волосаті ноги лише в дзеркалі, — пояснив конструктор.

— Гм! Дотепно, але... — Бруно легко нахилився і торкнувся долонями підлоги, — тільки й усього.

— Жарти жартами, а взагалі тобі не завадило б скинути кілограмів п'ять, — втрутився Корнев. — Навіщо збільшувати кінцеву масу зорельота?

— Поки що мої п'ять кілограмів не становлять і мільйонної частки маси «Буревісника», — Бруно був у доброму настрої. — Коли треба буде, схудну... — Він вийняв з штанів сигарети, запалив і пішов одягатися.

«Уже треба», — мало не крикнув йому навздогін Корнев.

Лишився останній контейнер. Іней на ньому відтанув, поки розморожували інші. Галина Крон лежала в кризі, заклавши за голову руки. Корнев підсунув контейнер до площадки, коли у відсік увійшла Марина.

— Капітане, — рішуче звернулася вона до Корнева, — я давно збиралася сказати тобі. Стефане, вийди, будь ласка. Ми зробимо все самі.

Март запитливо глянув на Корнева.

— Добре, — сказав той, — іди, Стефане. — І, коли конструктор вийшов, обернувся до Марини.

Плашек трохи ніяково всміхнулася.

— Розумієш... Галина чекає дитину.

У Корнева на мить потемніло в очах. Тільки цього ще бракувало. Він уважно подивився на Галину. Так, щось схоже...

«Хто? Невже Летє?»

Якось виходило, що Крон завжди працювала з Тоні. А одного разу капітан, зайшовши в оранжерею, побачив, як Галина куйовдила чуприну пілотові. Той од щастя був схожий на хлопчиська. Тоді Корнев не надав цьому значення.

— Марино, — капітанові було незручно, — адже Галина чергувала разом з вами.

Він помітив, як жінка закусила губу, а в очах її заграли лукаві іскорки.

«Отак, капітане. Дівчина покохала — і всі твої хитромудрі психологічні побудови розлетілися мов поживкле листя під вітром. Дарма що космос, дарма що це ускладнить і без того нелегке життя всіх. Вона кохає. У неї буде дитина. Це вище за всі розрахунки, за всі істини... Треба оберігати її від важкої роботи, від перевантаження».

— Іване, вони кохають одне одного. Кохають!

Від її погляду Корневу стало не по собі.

— Так-так. Я розумію... — але враз пригадавши все, капітан мимоволі вигукнув: — Як же це невчасно!

Марина тепер дивилася на нього холодно.

— Ви маєте рацію, капітане: це справді невчасно... Ви надто ділова і правильна людина, капітане, щоб для вас це взагалі коли-небудь було «вчасно»!

Корнев важко зітхнув, стримуючи лють, яка раптово спалахнула. Почервонівши, відрубав:

— Помиляєтесь, біолог Плашек. Я дуже люблю дітей. Я не мав сім'ї, але це нічого не значить. А тепер я згадав про дисципліну. І ще про те, що до найближчого родильного будинку звідси трохи більше чотирьох парсеків.

— Пробач, Іване, — тихо мовила жінка.

У Корнева заходили жовна.

— Ставайте до пульта, Плашек, — він надів рукавички, щоб вкочити на площадку контейнер...

...Відсік управління — найбільше приміщення на «Буревіснику». Передня стіна у дзеркалах, шкалах, циферблатах, індикаторних лампах. Перед нею — самообертювий проліт штурманського містка, закріпленого у дискових шарнірах бічних стін; на ньому стоять скошені тумби пультів, всіяні різноколірними кнопками і важельками, куби дорожніх самописців, астронавігаційних автоматів. Стелю відсіка по діагоналі перетинає чорна смуга з фосфоресцюючими цятками — зоряна карта. Перо самописця креслить на ній світну зелену пряму, веде її до яскраво-оранжевої цятки на межі смуги...

«Карту доведеться виправити», — майнула думка у Корнева. Ввімкнули верхнє світло. Газові трубки, закриті шторками фільтрів, залили відсік м'яким жовто-зеленим, наче в сонячний день у лісі, світлом.

Астронавти сідали в крісла, які стояли попід стінами. Незабаром зібралась уся команда. Тоні Летєє, глянувши на капітана, не втерпів.

— Іване, у тебе вигляд, як у гоголівського городничого. «Я запросив вас, добродію, щоб сповістити дуже неприємну новину».

— Ти вгадав, — кивнув капітан пілотові. — Я справді запросив вас, щоб сповістити дуже неприємну новину. Ми летимо... не туди!

— Непогано сказано, — спокійно пробасив Бруно.

— Я кажу цілком серйозно! Ми справді летимо не в той бік.

У відсіці враз запала гнітюча тиша. Астронавти приголомшено дивилися на капітана. Той розповів про свої і Стефанові спостереження.

— Мабуть, треба починати гальмувати, — вів далі Корнев. — Я і Стефан самі вирішити цього не могли. Ми не наважилися зупинити машину посеред дороги. Може, хтось сумнівається у правильності наших спостережень і висновків, може, є ідеї дослідів, щоб перевірити ці дані, може, нарешті, хтось вважає, що треба повторити вимірювання, — кажіть відверто. Справа серйозна — не до самолюбства і дріб'язкових образ... Коли заперечень немає — пропоную не гаючи часу гальмувати в економічному режимі. Потім обговоримо, що робити далі.

Підвівся Бруно Аскер; від його благодушності і сліду не було.

— Я хочу подивитися записи у дорожньому журналі. І в останньому, і в старих.

Корнев подав йому купку тоненьких синіх книжечок. Бруно одразу почав уважно їх переглядати.

— Слухай-но, фізику! — Тоні Летєє з усіма був на «ти». — Можливо, ти і знайдеш одну-дві дрібні помилки, не в цьому справа! Йдеться не про те, на скільки процентів вони помилилися, вимірюючи яскравість і паралакс Г-1920. Важливо, чи справді ми летимо не в той бік. А може, тут щось інше?

— А я це й перевіряю, — не підводячи голови від журналів, буркнув Бруно.

— Може, якісь зміни простору? — вголос міркував пілот. — Наприклад, дзеркальне відбиття у просторі.

— Що б там не було: дзеркальне відбиття, зворотний час чи ще щось, але ми летимо не туди, — сухо підтвердив Март. — Це факт. Треба повертати назад! — Він знову тужливо втупився в підлогу.

— Ми віддаляємося... Кожна секунда роздумів відносить нас на 390 тисяч кілометрів не в той бік... — Марина нервово стискувала пальці. — П'ятнадцять років летіти не туди!

— Іване, ми ж бачимо зорю Г-1920 там, у групі Плеяд, — дзвінко сказала Галина. — Бачимо, розумієш? Як же повертати назад?

— Заплющити очі, — тихо порадив Летьє.

Стефан підвів голову, докірливо глянув на пілота. «Він ще жартує...» А насправді з зорею все ясно. Закони механіки невмолимі. Зорі немає. Треба повертати. На Землю, додому. Експедиція не вдалася.

Усе не вдалося. До дідька, додому. Досить. Стефан раптом відчув, як йому все тут остогидло, навіть обличчя і голоси товаришів.

«Ну, що вони ще обговорюють? Просто зволікають час. Їм треба звикнути до думки, що там немає зорі. Кінець кінцем, нічого жахливого не трапилося. Просто природа поставила людину на своє місце. Таке траплялося вже не раз. І завжди люди намагаються протиставити могутнім проявам складності світу свій комариний писк. «Ми бачимо...» — сказала Галина! Ти і в дзеркалі бачиш себе. І дуже приємно».

— Ага! — вигукнув раптом Бруно підводячись.

Усі обернулися до нього.

— Я шукав у журналах ідеї експерименту, яким можна перевірити, куди ми летимо, і знайшов його... Ось записи, — він підняв один журнал. — Пам'ятаєте, наприкінці другого року польоту ми виявили, що курсовий гіроавтомат¹ система-

¹ Автомат, в якому використано властивість дзиги — зберігати при обертанні незмінним положення своєї осі в просторі. Гіроавтомат підтримує правильний курс.

тично зносить «Буревісник» праворуч од зорі? «Помилка» За два роки становить півтори кутових секунди. Тоді Летєє і Крон «полагодили» прилад. І... «виправили» помилку, перебудувавши автомат! Але автомат був точний! Він суворо вів зореліт у тому напрямку, якого надали йому під час розгону, враховуючи, що швидкість зорі Г-1920 відхиляється вбік у просторі майже на одну тисячну швидкості світла. Автомат не брехав, брехала зоря. Ми віддалились од неї — і її кутове переміщення зменшилось. А прилад був настроєний на збільшення кута знесення. Отак...

Бруно сів. Товсті щоки його обвисли.

Нічого не змінилось у відсіку. Так само лилося зверху жовте світло, так само попід стінами сиділи астронавти. Але тепер кожен розумів: вони блискавично мчать у невідоме... Слова Бруно справили величезне враження: якщо вже він не зміг спростувати спостереження Корнева і Марта, значить, вони справді летять не в той бік. Почати гальмувати? Але це велика витрата пального. Ні, треба добре подумати.

— «Фрегат» летів-летів, не долетів, — порушив мовчанку Тоні. — «Буревісник» летів... На землі нас засміють. «Ті, що не туди летіли» — до смерті лишиться за нами.

— Але чому? — підняла пухнасті брови Галина. — Адже ми зробили таке відкриття — знайшли у просторі зорю із зворотним бігом світла!

— Зробили? — Бруно аж підскочив. Його очі й лисина сяяли у світлі газових трубок. — Ти справді вважаєш, що це «зробили» ми? Цікаво, коли ж? Коли лежали в контейнерах чи коли відверталися од фактів, плювали на спостереження? А може, тоді, коли «виправляли» гіроавтомат? Га!?! Мені доводилося відчувати радість відкриття. То була праця, шукання, творчість — і це було справжнє щастя. А тепер я не відчуваю ні щастя, ні захоплення. Мені соромно. «Знайшли зорю із зворотним бігом!..» Не думав, що найправильніший спосіб шукання — тікати з субсвітловою швидкістю від об'єкту пошуків!

2. Парадокс Марини Плашек

Небо над містом потемнішало, вкрилося хмарами. Його західний край підсвічувало жовте сонце.

Іскра підвівся, торкнув важіль: над балконом розгорнувся тент. Майже одразу по ньому застукотіли великі краплі дощу.

— Дощ! — Галина простягла руки, підставляючи долоні під великі краплини. — Дивіться, іде «сліпий» дощ.

Скісні струмені затарабанили по тенту, розсипалися райдужним пилом на дахах сусідніх будинків, утворили каламутні пухирчасті струмки вниз на асфальті. Люди сховалися під деревами. Вулиця стала безлюдною. Тільки машини снували по мокрій автостраді.

Астронавти притихли, жадібно вдивляючись у затуманене місто, похмури гори.

— Зараз буде блискавка! І грім! Ну! — вигукнула Галина Крон.

— Блискавки не буде, — байдуже сказав голова. — Це тільки так, вечірнє поливання вулиць. І щоб повітря стало чистіше. Дощ за хвилину перестане.

І справді, незабаром хмара розтанула у блакиті неба. Під сонцем засяяли мокрі дахи, над ними і над асфальтом піднялася пара.

— Шкода... — засмучено мовила дівчина і знову сіла.

— Розповідайте тепер ви, Марино, — запропонував конструктор Март. — Те, що ви тоді сказали, багато в чому визначило дальші події.

— Якби я цього не сказала, — лагідно всміхнулася жінка, — сказав би хтось інший — Бруно, Летєс, Корнев чи ви... Таку думку підказала мені моя наївність. Свіжий погляд не фізика на фізичні проблеми. І тоді всі почали сперечатися... Розумієте, — Марина обернулася до Іскри, — ми зіткнулися з небезпекою там, де найменше її чекали: у космічній міжзоряній пустоті, за кілька парсеків од найближчих зірок. Та ще й з якою небезпекою! О, коли б це було щось матеріальне, що загрожувало нашому життю, зорельоту... Якби ми могли застосувати свої сили, майстерність, кмітливість, навіть одвагу — як завзято почали б ми працювати, досліджувати! Та небезпека виявилася знач-

но простіша і жакливіша. Вона крилася в нашому незнанні. З дитинства, з школи ми засвоїли механіку Ньютона — Ейнштейна, всі ті непорушні та ясні істини про простір, час, рух, які на Землі і в Сонячній системі тисячу разів були перевірені на практиці, на яких тримається уявлення людей про світ. А коли ми хотіли застосувати ці уявлення до відкриття Корнева і Марта, з'ясувалося, що вони нікуди не годяться. І ми замість того, щоб вжити якихось рішучих заходів, сиділи у зорельоті, що мчав нас невідомо куди, і сперечалися. А втім, краще розповісти все по порядку...

Після палких і страшних своєю правдою слів Бруно у відсіку керування спалахнула суперечка.

— Нічого не розумію... — розгублено сказала Марина, глянувши на товаришів широко розплющеними очима. — Ми відкрили зорю, у якої час плине у зворотньому напрямку? Нехай. Подивимося на все це логічно. Припустімо, зоря має планету. Припустімо далі, що на планеті є мислячі істоти... Адже це логічно можливо, так?

— Ну, то й що! — вигукнув Летєє і випростався.

— А те, що для цих істот їхній час плине «нормально». На нашу думку, час там іде назад, від майбутнього до минулого — старі люди перетворюються на юнаків і дівчат, потім у малюків і так далі. Але це тільки, на нашу думку, на думку людей, де система ліку часу інша. У тих істот вихідна точка і напрямок ліку часу свої. Для них час плине від минулого до майбутнього. Їм, мабуть, здалося б, що це наш час іде назад, що ми розвиваємося від старих до малюків... Отже, дві різні точки ліку часу, дві протилежні системи, але в межах кожної — природна послідовність подій.

— Одну кінострічку змотали не з того кінця, — зауважив знову Тоні. — Герой спочатку гине, а потім снідає.

— Саме так, — кивнула йому Марина. — Поки ці системи не взаємодіють, такий рух часу цілком влаштовує і нас, і істоти там, якщо вони є. Але ж системи взаємодіють! Ми, наприклад, бачимо «антипромені» Г-1920, бачимо фізичне явище, яке підкоряється іншому плину часу...

— Взагалі зовсім ізольованих систем немає, — зауважив Бруно. Його теж зацікавило міркування біолога.

— Тепер припустімо, що системи зближуються. Одна — Г-1920 і її планета. Друга... ну, наприклад, наш «Буревісник», який підлітає до Г-1920 і її уявної планети. Істоти на планеті помітять наш зореліт. Вважатимемо момент, коли нас помітять, за нуль, за початкову спільну точку часу... Після цієї миті для істот з античасом настане їхнє минуле: ті дні і роки, коли вони ще не помітили нас. — Марина перевела подих. — І навпаки, до цієї миті, навіть зараз, античас розгортає їхнє майбутнє у зворотному напрямі, те майбутнє, в якому вже є спогади про приліт «Буревісника». Отже, хоч ми від Г-1920 на відстані 14 парсеків, там знають про наш приліт, знають серед яких сузір'їв мчить «Буревісник», який він... Саме тепер розвивається їхнє майбутнє до тієї миті, коли вони нас побачать. Виходить, про наш політ на планеті знали ще до того, як ми вирушали в подорож, стартували з Землі і навіть до того, як ми народилися?.. Якась «божественна обумовленість», — Марина розгублено усміхнулася.

— І все-таки у тебе десь тут логічна помилка, — резюмував Антон Летьє.

— «Парадокс Марини»! Непогано, — усміхнувся Бруно, зручніше вмощуючись у кріслі. — Отже, нема чого туди й летіти. Ми там уже побували.

— Ми туди не зможемо полетіти, — промовив Стефан.

— Почекай, не про це мова! — Марина підвелася. — Немає значення, як назвати цей парадокс. Не в тому річ. Припустити, що у Г-1920 античас, — значить прийти до абсурду, до безглузлого роздовоєння однієї події. По-моєму, це має не тільки теоретичний інтерес. Може... — в її очах засвітилася надія.

— Може, ми зараз щось зрозуміємо, і все стане на своє місце. Це ви хотіли сказати, Марино? — спитав Аскер.

Жінка знизала плечима.

— Що ж, спробуємо... Хто, власне, перший вимовив слово «античас»? — вів далі Бруно. — Хто висловив глибоку думку, що зоря Г-1920 має античас?

— Ну, я, — стиха промовив Корнєв. — А що?

— Тоді поясніть нам, — фізик подивився на капітана. — Що таке час? Просто час?

— Час — це... Гм... Об'єктивно реальна форма існування матерії, яка розвивається... — Корнєв намагався згадати ін-

ститутський курс філософії. Він був упевнений в матеріальності світу і в дослідженнях більше покладався на здоровий глузд, досвід та інтуїцію. Тепер Іван напружував пам'ять: — Світ існує в просторі і часі... Час властивий усім явищам світу... Влаштує?

— Не зовсім, — відповів Бруно, — простіше й конкретніше, для практичного користування.

— Простіше? Тривалість подій — це і є час. Ми бачимо, що одна подія, наприклад стрибок kota, відбувається швидше за іншу, ну хоч би за обертання Землі під Сонцем. З цього робимо висновок: тривалість стрибка kota менша, ніж тривалість одного оберту Землі. Оскільки всі події мають тривалість, так само як і всі предмети — розміри, то й виникає універсальне поняття часу нарівні з поняттям простору... Отак.

— Чудово, — кивнув Бруно. — А що ж тоді античас? Антитривалість? Дурниця. Тривалість, довгочасність не мають зворотного знаку, так само як довжина, ширина і висота. Що ж усе-таки за звір — «античас»?

— Почекайте, Аскер! — вигукнув Корнев. — Адже час — це тривалість подій. Від початку до кінця...

— Античас — тривалість тієї самої події, тільки від кінця до початку? Браво!

— Де початок того кінця, яким кінчається початок? — глибокодумно вигукнув Стефан Март.

Ніби прохолодний вітерець дмухнув по відсіку. Всі пожвавішали: тепер вони могли якщо не діями, то хоча б силою думки опиратися обставинам, у які їх загнала природа.

— Не заплутуйте мене! — одчайдушно махнув руками капітан. — Я мав на увазі ось що, коли вжив термін «античас». У відомій нам частині Всесвіту події відбуваються у більш-менш зрозумілій або звичній послідовності. Наприклад, Сонце завдяки термоядерним реакціям, що виникають у його надрах, випромінює світлові кванти. Вони розходяться від нього. Наголошую, від нього! Якщо ми спостерігаємо зворотну послідовність: світло зорі йде до зорі, — чому ж не зробити висновку, що час цієї зорі плине у зворотному напрямку?

— Тому, що це неправильно! — відрубав Бруно. — Не послідовність подій визначає плинність часу. Стародавня плутанина. Час — тривалість подій, великих і малих, простих і

складних. Тривалість — і нічого більше! Час обумовлюється подіями, а не навпаки. А події, їхня послідовність, розвиток, результати, все, у тому числі й тривалість, — визначаються причинно-наслідковими зв'язками між явищами природи... А з погляду діалектичного причинного зв'язку тут усе зовсім ясно: наслідок — те, що зореліт помітять гіпотетичні істоти Марини, — ніколи не настане раніше за причину, тобто прибуття корабля до зорі Г-1920. І нічого тут, як кажуть, голову морочити!

— Що ж, може, це й так, — здався Іван.

— Так, це пояснює, — кивнула Марина, — хоча й не зовсім...

— Ні, я дивуюся! — підхопився з місця Тоні. — І тобі, Марино, і тобі, Іване. Професор тисне на вас своїм авторитетом — і ви легко відмовляєтесь од своїх ідей. А головне — від правильних ідей!

— Так чи не так, — зітхнув Стефан, — це все одно нічого не міняє...

Аскер обернувся до Тоні, насупивши кошлаті брови.

— Ніж збивати з пантелику інших, пілоте, скажіть самі, якщо вам справді є що сказати.

— Є, — запально прийняв виклик Летьє. — Час — не просто тривалість подій! І в уявленні людей, і в науці — це щось більше... Це реальність, яка має різноманітні властивості. А рівняння у фізиці, в які входить значок «t»? А гіпотези про існування «квантів часу»? — Тоні перевів подих. — А гіпотези про антиентропійні¹ вселенські процеси, які виникають із плинності часу і впливають навіть на форму планет? Що ви скажете на це, професоре?

— Не морочте мені голови, юначе! — поблажливо промовив Бруно. — Який каскад термінів! Яка ерудиція. Я в своєму житті слухав не одну сотню студентів, котрі не маючи справ-

¹ Явища і процеси, що запобігають «тепловій смерті» Всесвіту, яка мала б настати від поступового вирівнювання температур усіх тіл (зростання ентропії). Вчені гадають, що такі процеси відбуваються всередині зірок. Радянський астроном Козирев вважає, крім того, антиентропійною силою плин часу, але його гіпотезу заперечують інші вчені.

жніх знань, намагалися відбутися тріскотною про те, чого зовсім не розуміли. Всім їм доводилося складати мені заліки по кілька разів...

— По суті, по суті, професоре!

— У ваших доказах немає суті, студенте! — обірвав Аскер. — На підтвердження неймовірної думки: час це щось, ви висуваєте гіпотези, які самі потребують доказів!

— Стривайте! — спинив їх дзвінкий голос Галини. — Про що ви сперечаєтеся? Нас щохвилини відносить на десятки мільйонів кілометрів кудись до Плеяд, а ви... — обурювалася дівчина. — Нам треба туди летіти? Там є зоря?

— Ні! — Бруно сердито промокнув лисину носовичком.

— Ні, Галинко... — сумно всміхнувся Летєє, одразу втрапивши інтерес до суперечки. — Нема про що балакати.

— Добре, що хоч у цьому всі одностайні, — полегшено зітхнула дівчина.

Слова Галини повернули всіх до дійсності.

— Гарзд, поговорили, — Корнеєв підвівся. — Підсумую. Яскравість Г-1920 зменшилася втриє, а відстань до неї збільшилася майже на чотири парсеки. Це прямі вимірювання. Бруно доповнив їх: кутове зміщення зорі зменшилося. Але чи досить цього, щоб твердити: зорі там немає, — капітан показав рукою на оранжеву точку на зоряній карті.

— Звичайно, — зауважив Летєє.

— Саме так, — кивнув Март.

— Отже, гальмувати! — рішуче промовив Корнеєв.

Чергові Корнеєв і Март попрямували на місток. Усі інші астронавти закріпилися ременями в кріслах. Десь за стіною завили, набираючи швидкість, маховики протиобертання: поступово, наче провалювалася підлога, зникла важкість. Потім почали працювати маховики системи маневрування, спрямовуючи зореліт назад до Сонця. На великому овальному екрані передньої стіни замелькали сузір'я: астронавтів притиснуло до спинок крісел. Ще кілька хвилин маховики в шахті гіроавтомата завивали на різні голоси, заспокоюючи «Буревісник» у новому положенні.

Передня стіна раптом піднялась і перетворилася на стелю. Місток повернувся на шарнірах, кінець його сходів описав

дугу перед обличчями тих, що сиділи під стіною. Власне, люди лежали: задня стінка відсіку стала підлогою. Астронавти розстбнули ремені і закріпили крісла в новому положенні. Іван і Март, вивіривши прилади, спустилися до товаришів.

Тепер кожен переживав відчуття польоту. Тяга двигунів не створювала безжурно спокійне прискорення, схоже на гравітаційні поля¹ планет. Струси від мікрровибухів анігілюючих порцій антигелію та водяної пари пружно передавалися по корпусу «Буревісника», тіло відчувало інфранизький музичний гул.

— Цікаво, на скільки раніше Ньютона люди замислилися б над тяжінням, якби воно отак давалося взнаки? — задумливо промовив фізик.

На його міркування ніхто не звернув уваги — всі думали про інше.

— Чому так безглуздо все трапилося? — сумно дивлячись перед собою, промовила Марина. — Чому ми не відкрили цього в перші роки подорожі? В перші, а не через п'ятнадцять!

— Те, що ми відкрили, суперечить уявленням людей про світ, — пояснив Бруно. — Ми не повірили, що це об'єктивність, а все пояснили несправністю приладів... Ех, скільки явищ ще не відкрито тільки тому, що люди вважають за погрішності приладів усе не схоже на те, що б їм хотілося побачити!

— Од вас сьогодні віє глибокодумністю, професоре, — іронічно зауважив Стефан.

— Жалкую, що з нами цього не трапилося раніше, — зле відповів фізик. — Тоді б ми не залетіли хтозна-куди!

— Невже отак й повернемося ні з чим на Землю? — знову захвилювалася Марина. — Ми погубимо хороше починання — надальні зорельоти-майстерні. З такими труднощами добилися дозволу на політ, і тепер... Хіба на Землі мало скептиків. Вони перші заволають: «Ага! Ми попереджали!» Во-

¹ Поля, що їх утворюють сили тяжіння.

ни витлумачать наше повернення як поразку. І справа про дальні перельоти надовго забудеться.

— Марина має рацію, — підтримав дівчину Летєє. Його очі звузились од злості. — Хоча б оці діячі з «Діпрозору» — одразу зчинять галас: «Ось! Не послухали нас! Летіли б у звичайному зорельоті... А то все у вас не так, як у людей. Навіть час!»

Галинка і Марина розсміялися. Та й усі трохи пожвавішали. Навіть похмурий Стефан всміхнувся.

— Справа ж не в тому: поразка чи перемога, — сказав фізик. — Головне, з чим ми повернемося на Землю? Які нові знання про Всесвіт принесемо людям? Адже ми летіли саме для цього. А тепер знаємо навіть менше, ніж раніше! «Відкриття»... На Землі можуть і не повірити в те, що ми розповідатимемо. Що ми принесемо з собою? Адже, крім оповідок і факту повернення з середини дороги, доказів ніяких!

— Чому мовчить капітан? — спитала Галина.

— Справді, Іване, чого ж ти мовчиш?

Усі обернулися до Корнева. Той сидів, підперши руками підборіддя. Його обличчя було в тіні, лише волосся сяло алюмінієвим блиском, та ще лиснів кінчик товстого рівного носа. Корнев розпрямився, відкинувся на спинку крісла. Риси обличчя його були великі і трохи незграбні: м'ясисті губи, масивне підборіддя, широкі брови, високий спадикий лоб, трохи випуклі зелено-сірі очі, які завжди пильно дивилися на співбесідника.

— Хто вам сказав, що ми летимо назад?

— Тоді куди ж? — вигукнув Тоні. — Може, завернемо до Альдебарана? Подвійна зоря, дуже цікаві силові поля! І всього-на-всього на два парсеки далі...

— Ні, — рішуче заперечив Корнев. — Ми полетимо туди, куди нас послали, — до зорі Г-1920.

— До Г-1920? — Летєє свиснув. — 14 парсеків до неї і ще 10 від неї до Землі — майже вісімдесят світлових років шляху. А пальне? А час? Можливо, в тебе у кишені заховано безсмертя і ти відріжеш усім нам по шматочку?

— Облиш, Тоні! — розсердився Корнев. — Я кажу цілком серйозно.

У відсіку раптом стало тихо-тихо.

— Пробач, Іване, але це несерйозно, — порушив мовчанку Стефан. — Три гальмування і два розгони. Отже... — міркував він уголос, — з нашим запасом пального ми зможемо розвинути швидкість майже 100 000 кілометрів за секунду — у 2,5 раза меншу, ніж досі. Політ триватиме 240 років. Уже в перші 60 років він втратить значення. Адже за цей час можна долетіти до Землі, а звідти на новому зорельоті — до Г-1920 і назад...

— Я завжди захоплювався твоєю здатністю добувати в думці корінь п'ятого степеня чисел, Стефано, — спокійно відповів Корнев. — Так швидко обчислити режим польоту зуміє не кожен... — Капітан рішуче підвівся з місця, подивився на товаришів. — Нас послали до зорі Г-1920, і ми повинні долетіти до неї. Треба привезти на Землю не скандальний факт: «Зорі немає!» — а ясні знання чи принаймні точні всебічні спостереження. В тому, що трапилося, ми самі винні. Летіли до зорі чужої галактики і мали бути готові до всього, навіть до того, що всі наші основні фізичні поняття полетять шкереберть. Мали, а виявили ганебну косність мислення... Отже, ми самі повинні виправити те, що сталося. Нарешті, антигелій, який ми спалили даремно, люди на Землі синтезують ціною героїчної праці. Цю працю треба виправдати.

— Що ж ти пропонуєш? — спитав Стефан.

— Я пропоную зменшити кінцеву масу «Буревісника» настільки, щоб летіти до Г-1920, а від неї до Сонця, як і раніше, з субсвітловою¹ швидкістю. А для цього доведеться демонтувати зореліт — лишити в космосі зайве обладнання, прилади, інструменти, продовольство, речі вжитку. Треба уважно все оглянути і вирішити, що саме. Тоді ми не програємо в часі порівняно з експедицією, яку пошлють... — Корнев підсилив голос, — замість нас і після нас.

Конструктор Март нервово тарабанив пальцями по підлокітнику крісла.

— Ну, а далі? — в'їдливо посміхнувся він. — Ну, спустошимо зореліт. А потім? Летимо туди — не знаємо куди? Шу-

¹ Швидкість, близька до швидкості поширення світла в порожнечі.

каємо те — не знаємо що? Як у казці! І знову пошиємося в дурні.

— Ти це серйозно? — Корнєв збентежено подивився на Стефана.

— Так. — Конструктор схопився з місця, почав розмахувати руками. — Ми зіткнулися з найелементарнішим фактом: промені світла йдуть не в той бік. І не можемо вирішити, що це таке — античас чи ні. Там — складний світ. А ми прилетіли, здивувалися і полетіли назад, нічого не зрозумівши? Ми не маємо знань, які б допомогли нам підійти до цієї зорі!

— Так що, по-твоєму, люди не повинні туди летіти? — вигукнула Галина.

— Ні, чому ж? — ухилився від прямої відповіді Март. — Але треба ставитися до цієї справи, як і до будь-якої дослідницької роботи. Якщо ти маєш досить знань, сил, засобів — ти виконуєш її. Якщо — ні, тоді... Повернемося на Землю, доповімо про наші спостереження. Нехай люди думають, вирішують, підготують справжню експедицію. Краще мужньо визнати поразку, ніж мчати невідомо куди і чого! — Він сів як переможець.

— Навіщо все так ускладнювати?

— Ні, Стефан має рацію!

— Невже вченим на Землі видніше?

— Хіба вони краще підготовлені за нас?

— Мені навіть стало сумно, коли я отаке почув, — побагровів Бруно. — Певно, Март забув, чого ми сюди прилетіли. Отож дозвольте нагадати. На Землі сподіваються, що біля Г-1920 ми здобудемо нові потрібні знання. Розумієте? — фізик замовк. — І тепер, коли ця надія справдилася — немає значення як — Стефан пропонує летіти назад!

— А я згодна із Стефаном, — несподівано заявила Марина. — Треба спочатку оцінити наші знання, а потім вирішувати, що робити. Справді, що там, біля тієї зорі? З чим ми можемо зіткнутися? Поки що є лише одне припущення: Г-1920 має зворотний біг часу і все там відбувається навпаки.

«Доки ми сперечаємося, — думав Корнєв, — двигуни сплячуть антигелій, гальмуючи зайві маси. Але без цього не обійтись. Треба справді вирішити напевно».

— Гарзд, — сказав він. — Висловлюйтесь.

— Ти і висловлюйся, — промовила Галина. — Адже ти перший сказав: «Античас...»

— Так, справді... — Іван задумливо погладив підборіддя. — Відверто кажучи, якщо мені замість античасу запропонують щось інше, я легко зміню свою думку. Тепер я бачу, що все не так просто... — Капітан трохи помовчав. — Давайте пригадаємо, як створювалося уявлення про час? Спочатку був бог Хронос, який поїдав своїх дітей. У цій фантазії стародавніх людей відбилася неповторність кожної прожитої миті. Потім, у середні віки, ніхто особливо не задумувався над тим, що таке час. Та й навіщо. Адже життя на Землі вважалося тільки прикритим епізодом перед раюванням на небесах, «де немає ні хвороб, ні скорботи, ні зітхань...» Згодом Ісаак Ньютон сказав: час і простір абсолютні, вони існують незалежно від матерії і один від одного, матерія вкладена у ці божественні категорії, немов у якийсь ящик. Біг часу однаковий для всього Всесвіту... Ці погляди вважали за істину майже три століття. Потім — велика криза у фізиці, досліди Майкельсона, теорія Ейнштейна. Виявилось, що час і простір зв'язані із властивостями і рухом матеріальних тіл. Простір викривлюється і ритм часу змінюється, коли тіла рухаються з велетенською швидкістю або мчать біля велетенських, як зорі, скупчень речовини. Колись це вважалося нісенітницею, а тепер — азбука практичної астронавтики. Потім довго нічого нового в питанні про час не було сказано. Виникали, правда, різні гіпотези, схожі на ту, що ніби із вселенського бігу часу можна добути енергію, що повинні бути кванти часу, схожі на кванти енергії, але... Бруно має рацію. Вони так і лишилися гіпотезами.

— До того ж скоріше фантастичними, ніж науковими, — додав Аскер.

— Так... Відсутність нових знань про час і простір багато хто став вважати за цілковиту ясність у цьому питанні. І ось наші спостереження. Нам ця «ясність» дорого коштує...

Корнев замовк.

— А все-таки там, біля Г-1920, — античас! — не здавався Тоні. — Якщо є час, то чому не бути античасу? Час — це реальність! Ми навіть знаємо властивості цієї реальності...

— Цікаво, які? — зрадив Корнев, з полегкістю ухилиючись од суперечки.

— По-перше, час необоротний, — Летє загнув палець. — Він завжди плине в одному напрямі і не повертає назад. По-друге, час однорідний, — пілот загнув ще один палець. — Одна його секунда нічим не відрізняється од будь-якої іншої. Третя якість — відсутність одночасності, єдиного часу у Всесвіті. Ніякими засобами за теорією відносності, ні умоглядними, ні практичними, неможливо встановити, одночасно чи ні відбулися дві події у різних системах. Е, та що там теорія! За цими стінами ми бачимо світ, не єдиний у часі. Ось Альдебаран, — Тоні вказав на овальний екран, укритий розсипами зірок. — Ми бачимо його не там, де він тепер, а там, де він був 50 років тому, і не таким, яким він став. А он, трохи нижче, палахкотить білий Рігель. Можливо, він уже не палахкотить — потух... А може, навпаки, спалахнувши, перетворився в зорю. Невідомо. Ми його бачимо таким, яким він був сім століть тому, причому зовсім в іншому місці. І зоряна смуга Млечної Путі за нами — центральне ядро нашої галактики, — тепер зовсім не така. Адже світло звідти йде тисячоліття. Таке розташування зірок там було, коли будували єгипетські піраміди...

— Непогано, зовсім непогано, — пробурмотів Бруно.

— Виходить, — запально вів далі Тоні, — різні зорі і галактики мають свій хід, а можливо й напрям часу. Четверте — Іван уже про це казав — тіла, що рухаються із субсвітловою швидкістю, мають уповільнений ритм часу. У сильних гравітаційних полях, наприклад у надгустих зірок-карликів, ритм часу теж уповільнюється. І нарешті шосте: для тіл, які рухаються з швидкістю світла, для фотонів, наприклад, час ніби зупиняється зовсім. — Летє загнув мізинець на правій руці і замахав обома руками: — Бачите, як багато ми знаємо про біг часу? Виходить, у Всесвіті є реальні «річки часу». Вони підхоплюють своїм рухом події, явища, світи. Нехай наша Млечна Путь розвивається в одному напрямі часу: у неї одна спіральна будова. А час галактики М-33 біжить у протилежному. Отож струмок античасу М-33 відгалузився сюди разом з її зорею Г-1920!

— Добре сказав, Тоні! — схвально вигукнула Марина.

— Особливо його єгипетські піраміди! — зауважив Стефан.

У кутку піднялася товста, в рудих волосинках рука: Бруно не витримав.

— Давайте все-таки подумаємо краще про те, що Летьє назвав властивостями часу, — почав фізик. — Хіба це властивості часу? Навпаки, це те, що йому невластиво. Візьмімо хоч би однорадість часу. Що це таке? Вона означає, що закони фізики однакові для будь-яких проміжків часу. Згоден, Тоні?

— Так.

— Наприклад, сіль розчиняється у воді зимою і влітку, вдень і вночі, тепер, як і мільйон років тому. Отже, закон не залежить од проміжків часу, тут час ніяк себе не виявляє.

Тоні насупився.

— Тепер про релятивістські ефекти, — вів далі Бруно. — Почнемо з останнього — час для часток, які рухаються із швидкістю світла, зупиняється. Не «плине»! Це, колеги, скандальний факт. Виходить, матерія, наприклад фотони, може існувати і поза часом?

— Але неодмінно в системі ліку, пов'язаного з фотонами! — заперечив Летьє.

— За теорією відносності, всі системи рівноправні, — парировував фізик. — Для фотонів важлива саме їхня система... Та головне інше: в системах, де матерія рухається з швидкістю світла, поняття часу неможливо застосувати. І знову ж це нічого не говорить про властивості часу як реальності. Тепер про ефекти гальмування ритму часу. Тоні сформулював їх не точно. Теорія відносності викладає їх так: годинник, що мчить з великою швидкістю або покладений у потужні силові поля, іде повільніше, ніж у звичайних умовах. При цьому під «годинником» розуміють не лише рух маятника, а взагалі якийсь процес, що відбувається в матеріальних тілах: життя організму, розпад урану, остигання тіл, хімічні реакції. Отже, годинник — це будь-які процеси, що відбуваються в речовині... — Фізик дедалі більше захоплювався. — Чому ж ми відносимо ці ефекти до властивостей часу, а не до властивостей речовини?

— Тому що ефект уповільнення — спільний і однаковий для будь-яких процесів і речовин! — вигукнув Летьє.

— А хіба всі речовини, — обернувся до нього Бруно, — не складаються з молекул і атомів, а ті — з електронів, протонів і нейтронів? Чому не віднести ефект уповільнення процесів до властивостей самих частинок речовин?

— І справді, — пожвавішав Корнєв. — Тоді уповільнення набуває фізичного смислу! Елементарні частки взаємодіють повільніше через зростання маси при великих швидкостях. Вони стають більш інерційними.

— Іншими словами, про час як про самостійну реальність ми не знаємо нічого. Про речовину ми знаємо багато: її будову, густину, колір, здатність вступати в реакції, твердість, точки кипіння і плавлення... Про силові поля, які утворює речовина, знаємо теж чимало, хоч більшість з них і не відчуваємо безпосередньо. Нам відомо, що утворює поля: це електричні заряди, струм, маса; як залежить напруга полів од відстані, як вони взаємодіють між собою і з речовиною... А от про властивості часу як фізичної реальності ніхто нічого не знає, бо нема в нього властивостей!

Летє скептично посміхнувся.

— Котра година, Бруно? — байдуже спитав він.

Аскер глянув на електричний хронометр, що висів над дверима.

— Сімнадцять годин вісім хвилин. А що?

— Нічого особливого. Просто цікаво, що ж ви вимірюєте, якщо час — не фізична реальність?

— Давайте подивимося, що вимірює годинник, і взагалі чи вимірює він що-небудь, — спокійно відповів Бруно. — Порівняймо вимірювання часу з вимірюванням... ну хоча б електричної напруги. У вимірювальних приладах ми використовуємо якое фізичне явище: магнітне поле, відштовхування однойменних зарядів тощо. Цей принцип справедливий і для вимірювання інших фізичних величин — оптичних, механічних, теплових. Для вимірювання завжди використовують властивості самої величини. І частина її, нехай дуже мізерна, — витрачається на вимірювання... А час? Чи позначається на годинах якась властивість часу? Ніколи. У піскових годинниках діє поле тяжіння Землі, яке тягне за собою піщинки, а також тертя між ними. У маятникових годинниках — знову поле тяжіння або сила стиснутої пружини.

жини і сила інерції. В електричних — заряд і розряд конденсатора.

— Усе це тільки слова, — зневажливо кинув Тоні. — А де докази?..

— Слова!? — фізик рішуче підійшов до хронометра, який висів над дверима. — Летєе гадає, що вимірює «потік часу» — плавний, безперервний, могутній, який тягне за собою все! А якщо так, то чому ж цей прилад... відстає? — Бруно повернув важіль на щитку: блискуча секундна стрілка уповільнилася біг по циферблату. — Поспішає? — Стрілка закрутилася так, що за нею стало важко стежити; заквапилися і дві інші. — Зупиняється? — Щиголь, і стрілки завмерли. — Ну, котра година, Тоні? — В голосі Аскера чувся сарказм. — Де ж «сили часу»? Чому «потік часу» не тягне за собою стрілки? А це що, по-твоєму, — він клацнув інший перемикач, і стрілки закрутилися у зворотному напрямку, — античас?

Стефан і Марина заплескали в долоні.

Бруно настроїв хронометр на нормальний хід і сів.

— Виходить, годинники не потрібні? — в'їдливо промовив Летєе. — Вони вводять нас в оману, так?

— Не плутайте принципові питання з практичними, пілоте! — підняв палець Бруно. — Час існує як тривалість подій, як форма існування матерії, що рухається. Як форма, але не як реальність з особливими властивостями, розумієш? Ми живемо в світі, де невинно відбуваються події. Нам треба вимірювати їхню тривалість, наприклад, щоб не запізнитися на експрес «Земля — Місяць», щоб не перетримати сталь у конверторі або суп на плиті, щоб поїзди не зіткнулися на рейках, — хіба мало для чого ще! Як же виміряти ці тривалості? Порівнювати з процесами, тривалість яких уже відома: з обертанням Землі навколо своєї осі і навколо Сонця, коливаннями маятника... Але все-таки годинники показують час, а не час рухає годинники! Отже, немає в нас знань про властивості часу, — зітхнувши, закінчив Бруно. — Про який же античас у Г-1920 може йти мова?

3. Летіти!

Галина повернула крісло до поручнів балкона.

Над темно-синім морем краєчок надвечірнього сонця розплився в червону смугу заходу. Прозора хмарна запона над нею теж забарвилась у рожеві відтінки, а потім стала сизою, білясто-голубою, перейшла в синій колір, що дедалі густішав. З другого боку рожевіли снігові вершини гір. Од них у провалля падали густі сині тіні.

Перед трьома астронавтами сидить чоловік, слухає їх шанобливо й уважно. Для нього все, що вони розповідають, далеке минуле. А їм здається, що це відбулося лише кілька днів тому.

Закінчивши свою велику промову, Бруно Аскер відкинувся в кріслі, знову витер носовичком блискучу од поту лисину.

— Виходить, ми нічого не розуміємо, так? — мовила Галина. — І хто це сказав, що істина народжується в суперечці?

Бруно промовчав.

Запала така тиша, що всі почули низький спів двигунів. Зореліт зменшував швидкість, не долетівши до мети. Мети не було на місці.

Зверху, на екранній стелі, почувся м'який тріск: це лічильник Гейгера зафіксував космічну частинку, що залетіла невідомо звідки.

«Ми зараз схожі на неї, — подумала Галина. — Самі в пустоті, без мети мчимо в ніщо... Треба щось робити, балачками зорю на місце не повернеш. Але що? Бруно, Тоні, Корнев які розумні, а до одностайної думки прийти не можуть. А я?»

Вона підвелася.

— Іване, дозволь мені піти в радіорубку. Треба перевірити електроніку.

Корнев кивнув. Галина вийшла.

Бруно вийняв з кишені сигарету.

— Аскер! — суворо мовила Марина.

Фізик поклав сигарету за вухо.

— Але що все-таки там? — задумливо сказав Корнев. — Повинні ж ми чимось керуватися, коли опинимося біля зорі?

— Причинно-наслідковим зв'язком подій і явищ, — промовив Аскер. — У кожному випадку треба докопуватися до причин явища, ефекту, суперечності у знаннях. До речі, ти, Іване, так і зробив. Ти почав докопуватися до причини релятивістського уповільнення процесів і знайшов її: збільшення мас елементарних частинок речовини. Речовини! У цьому, мабуть, вся справа.

— Оце думка! — вигукнув Стефан.

Фізик глянув на нього запамороченими очима.

— Схоже, що «властивості часу», по суті, властивості причинних зв'язків у природі, — вів далі Аскер. — Наприклад, необоротність — нібито якась містична властивість часу, бог Хронос, що поїдає своїх дітей. А насправді це необоротність причинно-зв'язаних подій: причина передує наслідку, і навпаки ніколи не буває... Або інший факт — принципова неможливість встановити одночасність подій. Якщо події причинно пов'язані, можна визначити, яка з них передувала іншій. А якщо вони не пов'язані, то цього встановити неможливо. Ми завжди і скрізь — у повсякденному житті і в дослідженнях — спостерігаємо причинний зв'язок явищ. Зрідка ми його розуміємо добре, іноді погано, а частіше — лише неясно вловлюємо... І, мабуть, через це інтуїтивно прагнемо підмінити безперервний потік найрізноманітніших і численних причинно зв'язаних явищ чимось простішим — плином часу.

Галина відчинила овальні дверцята радіорубки і зупинилася на порозі. Тут було її господарство: радіопередавачі, трансляційний вузол, обчислювальний автомат, блоки контролю всього обладнання зорельота. Вона натиснула кілька кнопок: на контрольному щиті спалахнули зелені лампочки індикаторів, стрілки приладів дружно відхилилися праворуч. Жодна червона лампочка не спалахнула — отже, все гаразд.

У нікельованій скобі на сірому корпусі транслятора стирчав букетик сухих коричневих стеблин з шишечками квітів і сухими скрученими листочками. Він нагадав Галіні, що востанне вона була в радіорубці рік тому. Квіти приніс Тоні. Дівчина взяла стеблини — від них ішов сумний запах прілі і пилу.

«Минув рік... На Землі за цей час у мене вже народився б син. Чому син? А може, донька? — Галина всміхнулася. — Ні, нехай син. Неодмінно син. А тут ще ніхто не знає, крім Марини. Навіть Тоні...»

І раптом Галину огорнув неспокій, похолонуло в грудях. Як же тепер буде! Коли вони, як каже Корнєв, полетять до справжньої Г-1920 на спустошеному, «облегшеному» зорельоті, життя стане дуже важке! А вона ж чекає дитину. Ще недавно мріяла, як гулятиме з ним в оранжереї... Як же тепер буде з оранжереєю?

Про що вони там сперечаються? Галина жбурнула букет у смітєспровід, натиснула важіль на щитку транслятора.

— А що ти скажеш про наш випадок? — спитав динамік густим голосом Корнева.

— Поширення світла Г-1920 не від неї, а до неї, — пролунав гучний бас Бруно. — Звичайно, причини і там передують наслідку, а не навпаки... Старі і там не перетворюються у підлітків. На цьому тримається світ, усі світи, хоч як вони побудовані. — Він помовчав. — Думаю, поширення антипроменів пов'язане з якоюсь корінною різницею між речовиною зорі і речовиною наших зірок. У чому різниця? Не знаю і не беруся припускати.

— Послухайте, а може... — це пролунав тенорок Стефана Марта. — А може... ніякої зорі взагалі немає?

— Що-о? Як немає? — почулося кілька голосів одразу.

— Правда... Немає там, де ми бачимо її. Невже з цього випливає, що вона знаходиться у протилежному боці — там, де ми її не бачимо?

— А що ж тоді це? — закричав Тоні.

— Так... Марєво. Оптичне явище у просторі, яке ми через свою тупість не розуміємо. От і ганятимемося за примарами, блукатимемо у Всесвіті, мов кінь без уздечки.

— Ну, знаєш!

— Зовсім перемудрував!

— Марєво! А наші спостереження?

— Якщо навіть там нічого немає, все одно треба летіти, — заявив Бруно. — Встановити, що там справді нічого немає. Дослідники ми чи не дослідники?

— Так, треба летіти, товариші! — рішуче промовив Корнєв.

— А зоря таки є! Повірте старому Бруно! Є!

— Галинко, ти чуєш? — пролунав радісний голос пілота. — Ми летимо до зорі!

— Я чую, Тоні, чую... — молода жінка стояла перед динаміком, обхопивши руками плечі.

«Що робити? Увійти, розповісти їм усе, зупинити їх? Ні. Нехай краще я лежатиму весь час у контейнері УЗП. Коли треба буде працювати, розбудять на кілька днів — і знову. А що, це ідея! І на Землю повернуся зовсім молодою. — Галина глянула у дзеркальну шкалу. — «Хто ця молода красуня?» — питатимуть люди. І ніхто не повірить, що жінці сто років!»

Коли Галина увійшла у відсік керування, там усе ще точилася суперечка.

— Отже, четверо «за», — підсумував Корнєв. — А ти, Галино?

— Звичайно, за, — лагідно всміхнулася дівчина.

— Твоя думка, Март?

Стефан підвівся, картинно сперся рукою на крісло і промовив, карбуючи кожне слово:

Сподіваюся,
вірю:
мине
ганебна благородність!

— Тобі більше щастило в прозі, — холодно зауважив капітан.

— Можна і прозою. У сиву давнину це називали: спалити кораблі, — Стефан похмурнів. — Шкода палити! Адже будували самі. Та якщо всі, то і я не відстану... До зорі так до зорі!

4. Людина у п'ятому степені

Після обіду взялися до діла. Стефан Март замкнувся у радіорубці, поклав біля себе креслення і папки, ввімкнув лічильний автомат. Йому, головному конструкторові корабля, треба було з'ясувати, наскільки полегшити вагу зорельота, що саме викинути у простір, як демонтувати обладнання.

Бруно Аскер і Галина працювали у відсіку УЗП. Витрачати 600 днів на гальмування і новий розгін до субсвітлової швидкості із звичайним прискоренням в $1 g^1$ було тепер неприпустимою розкішшю. Фізик придумав спосіб зекономити півтора року.

Галина, насупивши брови, зосереджено паяла останні проводки до схеми. Фізик протягнув проводи від електроцита і вставив у гнізда на панелі мініатюрні, схожі на чорненські гудзички кристалоїди.

— Усе-таки страшно вато довіряти життя навіть найдосконалішим механізмам, — зітхнув він. — Одна ненадійна деталь, — і ми, обледенілі, мчатимемо мільйони років, аж поки згоримо біля якоїсь зорі.

— Не лякайтесь, Бруно, — тоненьким голоском зауважила Галина. — Вже 15 років ви тільки те й робите, що довіряєте своє дорогоцінне життя усяким механізмам. І нічого. А це навіть не механізми — електроніка.

— Людині все-таки властиво покладатися на себе, — розсудливо заперечив той, зачищаючи дріт, — або на товариша. Універсальність, живучість, талановитість, ініціативність — ось що притаманне людині. Це, на жаль, не властиве автоматам, дівчинко...

— Готово! — Галина клацнула вимикачем. — Спробуємо... Ставлю видержку 10 хвилин.

Схема працювала чудово. Вода в контейнері під променями молекулярних генераторів перетворювалась у крижаний моноліт, потім через суворо встановлені для електронного

¹ Прискорення земного тяжіння — $9,8 \text{ м/сек.}^2$

реле проміжки часу моноліт знову перетворювався на воду. Галина задоволено поглядала на фізика.

— Так, так... — непевно промурмотів Аскер. — Тепер випробуємо інакше.

Він підняв схему і шосили жбурнув її на підлогу. Дюралева панель увігнулася.

Галина обхопила голову руками.

— Що ви зробили?!

— А прискорення у 80 g? — пояснив фізик. — Такий струс цілком можливий. — Ану, ввімкни тепер! — він подав погнуту панель.

Хоч як дивно — автомат працював. Тільки час видержок реле довільно змінився. Галина зітхнула, взялась перепаювати...

У цей час Корнев і Летєє лазили по скобах і містках у шахті гіроавтомата. Над і під ними перехрещувалися тьмяно-лискучі вали з маховими дисками, зміїлися кабелі від електродвигунів.

— Тепер тільки на це і надія, — сказав пілот-інженер. — Бічні двигуни викидаємо, звичайно.

Летєє був похмурий: вони мали зруйнувати досконалу систему маневрування, яку він розробив і яка надавала зоряній машині рухливість живої істоти.

— Багато доведеться викинути. Більше, ніж залишити, — капітан вхопився за скобу.

Зверху над шахтою з'явилася голова.

— Іване, ти тут? — це був Стефан.

— Так.

— Зайди в радіорубку, — конструктор був чимось схвилюваний. — Тут таке виходить...

За півгодини капітан скликав у відсік управління всіх членів команди.

Стефан приколов до стіни відсіку кілька аркушів ватманського паперу. Корнев підійшов до креслення.

— Тут усе передбачено, — сказав він. — Що викидати, послідовність демонтажу і таке інше. Тільки... — він нерішуче глянув на товаришів. — Мабуть, краще розповісти все по порядку. Основа розрахунку ось у чому...

Йому важко було почати. Таким похмурим, зібраним і рішучим товариші ще ніколи не бачили Корнева. Це насторожило всіх.

— На зорельоті є установки, які працюють безперервно: і під час розгону, і під час уповільнення, і під час польоту по інерції, і коли ми спимо в контейнерах. Ви їх знаєте: курсовий гіроавтомат, астронавігатор, контрольні блоки УЗП. Є ще різні дрібниці, але ці — основні, без них не можна. Отже, вони, точніше, їхня довговічність визначає термін життя нашого «Буревісника», а значить і те, скільки він зможе пролетіти...

Ми розраховуємо подолати 20 парсеків із швидкістю 0,82 світлової. Це має становити 49 років за внутрішнім рахунком часу. На такий термін — округлено на 50 років або 450 000 годин роботи — ми й спроектували наше устаткування. Ну, зрозуміло, чому ми не передбачили більший запас довговічності! Хто ж знав? — Корнев сумно всміхнувся. — Обладнання уже прослужило десять внутрішніх років. Лишилося йому, а отже, і зорельоту прожити 40 років. Не так уже й мало. Тепер треба пролетіти ще 24 парсеки — 14 до зорі і 10 від неї до Сонця. Далі все вираховується математично однозначно... — Капітан втомлено провів рукою по обличчю. — Щоб вкlastись у ці 40 внутрішніх років, доведеться розвинути швидкість не менше 0,91 світлової. А щоб підтримати таку швидкість нашими запасами антигелію, треба зменшити кінцеву масу зорельота у стільки разів... — Він подивився на товаришів. — Словом, засоби до життя — лише на трьох, та й то в обріз.

Жахливий зміст слів не всі зрозуміли одразу.

— Для трьох? — повторила Марина. — Це значить?..

— Це значить, що глибокодумні розмови закінчено, і ми повертаємося на Землю, — Стефан Март весело всміхнувся.

— Ні! — Корнев стиснув спинку крісла так, що в нього побіліли пальці. — Троє з нас повинні летіти до Г-1920 і троє — до Сонця!

Галина схопилася з місця, дивлячись на капітана широко розплющеними очима.

— Це жорстоко — викидати людей за борт! — вигукнула вона тремтячим голосом. — Я не хочу...

— Ніхто тебе силою не збирається викидати, — суворо промовив Летьє.

Дівчина спідлоба глянула на нього. Її великі очі волого заблищали...

— Ось що, — вирішив Корнев, — влаштуємо жеребкування. Щоб ніхто не ображався...

Марина підійшла до столика, почала голосно читати:

— Бічні двигуни... Три чверті запасу води і їжі. Бібліотека. Оранжерея. Каюти. Половина радіопередавачів. Усі верстати. Дві третини інструментів... Троє людей у контейнерах, і всі власні речі... Послухайте, а якщо розвідувальну ракету?

— Тоді нема чого летіти! — сказав Летьє. — Без неї там не обійтись.

— Ракету і обсерваторію викинуть після досліджень біля зорі, — додав Корнев. — Це враховано...

— Невже не можна нічого придумати? Щоб не викидатись у простір? — Марина подивилася на капітана з такою болісною надією, що йому стало не по собі. — Нехай троє пересидять цей час у контейнерах. Усе-таки веселіше... І заміна, якщо хтось захворіє, га?

— Не можна! П'ятий степінь, розумієте, Марино? — Бруно, що досі сидів, напружено зігнувшись у кріслі, різко випростався. — Три гальмування, два розгони. Це значить: швидкість залежить од п'ятого степеня кінцевої маси... Найменше перевантаження сповільнить рух «Буревісника» і збільшить тривалість польоту. А троє людей, їхні контейнери і вода — це півтори тонни.

— Три астронавти зможуть долетіти до зорі при умові, що весь шлях сидітимуть в анабіозних контейнерах, — додав Корнев.

— Але ж ми не просто маса! Ми люди! — кипіла Галина. — Вирішували такі складні проблеми — і на тобі...

— А тут усе надзвичайно просто, розумієш, — перебив фізик. — Просто, ясно, непорушно — мур без лазівок. Можливо, біля Г-1920 пощастить добути знання, які допоможуть подолати і цей мур. Але до зорі треба спочатку долетіти.

— Та-ак... — Летьє похитав головою. — Жорстока річ математика!

— Стривайте, — Марина стурбовано подивилася на товаришів. — А що буде з тими, хто лишиться за бортом?

— Мертвий вантаж треба викинути негайно. А контейнери з людьми катапультиємо, коли розженемо зореліт до Г-1920. «Буревісник» однаково летітиме в напрямі Сонця. Років за п'ятнадцять контейнери будуть біля Сонячної. Там їх перехоплять. Із зорельота, коли він пролітатиме мимо Сонця, дадуть радіограму.

— Зустрінемося на Землі, — Летєє усміхнувся, показавши білі міцні зуби. Але в очах у нього радості не було.

— Мертвий вантаж... Живий вантаж... Ну, що ти кажеш, Іване? — Галина дивилася на нього сердито. — Що ти кажеш?

— Пробач, не так висловився, Галинко... Та чи в цьому справа! — Корнев, махнувши рукою, сів.

— Троє у контейнерах, — промовив Стефан. — Малою швидкістю, як неспішний багаж...

— Та облиш ти, нарешті! — досадливо сказав Летєє.

— Чого ж ви клеїте дурня? — підхопився з крісла конструктор. — Викинути трьох товаришів у простір, викинути все, що ми винайшли, створили своїми руками... Оцими руками! — він замахав могутніми кулаками. — І ради чого? Щоб летіти хтозна-куди, можливо, на неминучу... — Йому перехопило подих. — На дідька ця плакатна жертва? Ах, ах ми йдемо до кінця, незважаючи ні на що! Які ми герої! Дурниці це все, а не героїзм, ось що! Мужні і чесні повернулися б на Землю, коли нічого не вийшло. А якщо ви так боїтеся, що нас звинувачуватимуть у поразці, то ось він — зореліт, який ми створили в пустоті! Невже це не успіх? А ви хочете його розгромити, все викинути...

— Ну, звичайно! — додав Летєє. — Хоробрість — це обережність, принцип розумненької легкодухості.

— Помовч, Тоні. — Капітан обернувся до Марта, голос його пом'якшав. — Я тебе добре розумію, Стефано. Розумію відтоді, коли ми з тобою ще тільки розробляли проект цього зорельота. Тебе захопила ідея створити зоряну машину в незвичайних умовах — у польоті... Ти конструктор. Чудовий конструктор, що й казати. Але зореліт будують, щоб летіти. Він не мета, а засіб для досягнення мети. І ми не сорому боїмося, не в цьому річ. Ми хочемо досягти мети, хочемо довести справу до кінця. Яка ж це жертва?

— Добре, — примирливо сказав Стефан. — Ці психологічні добання ні до чого. Вважай, що мене переконали. Не твої слова, ні. Мовчанка інших. — Він обернувся до Летє. — Не в легкодухості справа, пілоте. Не думав я повернутися на Землю у свіжозамороженому вигляді...

— А може, тобі доведеться летіти до зорі, — зауважив Іван. — Зараз кинемо жеребок.

— Так, справді, — пожвавішав Бруно. — Почнемо жеребкування!

— Ні, краще розіграємо цю справу в карти, га? — в'їдливо зауважив Летє.

— Облиш! — докірливо кинув йому Бруно.

— Чому облиш?! — підвищив голос Тоні. — З якої речі ми маємо розігрувати долю експедиції? Адже ми розігруємо не тільки подальшу роль кожного з нас, а успіх чи поразку всієї справи. — Він поступово заспокоївся. — Ну, скажіть відверто, невже все одно, хто полетить до цієї зорі, — Марина, Стефан і Галина чи Корнеєв, Бруно Аскер і...

— І ти? — глузливо додав Стефан.

— А хоча б і я? Невже це рівноцінні сили для такої експедиції? Адже тепер ризик незмірно зросте...

— Він має рацію, — сумно і спокійно сказала Марина. — Це не для мене. Я біолог, лікар — там це не головне!

— Що ж ти пропонуєш? — спитав капітан у Летє.

— Обговорити і проголосувати.

— Правильно.

— Тепер конкретно, — підхопився підбадьорений Летє. — Пропоную...

— Почекай! — владно спинив його Корнеєв. — Це ми вирішимо потім. Спочатку невідкладне: демонтаж, форсування, гальмування, розгін... А зараз — оголошую ніч на вісім годин. Чергує Стефан. Усе...

Астронавти почали розходитися по каютах.

— «Оголошую ніч!» — Летє жартівливо підштовхнув Корнеєва до дверей. — Наче всевишній у перший день створення світу!

— Ех, Тоні, якби я був всевишнім... — Іван втомлено усміхнувся, — я б створив із нічого тонн 50 антигелію. А потім ми б показали усім богам!

5. Стефан Март

— А як сталося, — спитав голова Зоряного комітету, — що один крижаний контейнер, випередив два інших на цілу добу? До речі, хто з вас був у цьому контейнері?

— Я, — ніяково відповів конструктор Март.

Уже спустилася ніч. На вулицях засяяли пунктири білих ліхтарів, геометричний вогненим розсип вікон, різноколірні лінії вивісок і реклам. Вогники мерехтіли у вологому повітрі. А вгорі мигтіли, переливалися всіма барвами спектра — від червоного до голубого великі зорі. Супутники Космосбуду низкою білих кульок перетинали іскристий пил Млечної Путі.

Над осоками набережної пливла Венера.

— Невже ви стартували не разом? Чи система катапультування спрацювала нечітко?

— Система спрацювала чудово, — в голосі Галини Крон відчулося глузування. — Нечітко спрацював її конструктор...

Стефан докірливо подивився на дівчину.

— Та що там «нечітко»? Моя поведінка була обурлива. Соромно згадувати. Заплутався тоді в усьому: в собі, в обставинах, у своїх ідіотських честолюбних думках...

З-за чорних гір, тягнучи за собою хвіст стартового полум'я, рвонулася вгору ракета. Тріпотливе жовте світло на кілька секунд освітило все навкруги. Хвіст вогню за ракетою швидко скорочувався, линучи до зірок. І тільки коли ракета зникла у темряві ночі серед світил і вогнів Космосбуду, почувся гуркіт стартового вибуху.

— Найбільше мене пригнічує, — промовив Март, — що вони там думають про мене погано...

«Буревісник» летів крізь безмежну зоряну ніч. Власна інерція все ще тягнула його назад, і він боровся з нею, відштовхуючись од простору двохсотметровим стовпом білоголубого вогню. Якби це було в атмосфері, навіть у найвищих шарах, — гуркіт анігіляції потрясав би скелі і ламав дерева, але чорна пустота ковтала стовп беззвучно.

Стефан Март обходив відсіки зорельота і, дивлячись у список, відмічав крейдою місця, де завтра команда мала почати розгвинчувати, різати, ламати... «Так, мабуть, католики

малювали хрести на дверях гугенотів перед Варфоломіївською ніччю, — подумав він. — Ну, ні, це я зроблю, але сам не ламатиму, красенько дякую!»

Він дерся по скобах. Тепер, коли двигуни працювали, коридор зорельота перетворився на півторасотметрову шахту. Знизу тягло теплом.

Конструктори з «Діпрозорі» пороззявляли б роти, побачивши, як він вирішив задачу з двигунами. «Проект самоз'їдання зорельота», — так охрестили колись проект ці дотепники. А він зробив! І в яких умовах: у космосі, на субсвітловій швидкості! Тепер пояс анігіляційних камер силою свого тяжіння сам потроху зсовувався вперед по корпусу «Буревісника», а стінки і перегородки спустілих паливних відсіків, замість того щоб висіти на кормі непотрібним баластом, теж згоряли. Цей винахід дав можливість збільшити швидкість зорельота на 6000 кілометрів за секунду.

Дерева оранжерей стирчали із щільної земляної стіни, мов дула гармат, оповиті зеленим димом. Стефан глянув і здивувався: кому це спало на думку поставити підпірки під віти? Тепер уже це ні до чого.

«Та це ж я і Корнеєв — ще коли вимірювали паралакс Г-1920», — згадав він і сумно всміхнувся. Три Доби минуло відтоді, три доби, які зробили переворот у їхньому житті.

Стефан дотягнувся до найближчої карликової яблуні, зірвав велике яблуко, почав розглядати. Яблуко було зеленкувате, тверде, на прозорій шкірочці проступали білі цяточки. Перші яблука — вони всі так чекали на них, а тепер навіть ніхто не згадує. Стефан поклав яблуко в кишеню і поліз по скобах вище.

Зверху з'явилися білі овали дверей. Март зупинився, перевів подих. Жилі каюти. Спроекував їх він, як колиски чортового колеса, — з гіроскопічним підвісом. У них можна спокійно спати навіть під час маневрування.

«Тепер вони вже не потрібні». Март почав ставити крейдяні позначки на ледь помітних опуклостях обшивки — кришках підшипників! І нічогосінько він не покаже на Землі. Все вилетить. Усе загине.

Раптом рука Стефана повисла в повітрі. Стривай, а це ідея! Проекувати зорельоти так, щоб, коли стане не потрібне якесь

устаткування, його можна було відгвинтити й викинути! Наприклад, телескопи — у зворотному польоті не потрібні, та й уся обсерваторія теж; вистачить астронавігатора. Навіщо ж витратити на них анігіляційне пальне? Тільки краще не викидати, а спалювати у двигунах. Так, звичайно, — і враховувати це у проектному запасі пального! Це ж новий принцип конструювання зорельотів! Є з чим повернутися на Землю!

Стефан повеселішав. Ні, він не просто маса.

Йому раптом захотілося декламувати на весь голос, але він одразу опам'ятався: в каютах сплять!

Та в каютах не спали.

До Івана Корнева прийшла Марина, прийшла, щоб сказати все: тепер уже було байдуже, хто перший скаже про це. Вони стояли обнявшись, двоє красивих, сильних, суворих людей, і мовчали. Все було зрозуміло без слів: він полетить до зірок, Марина — до Сонця. Проте вони збережуть почуття, яке прийшло хоча й пізно, але владно...

Тоні і Галина теж не спали.

— Нехай летять до зорі. А для нас вистачить цікавих справ і на Землі. Правда ж, Тоні? Правда? Чого ти мовчиш?

— Ех, викупатися б зараз у морі... — мріяв пілот. — Я б заплив далеко-далеко. А потім смажився б на сонечку, лежачи на піску;

— А ще блукати по вулицях, дивитися людям в обличчя...

— Послухай, Галинко, а взагалі схоже, що ми знаємо карту Метагалактики з точністю до «навпаки»! Не єдина ж така зоря у Всесвіті, та й не одна галактика, мабуть. Тепер кожну зорю треба брати під сумнів: там вона, де ми її бачимо, чи в протилежному боці? І зорельотчикам доведеться добре пильнувати, щоб не вийшло як у нас. Але все одно страшенно цікаво, що ж там таке? А що коли й справді античас? І ми, люди з малюсінької планети Землі, оволодіємо ним... Заради цього варто ризикнути. Іван має рацію. А взагалі нічого не трапиться — всі повернемося. Одні в зорельоті, інші так. Найшвидше прибудуть ті, що полетять у контейнерах: заплющили очі тут, а розплющили вже на Землі. Уявляєш, післязавтра ти будеш на Землі!

— А ти? Ти хочеш летіти туди?

— Звичайно! Але не хвилюйся. Все буде гаразд. Сім посадок на Місяць, посадки на Юпітер, Плутон, дванадцять рейсів через астероїдний пояс між Марсом і Юпітером, безліч метеорних атак — і, як бачиш, цілісінький.

Вони помовчали.

— Тоні...

— Що?

— Ні, нічого.

— Ти чимось схвильована, Галинко?

— Ні, це я так. Просто гидко підкорятися рівнянням. «П'ятий степінь!» «Зайва маса...» Ніби я вже не людина, а просто п'ятдесят кілограмів.

— Тим більше, що в тобі не п'ятдесят, а сорок вісім з половиною...

Бруно Аскер палив цигарку за цигаркою.

«...Думай, фізику, думай! Поспати ще встигнеш... Ось ти лежиш у темряві, лише цигарки жевріють, а за стіною, за кількома метрами пустота. Яке зрозуміле слово «пустота»! Нічого, нічогосінько немає... А вчені століттями сушать голови, вирішуючи, що це таке...»

Бруно пригадав лекцію Поля Дірака. Москва, 1956 рік. Тоді Аскер був ще хлопчиськом, захоплювався фізикою... У залі політехнічного інституту повнісінько людей. Сухорлявий високий чоловік, зовсім лисий, гостроносий, лобатий, запалі голубі очі... Один з тих, хто проголосив революцію у фізиці, вчений, який передбачив антиречовину! Бруно вбирав усе, що він казав, мов суха земля дощ.

«Кожна точка пустоти, — твердив учений, — це енергетична «яма», заповнена прихованими елементарними частинками. Щоб «вийняти» частинку з «ями», треба надати їй величезної енергії, наприклад, бомбардуючи пустоту нуклонами¹, розігнаними в синхрофазотронах. На місці тої частинки, що вискочить із «ями», лишиться дірка у вакуумі —

¹ Частинки ядра — протони і нейтрони.

античастинка»¹. Та ще більш дивовижний висновок з цієї теорії: вакуум — енергетична яма безмежної глибини! У кожній точці його ховається сила-силенна електронів, протонів і нейтронів — повний набір частинок з енергією від «мінус — Mc^2 » до негативної безмежності. Ну, звичайно! Так має бути, щоб, згідно з квантовою механікою, не лишалося вільних рівнів негативної енергії. Інакше частинки якось виявлять себе, а це суперечить факту, що пустота все-таки пуста...

Так, тут учений схитрував. Правда, сам Дірак навіть не намагався філософськи обґрунтувати свою теорію. Він підносив до істини витонченість, дотепність. Так-так! «Учений ніколи не знає, наскільки близька до істини нова теорія, навіть якщо вона вдало пояснює якісь спостереження і підтверджується новими спостереженнями. Але якщо теорія дотепна, а висновки її тішать нас математичною витонченістю, то вона — ближча до істини, ніж менш дотепна і витончена теорія. Істина завжди красива і не банальна...»

Ще тоді в Бруно виник сумнів: матерія без руху — яка ж це матерія? Він навіть послав записку, в якій лукаво запитував: «М-р Дірак, а бог є?» Її не прочитали...

Як давно це було! Він устиг пройти шлях од школяра до вченого, кваліфікованого фізика. Речовини — і ті, що були на Землі, і ті, що люди створили самі, — розкривали йому в лабораторії і в математичних розрахунках найглибші свої

¹ За теорією англійського вченого П. Дірака, пустота (вакуум) заповнені елементарними частинками з негативною енергією (включаючи також енергію, що міститься в самій масі частинки — Mc^2).

Якщо надати такій частинці енергію більшу $2Mc^2$, то вона перетвориться в звичайну (наприклад, електрон), а на її місці у просторі з'явиться «дірка» — незайнятий енергетичний рівень. Ця «дірка» і є античастинка, бо властивості її, зокрема електричні і магнітні, протилежні звичайним частинкам (наприклад, антиелектрон - позитрон мають позитивний заряд).

При зіткненні частинка і античастинка перетворюються в променисту енергію; цей принцип покладено в основу ідеї «фотонних зорельотів».

Античастинку (антинейтрони, антипротони, позитрони тощо) одержують тепер експериментально. Однак їх існування ще повністю не доводить правильність теорії Дірака.

таємниці. Він сам створив небувалі речовини і повірив у себе.

І ось тепер знову став школярем...

Там якась нова речовина, біля цієї Г-1920. Яка? Коли б хоч крихту її та зробити аналіз — одразу стало б ясно. Але її немає. Вона там — темна брила, що вбирає промені.

«Думай, Бруно, думай... Мало зруйнувати уявлення про античас, треба запропонувати щось замість нього. Ти повинен довести і собі, і всім, що знадобиться для дослідження цієї Г-1920. Адже схоже, що зоря ховає саме те, що ти шукаєш, заради чого ти вирушив у експедицію.

Так, ти знову школяр. Початківець у класі природи. Природа... Вона не обмежує себе лабораторним стендом — творить скрізь, завжди, нескінченні мільярди років. Її пробірки — зорі і туманності. Її стенд — простір... Дурниця, що природа нібито варіант бога! Немає природи — є матерія, яка розвивається!

Як важко прийти до висновку, коли його треба зробити самому! На Землі зібралися б учені — сперечалися б, думали, обчислювали. Схрещувалися б протилежні погляди, ідеї. І, наче від удару кременя об кремій, висікалися б іскри істини.

Навколо пустота. У ній відбувається кругообіг матерії: речовина перетворюється в енергію, енергія — у речовину. В ній виникають, розвиваються і вмирають галактики, туманності, зорі. Навіть такі дивні, як ця Г-1920. Ні, звичайно, важко повірити у всесвіт Дірака, сповнений прихованими частинками з негативною енергією. Але щось у цьому є, якщо можна дістати позитрони, антипротони, антинейтрони і синтезувати з них антигелій. Думай, фізику, думай...»

А «Буревісник» мчав крізь зоряну ніч. Стовп білоголубого вогню за кормою подовжився: Стефан підвищив гальмову тягу у півтора раза.

6. Іван Корнєв

Музика лунала в зорельоті — у відсіках, у коридорі, у каютах. Але тепер до звуків фортепіано, скрипок, контрабасів, арф усе частіше примішувався стукіт, скрегіт, металу, сичання газових різаків.

Летєє і Бруно Аскер у скафандрах з магнітними присосками на черевиках повзали по неосяжному корпусу зорельота, оддирали газовими різакми кожухи бортових двигунів, оголювали багатотонні камери з чорного ядерного моноліту.

— Робили на совість... Ніяк не одідраті! — промурмотів Тоні у мікрофон.

Нарешті права камера тихо відокремилась од борту. Зореліт струсонуло. Бруно не встояв, сів. Камера зачепилася за виступ вихідного люка — корабель здригнувся від нового удару. Летєє підбіг до неї, неприродно стоячи під прямим кутом до Бруно, почав одпихати чорний циліндр руками. Звільнившись од зайвої ваги, зореліт знову рвонув уперед. Камера зникла за кормою серед вогню і зірок.

— Іване, уповільни швидкість, а то нас потягне за реактором! — вигукнув пілот.

Стефан, який ухилився від демонтажу, руйнував бібліофільмофонотеку. Він розклав на дві купи книжки, мікрофільми, магнітні стрічки з записами текстів і музики, рукописи. До однієї, котру мав викинути, клав твори, які йому не подобалися, застарілі проекти і розрахунки. До другої — те, що хотів лишити. Купи були майже однакові. «Багато»... — зітхнув Стефан і зробив нову ревізію. Друга купа зменшилася наполовину. Все одно багато.

Він заходився було знову перебирати книжки, катушки і пластмасові циліндри з стрічками, але раптом, розізлившись, почав хапати оберемками і жбурляти все в люк перехідної камери. Вціліли кілька довідників, коробка плівок з видами і музичними записами та конче потрібні технічні документи. За чверть години слідом за бібліотекою у космос полетіли і дюралюмінієві стелажі...

Марина із сльозами на очах знищувала оранжерею. Нелегко було виростити в умовах зоряного перельоту ці чудові жовті, червоні і сині троянди, гордовиті півонії, кущі помідо-

рів, огірки і моркву, яблуні та апельсини. Тут, у цьому мальовничому куточку земної природи, астронавти часто відпочивали. Скільки праці і винахідливості вклали вони у виготовлення гіроскопічних гнізд-підвісок, щоб врятувати саджанці від струсів під час гальмування і прискорень!

Тепер через перехідну камеру в пустоту летіла і флора корабля, і механіка! Марина бачила в ілюмінатор, як беззвучно лопались у холодному просторі налиті червоним соком помідори, вмить скручувалися у чорні стручки листочки...

«Ми не належимо собі. У цьому вся справа. Ми полетіли не заради гострих відчуттів, не з цікавості і навіть не ради того, щоб довести правоту свою чи інших. Ми добуваємо потрібні людству знання, величезні знання про світ, у якому живемо. І немає значення, кому пощастить їх добувати. Важливо — добути. Важливо послужити як можеш цій справі. Втішай себе хоч цим, біолог Плашек. Полетить твоя анабіозна установка».

Нарешті Корнев наладив астронавігатор так, що він автоматично міняв тягу двигунів. Коли маса зорельота зменшилась, надав йому курс. Скрізь панувало безладдя. Капітан спускався вниз по коридорній шахті — і не пізнавав її. За порожніми гніздами кают виднілися ребристі боки корабля. Мимо проповз угору на нейлоновому канаті громіздкий куб з шматками кабеля. Капітан не одразу пізнав електроерозійний верстат, на якому недавно працював.

А музика все лунала у коридорній шахті. Ось ніжно, велично і сумно повела мелодію скрипка, до неї приєднався ріжок, фагот і гобой, потім весь оркестр: «Ромео і Джульєтта» Чайковського.

...Вони зустрілися посеред шахти. Марина втомлена йшла з оранжереї: комбінезон забруднений, волосся неслухняно вибилося з-під хустки. На площадці мовчки постояли, прихилившись одне до одного. Іван поцілував її в очі, відчув присмак солі. «Плакала», — майнула думка. Потім міцно поцілував руки, маленькі, у саднах і в землі. Так, не промовивши й слова, пішов далі.

Він зійшов у самий низ, в асенізаційний відсік. Тут кінчалася житлова частина зорельота.

У кутку Стефан нарощував вініпластову трубку на відросток, що стирчав із стіни.

— Навіщо це? — спитав Корнєв.

— Для відходів, — коротко і сердито пояснив конструктор. — Оранжереї тепер нема. Хай ідуть у паливні камери, анігілюють...

— Слушно, — похвалив Корнєв. — Давай поможу.

— Зніми щиток у лівому кутку — там магістральний всмоктувальний вентиль, — кивнув Стефан. — Тримай викрутку... Все-таки яка дивна істота — людина, га, Іване?

— Чого? — капітан, присівши, орудував викруткою. — Людина — просто людина, і все.

У каютах лунала урочиста музика Чайковського.

Галина рвучко повернула регулятор. Музика обірвалась. Дівчина роз'єднала проводку, взяла інструмент і пішла по відсіках знімати динаміки.

Площадка біля перехідної камери була захарашена різними речами. Тоні розібрав каюти. Побачивши Галину, він простяг до неї руки, щоб допомогти пробратися через хаос.

— Галино, чуєш, Галино! Ото здивуються десь у центрі галактики, як виловлять наше крісло, га? «Космічний літальний апарат небаченої конструкції». Захоплюватимуться: оце техніка, куди нам з нашими спіралодисками...

Дівчина подивилася на пілота усміхаючись: «Ну який він ще хлопчисько! Але я саме таким і люблю його...»

— Стривай, — Тоні пошарив у кишнях, витяг грудочку крейди, написав на оббивці: «Галя + Тоні = ?! Привіт, жукоо-кі! Дихайте носом, якщо він у вас є». Засунув крісло в камеру, натиснув кнопку. — Хай сушать голови...

Розчервонілий і пітний, Бруно, сердито поглядаючи навколо, знімав перебірки між спустілими відсіками; змотуючи кабелі електропроводки, гнучкі пластмасові труби, що підводили воду і газ, видавав із стін електрощити...

Усі працювали мовчки і швидко, розуміючи: що раніше вони повикидають у космос речі, які стали тепер баластом, то більше заощадять дорогоцінного антигелію.

А втім, руйнувати легше, ніж створювати. Вони впоралися за три доби. Вцілили тільки відсік управління, анабіозна установка, електромагнітна катапульта, обсерваторії, частина

складу біоприпасів (харчі, вода, кисень), установка для кондиювання, та ще лежала в стартовому гнізді на носі одноступенчатої розвідувальної ракети «Ластівка». Наостанок астронавти як могли згладили сліди спустошення.

Потім усі зібрались у відсіку УЗП. Двигуни було погашено, зореліт обертався, створюючи відцентрове тяжіння.

— Робимо цикл надприскореного гальмування і зворотного розгону, — оголосив Корнев. — Через півтори години астронавігатор увімкне двигуни на форсування. Прискорення 80 g, програму ви знаєте. Що ж, — він подивився на Марину, коротко усміхнувся, одвів очі, — приготуйтеся до сну. Я — останній...

Астронавти по черзі роздягались, щоб одяг не ушкодив тіло при заморожуванні, і занурювались у контейнери.

Імпульс випромінювання перетворював їх на лід. Автомат сам умикав і вимикав генератори. Капітан відводив вкриті памороззю контейнери в магнітні гнізда. Через десять хвилин він лишився один.

Корнев поставив під проміння генераторів свій контейнер, увімкнув струм електромагнітів. Тепер сталі основи контейнерів і генераторних колон наглухо прикипіли до підлоги і гнізд; 80-кратне перевантаження не зсуне їх.

Ще раз оглянув усе, роздягся, набрав на дисках автомата видержку «120 годин», увімкнув 60-секундну затримку перед спрацюванням системи, вдихнув повні груди повітря, пірнув з головою у воду і став ждати.

Очевидно, він проробив усе це надто швидко. Чи секунди збігали повільніше. Як би там не було, Корнев відчував, що повітря спирає йому груди. «Перемудрували Аскер і Крон, — роздратовано подумав він. — Переавтома...

...тизували! Звичайно! Треба було провести кнопку вмикання у бак, а не ставити видержку. Чекай тепер! — Він мучився від задухи, судорожно стиснув щелепи і губи, щоб не втягнути в легені води. — Що ж таке? Невже автомат зіпсувався? Може, вискочити з контейнера?»

Та перед очима раптом постала картина, що запам'яталася з часу випробування УЗП: піддослідний кролик звільнився від вантажу, що тримав його на дні контейнера, і сильним

стрибком вискочив з води. В ту мить спрацювали генератори — біла грудочка, в яку перетворився кролик, замерзши на льоту, дзенькнула об підлогу й розсипалась на скалки, мов скло.

В очах капітана закрутилися червоні кола. Від натуги він заскреготів зубами, щосили відштовхнувся ногами, вилетів з циліндра і клубком покотився по підлозі. Підвівся. Плече і груди були в багрових саднах. «У чому ж справа?» Корнев підійшов до автомата. Алюмінієвий кожух тьмяно вилискував у світлі газорозрядних ламп. Погляд капітана впав на лічильник автомата: цифрові диски, які він тільки-но встановив на «120», показували у вічку «000».

Іван не встиг отямитися від недавньої задухи, як у нього знову тривожно закалатало серце.

— Невже минуло 120 годин?..

Він оглянувся навколо. Нічого не змінилось. У прозорих контейнерах залякли синюваті тіла товаришів. Дзеркальні антени генераторів були спрямовані на циліндр, з якого Корнев тільки-но вискочив. На підлозі розтеклися калюжі води. Це Корнев розхлюпав з контейнера.

Капітан підійшов до свого бака, встроїв руку у воду: вона була трохи тепліша, ніж тоді, як він занурився. Може, вода нагрілась од його тіла?

Невже справді він проспав сто двадцять годин? П'ять діб? І нічого не помітив! Нічогісінько... Коли його будили товариші, це було зрозуміло — значить, минув установлений строк. Юнаком він служив на морському кораблі, і його не раз будили заступати вахтового. Тоді можна було не сумніватися, що попередник відчергував належні чотири години. А тепер... Корневу стало моторошно.

Він старанно обтерся рушником і, напружено розмірковуючи, став одягатись. Була якась суперечність між відчуттям і свідомістю. «Ти тільки що, кілька хвилин тому, заліз у контейнер, — доводило відчуття. — Ти сидів у воді і чекав, коли спрацюють молекулярні генератори. Ти навіть подумав, що краще вмикати автомат прямо з бака... Виходить, ти почав думати про це 120 годин тому, а закінчив щойно? Нісенітниця якась! Ти мало не задихнувся... Усе це було тільки що!»

Корнев збентежено пригладив мокрого чуба. Він же не відчув ні заморожування, ні пробудження. Але так і мало бути. Адже ці процеси тривають тисячні частки секунди.

І все-таки... Між відчуттям «до» і «після» не було розриву. Адже за цей час сталося багато подій! Навігаційні автомати припинили обертання корабля. З корми його вирвалося сліпуче полум'я завдовжки, мабуть, кілька кілометрів. Величезна тяга за п'ять діб відшпурнула зореліт назад, у напрямі Сонця, змінила його курс. Потім двигуни погасли, автомати ввімкнули маховики, зореліт знову закрутився. Цикл форсування скінчився.

«Скінчився? А що коли він ще й не починався? Анабіозна установка могла не спрацювати або пробудити мене одразу ж. Шестерні зчепились не так — і вискочило одразу задане число! Тоді...»

Корнева наче обухом по голові вдарило: отже, цикл може початися з секунди на секунду! Невагомість, потім ударять двигуни, і його тіло розплющить невидимий п'ятдесятитонний прес перевантаження. Тоді загинуть усі — їх нікому буде пробудити: генератори спрямовано на його порожній контейнер!

Негайно діяти! Капітан працював швидко і чітко: заморозив воду в своєму контейнері, вимкнув електромагніти, пересунув під проміння генераторів контейнер Лет'є, ввімкнув електромагніти, знову встановив на дисках автомата 120 годин видержки. Все. Тепер Тоні розбудить усіх.

Іван одійшов до стіни. Напружене тіло ждало. Ось зараз невагомість, потім удар... «Чи так ти жив, Іване Корнев? Не страшно вмирати?»

Не було страшно, тільки стало досадно і нестерпно шкода себе. «Як усе по-дурному вийшло! Йому 45 років... Ех, мало пожив, не зробив того, що задумав...»

Минуло кілька хвилин. Відсік і весь корабель огортала тиша, тільки ледве чутно шурхотів годинниковий механізм автомата.

Іван з острахом, чекаючи удару в 80 g, пройшов у відсік керування. Світні цифри електрокалендаря показували «3657». Тоді, коли Корнев засинав, було «3652». Отже, минуло 5 днів. Синя риска на шкалі індикатора швидкості

тремтіла ліворуч від нуля, біля позначки «0,3 с». Останні міліметри світної прямої на зоряній карті були товщі. «Виходить, гальмування і розгін відбулися!» — капітан відчував ніяковість.

«А може і ці прилади брешуть? — обпекла думка. — Може, це якийсь новий вплив Г-1920?»

— Ні, так можна збожеволіти... — пробурмотів капітан, прямуючи в обсерваторію.

Зоряне небо оберталося. Серед безлічі голубих, жовтих, білих, оранжевих кружечків нічого не можна було розібрати. Корнев увімкнув протиобертання обсерваторії. Небо зупинилось.

Тьмяні сузір'я Скорпіона, Стрільця, Змієноця тепер падали. Недалеко від Антареса сяяло біло-жовте Сонце...

Іван виміряв ефект Допплера, обчислив швидкість корабля. Вона становила 96 тисяч кілометрів за секунду в напрямі Сонця.

Потім Корнев повернувся в анабіозний відсік, пробудив товаришів і розповів їм про пережите.

— Треба керувати автоматом з контейнера, — сердито закінчив він. — І придумати якусь сигналізацію, чи що? А то не розбереш: минули місяці чи секунди.

— Та-ак... — спроквола сказав Летєє, надіваючи штани, і раптом, вражений думкою, завмер на одній нозі. — Слухайте! А коли б ми не гальмували від субсвітлової швидкості, коли б нерухомо висіли в просторі?

— Нерухомо відносно чого? Неможливо висіти нерухомо, — зауважив Бруно, обтираючись. — Усі тіла у Всесвіті рухаються одне відносно одного.

— Ну, коли б ми рухались відносно найближчих зірок з такою ж швидкістю, як і більшість тіл нашої галактики, тобто робили десятки кілометрів за , секунду, і не було ніяких приладів, годинників, могли б ми визначити за зовнішніми ознаками, скільки пролежали заморожені в контейнерах: п'ятдесят секунд чи п'ятдесят років?

— Мабуть, ні, — сказав фізик. — От п'ять тисяч років від п'ятдесяти секунд ми відрізняли б — по зміщенню зірок у сузір'ях.

— А коли б, — Тоні натягнув другу холошу, став на ноги, — а коли б ми перебували у міжгалактичному просторі на віддалі тисяч парсеків від найближчих галактик? Як тоді?

— Тоді б ми змогли розрізнити проміжки часу в мільйони років.

— Тобто практично ми б зовсім не помітили бігу часу, — підсумував Корнеєв.

— Висновок: не можна помітити того, чого нема! — Бруно одягся і заходився прибирати відсік. — Нема перебігу подій — немає і часу. Ще Ленін писав, що час поза речами в часі — бог. Воістину бог — той «біг часу», про який торочє Тоні. Бог Хронос, що пожирає своїх дітей. Тяжка спадщина античного минулого. Корнеєв довів це експериментально. Якщо ми не спостерігаємо руху і розвитку матерії, то не можемо нічого сказати і про час...

Астронавти зібрались у відсіку керування. Тепер це було єдине більш-менш пристойне приміщення на «Буревіснику». Тут стало просторіше. Вцілілі два крісла стояли в кутках, повернуті до стіни сидінням. Ніхто не підійшов до них, не сів.

Корнеєв, спускаючись з містка, побачив, що всі стоять, притулившись до стін, наче гості, і жаль здавив йому горло.

— Ну, чого ви як чужі? — він через силу всміхнувся. — Двигуни перегрілись, два дні остигатимуть. Влаштуйтеся зручніше. Часу досить та й поговорити є про що...

— Авжеж, є про що, — підтримав його Бруно. — Я хочу доповісти команді про свою гіпотезу щодо Г-1920.

— От і добре! — зрадів Корнеєв. Йому дуже не хотілося, щоб товариші, тепер нічим не зайняті, сумували, чекаючи розлуки. — Сідайте, хто де зможе. Розповідай, Бруно.

Сам капітан сів на сходинці, Марина і Галинка облюбували крісла. Тоні вмостився на тюку з постелями. Аскер і Март так і лишилися стояти. Тепер вони здавалися схожими один на одного: обидва в однакових коричневих комбінезонах, невисокі, кремезні, круглоголові, тільки різниці, що один лисий, а другий коротко підстрижений.

— Уся справа в тому, що... — почав Бруно. Він приготував велику, добре аргументовану промову з екскурсами в іс-

торію фізики, але, поглянувши на товаришів, зрозумів, що вона тут недоречна. — Словом, от що. Речовина зорі Г-1920 складається з частинок, які своїми властивостями подібні до звичайних частинок або античастинок, крім одного: їхня енергія — негативна!

Фізик заклав руки за спину і, ніби приготувавшись до нападу, подивився на ошелешених товаришів.

— Стривай, стривай, — Корнєв наморщив лоба, міркуючи. — Речовина Дірака?

— Так, речовина Дірака — вакуум, — кивнув Аскер. — Тільки в зручнішому для застосування вигляді. У Дірака в кожній точці вакууму безліч частинок з негативною енергією. Вони там поворухнуться не можуть і тому ніяк себе не виявляють... Можливо, справді так і є, але не в цілому Всесвіті, а лише біля скупчень звичайної речовини чи антиречовини. Адже дані досліду стосуються саме простору біля Землі і Сонця... А між зорями — пустота, не заповнена нічим, крім космічних променів і силових полів. Це менш протиприродно, ніж Всесвіт, по саме нікуди набитий негативними частинками... А коли так, то в просторі світу можуть бути і скупчення речовини Дірака з негативною енергією, але вже в природному стані — у формі зірок і планет, газів атмосфери, ядерної плазми, мінералів, морів і навіть живності; кажучи мовою фізики, у формі скупчень частинок, які рухаються і взаємодіють...

«Про що вони всі говорять? Що вони доводять, коли кричати хочеться! Вони прикидаються: і Іван, і Бруно, і Тоні — всі! Хіба ці абстрактні догадки що-небудь важать порівняно з тим, що станеться з нами?» — розпачливо думала Галина.

— На біса мені все це потрібно?! — тоном, розрахованим на скандал, вигукнув Стефан Март і попрямував до виходу. Ніхто не пішов за ним. Астронавти мовчки відчужено провели його поглядом.

Бруно засоромлено закліпав очима, розгублено усміхнувся.

— Може і справді не треба? Га?

— Ні, треба, — рішуче промовив Корнєв. — Ми на роботі. У нас науковий семінар! Давайте далі... Мені не зовсім зрозуміло от що: коли дотримуватись постулатів квантової механіки, то така речовина не може існувати у формі зорі, пла-

нети або ще чогось. Частинки з негативною енергією не втримаються на вищому енергетичному рівні, якщо ними не зайняті нижчі рівні.

— А з якої речі ми повинні суворо дотримуватись постулатів квантової механіки? Їх же в свій час теж не з доброго дива придумали — треба було пояснити нові дослідні факти, — голосно сказав Летєє.

Бруно не сподівався його підтримки і здивовано подивився на Тоні.

— А тепер ми маємо нові факти. Навіщо беззаперечно пристосовувати постулати до тих видів речовини, для яких вони не передбачались?

— Приємно вражений! — кивнув Аскер. — Ні, Іване, ми не відмовляємось од постулатів Бора, Паулі та інших корифеїв квантової механіки. Ми визнаємо, що частинки намагаються займати стан з мінімальною енергією і таке інше. Але... — Бруно багатозначно підняв палець, — уточнимо, що розуміти під мінімальною енергією. Так от: мінімальна енергія частинки — це не безконечна негативна енергія, а енергія, близька до нуля. Розумієте?

— Не зовсім, — сказав Корнєв.

— Тоді ще простіше. Частинки з негативною енергією — це лише частинки з негативною масою. Справді, є позитивний заряд електрики, є й негативний, є північний полюс, але є й південний. Є позитивні маси речовини. То чому не бути й негативним? Можливо, в світі вони цілком рівноправні з позитивними...

— Може, зараз десь у Всесвіті засідають академіки, які складаються з частинок з негативною масою, і переконливо доводять, що світів, де маса має протилежний знак, бути не може, бо частинки з протилежною масою повинні самовільно накопичувати нескінченну енергію, — знову вставив Тоні.

— От-от! — зрадів Бруно. — Що з вами, Тоні? Це суперечить тому, що ви обстоювали досі.

— Вникаю у вашу гіпотезу, професоре. Тільки це не означає, що я згоден з вами.

— Нехай так, — погодився Корнєв. — Негативні маси можливі. Але при чому тут Г-1920?

— А ось при чому, — фізик повернувся до капітана. — Якщо Г-1920 має негативну масу, то, за законом Ньютона, вона відштовхуватиме тіло звичайної маси. Відштовхуватиме! Фізично це означає, що поле тяжіння поширюється не від зорі Г-1920, а до неї! У неї поле гравітаційного відштовхування, а не тяжіння. Розумієте? Але тяжіння — лише одна властивість, один прояв того *єдиного* просторового поля, яке створюють навколо себе скупчення речовин. Інші властивості *єдиного* поля ми сприймаємо як світло, електричні, магнітні, внутрішньоядерні сили і поля... Просторове поле цієї зорі поширюється навпаки. Всі його прояви: світло, поле від електричних зарядів, від магнітів, поля тяжіння, ядерних сил...

— Ага! — кивнув Корнев. — Виходить, тому і світло її поширюється не в той бік. Що ж...

На містку заклично замиготіла лампочка селектора. Всі замовкли. Капітан піднявся нагору.

— Іван? — почув він з динаміка голос Стефана.

— Так, я.

— Доповідаю: автоматику катапульти перевірів, усе гаразд. Ти можеш трошечки змістити зореліт, на 0,5 кутових секунди до Сонця?

— Навіщо?

— Щоб контейнери не опинились на траєкторії зорельота. Так вони підуть прямо в ціль, у межах орбіти Сатурна. Я розрахував...

— Що ж, слушно. — Корнев підійшов до пульта, натиснув і відпустив кнопку. Коротко завищав мотор маховика, на кутомірній шкалі ледь зсунулася світна риска. — Готово, Стефане.

— Дякую. Ви там ще не нагались? А то — карету подано...

Корнев різко повернув регулятор гучності вліво. Спустився вниз, сів...

— Хто далі?

— Ну, добре, — легенько ляснув у долоні Тоні. — Припустімо, Г-1920 складається з речовини з антимасою. Що ж нас там жде?

— По-перше, гравітаційне відштовхування, коли підлітатимемо до зорі, — Бруно загнув вказівний палець.

— Це непогано, — схвалив капітан. — Зоря гаситиме нашу швидкість і допоможе розігнатися від неї. Заощадимо палъне.

— Якусь дрібницю. Маса зорі невелика. Її відштовхування гаситиме швидкість — сотню-дві кілометрів за секунду, — заперечив Бруно. — По-друге, для ядерних сил відштовхування наших і тутешніх нуклонів буде таке ж сильне, як звичайно їхнє взаємне притягання, — він загнув другий палець.

— А це здорово! — обізвався Летъє. — Може, пощастить розробити нові типи ядерного розпаду? Нові реакції?

— Це було б здорово, — сумно всміхнувся Корнєв. — Особливо, коли врахувати, що в розпаді доведеться брати участь «Буревіснику» і нам.

— Ще має бути взаємне відштовхування молекулярних полів у нашій речовини і речовини Г-1920. Три. — Бруно загнув ще один палець. — Оце, мабуть, і все.

— Не густо! — зауважив Летъє. — А що ти скажеш відносно процесів, які відбуваються там у речовині? Не в полях навколо неї, а в самій речовині?

— Я сказав тільки те, що міг обгрунтувати, — сухо відповів фізик.

— Любий професоре, — примруживши очі, зворушливо мовив пілот, — ви нічого нового не провістили! Усі ці елементарні ефекти можна припустити, виходячи з гіпотези античасу. Гравітаційне поле, за Ейнштейном, поширюється за законами, подібними до законів поширення електромагнітного поля. Якщо змінити знак часу у рівняннях Ейнштейна, то якраз і вийде зворотне поширення полів. Такі міркування можна застосувати до будь-яких полів: і до ядерних, і до молекулярних. Що ви на це скажете, професоре?

— Але Бруно обійшовся без парадокса Марини, — заперечив Корнєв.

— Ах, яке страшне слово... «парадокс»! — вигукнув Тоні. — Парадокс — це лише суперечність між застарілими уявленнями і новими фактами. Колись твердження, що Земля кругла, вважалось парадоксом. Ще б пак — ми бачимо, що вона плоска! Виходить, по той бік Землі ходять догори ногами? І те, що Земля обертається навколо Сонця, вважалось безглуздим і небезпечним парадоксом... Не треба боя-

тися парадоксів — з них народжуються нові знання. Хіба вимірювання Майкельсона, які показали, що швидкість світла не залежить від швидкості руху джерела світла, — не парадокс? А з цього виникла теорія відносності! Хіба відкриття, що електрон має і властивості частинки, і властивості хвилі, — не парадокс? А з цього народилась квантова механіка! Хіба відкриття, що атом, тобто по-грецьки «неподільний», насправді подільний, — не парадокс? А на цьому виросла ядерна фізика! І коли-небудь із подиву Марини, який нам здається недоречним, безглуздим, виникне нова наука про час.

— Чудово! — захоплено вигукнула Марина. — Виходили з різних гіпотез: античасу і антимаси, а провістили однакові ефекти! Отже, можемо розібратися, не навмання летимо! — вона обвела всіх блискучими очима і сіла, похмурнівши: «Можемо», «Летимо»... Я тут ні при чому».

Відчинилися двері. Стефан Март зайшов у відсік і став біля стіни. На обличчі в нього був вираз нудьги. Галина довго поривалася щось сказати.

— Послухайте, — заговорила вона. — Якщо там речовина з негативною масою, то ми можемо полетіти всі! Троє з нас — зайва кінцева маса, позитивна маса. А там, коло зорі, є негативні маси...

— І можна скомпенсувати! — підхопив Летьє. — Навіть з лишком! Та це ж новий спосіб зореплавання!

Так не хотілось примиритися з неминучим, з розлукою, що астронавти нараз повірили в цю можливість. Марина з надією глянула на Корневу і Бруно. Стефан пробурмотів:

— А й правда...

Тоні, судячи з виразу його обличчя, був готовий відмовитись од своєї гіпотези, якщо Бруно підтримає Галинину ідею.

Але Бруно не підтримав її.

— А як ми це зробимо, Галинко? — поцікавився він.

— Як? Ну, сядемо на планету або підірвемо з висоти якісь скелі з антимасами на ній, вилavimo уламки...

— На яку планету? На ту, що Марина придумала?

— Ну, чому ж придумала... Навколо Сонця обертається дев'ять планет, та ще супутники, та метеорний пояс. Багато зірок мають планети.

— Авжеж. Знадлива картина, — прищурих очі капітан. — От ми прилітаємо туди. Всі. Палива лишилось мало, тільки на поганенький розгін. Дивовижний світ, мелькають планети. Можливо, з антимаси, а може, ні. Але тепер ми не тільки досліджуємо — ми боремося за своє життя. Для нас питання постало по-гамлетівськи: бути чи не бути? Якщо ми зможемо застосувати речовину зорі Г-1920 для польоту, добре. Якщо ні — експедиція гине. Ми напружено шукаємо, працюємо, боремось. Надії змінюються відчаєм і навпаки. Пального нема. Кінчаються харчі, вода, повітря. Ми вмираємо в красивих корчах. Зостається живим тільки наймолодший і найсильніший з нас — Тоні Летєс. Перед його затуманеним поглядом постають страховиська. Від них тхне сіркою, їхня розмова скидається на сатанинський регіт.

І зненацька, за всіма канонами літературного оптимізму, виявляється, що ці страховиська — хороші, мирні і суперкультурні мешканці однієї з численних планет, які пророкувала Галина. Істоти ляскають щупальцями, проказують щось незрозуміле. Всі оживають. Страховиська передають нам свої знання про антимаси, про античас. Заправляють «Буревісник» пальним... І ми, поправившись на чужих хлібах, овіяні славою, повертаємось на Землю. Ех, чого я не письменник! Я б так усе й зробив. А через те, що я не письменник, — голос Корнева став твердим, — а керівник експедиції, то кажу прямо: авантюри не буде!

— Авантюра! І це говорить Корнев, — втрутився Март. — Той самий Корнев, що його проект зорельота-майстерні проголошували авантюрою. Той Корнев, який тепер чинить авантюру з зорельотом і з... нами!

— Не прикидайтесь дурником, конструкторе! — скипів Бруно. — Проект не був авантюрою, ви це добре знаєте! І те, що ми задумали тепер, — не авантюра! Тут ми розраховуємо на себе, на свої сили, знання, прилади. Авантюра — це коли люди покладаються на милість природи, на щасливий збіг обставин, коли бажане вважають за можливе, а можливе за реальність і відповідно до цього діють. З припущення про те, що існують антимаси, зовсім не впливає, що ми зможемо накидати їх лопатами повні бункери.

— Які ви всі злі, — тихо сказала Галина.

— Ось що, — стомлено промовив Корнєв, — силою ми нікого з зорельота не катапультиємо. Кожен може розпорядитися собою. Але до зорі полетимо тільки так, як розраховували: щоб напевно повернутись на Землю. Якщо ні — повертаємось додому ні з чим. Вирішуйте.

— Все ясно, по-моєму, — підвела на нього очі Марина. — Повинні летіти Бруно, Летєє і ти...

— Летєє! А чому Летєє? — вигукнув Март. — Добре, Іван — командир, організатор експедиції і таке інше. Бруно — дослідник, так би мовити, інтелектуальний гігант міжзоряного масштабу... Третім я прошу послати мене!

— А хто водитиме розвідувальну ракету? Із зорельота всього не розглянеш... Хтозна, які там умови? Тоні цю ракету складав, налагоджував. У Сонячній мав звання майстра спорту з фігурного пілотування легких ракет...

— Я будував розвідувальну ракету разом з Тоні, між іншим! — сказав Март. — У мене теж звання майстра! — Але тут же прикусив язика.

Хто, як не Тоні, навчив його водити ракету? Стефан завжди захоплено дивився на Антона Летєє, «аса планети», мріяв і самому навчитися так садовити ракету «на три точки» в будь-яких умовах, легко робити круті віражі, коли перевантаження досягає 17 g. Що й казати, він не може водити ракету краще, ніж Тоні.

— Я теж за те, щоб летів Тоні, — сказав раптом Бруно.

— Зате... я важу менше, ніж він! — випалив Март.

— О боги, чого ж ми сперечаємося? — Бруно підняв руки. — Давайте зважуватись!

Хоч яка була напружена обстановка, всі засміялись. Стефан Март огледівся, злий, червоний, махнув рукою.

— Ану вас усіх! — і вискочив з відсіку.

Хвилин через дві зненацька м'яко хитнулася підлога, почувся віддалений брязкіт.

— Що це? — підхопився Бруно.

— То Стефан! — Летєє вибіг з відсіку. За ним кинулись інші.

— Не поспішайте! — гукнув Іван. — Ви його вже не надженете!

Він піднявся до пульта, увімкнув овальний екран. Кола зірок утворили тунель із блискотливими склепіннями. Там, де тунель сходився, мелькало маленьке темне тіло. Корнєв увімкнув прожектор — тіло блиснуло алмазними прямокутними гранями.

Увійшов пілот і, тримаючи перед очима аркушик паперу, розгублено прочитав:

— «Март зробив свою справу — Март може йти геть. Терпіти не можу прощатись. Не знаю, з ким зустрінусь на Землі». — Тоні зім'яв папірець. — Піжон!

— Як по-дурному все вийшло! — ніяково промовив конструктор Март. — Мені здавалося, що я поводжусь дуже відважно... Тепер мені соромно.

— І таке буває іноді, — зауважив Остап Іскра, — коли люди надто довго відірвані од Землі. Медики-психіатри називають це «порушенням суспільної орієнтації».

— Бачу, медицина зробила великий крок уперед, — усміхнулась Марина Плашек. — Але, по-моєму, Антон Летьє поставив точніший діагноз.

— А Бруно тоді сказав: «От і скінчили суперечку!» — дала Галина.

— От і скінчили суперечку! — сказав фізик.

Усі раптом зрозуміли: сталося. Все вирішено.

Людам, які з дитинства повірили у владу над природою, важко підкоряти свою долю математичним невблаганним законам тієї ж природи. Справа була не в ризику — до нього звикли. Їм треба було розлучитись — не просто роз'їхатись і загубитися в світі людей, а розлетітися тут, у чорній пустоті з колючими цятками зірок...

— А я? — почувся з крісла в кутку голос, такий тонкий і тремтячий, що капітана ризонував по серцю жаль. — А як же я? Ти полетиш — а я ж як? — Галина спідлоба дивилась на Летьє, і в її великих темно-синіх очах блищали сльози.

Тоні сумно глянув на неї.

— Ти? Невже ти хочеш, щоб я все кинув? Ти цього хочеш?

Галина від його слів опустила голову нижче й нижче.

— Перестань! Перестань, чуєш? — Летє раптом вискочив із рубки, глухо грюкнувши овальними дверима.

«Ми дерлися по скелях мов одержимі. Зривались і знову лізли. Стрибали через провалля. О, ми виявили тоді куди більше відваги, героїзму, ніж у тих випадках, що описують газети. Тільки про це газети не писали... Ми не встигли. У нього було синє обличчя, вирячені очі і — маленька дірочка в балоні скафандра. Смерть од задухи. Це трапилось на Плутоні за три роки до нашого старту, Галинко. Звали його Максим Лихо. Він теж був пілот, як і я... Не все під силу людині, Галю. Тоді я це зрозумів. Зрозумів, однак не злякався. У цьому, мабуть, і мужність. Я не розкажу цього тобі, щоб розрадити. Чужий досвід ніколи не стане своїм. Нехай у тебе буде власний досвід, Галинко. Хай він навчить тебе мужності, дівчинко...»

За задумом, електромагнітна катапульта мала викидати лише кулі — астродатчики. Та коли обладнували зореліт, Корнев запропонував змонтувати її в одному блоці з установкою «Засинання — пробудження». На випадок катастрофи, коли корабель неможливо було б урятувати, катапульта автоматично викинула б у простір вморожені у брили льоду тіла астронавтів.

Тепер вона стала в пригоді.

— Ви обережніше, хлопці, — повчала Марина. — А то гармата викине нас з такою силою, що ми порозколюємося на шматки. А потім на Землі нас з Галиною складуть не так.

Вона жартувала. Вона ще знаходила в собі сили жартувати.

Нарешті, все було готове: наповнені водою контейнери встановили в стрічковій обоймі. Затвор електромагнітної гармати розкрився, готовий прийняти перший контейнер з людиною. Корнев і Бруно зайняли місця коло молекулярних генераторів, націлили параболічні дзеркала на найближчий до катапульти циліндр. Летє стояв біля пульта гармати.

Зникли усмішки, не чути було ні жартів, ні розмов. Корнев до болю стиснув щелепи і не наважувався розціпити їх. «Треба щось сказати! Неодмінно...» Він боявся, що голос не послухається, затремтить і почнеться казна-що. Нарешті, видавив з себе:

— Н-ну... До зустрічі... Ми ще побачимось. Ви, певно, будете на Землі раніше за нас, — і з жахом зрозумів, що сказав зовсім не те.

— Іване! — Марина кинулась до нього, обняла гарячими руками і почала швидко цілувати його обличчя.

— Маринко... Годі, не треба, — голос Корнева недобре затремтів. — Перестань, прошу тебе, — він розняв її руки. — Іди.

Галина теж рвонулась до Летьє, але, зустрівши його напружений, сухий і холодний погляд, знітилась... Бруно по черзі мовчки обняв астронавтів, одійшов до генератора.

Капітан опанував себе, наказав спокійно і владно:

— Роздягтися і в контейнери!

Зайва вода вихлюпнулась, на підлозі утворилися калюжі.

Астронавти стояли по шию у воді. Вода заломлювала їхні тіла — голови здавались відокремленими од тулуба.

— Галино Крон, готуйся.

— До побачення, товариші! До побачення, Тоні!

Голова Галини пішла під воду. Корнєв і Бруно одночасно натиснули кнопки генераторів — на них війнуло теплом. Це миттю виділилась у вигляді інфрачервоного випромінювання вся теплова енергія води і тіла дівчини. А вже через секунду повіяло холодом, контейнер обріс колючим інєєм.

— До побачення, Галинко... — тихо сказав пілот.

Почекавши трохи, він перекинув важельок. Далі катапульта діяла сама: брязнувши, пересунулась обойма, контейнер ліг у затвор гармати, плоска штанга подала його трохи вгору. Удар магнітного поля, що відбився поштовхом у підлозі, викинув радіоінженера Галину Крон у космос.

— Марино Плашек, готуйсь!

— До побачення, Іване! До зустрічі, товариші!

Жінка замовкла.

«І що ж далі?» — хотів спитати Остап Іскра, але спохватився... Далі — нічого. «Нічого» тривало п'ятдесят років, поки Марина Плашек знову відкрила свої прекрасні сірі очі тут, в Астрограді.

Було вже завівніч. Автомат міської освітлювальної сітки одну за одною вимикав шеренги білих вуличних вогнів. Зда-

валося, ніч стирає світні лінії міста. Незабаром лишилися тільки червоні сигнали на радіощоглах, де-не-де світилось у вікнах будинків, та зорі сяяли на небі.

«Як допомогти тим трьом? Адже експедиція в аварійних умовах... — розмірковував Іскра. — Послати зустрічний зореліт? Розминуться. Та й що це дасть? Зв'язатися? Неможливо, поки не підлетять хоч на два парсеки ближче. Лишається тільки вірити і чекати. Якщо все йшло нормально, то через три-чотири роки вони будуть тут. Треба встановити глибоке спостереження цього сектора простору».

— Дивіться! — Галина показала рукою.

Там, де зоряний розсип обривали чорні зазублини гір, підіймалося сузір'я Оріона. Над пояском трьох яскравих миготливих зірок оранжевою вуглинкою палав Антарес.

Остап Іскра по-новому дивився на знайому зорю. Десь поблизу неї і таємнича Г-1920 — зоря, яка вбирає проміння...

— Скажіть, товаришу голова, — спитала раптом Марина, — а як би ви діяли в такій ситуації?

— Серйозне питання! — всміхнувся Остап Іскра. — Відразу й не відповіси...

Але астронавти дивилися на нього так вимогливо, що він зрозумів: пустими словами тут не відбудешся. Для них його відповідь — оцінка експедиції, їхніх справ і вчинків.

Голова Зоряного комітету замислився. Він ще раз причепливо перебрав у пам'яті все, що знав і що йому розповіли тепер, і підвів голову.

— Напевно, так само.

Частина друга. Мужність

1. Мимо Землі

Минула тільки хвилина з того моменту, коли втретє спрацювала катапульта, — одна з тих хвилин, які запам'ятовуються краще, ніж часом роки.

Астронавти мовчки прибирали відсік УЗП.

— Госкно буде, хлопці, — порушив тишу Бруно.

— Тепер ти зможеш перевірити свої розрахунки на практиці, — обізвався Летєс; він закотив штани і почав збирати губкою воду з підлоги.

— Які розрахунки? — не зрозумів Бруно.

— Щодо «часу набридання».

— А-а...

Помовчали.

— Даремно ти з нею так... — докірливо кинув Корнев, повертаючи вбік башту генератора.

Тоні зрозумів, про що мова.

— Ні, даремно. Може, ми не повернемося. Навіщо їй потім любити спогади? Ждатиме не знати чого. Хай краще скоріше викине мене з голови. Нащо їй псувати собі життя!

— А дитина?

— Дитина?! — Тоні завмер з губкою в руках, на його ноги стікала вода. — Та ти що?

— Невже вона тобі нічого не казала? — здивувався Корнев. — Оце так... дідько б вас забрав, молодих коханців! — він скурушно лягнув себе по боках.

Бруно спантеличено позирав то на Івана, то на Летєс: він почув про це вперше.

Через день двигуни остигли. Контейнери віддалились од зорельота на вісім тисяч кілометрів, але промінь прожектора наздоганяв їх у пустоті. В телескоп Корнев розрізняв блискітки, що мерехтіли серед зірок: вони обертались після поштовху катапульти. Ось телескоп ледь помітно зсунувся,

блискітки в окулярі зникли. Це Бруно спрямував зореліт на попередній курс. Корнев вимкнув прожектор. На душі стало спокійно і порожньо.

Все було готове. На дисках автомата набрано «44600» годин: астронавтам доведеться на п'ять років виключитися з життя. Кнопка вмикання тепер була проведена в один з баків.

— До зустрічі коло Сонця! — Летєть вскочив у контейнер.

— До зустрічі!

Капітан заморозив товаришів, вліз у прохолодну воду свого контейнера, оглядівся: через п'ять секунд після того, як увімкнуться генератори УЗП, погасне світло, з двигунів ударить стовп вогню, зореліт розженеться до 0,91 світлової швидкості і летітиме, темний і безмовний, від оранжевої лжезорі за кормою. «Вимикаю час», — подумав Корнев, набрав у легені повітря, пірнув і натиснув кнопку.

«Вимикаю час». Корнев мимоволі мало не натиснув на кнопку вдруге. Він був майже певен, що система не спрацювала. Лише згадка про те, що сталось з ним минулого разу, утримала його руку. У відсіку було темно. Вода стала теплою. Мозок і тіло Корнева зафіксували тільки дві події: погасло світло, вода враз нагрілась.

Капітан обережно виліз з контейнера, намацав на стіні вимикач, засвітив світло.

Нічого не змінилось у відсіку, тільки повітря стало задушливим, пахло залізом. Корнев зняв кожух з автомата. Еге, так і є: латунні гвинтики позеленіли від дії повітря, олов'яні спаї у схемі стали сірими.

Перш ніж повернути до життя товаришів, капітан зайшов в обсерваторію. Зоряний тунель, у якому летів «Буревісник», виблискував яскравіше, побілів. Корнев увімкнув протиобертання — тунель розсипався на зоряний порох. Під ногами сліпуче палала біло-жовта зоря. Через невагомість капітанові здавалося, що він падає на неї. «Сонце. Все гаразд».

Чекали третю годину. Тоні, знудившись, пішов в обсерваторію на кормі — подивитись, яке при такій швидкості зоряне небо позаду зорельота. Аскер сів біля душника кондиціо-

нера, смакував першу після пробудження сигарету і слухав міркування капітана.

— Ми справді проживаємо якісь обривки часу, — задумано мовив Корнев, спершись ліктем на поручні трапа. — А на Землі нас нема вже двадцять сім років. І не буде ще сімдесят... Мине майже сто років, поки ми повернемось! Сто років бурхливого життя, подій, справ, відкриттів, винаходів, суперечок, кипіння людських пристрастей — безповоротно зникнуть. Безповоротно! Невже нічого не можна зробити? Невже людям не пощастить подолати це витрачання життя у міжзоряних подорожах? Хай це буде «плин часу» чи перебіг подій, у яких ми позбавлені можливості взяти участь. Справа не в термінах. Невже людству не подолати інерції життя світу? Може, там, біля зорі...

Двері відчинились, на порозі стояв Летьє.

— З-з-з... — почав він, натужачись і червоніючи. Корнев співчутливо подивився на пілота.

— Іване, стусоніть його, щоб не мучився, — кинув Бруно, благодушно пускаючи синій димок.

Від злості до Тоні повернулась мова:

— З-з-з-зорі нема!

— Та ну?! — фізик ляснув себе по коліну. — Скандал!

— Не розумію, до чого тут жарти? — Корнев слідом за Тоні кинувся до кормового телескопа.

Бруно лунко почимчикував за ними по коридору.

Тепер сліпучі спалахи анігіляції не заважали спостереженню, видно було весь зоряний простір позаду корабля. Невидима лінза субсвітлової швидкості викривила і райдугою заломила його по боках зорельота. Чорне небо густо всіяли білі, голубі, жовті світила. Позаду переважали оранжеві, червоні і вишневі зорі. Віддаляючись, вони, здавалося, зникали в просторі.

Зорі Г-1920 не видно було ні неозброєним оком, ні в телескоп. «Невже збилися з курсу?» — на цю думку в Корнева пішов мороз поза спиною. За ним неголосно пирхнув фізик:

— Досліднику Летьє! Не можна так лякати людей. Пусти, Іване. — Фізик втиснувся під ковпак, насадив на окуляр телескопа інфрачервону приставку, відрегулював різкість. — Дивіться.

У центрі люмінесцентного екрана тьмяно засвітилась зеленувата зірочка. Корнев полегло зітхнув.

— Ефект Доплера, хай йому грець! Зоря перетворилась із жовтої в інфрачервону. Ех ти! — повернувся він до Летєє. — «Зорі нема!»

— Та, розумієте... — ніяково виправдувався Тоні. — Від неї можна всього чекати.

Вернулись у відсік. Корнев піднявся на місток, покрутив рукоятку на білій панелі, нахилився до динаміка. Летєє і Аскер зупинились, стежачи за ним.

— Нічого?

— Нічогісінько. Тільки фон, — капітан зійшов униз.

— Так, виявляється, ти боягуз, пілоте? — не пропустив нагоди познущатися з противника Бруно: — «Зорі нема?» Галасував, доводив, а при першому ж дріб'язковому ускладненні так злякався, що аж заїкатися почав: «Від неї всього можна чекати!» Всього, тобто і того, що вона — примара, як твердив Март, і того, що, наприклад, зараз відтіля простягнеться скарлючена кігтиста рука, схопить наш вуглий зорець і кине його за тридев'ять галактик... Так?

— Я цього не казав, — промимрив Тоні.

— Так ти ж прорік «усього!» — розпалився Аскер. — Значить, всяку маячню, всяке чортovinня... Так не можна, пілоте! Мати філософські погляди — значить бути не тільки красномовним, а й мужнім.

— Бруно правий, — сказав Корнев. — Ми не повинні чекати від зорі Г-1920 «всього». Це не фантазмагоричний світ поза всякими законами. Різноманітність природи — не свавілля, не примха. У всіх процесах, явищах існує глибока закономірність, якій підлягають і речовина, і простір, і час, і тяжіння — весь розвиток матерії -від найпростіших явищ до найскладніших...

— Причинний зв'язок подій ось що це, — мовив Бруно.

— «Причинний зв'язок», «причини», «наслідки»... Бруно вживає ці слова, начебто знає їх значення, ніби всі причинні закономірності у нього в кишені! — заперечив Тоні. — А чи не зможеш ти мені, сіромасі темному, заляканому природою, точно сказати, що це таке? Тільки точно, повторюю! Приблизно я і сам знаю.

— Не можу, пілоте, маєш рацію, — здався фізик. — Ми всі тільки відчуваємо, що це: на причинних зв'язках ґрунтуються наше мислення і вчинки. Це справді якась корінна закономірність у розвитку Всесвіту. Але точно описати її поки що ніхто не може — ні філософи, які силкуються осягнути розумом, збагнути цю таємницю, ні дослідники, що виявляють нові причинні зв'язки в світі.

— Так на чому ж тоді тримається твоя «мужність»? На тому, що ти відчуваєш, але висловити не можеш? Це не мужність, а звичайнісіньке нахабство!

— Ні, мужність, пілоте. І не тільки моя — кожного путящого дослідника. Вона тримається на переконанні, що у всьому в природі можна розібратися, не вдаючись ні до господа бога, ні до хаосу. Треба тільки думати, працювати і бути готовим переглянути будь-які знання, навіть освячені віками і авторитетами. І, нарешті, вона ґрунтується на чіткому розумінні мети.

— Мети? — Тоні підняв брови. — А хіба процес дослідження, пізнання, творчості — сам по собі не прекрасна мета?

— Так досліджували б забарвлення метеликів! — спалахнув Аскер. — Вивчали б правопис букви «єр», яку вживали в XVII столітті!

— Тихше! — підняв руку капітан. — Так ми нічого не почувемо.

— Знання здобувають не для того, щоб задовольнити цікавість, творчі інстинкти, — Бруно стишив голос, — і навіть не для досягнення абсолютної істини. Хіба суть у ній, в абсолютній істині? Знання здобувають для того, щоб людині краще жилося, щоб людство розвивалося, щоб воно утвердилось у Всесвіті! І ми летимо здобувати нові знання для людей. Ті знання, що їх уже не взяти від природи на Землі і в Сонячній, скільки не бийся. Можливо, ми здобудемо не так багато, але й ради цього варто летіти. На Землі цього й за п'ять століть не здобудеш!

— Хороший ти чоловік, Бруно Аскер, — зненацька лагідно сказав Тоні. — Сильний і ясний...

Фізик ошелешено подивився на нього: нова каверза?

— Поважаю таку ясність від розуму. Ясність, вироблену працею, досвідом, шуканнями. Заздрю тобі, фізику.

— Ну, ну, побережи це для мого некролога, Тоні... — ніяково пробурмотів Бруно. Те, що сказав пілот, було йому приємно. Він усміхався, розглядаючи підлогу. — Я теж блукав. Роками бився лобом об стіну, намагався в кабінеті з допомогою самих тільки олівця й паперу знайти «принцип надшвидкості»...

— А що як ми там, біля Г-1920, відкриємо його? — почав мріяти Корнев. — Принцип подолання простору, часу...

— І людина зможе подорожувати по життю туди й назад! — захоплено підтримав Летєє. — Зробив помилку або працював кілька років не в тому напрямі — повернувся, пережив усе це по-іншому. Га?

— Ну, я не певен, що таке блукання по життю доцільне, — зауважив Корнев. — От коли б здійснювати міжзор'яні польоти без такого страшного витрачання життя — це було б прекрасно.

— Люди — як боги... — Бруно усміхнувся, погладив маківку голови. — Все-таки інтелігент ти, Тоні! Каша у тебе в голові. Ні, не буде цього! Наш світ розвивається за законами, які не залежать від людського бажання. Можливо, і пощастить перевищити швидкість світла в пустоті, або досягти температур, менших від абсолютного нуля, або подолати необоротне розсіювання теплоти. Але блукання по життю туди й назад... — він закрутив головою. — Це не життя, а якийсь містичний інтелігентський міраж! Треба мати мужність жити і діяти саме так, а не інакше, знаючи, що зробленого не повернеш!..

Аскер враз замовк, прислухався. Тоні птахом злетів на місток, завмер біля динаміка відкритого радіозв'язку. Астронавти затихли. Досі антени уловлювали зовні тільки шумові радіовипромінювання Всесвіту — шурхіт хмар міжзор'яного іонізованого водню, невиразний шепіт згасаючих зірок, випромінювання далеких галактик. Тепер крізь цей фон, схожий на віддалений шелест морського прибою, пробивались розмірені тонкі звуки: «Пі-і... пі-пі-пі... Пі-і... пі-пі-пі...» Ось «пікання» припинилось, а через хвилину почулося знову.

— Привідний радіомаяк, — прошепотів Корнев. — Увімкни протиобертання, Тоні.

Невагомість. «Буревісник» нерухомо завис у пустоті, спрямувавши, як вуха, параболоїди антен до Сонця. Сигнали надходили безперервно.

— Привідний. Номер 186, — розшифрував морзянку Летє.

Бруно обережно поліз по скобах до полиці на протилежній стіні, взяв з неї «Каталог штучних небесних тіл», погортав.

— Приймач маяка працює в смузі 4500—4501 мегагерц. Чутливість — тисячна піковольта. Це малувато, щоб почути нас. Далеко проходимо. Він зв'язаний через проміжний астромаяк з навігаційним пунктом на Плутоні.

— Плутон, — Тоні дивився на динамік, мов на чудо. — Це ж майже Земля! Я там два роки працював!

— Летє, візьми точний пеленг маяка! — наказав Корнев. — Аскер, визнач поправку частоти передавача на швидкість віднесення. Готую радіограму. Корнев розкрив блокнота, накидав текст:

«Увага, Сонячна! Увага, Сонячна! Говорить зореліт «Буревісник»! Говорить «Буревісник»! Ідемо на швидкості 0,91 с повз Систему. Курс — 268 градусів 35 мінут галактичної довготи, 14 градусів 15 мінут північної галактичної широти. Орієнтир: альфа Скорпіона Антарес. Летимо до справжнього місцезнаходження зорі Г-1920. Три наших астронавти летять в анабіозних контейнерах до Сонця. Їх швидкість 0,3 світлової. Стежте за простором у напрямі сузір'я Тельця.

Капітан «Буревісника» Іван Корнев»

Через кілька хвилин сконцентрований параболічними антенами радіопромінь помчав повідомлення до невидимого, далекого астромаяка. Радіограму передали чотири рази: двічі відкритим текстом і двічі для надійності — телеграфною морзянкою.

Але до радіомаяка, повз який майже з швидкістю променя мчав зореліт, було все-таки дуже далеко...

Астронавти пообідали, відпочили. Капітан оголосив про регламентні роботи і генеральне прибирання зорельота. Вони втрьох методично перевірили механізми і прилади, заново підстроїли їх, підчистили контакти, замінили спрацьовані

деталі. Потім шлангами пирососів висмоктали пилюку із закамарків, вимили до блиску пластмасові стіни, підлогу, трапи, двері у відсіках... Через чотири дні зореліт сяяв стерильною чистотою.

Тепер астронавти майже весь вільний час проводили в обсерваторії. У телескоп можна було розгледіти малесенький диск яскраво-жовтої зорі. Над ним зметнув вогненну голку протуберанець. Сонце. Воно збудило у всіх спогади про одне і те ж. У кромішній тьмі пустоти загубились малюсінькі кульки планет. Одна з них — Земля. Голубі річки, зелені ліси, могутні теплі океани... Міста, дороги, вітер, синє небо. І люди, багато людей — незнайомих, різних, але однаково дорогих.

Ідеально чисте кондиціоноване повітря зорельота з потрібним процентом вологості і хвойного запаху раптом здалося кожному нестерпно задущливим, обличчя товаришів — сірими...

Сонячне проміння насилу доганяло корабель, що рухався з навальною швидкістю. Сонце заволоклося легеньким червонястим серпанком. Сумно було усвідомлювати, що Сонце — така сама зоря, як і інші. Ніколи воно не стане для людини просто зорею. Збурюючи простір електричними і магнітними вихорами, лине до нього комарине попискування телеграфних сигналів. Чи дійдуть? Повинні дійти.

— Через місяць радіограма буде на Землі, — промовив Корнєв. — День мине, поки там придумують, що відповісти. Місяць — назад. Не дожене нас відповідь...

— Ех, під дощ би оце, — несподівано сказав Тоні. — Босоніж по калюжах, як у дитинстві. «Дощику, дощику, припусти, припусти!»

— Еге ж. А на калюжах від крапель бульбашки вискакують, — підтримав пілота Бруно. — Веселі такі. І лопаються...

— Ну, досить! — обірвав капітан. У нього заграли жовна. — Готуватись до засинання!

І знову «Буревісник» на тридцять шість земних років по-ринув у мовчання і пустоту...

2. Кулі не повертаються

Корнев ішов коридором, задумливо прислухаючись, як гучно відлунуються його кроки. Коридор тепер став набагато коротшим, зникли каюти і стіни, які розмалював Тоні Летє.

Корнев огледівся. Фенолітова підлога коридору, зачовгана ногами, втратила свій візерунок. На стіні, на рівні очей, — темна смуга. Це Тоні. Він завжди, коли йде, провозить пальцем по стіні. Така вже в нього звичка. Дійшовши до овальних дверей обсерваторії, капітан зупинився, помацав пальцями пластмасову скобу, усміхнувся: «Ач як відполірували руками. Обжили зореліт. А Марина, Стефан, Галинка перекидаються десь у космосі в льодяних брилах. Може, їх уже перехопили».

Увійшов в обсерваторію. За прозорою півсферою швидко обертався зоряний простір. Диск лжезорі висів товстим оранжевим кругом. Тіні від телескопа і приладів бігали за ним зліва направо, наче силкувались наздогнати. Іван увімкнув світло. Зорі за ковпаком зникли.

Корнев сперся ліктями на стіл і замислився. Минуло понад два місяці відтоді, як вони вийшли в район зорі Г-1920.

Спочатку Г-1920 скидалась на Сонце, яким його бачать космонавти з орбіти Плутона: маленька, майже без диска, жовта зоря. Тільки Г-1920 була тьмяніша і мінилася апельсиновим світлом.

Збігали дні «кипучого неробства», як висловився Тоні. «Буревісник», погасивши двигуни, на малій швидкості пробирався вперед. «Пробирався», можливо, не те слово: навкруги, як і раніше, була пустота, яку не урізноманітнювали поки що ніякі явища. Час від часу астронавти запускали через електромагнітну катапульту кристалічні кулі — датчики. Вони заглиблювалися в недосліджений простір і лаконічними порціями радіосигналів повідомляли про рівень радіації, про силові поля, про наявність іонізованої і пиловидної матерії. Віддалившись на п'ятдесят-сто мільйонів кілометрів од корабля, радіодатчики поступово затихали. Поки що їхні дані мало відрізнялися од попередніх.

Однак у життя трьох астронавтів увійшло напружене чекання. Знову встановили чергування: Корнев, Бруно і Летє кожні дві години по черзі переглядали записи автоматів-

спостерігачів. Час від часу капітан зупиняв обертання зорельота, щоб подивитись, чи не з'явилося щось нове по борту зоряної машини. Тоді наставала невагомість, доводилось переміщуватися по відсіках з допомогою скоб і магнітних башмаків.

Від колишніх побутових розкошів лишилась тільки портативна кухонька на одну конфорку та дві підвісні койки. Спали по черзі.

На двадцятую добу після того, як скінчилось гальмування, Бруно ввійшов у рубку і урочисто поклав перед товаришами три аркушики з таблицями, формулами і числами. Усі ці дні він просиджував в обсерваторії, вимірював яскравість палаючої за кормою лжезорі, відлічував кутові переміщення «Буревісника» відносно далеких зірок, обчислював швидкість корабля за ефектом Допплера і порівнював усе...

— Я обчислив швидкість зорельота трьома різними способами — за ефектом Допплера для променів зорі Г-1920, за наростанням її яскравості і за зміщенням далеких зірок. Результати збігаються. Двадцять днів тому наша швидкість становила 251,5 кілометра за секунду, а тепер 250,5. Зореліт сповільнює хід... Розумієте? Зоря відштовхує нас. Хочете перевірити?

Корнев і Летє мигцем переглянули викладки.

— Отже, Стефана осоромлено, — вдоволено мовив Тоні. — Зоря все таки є! Один — нуль на нашу користь.

— Два — нуль, — виправив Іван. — Зворотна течія світла і антигравітація.

— Якщо все буде гладко, — радісно вів далі Бруно, — то зоря сама загальмує наш «Буревісник» за 28 мільйонів кілометрів од себе, а потім почне розганяти назад. Непогано, га?

— Непогано, — погодився Корнев і додав: — Якщо все буде гладко...

Усе й було гладко до певного часу. Це сталося через два тижні після спостережень Бруно. Якось, умовно кажучи, ранком, коли Летє і Бруно ще дримали, Корнев зайшов у відсік керування і зійшов на місток:

— Увага! Закріпитися! Корабель лягає на поперечний курс!

Завили, набираючи оберти, маховики. Громада «Буревісника» стала повільно повертатись. Ударили струмені анігільційного вогню в двигунах, відновилося тяжіння... Тоні і Бруно швидко відстебнули ремені. Капітан збіг униз, гукнув:

— Ходімте зі мною!

В обсерваторії він припасував до окуляра телескопа електронну приставку — підсилювач яскравості. Екран замиготів рідко розсипаними зірочками. Серед них, наче вогник сигарети, палав червоно-жовтий гігант Антарес. Ліву частину овалу заповнили примарно світлі клапті хмарин далекої пілоподібної туманності.

— Дивіться, — схвильовано звернувся до товаришів капітан. — Ліворуч од Антареса. Уважно придивляйтесь...

На екрані спалахували зелені риски і цятки перешкод від розрядів у двигунах. Корнєв тихо вилаявся, дотягся рукою до дублюючої кнопки в стіні обсерваторії — двигуни стихли. Екран прояснів. Очі астронавтів поступово звикли до темряви...

— Ага! — обізвався Тоні. — Ось вона!

— Де? — Бруно присунувся ближче до екрана.

По світній запоні туманності повільно повзла невелика чорна пляма. Минуло кілька хвилин. Пляма повзла і раптом накрила тліючу цятку Антареса!

— Г-1920! — видихнув Бруно. — Справжня!

Через десять хвилин Антарес, виринувши з-за чорної плями, знову заблискотів. Пляма розчинилась у просторі.

— Та-ак. П'ять кутових секунд, — відрахував капітан по координатній сітці екрана. — Кутові розміри збігаються з розмірами лжезорі. Побачили нарешті!

Потім Корнєв поклав зореліт на зворотний курс. І знову за півгодини темний згусток матерії заслонило зорю, проплив по клаптику туманності і зійшов з екрана. Крізь прозорий купол обсерваторії на одному кінці сявав жовто-оранжевий привид, а на другому — висів у просторі, вбираючи в себе проміння, ще не видимий простим оком чорний згусток справжньої Г-1920.

Через вісімнадцять днів «Буревісник» наблизився до зорі. На іскристому фоні зірок і туманності тепер можна було розрізнити чорний диск її без телескопа. Швидкість корабля

зменшилася вдвічі. Була середина умовної ночі. Тоні чергував в обсерваторії: спостерігав зорі то незброєним оком, то прикладався до окуляра телескопа. Корнеєв і Аскер спали в підвісних койках. Зненацька їх розбудив тріумфуючий крик, що залунав у динаміках:

— Планета! Планета!

Капітан і фізик посхоплювалися з койок і, як були, босі прибігли в обсерваторію. Тоні разом із сферою і телескопом описував кола. Він то наводив трубу на оранжеве «мнине світло», то повертав її на сто вісімдесят градусів і розглядав краї чорного диска Г-1920. З обсерваторії віяло холодом. Космос висмоктував тепло з-під прозорого ковпака.

— Ану, лишень, дай подивитись! — нетерпляче кинув Бруно.

Летєє зупинив півсферу, що оберталася. Корнеєв і Бруно влаштувалися на сидіннях і, шулячись від холоду, по черзі заглядали в телескоп. Слабі очі Бруно помічали тільки оранжеву іскорку, що дуже повільно повзла по чорній плямі. Корнеєв і Летєє розрізняли диск планети — правда, маленький і розмитий аберациєю лінз на граничному збільшенні. А на світній плямі лжезорі в інший бік повзла чорна цятка. Ніяких подробиць на малюсінькому тілі планети астронавти не розгледіли.

— Назвемо її планетою Марини, — запропонував Тоні. — Дівчина ж перша заговорила про неї!

Планета була невелика, завбільшки з Меркурій. Оберталася дуже близько від зорі і, отже, швидко. В наступні дні астронавти зробили обчислення, наскільки це було можливо на такій віддалі: визначили період обертання планети, її відстань од зорі, поперечник, масу, сфотографували і дослідили спектрограми відбитого від атмосфери світла. Атмосфера планети містила багато крем'янистого пилу, вуглекислоти, азоту, зате в ній зовсім не було кисню.

Найбільше здивувало астронавтів те, що тут, у чужому земним законам світі, є такі самі хімічні елементи, як і на Землі.

— Спільність у будові протилежних світів! — захоплювався Бруно. — Але ж тут чужа галактика! В принципі цього могло й не бути...

— А от на зустріч з жителями цієї планети розраховувати, на жаль, не доводиться, — зітхнув Тоні. — Їх там нема...

— Не журися, — втішав його Корнев. — Там ще можуть бути істоти іншої природи. Життя розмаїте...

І все ж цих відкриттів було мало, надто мало, щоб заповнити життя. До того ж вони бентежили своєю буденністю. І гравітаційне відштовхування зорі, і її чорний диск, і планета — все було передбачено нетерплячим розумом дослідників, що випереджає події. Напружене чекання великого і несподіваного не розряджалось нічим і стомлювало більше, ніж непосильна робота. «А чи варто було ради цих небагатьох даних летіти сюди? Чи варто було прирікати на риск себе і товаришів, які десь у льодяних брилах линуть до Сонця? — закрадався сумнів. — Варто! — вперто труснув головою Корнев. — Звичайно, скептики знайдуть у нашій експедиції багато недоліків, помилок, недоладностей. У них для цього досить часу. Навіть намалюють ідеальну картину, як би вони організували і здійснили цю експедицію. Нехай! Справа має бути завершена. До того ж ми не зустріли тут іншого зорельота з Землі. Отже, там покладаються на нас!»

Троє в «Буревіснику» занепадали духом. Корнев це усвідомлював, але нічого не міг зробити. Астронавти в думках дедалі частіше верталися до Землі. Хотілось бачити небо, захід сонця, дерева, зустрічати людей, розмовляти, сміятися, сперечатись. Хотілося вітру, вечірньої тиші, сонця, холоднечі, жіночої ласки, дитячого сміху, газетних новин, видовищ. Кликав до себе світ людей з його простою величчю, радощами, безладдям і розмаїтістю.

Суперечки про природу Г-1920, про можливі ефекти біля неї, що потребували все глибших і глибших умоглядних міркувань і непосильної для людського мислення строгості понять, усім страшенно набридли і припинились. Збиралися, розмовляли про земне життя, мріяли: що буде, коли повернуться.

Найбільше їх непокоїла думка про трьох товаришів, викинутих у простір. Чи долетіли вони до Сонячної? Чи перехопили їх? Корневу ставало не по собі, коли він згадував, що всі надії на щасливий кінець тримаються на німічній ниточці радіограми, яку вони послали до Землі.

Тоні якось узявся за розрахунки, писав на папері цифри, формули. Потім оголосив:

— Коли ми повернемось на Землю, моєму синові сповниться шість років. Чудовий хлопець буде, га?

— Якщо в Галинку вдасться, — добродушно вколов Бруно. — І взагалі, чого ти такий упевнений? Може бути й дочка.

— Син, — твердо мовив пілот. — Син — і ніяких розмов. Навчу його літати: спочатку на орнітоптері, потім на вертольотах, на швидкісних літаках, на ракетах. Мій син повинен літати... Іване, а ти що робитимеш, коли повернешся?

— Що? — Корнев відповів не відразу. Він ніколи не думав про це, заклопотаний справами експедиції. — Ну... піду викладати куди-небудь, в інститут, у школу космонавтів. Наш досвід тепер пригодиться. Готуватиму молодих...

— Он як! — пілот підняв брови, саркастично усміхнувся. — А в музей не хочеш?

— У який музей?

— Історії техніки, історії космонавтики. Експонатом і за сумісництвом гідом... «Праворуч, діти, колекція напівпровідникових мінералів з Плутона і загадковий звір — саламандра в спиртовій банці, а ліворуч — колишній капітан «Буревісника» Корнев. Він непогано зберігся, хоч йому сто п'ятдесят років. А зараз, діти, дідусь Корнев поділиться з нами своїм космічним досвідом: розповість, як він летів не туди...»

— Ну, знаєш!

Аскер весело зареготав.

— Що «знаєш»? Мені смішно: він викладатиме, розповідатиме про наш досвід... Мине сто років! Наш досвід становитиме суто історичний інтерес. Там за цей час набудують таких зорельотів! Не знаю, як хто, а я, — Тоні мрійно примружив очі, — прилечу сюди ще не раз. Хай не першим пілотом — куди мені, застарілому! Хоч провідником. А сюди ще літатимуть і літатимуть, поки не дослідять цей світ як слід, поки не навчаться використовувати нові знання.

— Він має рацію, капітане, — втрутився фізик. — Ця зоря — наше минуле, теперішнє і майбутнє. Тут ми — на передовій ділянці пізнання світу. Все інше в нашому житті не має

значення. Так вийшло, від цього нікуди не дінешся. І, гадаю, непогано вийшло!

— А сам ти що збираєшся робити? В експедицію ж тебе більше не візьмуть, старуватий.

— Е, у мене стільки задумів, — махнув рукою Аскер, — за два життя не впораюсь! Розвиватиму теорію речовини з антимасою, спробую добути її експериментально. По-моєму, у Всесвіті є багато різних речовин, що складаються з невідомих нам частинок, ядер, атомів. Вони формують різні простори навколо себе — з найрізноманітнішими властивостями. От би побудувати єдину теорію: як властивості речовини формують властивості простору.

— А ти не боїшся, що все це уже відкрито і зроблено? — спитав Іван. — За сто років і наука далеко просунеться.

— Буду радий, — усміхнувся фізик. — У всякому разі, не ображуся, що мене не діждались. Піду в лаборанти до того, хто зробив ці відкриття. Тільки я сумніваюся! Сидячи на Землі, не пізнаєш і не переживеш того, що тут.

Та Бруно Аскер вирішив не чекати повернення на Землю. Він влаштував «кабінет» в обсерваторії і працював там і вдень і вночі: провадив спостереження, обчислював, писав.

Якось капітан зайшов в обсерваторію. Бруно сидів у кріслі і, неприродно далеко відкинувши голову, виписував на аркуші паперу рівняння — рядок за рядком.

— Ти чого це так? — Іван вмовстився у кріслі поряд.

— Погано бачу, — буркнув фізик. — Мабуть, стареча далекозорість.

— Ти б ще більше сидів біля телескопів, писав, кури! Треба знати міру.

— Не в цьому справа, Іване. — Аскер закури сигарету, пустив угору дим. — Просто прийшла старість. Невчасно, як завжди. На Землі: три ін'єкції аугену — і далекозорості як не було... А тут хоч окуляри носив би, так не взяв із собою!

Тільки тепер Корнев побачив, як змарнів фізик. Колись товсті щоки склалися брезкими зморшками, під очима утворились мішки, щетинка волосся сріблилась навколо лисини.

— Слухай, Бруно, чого ти себе мориш?

— Треба поспішати, Іване, часу в мене лишилося не так багато... — Аскер поклав волосаті руки на столик, опустив голову. — Важко усвідомлювати, що все життя займався не тим...

— Даремно ти так про себе, — сказав Корнев. — Ми летимо в зорельоті, для якого антигелій синтезував Бруно Аскер. І нейтронітна надміцна оболонка «Буревісника» теж народилась у лабораторії Аскера...

— Ет, Іване! — Бруно досадливо скривився. — Усе це не те. Мені треба було зайнятись іншим. Розумієш, я ж міг раніше догадатися про антипротони і антимази, міг передбачити цей фізичний казус. А тепер, після того, що нас спіткало, я весь час відчуваю себе винним...

— Он як. Спокутуєш провину?

— Справа не в цьому, капітане, — спокійно відповів фізик. — Коли б ми і тут не вскочили в халепу, от що мене бентежить. Ми перебуваємо на стику двох просторів: нашого, галактичного, і цієї зорі.

— Поки що все гаразд, — знизав плечима Корнев.

— Не дуже, капітане. — Бруно пошукав на столику папірець з розрахунками. — За моїми обчисленнями, перші радіометричні кулі мали б уже повернутись від зорі, а їх нема. Радіо і телеприймачі не приймали сигналів ні вчора, ні сьогодні...

— Може, ми неточно спрямували кулі? — капітан подивився на Аскера. — І зоря відбила їх убік?

— Не забувай, що з цієї катапульты ми викинули за борт Галину, Стефана і Марину до Сонця з відстані, в тисячу разів більшої.

— Тоді, можливо, закон гравітаційного відштовхування зорі Г-1920 відрізняється од закону Ньютона?

Бруно усміхнувся, як здалося Корневу, трохи поблажливо.

— Тут багато «може», капітане. І на пальцях таких проблем не розв'язати. Дай бог зрозуміти їх математично. Тільки от... — він стомлено потер очі. — Ех, де ти, Марино Плашек! Вона б придумала, як повернути мені зір!

Розмова з Бруно відбулася позавчора. І ось Корнев знову в обсерваторії. Стоїть замислений. Стрепенується від роздумів, згадав, чого прийшов сюди. Сів до столика, порився в шухля-

дах. Знайшов запасний кінооб'єктив, повертів його в руках. «Підійде?» — засумнівався. Розгвинтив об'єктив, виміряв штангенциркулем лінзи. Оці близько півтори діоптрії — якраз йому для читання... А ці — щоб носити завжди. Приклав до очей: розмір підходить. Він ще раз оглянув лінзи і поклав їх у кишеню, погасив світло в обсерваторії і, не дивлячись на остогидле зоряне місиво, що знову завертілося, вийшов. Треба було поспішати: через дві години йому заступати на чергування.

У коридорі капітан зупинився: «Чого ж кулі не повертаються?»

Приймачі, що працювали цілу добу, не вловили ніяких сигналів. «Астродатчики мали більшу початкову швидкість, ніж зореліт, — отже, підійшли до зорі значно ближче. Сила відштовхування зростає пропорціонально квадрату зближення із зорею. Виходить, назад вони мусять летіти... — капітан наморщив лоба, обчислюючи в думці швидкість польоту куль. Потім знизав плечима. — Вони вже давно мали повернутися!»

Він глянув на годинник і попрямував у відсік, що тепер правив за майстерню. Над окулярами для Аскера Корнев провозився півтори години, потім поніс їх фізикові приміряти.

Окуляри вийшли незграбні. Бруно в них скидався на казкового пугача. Тоні потішався над ним як тільки хотів. Зате світ зірок, шкали приладів і зображення на екранах знову стали для фізика чіткими і ясними.

3. Метеорна атака

Зореліт тепер плив у просторі з мізерною швидкістю. Ще кілька діб — і чорне тіло Г-1920 зупинить його зовсім, а після цього почне виштовхувати сторонній предмет із своєї області космосу. Оранжеве проміння лжезорі тепер відчутно зігривало корпус зорельота. За місяць, що минув відколи було відкрито планету, нічого нового не сталося. В астронавтів наростало нетерпеливе бажання: скоріше все скінчити — і додому.

Сьогодні чергував Корнев. Він саме готував обід, коли до нього заглянув Бруно. Фізик здався збентеженим.

— Іване, всі строки минули!

— Уже скоро, потерпи трохи.

Корнев, не підводячи голови від плитки, вкладав на сковороду виваліні в сухарях свинячі відбивні.

— Та ні, я про астродатчики...

Капітан стривожено глянув на Бруно. Фізик показав на аркушику паперу розрахунки.

— Ми випустили дванадцять куль. Перші дві мали пройти мимо нас тринадцять діб тому, третя — на день пізніше, четверта — ще на день пізніше і так далі. Словом, останній астродатчик повинен був пролетіти мимо «Буревісника» вчора.

— Гм... — Корнев відклав ніж, витер руки. — Ходімо перевіriamo записи.

Вони пішли у відсік керування, прослухали контрольні магнітні записи автоматів. Шурхіт міжзоряного водню, потріскування і поклацування радіовипромінювань зорі... Уривчастих попискувань телеграфного коду астродатчиків друзі не почули.

— Може, вони згоріли?

Фізик похитав головою.

— Не повинні. Жодна з них не підлетіла так близько до чорної зорі.

Летьє, перевіряючи прилади, записував їхні показання до бортового журналу.

— Я не знаю, про що йдеться, — звисився він з містка, — але якщо про те, що я думаю, то — так, згоріли!

— Як згоріли? — Корнев запитливо втупився в нього, потягнув носом повітря: пахло горілим м'ясом. — Котлети! — і кинувся на кухню.

Так, приправлений запахом обвуглених відбивних, почався незвичайний період в історії експедиції. Кристалічні кулі не повертались. Чорне тіло Г-1920, що вже заслонило помітну частину зоряного неба, наче поглинуло їх.

— Скільки лишилося куль? — поцікавився Корнев.

— Дві, — зітхнув Летьє. — Радіометрична і телевізійна.

— Добре. Запустимо їх парою. Попереду — радіометричну, за нею — телевізійну. Другу треба настроїти так, щоб вона могла простежити шлях першої.

— Ага! — догадався Тоні. — Друга покаже, що сталося з першою, перед тим, як з нею станеться те саме... Непогано!

— Отже, швидкість першої відносно «Буревісника» сорок кілометрів за секунду. Другу запустимо через сто секунд з такою самою швидкістю.

Два поштовхи схитнули зореліт. Останні кулі-астродатчики полинули в простір. І знову дні сподівань. Астронавти безперервно стежили за екраном, на який телевізійний астродатчик передавав зображення маленької фосфоресцюючої сфери, що віддалялася до темної плями Г-1920. На екран націлилось широке дуло «кіногармати» — швидкісного кіноапарата, що робить до мільйона знімків за секунду.

На четвертий день зображення на екрані поблякло: кулі були вже надто далеко. Корнев увімкнув двигуни і збільшив швидкість корабля до сорока кілометрів за секунду. Тепер зореліт слідом за астродатчиками мчав назустріч... Чому? Вони не знали. Попереду було щось таке, що поглинуло дванадцять кристалічних куль. Нерви астронавтів напружились до краю.

...Коли це сталося, вони до пуття не розгледіли. Екран прокреслили безладні лінії, коротко продизжчала «кіногармата», автоматично фіксуючи кожну зміну на екрані. Писк сигналів радіодатчика в динаміку стих. Кулька, що синювато світилася, зникла. Частку секунди екран ще рябів од ліній і сплесків, потім покрився вогненними зигзагами і погас...

Перший отямився Корнев.

— Це метеори! — Він метнувся до стіни, розчинив дверці в нішу, кинув товаришам аварійні повітряні маски — гумові шоломи з балончиками, засунув таку саму маску собі за пазуху, вибіг на місток. — Включаю гальмування, перевантаження 3 g! Летє, підготуй відбивну енергогармату! Аскер, спостерігайте простір через бортові локатори! Метеори можуть залетіти і сюди. По місцях!

Бойовий розпис метеорної атаки колись було розраховано на шістьох: троє астронавтів мали розосередитись по зорельоту для ліквідації пробоїн, пожеж, аварій; решта троє — чергувати біля основних приладів. Тепер їх було всього троє. Астронавти міцно закріпилися в сидіннях, квапливо настроювали прилади. Корнев ліг у крісло на містку. «Добре, що я загодя повернув корабель, — майнула думка. — Півтори хвилини маневрування занесли б нас у саме пекло». Він натиснув

кнопки. Двигуни загули спочатку ледве чутно, потім гучніше. Вага притиснула тіло до м'якої обшивки...

— Бачу метеори! — долинув знизу здавлений голос Бруно. — Потік іде мимо. Частина відгалужується. Один осколок летить на нас!

— Енергогармата готова! — вигукнув Летє, перекриваючи рев двигунів. — Переключаю на автоматичне слідкування до локаторів!

— Єсть контакт!

— Переключаю систему маневрування до локаторів! — крикнув Корнєв. — Закріпіться міцніше, кидатиме! Тоні, контакт!

— Єсть контакт!

Тепер «Буревісник» був готовий сам боротися з метеорною атакою. Астронавтам лишилось тільки спостерігати, як складеться їхня доля. Бруно бачив на екрані косі зелені штрихи, швидко міркував: «Це не страшно — такі лінії прокреслюють метеори, що пролітають стороною». Та ось з'явилися цятки різної яскравості. Вони поволі пливли назустріч. Це було небезпечніше: радіопромінь відбивається од метеорів, які летять або до корабля, або від нього. Чорт! Він вп'явся пальцями в поруччя: дві цятки поволі, дуже повільно, розповзалися на екрані в різні боки. Вилка! Мимо? Чи...

У цю мить включилася система маневрування. Двигуни затихли.

Сповите ременями тіло Бруно зависло в повітрі, його враз притиснуло до лівого поруччя, занесло вбік. Набираючи високих тонів, завили поворотні маховики. «Буревісник» посторонився, пропускаючи метеори.

Знову запрацювали двигуни. Корабель помчав ще з більшою швидкістю, тікаючи з небезпечної зони. У астронавтів напружилися м'язи, тіло боролось із непосильною вагою. Окуляри боляче врізались Аскеру в перенісся... У Корнєва було таке відчуття, наче це не в корабель, а в його незахищене тіло ладні вп'ястися згубні небесні снаряди. Його занудило. Знову невагомість. Поворот. Ривок. Невагомість. Ще ривок і одночасно поворот... Корабель боровся, мов жива істота Корнєв на мить втратив свідомість. Отямився від окрику Бруно:

— Один — прямо на нас!

Метеор ішов прямисінько на корабель. Ухилитися від нього було неможливо. Нерухома цятка в центрі екрана зловісно розжарювалась... Корабель схитнувся від поштовху — це рефлектори енергогармати послали назустріч метеору нищівний імпульс енергії. На екрані все розпливлося — і знову з зеленкуватого хаосу виринула яскрава цятка.

— Енергопромінь не бере! — вигукнув Тоні.

На мить включились двигуни і маховики, запанувала тиша.

— Він відбився од метеора!

Поштовх! Поштовх! Поштовх! Енергогармата посилала імпульс за імпульсом, і все даремно. На екрані вже не цятка світилася, а палав зелений вищерблений осколок.

— Готуйтесь, хлопці, — гукнув Тоні.

«Тільки б не в двигуни, — швидко подумав Корнев. — Куди завгодно — тільки не в двигуни...»

— Надіти маски! — наказав він.

Поштовх! Поштовх! Ще раз і ще...

— Вимкни енергогармату, Тоні! Вимкни її к чорту! — загорлав раптом не своїм голосом Бруно. — Це ж антимаза!

І враз жах у голові фізика розсіяла переможна цікавість: як же метеор подіє на нашу речовину?

Струс.

Удар вийшов навдивовижу слабкий. В ту ж мить полегшено завили двигуни. Астронавтів, що рвонулися з крісел, стиснуло перевантаження. Ще десять хвилин «Буревісник» гарячково маневрував і, нарешті, вийшов із зони метеорів. Двигуни стихли. Маховики закрутили корабель навколо осі, створюючи відцентрове тяжіння.

Астронавти скинули гумові шоломи, відстебнули ремені, підвелися, розминаючи затерплі м'язи. З містка спустився Корнев. Обличчя в нього було сіро-зелене: перевантаження і невагомість давались йому важко.

Піймавши на собі співчутливі погляди товаришів, капітан кволо усміхнувся.

Бруно закурив, підійшов до пульта.

— Прилади нібито в порядку. Гм! Куди ж влучило?

— А чому ти кричав про гармату? — спитав Тоні.

— А тому, що це речовина з антимасою. Енергопромінь відштовхує тіла звичайної маси! А цей метеор ми не відбивали, а навпаки, з кожним імпульсом розгнали до себе...

— Ходімте пошукаємо, куди він влучив, — Корнев витяг з пазухи маску.

Астронавти понадівали скафандри і почали обходити відсіки. Місце попадання виявили дуже просто: герметичні двері обсерваторії не можна було відчинити. Довелось відкачувати повітря з коридора. Метеор пронизав наскрізь бронекорпус обсерваторії. Два отвори в прозорій броні були однаковісінькі: викривлений трикутник з кількома тупими зломами в кожній стороні і двома невеличкими зазублинами. Від дірок не розходились тріщини, краї не були оплавлені. Бруно, хвилюючись, перебігав від одного отвору до другого.

— Неймовірно, га? Наче вирізано. Це не удар, не вибух, не анігіляція. Що ж тоді?

— Легко відбулися, навіть телескоп не пошкодило, — зауважив Корнев. — Залатаємо — і обсерваторія працюватиме...

— Але раніше я сфотографую оці отвори! — Бруно повернувся до нього шолом скафандра. — Це ж новий тип розпаду!

— Стривайте! Є ж кіноплівка! — згадав Летьє.

Кадри прискореної зйомки, зроблені «кіногарматою» з телепередачі останнього астродатчика, безперечно, ввійдуть в історію науки як не менш визначна подія, ніж відкриття перших антипротонів. На плівці зафіксовано розпад матерії при взаємодії речовин з протилежними масами... Ось до радіометричної кулі повільно підпливає метеор розміром з булженик, заглиблюється в неї! Ні поштовху, ні вибуху, тільки з нерівного отвору в кулі викидаються струмені чорного газу. Астродатчик став схожий на надкушене яблуко. Метеори раз у раз одгризають по шматку від кулі, розчиняючись у ній. Темрява.

Коли «Буревісник» повис у просторі на безпечній відстані од зони метеорів, Тоні вилетів на розвідувальній ракеті «Ластівка» обстежити метеорний пояс. Він повернувся через 14 годин, зовсім стомлений, з запалими очима.

— Густо летять! — розповідав, знімаючи скафандр. — Метеорний пояс у Сонячній між Марсом і Юпітером — вакуум порівняно з тим, що робиться тут. До того ж зореліт ішов

у площині екліптики¹ Г-1920, у ній обертається і планета, і метеорний пояс. Я пролетів мільйонів зо три кілометрів упоперек пояса. Там — край: метеорів менше. Зореліт, правда, не пролетить, а розвідувальна ракета пробереться.

— Чого ти так довго літав? — спитав Корнєв.

Тоні, скинувши жорсткий скафандр, робив гімнастичні вправи. М'язи заграли під шкірою.

— Я хотів пригнати сюди один метеорик. Маленький, з кулак завбільшки. Пробував відштовхнути його антитяжінням ракети, збити з орбіти. Але нічого не вийшло. Ухляється. Потрібні спеціальні уловлювачі.

— Та-ак... — обличчя капітана скам'яніло. — Треба було все-таки брати Стефана Марта, а не тебе.

— Чому це? — Тоні випростався.

— Ти порушив наказ, пілоте! Це ж могло скінчитись пошкодженням ракети! Нам довелося б рятувати тебе — іти на експедиційному зорельоті в самісіньку гущу метеорів. Розумієш?

— Я б не дав вам цього зробити... — Тоні зблід. Він тільки тепер збагнув, що могло бути. — Я б... я б підірвав себе!

— Підірва-ав себе?.. Кому потрібна ця жертва? — Корнєв одвернувся.

Запанувала мовчанка. Летєє винувато мовчав, складаючи скафандр.

— А все-таки було б непогано добути метеор і дослідити його на Землі! — повернувся Бруно до товаришів. — Сила запитань! Що дасть поєднання антимас з речовиною звичайної маси? Що це за чорний газ утворюється при розпаді антимас? Як впливають антимаси на перебіг фізичних процесів?

— Може, спробуємо? — знову пожвавився Летєє.

— Ні, — відрубав Корнєв.

— Чому?

— Та хоч би тому, що не зможемо доставити цей кусок з антимасою на Землю. Найменше прискорення — і він наскрізь пронизе зореліт! Полишімо це для наступної експедиції. Вона буде надійніше споряджена.

¹ Площина, в якій обертаються планети навколо зорі.

4. Концерт Гріга

— А «Ластівка» там пролетить, — зауважив Тоні.

Вони втрюх магнітними маніпуляторами заводили конічне тіло розвідувальної ракети в гніздо на носі «Буревісника». Корнев мовчки орудував рукоятками. Гуділи моторчики, пересуваючи у вакуумі суглобисті штанги, що обхопили сріблястий корпус ракети.

— Є! — сказав Бруно, коли засвітились усі п'ять лампочок на контрольному щитку. — Стоїть на місці.

— А ракета зможе пролетіти, — вперто повторив Летьє.

Корнев мовчав. Бруно — теж. Вони коридором вернулись у рубку, кожен став до своєї роботи. Іван зійшов на місток — уточнити з допомогою приладів місцезнаходження корабля після метеорної атаки. Бруно засів коло астронавігатора, програмував його на розв'язання контрольної задачі, щоб перевірити, чи не збільшилась похибка в напрямі курсу.

Тоні записував у вахтовий журнал про розвідувальний політ. Він закінчив писати і знову вперто сказав:

— Дуже просто! Треба обігнути пояс по гіперболічній траєкторії. Туди дві доби польоту. Назад дві, навіть менше — зоря відштовхуватиме і планета теж... Та ви поглухли, чи що?

Корнев і Аскер мовчали.

— Чого це ви прикидаєтесь глухонімими?! Всю дорогу базікали про час і антимасу... А як до діла, коли все це можна перевірити, — в куці!

— Ну й демагог же ти! — буркнув Бруно, не повертаючись.

— То як усе-таки відносно часу, професоре? — не вгавав Тоні. — Що існує: біг часу чи перебіг різноманітних причинних зв'язків? У тутешньому світі: біля зорі Г-1920 та її планети зворотний біг часу чи ні? З того, що ми спостерігали досі: антитяжіння, зворотний хід променів світла, розпад метеоритів — нічого сказати не можна. Все це пояснюється і так і сяк. Вирішальних фактів нема. Вони там, на планеті!

Він замовк, підвівся і сердито почав ходити по рубці.

— А що ти там побачиш? — Корнев схилився з містка. — Близько підлетіти не можна — атмосфера не пустить. Здалеку? В ракеті телескоп слабенький, нічого не розгледити. Для цього польоту треба переобладнати ракету. А де тут нам її

тепер переобладнати? От і виходить, що політ до планети слід відкласти до наступної експедиції.

— Яку буде споряджено через сто років! — обурено додав Тоні.

«А може, справді послати туди розвідувальну ракету? — закрався в Корнева сумнів. — Зрештою ж система як система: зоря, планета, метеорний пояс, наче в Сонячній, тільки з негативною масою. Ніяких фокусів... Здогади наші підтверджуються. Чому б не послати? Метеори тут невинніші, ніж ті, що між Марсом і Сатурном. Наш метеор таких розмірів геть чисто змів би обсерваторію... А те, що їх не руйнують імпульси електромагнітної гармати? А лжезоря? Ні. Все не так просто...»

— Я певен, що пролетіти можна, — вперто повторив Тоні.

«Він, мабуть, таки має рацію. Коли вже ми прилетіли сюди, смішно не побувати коло планети», — думав Корнев.

— Треба до неї ближче підійти, щоб роздивитися і сфотографувати!

— Ну, це так, але ж... — зам'явся Бруно.

— Що саме?!

— Небезпечно! — розсердившись, гаркнув фізик. — Небезпечно! З чотирнадцяти астродатчиків жоден не повернувся. Жоден! Очевидно, там, крім пояса метеорів, є ще щось таке... — Бруно занепокоєно нахмурився, — що поглинає кулі. З чотирнадцяти куль хоч би одна уціліла. Всі загинули від метеорів.

— Зовсім не обов'язково, щоб усі кулі зіткнулися з метеорами, — замислено промовив Корнев. — Вони могли розсіятись, змінити траєкторії через взаємне відштовхування...

— Я нічого категорично не стверджую, — здався Бруно, — але...

— Мені подобається твоє «але»! — нападав Летєє на фізика. — А хто це зовсім недавно базикав про мужність дослідників?

— Я мав на увазі зовсім іншу мужність, пілоте, — мужність мислення! При цьому голова дослідника лишається на плечах.

— А звичайний ризик у цей високий кодекс не входить? Певна річ, це занадто примітивно! Хоч... стривай! — Тоні

потер чоло. — Я якось читав потішний некролог на смерть одного дослідника... «Визначний учений в галузі теоретичної і експериментальної фізики передчасно загинув, випробовуючи нову ядерну установку для синтезу нейтроніту...» Не пригадуєш?

Аскер невдоволено скривився, засовався в кріслі.

— Правда, та газетка поквапилась з некрологом: дослідника через п'ять днів одкопали з-під руїн установки. Він тільки переніс променеви хворобу і полисів. Тоді він ще в інтерв'ю сказав, що в некролозі його нарешті оцінили по заслугі. Не знаю, як від радіації, а от від скромності цей дослідник ніколи не вмере, навіть не захворіє.

— Ой, я більше не можу, — фізик промокнув хусточкою лоба, глянув на капітана.

Той реготав.

— Пусти його, Іване! Відпусти його. Хай летить хоч у самісіньке пекло!

Корнєв ляснув по столу долонею.

— Ну, що ж, — подивився на пілота. — Добу відпочивати. Ми поки що заправимо ракету і перевіriamo керування...

Іван і Бруно ще повзали у вакуумі по рибоподібному сріблястому тілу сповитої тязами ракети, перевіряючи кріплення антени, а Летєє уже надів скафандр і влаштувався в малесенькій кабіні на носі під ковпаком із прозорої броні. Потім капітан і фізик сповзли з корпусу на перехідний місток. Летєє подивився на них.

— Усе гаразд? — почув Корнєв його голос у навушниках.

Капітан кивнув головою і досадливо подумав, як він усе-таки погано розбирається в людях! Адже він зовсім не знав справжнього Антона Летєє — астронавта, дослідника, бійця. Так, зараз за кермом ракети сидів боєць, що зібрав у єдиний згусток волю, енергію думки і вміння для сутички з невідомим. Навіть обличчя у Тоні стало інше: воно ніби затверділо, зник вираз іронії, губи стиснулися. Тільки очі світилися зухвалою веселістю, коли він дивився вперед, туди, де серед розсипища зірок чорнів згусток Г-1920...

Аскер і Корнєв прощаючись підняли руки. Пілот відповів їм таким самим жестом.

— Від борту! — почули Корнев і Бруно його голос.

— Єсть від борту!

Вони втягли в люк відкидний місток, увійшли в зореліт, задраїли люк. Корнев узявся за рукоятку маніпуляторів. Незабаром майже одночасно почулися голоси Тоні і Бруно:

— Єсть!

— Ракета вільна!

Тепер ракета вільно висіла в гнізді. Крізь перископічний ілюмінатор астронавти бачили кабінку і в ній Тоні. Ось він точним рухом пристебнув до кистей пояски командних біоелектричних датчиків, зручно вмовстився в кріслі, відкинувся і потилицею виштовхнув атомне зчеплення. Десь на другому кінці ракети з отворів у сірих уранових циліндрах висунулись графітові стержні; почалась ланцюгова реакція. Двигуни ракети тонко заспівали, сама вона рухнулась у стримуваному пориві.

— Пілоте Летє? — обізвався Корнев.

— Готовий!

— Дозволяю старт.

М'який поштовх, здригнулась під ногами підлога, ілюмінатор заволокло світною пилюгою. «Ластівка» вирвалася у простір...

— «Буревісник»! Як чуєте мене, земляни? Прийом! — долинув трохи спотворений мікрофоном голос Летє.

— Чудово, Тоні. Як ти? Прийом!

Пауза, під час якої радіосигнал робив мільйони кілометрів — до ракети і від неї.

Корнев і Бруно стояли біля динаміка.

— Усе нормально, — через кілька секунд знову почули вони голос із динаміка. — Швидкість — 1200 кілометрів за секунду. Закінчив перший розгін. Іду по дотичній до краю метеорного пояса. Чую вас добре. Локатор показує безпечну пустоту. Прийом.

Заговорив Корнев.

— Антени автоматично стежать за ракетою. Не вимикай передавач — інакше можемо втратити тебе з поля зору. Визнач і повідом відстань до планети. Прийом.

Знову мертва пауза, ще довша.

— Добре. Час від часу посылайте сигнали чутності. Краще — телеграфним кодом... А взагалі, нудна це справа —

діалог на відстані в мільйони кілометрів. Наче розмовляєш з важкодумом. Доведеться перейти на монологи... Визначаю паралакс планети. Про відстань скажу через три хвилини... — Після паузи Летєє доповів: — По прямій — п'ятдесят вісім мільйонів кілометрів. По моїй траєкторії — близько ста десяти мільйонів, майже доба польоту. Під впливом антигтяжіння зорі ракету трохи відносить з розрахункової траєкторії. Попереду, як і раніше, пустота і простір. Передачу кінчаю, нічого нового більше нема. Наступна через три години. Кінець.

Корнев і Аскер ці три години по одному чергували біля динаміка. Час від часу Тоні насвистував, потім став декламувати вірші:

Ви пішли,
 сказати б,
 від турбот земних.
Порожнеча...
 Летите
 між зір у безвість.
Ні тобі авансів,
 ні пивних.
Тверезість.

— Чий це вірші? — поцікавився Бруно.

Відповідь прийшла через хвилину:

— Володимира Маяковського, фізику. Не знати такого поета!..

— Ні, чому ж! «...співець кип'яченої і лютий ворог води сирой» — процитував Бруно.

— «Професоре! Зніміть окуляри-велосипед! Я сам розповім про час і про себе!» Прямо про тебе сказано! — долинуло через хвилину і десять секунд. — Про час і я тобі ще розповім, почекай. І про античас... Ох, чорт! Брила! — настала пауза. Потім почулось і стихло різке шипіння двигуна. А ще за хвилину пролунав спокійний голос Летєє: — «Ластівка» — просто молодчина. Тільки що ми з нею ухилились від боліда завбільшки з хмарочос. І де він узявся? До зони, по-моєму, ще мільйона півтора кілометрів... Після паузи почулося: — Віртемолік аротвіп анойльім... — голос плавно затих.

— Що? Що? — насторожився Бруно. — Повтори. Прийом!

— Погано чути? — після паузи знову залунав голос пілота. — Я сказав, що ухилився від боїда. До речі, схоже, що він — перша ластівка, точніше — перший літаючий слон. Радіолокатор обіцяє ще. Передачу припиняю. Буде ніколи. Кінець!

З динаміка почулось несамовите шипіння: це Тоні увімкнув двигун. Шипіння то стихало, то ставало гучнішим. Подеколи долинали клацання — то переключалося реле. Ракета маневрувала десь там, за двадцять з гаком мільйонів кілометрів од «Буревісника», пробираючись через пояс метеорів.

Корнєв і Бруно напружені стояли біля динаміка.

Минуло понад дві години. Шипіння нарешті припинилось.

— «Буревісник»! — пролунав бадьорий голос Летьє. — Як чуєте? Пояс пройшов. До планети сімдесят мільйонів кілометрів по моїй траєкторії. Попереду — пустота...

— Молодець, Тоні! Чуємо добре! Відпочинь тепер, переключи керування на автопілот! — полегшено зітхнувши, закричав у мікрофон Іван.

«А чуємо не завжди добре... — Бруно згадав недавнє невиразне бурмотіння. — Треба увімкнути магнітний запис». Він вставив у магнітофон, вмонтований у стіні, бобіну з чистою плівкою і підімкнув його до приймача.

— До планети 56 мільйонів кілометрів по моїй траєкторії, — повідомив Летьє через вісім годин польоту. — Іду по прямій. Трохи відносить антитяжіння зорі. Бачу майже весь диск планети, тільки верхня частина ще в ночі. Алло, земляни! Вимкніть, ради бога, свої позивні. Здуріти можна. Дайте краще музику! Ефір чистий, я й так вас ні з ким не переплутаю. Прийом!

Екран телескопа ракети «Ластівка» показував приплюснуту зверху мутно-оранжеву кульку. По ній плавали розмиті бурями плями. Летьє подумав: «Майже як Марс, коли до нього летіти від Землі. Від Землі, — повторив він самими губами. — Яка ти там тепер стала, плането Земля?»

Пілот відкинувся на спинку крісла, ліг зручніше. Тіло не стомилось — невагомість не напружувала м'язів. Стомився мозок, стомилися нерви, трохи тремтіли руки. «Це після проходження пояса», — мляво подумав Тоні. Тепер попереду були десятки мільйонів кілометрів пустоти. Можна відпочи-

ти. «Еге ж, у поясі довелось попрацювати. Я трохи прибрехав, метеори і тут ішли досить густо. Добре, що все обійшлося. Коли полечу назад, доведеться вибрати якусь обхідну траєкторію, хоч і не хочеться. Скоріше б у зореліт і — додому, на Землю. Вони теж, мабуть, ждуть не діджуться. Стомилися всі...»

У цю хвилину в слуховій капсулі припинився розмірений писк позивних «Буревісника». Отже, прохання його дійшло і прийнято. Кілька секунд поклацування, легеньке шипіння і раптом грянув драматичний акорд фортепіано. Концерт Гріга для фортепіано з оркестром. Летє усміхнувся. «Іван знає, що для мене поставити».

Пілот одстєбнув пояски біодатчиків, закинув руки за голову, заплющив очі і згадав останню годину перед стартом в Астрограді...

Він вирішив дійти до космодрому пішки, щоб не бути присутнім на пишній і обтяжливій, мов похорон, церемонії прощання. Була осінь. З річки дув вологий вітер. Небо заволоклося сірими хмарами, що тільки подекуди відкривали клаптики холодної блакиті. Тоні бродив у парку. Було похмуро, урочисто, журно. Голі лави, внизу сіра річка, жовте листя на деревах і чорному асфальті доріжок...

Зненацька з алюмінієвих, обліплених мокрим листям динаміків, що ховались у вітах, почувся далекий наростаючий гул оркестру, потім пролунав акорд фортепіано — сильний, тужний і гнівний. Він був схожий на відчайдушно сміливий сплеск людських бажань, думок, мрій. Тоні впізнав концерт Гріга і в думці подякував людям, що послали йому цю музику в його останню годину на Землі. Вона дуже імпонувала його настрою.

Вступив оркестр — неголосно, м'яко, заспокійливо, наче умовляв не сумувати. Фортепіано ніби погодилося і стало повторювати фразу, сповнену красивої безнадії і якоїсь пожіночому чарівливої безпорадності.

Тоні простував доріжками, засунувши руки в кишені плаща, розкидав ногами купи опалого листя, слухав і думав. Можливо, коли б у нього був інший настрій, йому привиділися б під цю музику картини природи — норвезькі фіорди,

прибій, згадалися б давні ліричні переживання. А тепер думки були зайняті іншим — і музика сприймалась по-іншому. «Нічого не поробиш, — повторював він. — Сорок років летіти туди і стільки ж назад. А того діла там усього на два-три місяці. Безглуздо! Навіть світло летить до Г-1920 тридцять два роки... Отже, нічого не вдіш... Природа!..»

Мелодія наростала в оркестрі: вона вже не умовляла — диктувала. Сміливі людські поривання гасилися, розбивалися об скелю законів світу. А фортепіано ронило звуки, тягучі, прозорі і круглі, мов сльози, — красиво оплакувало своє безсилля... Мелодія перекидалася від динаміка до динаміка. Різкі пориви вітру, що свистів у вітах, немов колихали її.

Ось, наперекір усьому, рвонулися сигнали труб — закличні, бентежні. Їх, було, підхопив оркестр... І знову все зійшло нанівець, знову заповонило парк лагідне мелодійне заспокоєння.

«Нічого, видно, не зробиш, — розмірковував Тоні. — Абстрактний факт із теоретичної фізики: неможливо рухатись із швидкістю, більшою від швидкості світла в пустоті... Тепер цей факт повертається до нас своєю драматичною стороною». От вони полетять за десять парсеків. Коли повернуться, не буде ні цих дерев, ні теперішніх людей, ні динаміків. Зміниться місто, зміниться земля. Вісімдесят років, ціле життя... А вони ж і самі ще не знають, чи привезуть цінні знання, відкриття. Може, варто було б почекати з такими подорожами, поки люди відкриють принцип понадшвидкісних перельотів? Аякже, відкриєш його, сидячи на землі! Жди...

Летєть вийшов із парку і попростував безлюдними вулицями в місто. Алея, динаміки, концерт Гріга — все лишилось позаду. Почав накрапати дощ. Тоні підняв комір плаща.

Вулиці ставали ширші й жвавіші, будинки — вищі. Вітер, що налетів з-за рогу, сіяв за комір дощовий пил, дув то в обличчя, то в потилицю. Дощ не всухав.

«Чим далі заглядаєш у майбутнє — тим більша імовірність помилитися, — міркував Тоні, простуючи вулицею. — Так чи варто рипатись? — знову заговорив у ньому сумнів. — Може, ми, шість дослідників, досягнемо більшого, якщо витратимо вісімдесят років не на політ, а, припустімо, на створення в навколосемному просторі величезного теле-

скопа, в який можна буде розглядати Г-1920 так, як ми розглядаємо, наприклад, Місяць? І це ж буде життя, а не нидіння в космосі!»

Провулок вивів на центральну вулицю Астрограда. Розділені смугою жовтих кленів і каштанів, мчали два зустрічні потоки машин; гуркотіння моторів зливалось у гарячковий рокіт; скати шурхотіли по блискучому мокрому асфальту. Двосхідчасті тротуари теж розділені трав'янистим укосом; далі височіли ряди будинків, гармонійно складених з бетону, кераміки, скла, алюмінію, пластмас. Останні поверхи найвищих будинків зникали в тумані.

«Ну й нехай сьогодні дощ, сльота, туман! Зате завтра буде сонячно. А потім злива — весела, грозова. Зима. Весняна зелень. Літня спека... А там, у космосі, — чорно і пусто завжди».

Тоні простував вулицею, розтривожений думками. Мимо нього йшли люди. Одні поспішали, ховаючи обличчя від дощу, інші прогулювалися, нехтуючи негоду. Тоні обігнали дівчата під спільною прозорою накидкою.

Пройшов назустріч чоловік з сивим мокрим волоссям і товстим заклопотаним обличчям, схожий на Корнєва. Тоні подивився йому вслід, і його обпекла думка: «А що коли не тільки я так думаю?! Що як інші? Тільки кожен приховує свої думки, соромиться їх? Може, не летіти справді мудріше? Треба негайно поговорити з товаришами! Якщо такі сумніви виникнуть у нас в польоті... Не можна ж літати вісімдесят років тільки на злість скептикам і консерваторам... — Він пішов швидше, але одразу ж і сповільнив ходу. — Стривай. Та що це я? Ми ж летимо до зорі чужої галактики по знання, які на Землі ніколи не здобудеш. Знання про Всесвіт можна добути тільки у Всесвіті. Які ж тут можуть бути сумніви? Дивак!»

І раптом сталося щось таке, від чого серце Тоні сповнилося буйною радістю. Наче якась чудодійна сила підхопила його і понесла вперед. Тоні не відразу зрозумів, що це музика. Концерт Гріга, фінал... Фортепіано і оркестр вивергали такі самі каскади звуків, як і на початку. Тільки тепер лунала гнівна і горда мелодія, не було гіркої приреченості, не було красивої розсудливої слабості. Бентежний бурхливий ритм крушив усе в нестерпному пориванні вперед!

Здавалося, люди вивертають ліхтарі, ламають будки і лабази, котять бочки, споруджують барикаду впоперек вулиці, втикають у ящик з-під оселедців тріпотливий червоний прапор повстання! А може, це трощать скелі — вибух за вибухом, удар за ударом! — прокладають пряму дорогу через синій гранітний хребет. Здіймається пилюка, летять уламки, двигтять Земля — і гори розсуваються, поступаючись перед упертим генієм людей! Може, це інженер бігає по прокуреній кімнатці, перекидаючи стільці, розмахуючи в такт музиці лічильною лінійкою, скуйовджений, щасливий і гордий. Не виходило, здавалось безнадійно трудним — а от вийшло! Він знає, що попереду ще багато праці, помилок і розчарувань, зате — вийде, буде!

От знову залунали переможні сигнали труб. Їм стиха вторив оркестр. Вдарили дружні і сильні акорди фортепіано, і полилася прекрасна пісня нестримного руху вперед.

«Вперед, людино! — Тоні йшов по калюжах назустріч дощу і вітру. — Ворушись, повертайся, білковий тюхтію! Берися за всяку справу: посильну і непосильну, яку зробити можливо і неможливо, сумнівайся, шукай, помиляйся, прозрівай, але йди вперед! Перед тобою величезний, складний і могутній Всесвіт. Укріпись в ньому! Ти придумав машини: швидкі, точні, розумні, вони не бояться ні пустоти, ні часу, ні спеки, ні холоду... Ану, доведи, що ти сильніший і розумніший за них, що світ підвладний тобі, твоєму розуму, твоїм прагненням!»

Тоні майже летів, обганяючи перехожих. Обличчя його пашіло. Музика з динаміків, човгання ніг по мокрому асфальту, гомін, сміх перехожих, рокіт автомашин, шипіння скатів, мокре листя, що налетіло на бульварні лави, різкі пориви вітру, краплі дощу, туман над будинками, ясні і гарячі думки в голові, — усе злилося в складну, навальну і горду симфонію людського руху... Вони полетять, неодмінно! І ті, кому доведеться мчати за сотні парсеків, повертатись через тисячоліття, — теж полетять. А інші думатимуть над тим, як літати до далеких світів не за тисячоліття, а за дні — і відкриють цю таємницю. Усе залежить від людей!

...Тоні розплющив очі. Розсипи зірок, червоне око Антареся, чорна дірка Г-1920, оранжева щербата пляма планети, жовте кудлате лжесонце позаду...

«Неймовірний світ. Ну й занесло ж нас!» — подумав Тоні.

Бентежна і заклична музика фіналу Грігового концерту ще лунала в кабіні ракети. Тоні тихо підспівував мелодії. Ні, нікому він не розповість про свою слабкість, нерішучість в останню годину на Землі, про свої мудрі і обережні сумніви. Вперед, людино! Вперед, розумний трудівнику, бійцю, неспокійний шукачу, який ніколи не задовольняє ні своєї цікавості, ні прагнення підкоряти і створювати. Вперед, неспокійний і веселий, гнівний і гордий, наполегливий і сильний! І хіба не найбільше щастя для людини — важкий, але самотвердуючий рух уперед?

— До планети півмільйона кілометрів, — доповів Летєс ще через 19 годин. — Погасив швидкість до 50 кілометрів за секунду. Решту погашу біля самої Марини. Прилади показують невелику перевитрату пального внаслідок гравітаційного відштовхування. Курс — прямо до центра планети, інакше — відносить убік.

— Ти чуєш? Чуєш? — пошепки видихнув Бруно, до болю стиснувши капітанові плече. — Накладається щось... Це не перешкоди!

— Чую, — прошепотів у відповідь Іван. Він слухав і не врів собі: до голосу Тоні домішувалось ледве вловне, але чітке бурмотіння незрозумілою мовою. Начебто дві радіомовні станції працювали на близьких хвилях. — Увімкни дублюючий приймач, пошукай хвилю другого передавача. «Невже там якісь істоти?»

— Планета зараз освітлена на три чверті. Візуально вона завбільшки така, як Місяць, коли на нього дивитися з Землі. В телескоп нічого не розбереш. Оранжеві хмари, якась неpronикна червона каламуть.

— Тумалак ановреч анкинорпен сака ирамх івежнаро... шеребзор ен огочін покселет в... — виразно вклинився в паузу тихий чужий голос.

— У сусідніх діапазонах нічого нема. Тільки на частоті передавача ракети, — мовив Бруно. — Тоді що ж це?!

— Тоні, увага! — голосно сказав у мікрофон Корнеєв. — На твоїй хвилі приплутується якась передача. Її напрям — теж від планети. Уважно стеж за нашими повідомленнями. Прийом.

«До нього шістдесят мільйонів кілометрів. Моя порада дійде через три з чимось хвилини. За цей час він пролетить ще десять тисяч кілометрів».

— Не планета, а справжнісінький апельсин! — передавав далі Летєє. — Суцільна оранжева хмарність. Хоч би якийсь просвіток! Спробую через інфрачервону насадку, може, знайду прозору зону.

Якийсь час у динаміку було чути стук і побрязкування: Тоні возився з насадкою. В ці секунди астронавти знову почули виразні фрази чужого шепоту:

— ...уноз урозорп удйанз ежом укдасан уновречарфні зереч...

Потім знову голосно заговорив пілот:

— Еге! Боюсь, що ми не дуже полестили Марині, коли назвали її іменем оце неподобство. То ж вогненний вир! Імовірно побачити стариків, що перетворюються в немовлят, дорівнює нулю, земляни! Планета ще не охолола. В інфрапромінні можна побачити лавові моря... Якісь вихори. Бушує планета. Помітно, що лава рухається: воронки, якісь вали переміщуються... От і догадайся, в якому перебігу часу це відбувається — в нашому, протилежному чи під кутом? Може, коли підлечу ближче, роздивлюсь тоді... Ага! Бачу острови. Вони розжарені, температура поверхні — градусів сімсот. Схоже, що вони плавають у лавовому морі. Що?! — нарешті Тоні почув голос Корнеєва. — Дурниця якась! Я ж чую тільки вас — і без накладки, зовсім чисто...

— ...місвоз икдалкан зеб і сав иккліт юуч... — влізло в паузу бурмотіння. Воно стало голосніше.

— Передавач з планети я б чув набагато краще, ніж вас! — дзвінко вів далі Летєє. — Та й де б тут узявся передавач і взагалі, хто б говорив, кому? Планета розпечена. Тут явно немає жодної істоти, яка б хоч квакала, не те що говорила...

— ...алировог оц ет ен алакавк чох... — ніби перекривляючи, пробурмотів чужий голос.

Бруно подивився на Корнева переляканими очима.

— Таке саме було, коли ракета пролітала повз великий болід «завбільшки з хмарочос», як сказав Тоні. — Фізик потер лисину. — Там — болід, тут — планета... Згустки антимас...

«Ластівка» трохи помовчала. Потім Тоні знову заговорив:

— До планети триста дев'яносто тисяч кілометрів. Трохи відносить убік. Мабуть, пройду мимо неї по дотичній до атмосфери...

— ...ирефсомта од йінчитод оп іен омим... — знову увірвався голос, тепер уже гучний. Корневу здалося, що він його вже десь чув...

Бруно в окулярах, зсунутих на лоба, присів біля динаміка. Напружено ворущачи губами, він водив пальцем по підлозі. Від неймовірно інтенсивної роботи мозку обличчя його побавровіло, на голові виступив рясний піт. Раптом фізик схопився, вибухнувши криком:

— Тоні, гальмуй! Це дзеркальна луна! Не наближайся до планети, гальмуй і повертай від неї. Попереду — шар дзеркальної луни! Це дуже небезпечно! Тікай від планети, чуєш?!

— Летє! — приєднав і свій голос Корнев. — Негайно гальмуй з максимальним перевантаженням. Відійди вбік! Прийом!

— Пізно! — Фізик у відчаї схопився за голову, забігав по відсіку. — Пізно! Не встигне, не почує... Три хвилини, поки дійде сигнал та поки ще Тоні почне гальмувати! Швидкість, інерція, простір — усе проти нього.

Корнев у бурмотінні дивною мовою впізнав раптом голос Тоні Летє. «Дзеркальна луна!? Що це?» Але питати в Бруно було ніколи.

— На лавових морях планети бачу якісь спучення, — доповідав тим часом Тоні. Бурмотіння тепер весь час супроводжувало його слова. — Нібито надимаються і опускаються величезні пухирі... Однак з цього не можу зробити ніяких висновків... Потрібні подробиці, деталі, а я їх поки що не бачу. Нічого, потерпіть трохи, ось підлечу ще тисяч на сто кілометрів ближче, будуть і подробиці...

— іцибордоп і тудуб... — повторив його голос.

— Хлопчик... Зухвалий хлопчисько з гарячим серцем. Невже не почує? Не встигне? — Бруно сидів на підлозі, тер долонею груди коло серця. Обличчя його було бліде. Інтуїцією досвідченого дослідника він зрозумів: дзеркальна луна, яка глузливо перевертає фрази Тоні, — відгомін якогось могутнього і незрозумілого явища, що відбувається в просторі поблизу планети. Туди, як метелик на вогонь, мчала «Ластівка». Фізик зрозумів і схопив тільки дуже поверхово закономірність явища. Інтуїція підказала, що воно ховає в собі смертельну небезпеку. Як і багато інших процесів у Космосі, це явище з байдужою непохитністю може поглинути, розчавити, зруйнувати крихту матерії, що наблизилася до меж його впливу, — розвідувальну ракету з мешканцем іншого світу — людиною, тендітною істотою з сміливим, допитливим розумом і полум'яним серцем дослідника.

— Невже не встигне?

Корнєв подивився на нього, хотів заспокоїти. Але сказати було нічого — зціпив зуби, промовчав.

— Ага! — переможно залунав у динаміку голос Летъе. — На острові бачу вулкан!

— ...наклав учаб івортсо ан... — луна була така ж гучна, як і голос пілота.

— Оце так вулканисько! Скоріше навіть гігантський гейзер лави. Б'є на десятки кілометрів угору. Викидає лаву і розпечене каміння...

— ...яннімак енечепзор і увал еадик...

— Ти правий, старий Бруно! Радуйся і кричи «ура». Ніякого античасу нема! Все... — Голос Тоні став швидко стихати, немов пілот віддалявся од мікрофона. Зате дзеркальна луна гриміла тепер наче грім:

— ...іцсім ан есв... ікділсан і иничирп... еувольпив наклав яннімак і увал...

І враз усе стихло.

Капітан ще довго гукав у тихий простір: «Алло, Тоні! Алло, «Ластівко»! Викликає зореліт. Прийом!»

Марно.

Бруно сидів на підлозі і плакав. Дивитись, як літній дужий чоловік плаче, було нестерпно важко. На червоні очі Аскера набігали сльози, тоді він скреготав зубами, гримаса спотво-

рювала його товсте обличчя. Неймовірним зусиллям волі і м'язів він намагався не дати сльозам скотитись.

Та ось Бруно підвівся і почав прослухувати магнітний запис передачі з ракети. Ті місця, де було чути бурмотіння дзеркальної луни, він обводив на бобіні магнітофона олівцем. Останній шматок стрічки, де луна зовсім забила слова Лет'є, фізик одрізав, розділив по паузах на маленькі шматки і склеїв їх у зворотному порядку. Потім змотав плівку знову на бобіну.

— Слухай, Іване!

Шипіння, і з динаміка полилася збуджена, трохи плутана мова Тоні:

— Все на місці — причини і наслідки. Спочатку вулкан випльовує лаву і каміння, потім вони підіймаються вгору. Далі втрачають швидкість і падають на вишневі схили вулкана. Словом, усе як на Землі, як і повинно бути. А шкода... — голос Лет'є затих.

Кілька секунд астронавти дивились, як крутяться бобіни. Бруно увімкнув магнітофон.

— «Радуйся, старий Бруно...» Наче в цьому вся справа, — голос фізика затремтів, однак Аскер поборов себе. — Та я не такий уже й правий. Усе значно складніше. Який великий і розмаїтий світ! Як мало ми ще знаємо про нього...

— Це... дзеркальна луна? — спитав Корнев. — Що ти думаєш про неї?

— Уперше я її почув, коли ракета Тоні промчала повз величезний болід, мабуть, дуже близько. Я тоді приймав сам і думав, що мені приверзлося... Потім ніякої луни не було. А коли він підлетів до планети, знову з'явилась. Певно, великі скупчення речовини з антимасою оточені зоною простору з особливими властивостями. Якими? Хтозна. Це дослідять ті, що прилетять сюди після нас. Одна з властивостей такої зони — дзеркальна радіолуна. Дзеркальна — ось що важливо: радіохвилі не просто відбиваються, а й послідовність сигналів змінюється на зворотну...

— Це можна розуміти як античас? — поцікавився Корнев.

— Не в більшій мірі, ніж те, що античас міститься в магнітній стрічці, яку я переклеїв з кінця наперед, — знизав плечима фізик. — Ні, Іване, античас — надто примітивна гіпотеза для цього світу! Тут усе складніше, ніж нам хочеться.

— А як ти зрозумів, що зона цього проклятого простору близько від ракети? Адже до планети було ще далеко?

— Ніколи собі не прощу, що зрозумів це надто пізно, — голос Бруно знову затремтів. — Я пізно догадався, що це бурмотіння — перевернуті фрази Тоні. Було дві ознаки швидкого зближення. По-перше, дедалі меншою ставала пауза між словами і луною слів, причому дзеркальна луна відбивалася все коротшими уривками. По-друге, надто швидко луна гучнішала. Ракета наближалась до якоїсь незримої оболонки планети. Пауза між прямими радіосигналами ракети і дзеркальною луною від них дедалі зменшувалася, поки стала дорівнювати нулю. Ракета увійшла в заборонену зону і... Не уявляю, що і як там сталося, — Бруно замовк.

На «Ластівці» був п'ятнадцятиденний, за звичайним ліком часу, запас повітря...

Друзі чекали Тоні тридцять днів. У них ще жевріла надія: а може, тільки радіопередавач зіпсувався? Може, радіо і деякі двигуни? Можливо, ракету чи хоч її останки виштовхне сюди антигтяжіння зорі...

Антигтяжіння відносило зореліт, але Корнеєв короткими поштовхами двигунів уперто повертав його на попереднє місце, в ту точку, з якої стартувала «Ластівка».

Настав тридцять перший день. Астронавти відкачали повітря з коридора, наділи скафандри. В телескоп нової обсерваторії наслідок ще обшарили околиці простору. Потім заходились розгвинчувати болти. Бронековпак з телескопом та іншими приладами відокремився од носа зорельота. Астронавти відіпхнули його ногами — він поплив у пустоті, повільно перекидаючись в оранжевому промінні лжезорі.

Після цього вони проробили те саме з кормовою обсерваторією і катапультю. Прогулялись по корпусу. Тепер від носу до чорних стільників анігіляційних камер було тільки сорок кроків.

— Поки долетимо до Землі, від «Буревісника» лишиться маленький недогризок, — обіззався Іван. — Метрів дванадцять...

Бруно не сказав нічого.

Спустились усередину, роздяглися. Капітан піднявся по драбинці до пульта, ввімкнув маховики повороту. «Буревіс-

ник» схитнувся, почав поволі розвертатись у пустоті. Бруно важко зійшов на місток, став поруч капітана.

В овалі екрана пропливали сузір'я. Ось промайнув червоно-жовтий Альдебаран, за ним низу зійшли купочкою сім неясних зірочок. Шість їх утворили знайомий ківшик Плеяд. Сьома, біло-жовта, яскравіша від інших, — розмістилась у центрі ковша.

— Сонце, — тихо промовив Бруно.

— Сонце...

Коли Сонце підійшло до середини овала, Корнєв переключив маховики. Зореліт захитався і завмер. Обидва мовчки сіли в стартові крісла. Капітан за звичкою хотів подати в мікрофон команду передстартової уваги, але вчасно спохватився. Досадливо скривившись, натиснув на кнопки двигунів. М'язи відчули вібрацію зорельота.

— Через шість релятивістських років будемо вдома, — сказав Корнєв.

— Тепер, мабуть, раніше. Через п'ять...

— Так, правильно, — швидко погодився Іван. — Долетимо за п'ять... А втім, для нас однаково: шість чи п'ять — у контейнерах сидіти. Справи не міняє. На Землі мине майже сто років.

Вони помовчали.

— Ну, з цим я ще поборюсь, — твердо промовив Бруно. — Хіба це діло — летіти від людей на цілі століття? Тепер я уявляю напрям пошуків: треба подолати енергію, скомпенсувати маси тіл... І знаєш, Іване: нам ще доведеться повернутися сюди. Неодмінно! Тоні хотів, та от... А він мав рацію: нову експедицію сюди повинні вести ті, хто вже тут побував.

Корнєв мовчки кивнув.

...Попереду, трохи праворуч по курсу, горіла в пустоті облудним оранжевим сяйвом неіснуюча зоря Г-1920. А справжню чорну кулю вже неможливо було побачити — білий стовп вогню, що виривався з зорельота, заслонив її.

Замість епілога

(Із стенограми засідання Комітету по астронавтиці 27 листопада 2243 року. Слухається звіт Віктора Крона, керівника 3-ї експедиції до зорі Г-1920).

В. КРОН. Таким чином, застосування антимас теж не розв'язує основної проблеми зореплавання. Звичайно, вони дають можливість заощаджувати паливе, розвивати швидкість, дуже близьку до швидкості світла. Але від цього десятиліття, що перетворюються для астронавтів у місяці або навіть у секунди, не перестають бути десятиліттями тут, на Землі, в чому ми, повернувшись, з жалем і пересвідчилися...

Тому хочу нагадати вам одну гіпотезу дослідника Бруно Аскера, учасника двох перших експедицій до Г-1920. Коротко, тільки суть, тепер це дуже до речі.

Кожне скупчення речовин (а ми вже знаємо шість типів речовин у Всесвіті) створює навколо себе просторове поле, або, просто кажучи, простір з цілком певними властивостями. Рух тіл у такому просторі підлягає або механіці Ейнштейна, або подібним до неї механікам так званих «дзеркальних» і «анти» просторів. Спільним для всіх них є положення, що рухатися з швидкістю, більшою від швидкості світла у вакуумі, неможливо.

Проте між чужорідними просторами мусять існувати суміжні зони з особливими властивостями... Ну, для нас це вже не гіпотеза, а реальність. Саме такими зонами є просторові оболонки навколо зорі Г-1920 і планети Марини. Вони є і навколо великих метеорів з антимасою. Такі оболонки виявлено і в зорі Барнарда, що складається з четвертої різновидності речовин, так званої антиречовини з негативною масою.

Що ж це за особливі властивості суміжних зон простору? Дослідити їх, як ви знаєте, дуже важко. Щоправда, наступні досліди були не такі трагічні, як перший: оболонки планети і зорі промацували автоматичними зондами і ракетами. Проте досі ми знаємо тільки чотири факти: ці оболонки створюють дзеркальну радіолуну, вони прозорі для променів світла; вони поглинають тіла із звичайною масою... І четвертий, найціка-

віший: поглинені тіла не вибухають, не падають на планету, — це б спостерігалось, — а просто зникають...

ГОЛОС. Ми ще знаємо розміри і форму оболонок.

В. КРОН. Ну, це вже царина геометрії. Я кажу про знання по суті, про особливі властивості суміжних зон. Ось яка гіпотеза Аскера з цього питання. У цих зонах протилежні впливи силових полів різних речовин взаємно знищуються. А це в свою чергу призводить до майже абсолютної проникності і безінерційності таких ділянок простору. Зони найменшого опору рухові! Іншими словами, там матеріальні тіла можуть переміщуватися з швидкістю, яка в мільйони і мільярди разів більша, ніж у звичайному просторі, а інерція тіл, їх маса у стільки ж разів зменшується.

А це значить, — розвиває свою думку Бруно Аскер, — що тіло, потрапивши в таку зону, хоч би який напрям швидкості до цього мало, починає рухатися в ній, мов у якомусь просторовому жолобі, причому швидкість його руху там об'єктивно зростає в мільйони і мільярди разів. Коли така зона замкнена, як оболонка у Г-1920 або зорі Барнарда, то тіло крутитиметься в ній, наче білка в колесі, не підвладне ні силам інерції, ні часові, ні зовнішнім впливам.

ГОЛОС. Між іншим, ця гіпотеза Аскера повністю суперечить іншій його гіпотезі про «в'язкий простір»... Старий Бруно залишив надто багато гіпотез!

В. КРОН. А ви б хотіли, щоб він одразу висловив не гіпотезу, а істину в останній інстанції. Та ще в питанні, у якому ми і досі не можемо розібратись?!

(Головуючий просить дослідника Крона не відхилитись од теми, а присутніх придержати репліки до кінця доповіді).

Добре... Власне, мені лишилося розповісти про експеримент по перевірці цієї гіпотези Аскера. Подробиці описано в нашому звіті, скажу тільки суть. Ми вибрали метеор з антимасою середнього розміру — навколо нього теж була відчутна просторова оболонка — і протягом двадцяти днів щедро опромінювали його мю-мезонами. Як ви знаєте, ці частинки, виникнувши, живуть мільйонні частки секунди. Чи варто говорити про те, що навколо метеора ми розташували лічильники і всіляку реєструючу апаратуру? Оболонка справно поглинала мезони, а потім, коли наситилася, — лопнула! Це був

фейерверк мезонів, скажу я вам! Лічильники мало не вийшли з ладу. (*В залі рух*). Після цього оболонка метеора відновила і, як і раніше, поглинала частинки.

ГОЛОС. Дослід цікавий. Та хіба він підтверджує гіпотезу Аскера?

В. КРОН. Не підтверджує і не спростовує, а уточнює. Тепер ми знаємо, що недовгочасні частинки мезони справді можуть існувати в такій оболонці незмірно довше, ніж звичайно. Ми можемо подіяти на оболонки, руйнувати їх. Отже, після ретельного дослідження цих зон можна буде зрозуміти, як їх створює природа, і використати в зореплаванні... Не виключено, що у Всесвіті немало таких зон-каналів, зон-стежок, якими зможемо пробратись у найвіддаленіші куточки Метагалактики.

ГОЛОС. Одначе це стежки, на які краще не ступати! В такі зони легко влетіти, але не можна вилетіти.

В. КРОН. Поки що не можна! Людям багато дечого здавалось неможливим, але варто було взятися до діла і «не можна» перетворювалося спочатку в «можливо», а потім і в «можна»!

ГОЛОС. Досліднику Крон, я хочу поставити вам запитання, на яке ви маєте право не відповідати. Чи не пояснюється ваше прихильне ставлення до цієї гіпотези суто особистими мотивами? Тим, наприклад, що Бруно Аскер був вашим вихователем і вчителем? (*Рух у залі*). Або тим, що астронавт, який загинув під час першої експедиції до Г-1920, був вашим батьком, а гіпотеза пробуджує якусь надію, на те, що... (*Шум у залі. Вигуки: «Це недостойно!» — «А якщо й так, то що?!» Голова вмикає музичний сигнал заспокоєння, шум стихає*). Повторюю: ви маєте право не відповідати на запитання. Але ви повинні відповісти на нього собі: чи не заважає це вам бути об'єктивним і неупередженим у виборі ідей?

В. КРОН. Відповідаю. Повністю об'єктивною і неупередженою може бути тільки лічильно-аналітична машина, та й то, поки людина не введе в неї програму. Людина ж буває неупередженою і об'єктивною лише до того, що їй байдуже, на що їй наплювати. А мені, моїм товаришам по експедиції, та й більшості людей як тут, так і за межами цього залу, не байдуже, не наплювати! Нам не наплювати на боротьбу за

Володимир Савченко

великі таємниці зорі Г-1920, яку почали майже два століття тому шість дослідників «Буревісника»...

ГОЛОС. А може, тільки троє?

В. КРОН. Ні, їх було шість, і кожен зробив, що міг!.. У цій боротьбі — ми всі цілком, такі, як є: з нашими знаннями і мріями, з удачами і помилками, з нашою сміливістю і обережністю, з нашим минулим і майбутнім, — а не просто абстрактний мозок! (*Аплодисменти*). Адже йдеться про чудову можливість: літати з надсвітловою швидкістю, зробити домом людства не тільки Сонячну систему, а весь великий Всесвіт! Не хотів би я дожити до таких років, коли стану байдужим до цієї мрії багатьох поколінь. (*Аплодисменти*). Що ж до мого батька, астронавта Антона Летєє, який зник в оболонці планети...

ГОЛОС. Може, все-таки загинув?

В. КРОН. Який зник у просторовій оболонці планети Марини біля Г-1920, то... що ми можемо сказати про смерть, якої ніхто не бачив, та ще в умовах, у яких ніхто більше не опинявся? Тільки одно: це ще не доведений факт!

Привидение времени

Отрывок из научно-фантастической повести

В десяти с лишним парсеках от Солнца мчится в холодном пространстве маленькая жёлто-оранжевая звёздочка, принадлежащая созвездию Тельца. Она настолько неприметна, что даже не имеет названия, только номер в каталоге Гумбриджа: Г-1920. Невооружённым глазом её можно увидеть только с Луны, на которой не препятствует атмосфера. Звёздочка несётся к дальней группе Плеяд с необычайно большой для системы Млечного Пути скоростью — 360 км/сек. Астрономы Михайлов и Архангельский обработали результаты наблюдений за движением Г-1920 и пришли к выводу: тело, движущееся по траектории звезды Г-1920 с такой скоростью, не может принадлежать к галактической системе Млечного Пути. То есть Г-1920 прилетела из другой галактики. Михайлов и Архангельский даже определили, из какой именно — из спиральной галактики М-33 в созвездии Треугольника.

Внегалактическая гостья в нашей системе! Сотни миллиардов лет развивались две галактические системы: Млечный Путь и М-33. Разделённые невероятно большим расстоянием, они были, в сущности, изолированы друг от друга, поскольку едва ли можно считать взаимовлиянием те слабые лучи света, которыми обменивались эти огромные сгустки материи, — лучи, которые улавливал только телескоп.

Всё ли происходило здесь и там по одинаковым законам? Двести восемьдесят тысяч парсеков до М-33 — почти миллиард световых лет. А тут, почти рядом, в каких-то десяти парсеках — звезда оттуда... Путешествие к ней было равнозначно невозможному даже в фантастически далёком будущем полёте к М-33. Совершенно очевидно, что для науки это представляло несравненно больший интерес, чем полёты к «обычным» звёздам.

Но... «какие-то десять парсеков» даже луч света проходит за тридцать три земных года! Людям на это путешествие пришлось бы потратить более семидесяти лет. Было ясно: человек не способен выдержать такой полёт. «Лет через 40–50, — уверяли специалисты, — когда удастся повысить скорость звёздных машин до 0,95 от световой, люди смогут удовлетворить своё любопытство по отношению к Г-1920».

...Тогда они — Корнев и ещё восемь товарищей — сказали всей Солнечной: «Мы летим к звезде Г-1920. И не через полвека, а сейчас — на звездолёте «Фотон-4» с обычными двигателями, развивающими скорость всего 0,8 от световой». Их некоторые называли героями, безумцами, невеждами... Когда же поставили проект Корнева на голосование, человечество Солнечной проголосовало: «За полёт!»

Подготовка экспедиции заняла много времени. Они вылетели 15 лет назад по земному счёту времени. Старт был дан с выводящей станции на Плутоне. От Солнца удалялась, выбрасывая голубые столбы пламени, трехсотметровая герметичная цистерна с мощными аннигиляционными двигателями. На три четверти эта цистерна была заполнена аннигилирующим топливом, одну восьмую занимал склад с разнообразными материалами, продуктами, инструментами, приборами. А в носовом отсеке разместились девять астронавтов — семь мужчин и две женщины.

Шари Синг, войдя в комнату, взглянул на капитана чёрными глазами, пригладил пятернёй буйную шевелюру и отвел на вопрос Корнева раньше, чем тот успел его задать.

— Всё то же самое! Яркость звезды не увеличивается. Ни в одной части спектра. Следовательно, эффект Доплера здесь ни при чём.

Синг запнулся, повёл из-под лба белками:

— Если бы это не было очевидной чепухой, я бы сказал, что яркость уменьшается.

Их было двое на корабле. Остальные семь членов экипажа находились в контейнерах установки «Засыпание— Пробуждение» и «спали» при очень низкой температуре. После первых лет полёта астронавты перешли на режим полугодовых дежурств по двое. И жизнь, и силы нужно было экономить.

— А скорость? — спросил Корнев, вытирая руки.

— Нормальная — 0,82 световой. С чего ей меняться? Двигатели же выключены! — Синг заходил по комнате. — Слушай, Иван, ты что-нибудь понимаешь? Мы летим к звезде, а она тускнеет! Мы прошли уже половину пути. Г-1920 должна светить в четыре раза ярче, а она...

— Фотоэлементы в порядке?

— Брось, друг! — Синг остановился и махнул рукой. — Там нечему быть не в порядке! Это просто кристаллы — и ничего боле.

— А ты всё-таки проверь.

— Хорошо. — Шари повернулся к двери.

— Подожди! — окликнул его Корнев. — Я с тобой.

Стометровый коридор вёл к рубке управления и носовой обсерватории. Здесь было довольно холодно, как всегда, когда не работали двигатели. По стенам — наглухо задранные овальные люки холодильников, где хранились запасы пищи; дальше — оранжерея, за ней — покрытая инеем дверь отсека «Засыпание—Пробуждение», от которой веяло колючим холодом. Проходя мимо этой двери, Корнев подумал, что через 36 часов они с Сингом вернут к жизни следующую пару, а сами на полгода залезут в контейнеры. Да и пора — уже чувствовалась усталость от однообразия...

Синг откинул массивную дверь, которой заканчивался коридор, и сделал шаг, казалось, прямо во вращающееся звёздное пространство. Корнев, шедший позади, хоть и знал, что прозрачная полусфера обсерватории крепка, как броня, с инстинктивным страхом шагнул на ступеньки, ведущие в бездну. Здесь тоже было холодно: пустота вытягивала тепло сквозь полусферу.

— Включить освещение? — спросил Шари.

— Нет, пусть привыкают глаза.

Они наощупь нашли сиденья, закрепились в них ремнями. Синг включил противовращение шара обсерватории. Звёзды замедлили свой головокружительный бег, но вместо этого появилось приторное ощущение стремительного падения — сказывался переход к невесомости. Корнев поморщился, чувствуя, как его тело покрывается потом, а во рту скапливается слюна, и через силу улыбнулся. На чём он только не летал, но так и не победил в себе приступов «космической болезни».

За прозрачной полусферой ярче всех пылал Альдебаран. Из-за огромной скорости «Фотона-4» он казался не жёлто-красным, как с Земли, а бело-голубым.

— Видишь, какой он стал яркий, — указал Шари. — Сразу чувствуется, что до Альдебарана уже не 12 парсеков, а только 7. А наша Г-1920...

Через несколько минут их глаза привыкли к темноте, и при свете звёзд можно было различить не только контуры многообъективного телескопа, похожего на дерево с обрубленными ветвями, но и шкалы приборов, риски делений на микрометрических нониусах. Закончился и переход к невесомости. Теперь они как будто покоились в неощутимо лёгкой воде. Шари поискал в столе, выбрал наиболее чувствительный фотоэлемент и стал проверять его по стандартной световой точке.

Корнев склонился к окуляру. Россыпь звёзд в круге телескопа стала гуще, однако он легко отыскал у самого перекрестия окуляра неяркую звёздочку. Огромная скорость звездолёта превратила её из оранжевой в бело-голубую. «В чём же дело? Плохо, что мы не вели непрерывные наблюдения за ней с начала полёта — обычная психология путешественника: зачем издали наблюдать то, на что можно будет вволю насмотреться вблизи? К тому же астрономы знали эту звезду больше ста лет, и никто не замечал у неё колебаний яркости, как у переменных звёзд».

Шари тем временем приладил новый фотоэлемент к спектроскопической приставке телескопа, настроил её.

— Посмотри, Иван.

Корнев увидел на экране радужные полосы спектра. Безусловно, яркость звезды уменьшилась по сравнению с земными данными. Раза в четыре, по крайней мере... Это было так неожиданно и необычно, что сначала капитан даже не почувствовал замешательства. «Мы же летим к звезде, а не удаляемся от неё! Такого не бывает: звезда, одинаково светящая тысячи, миллионы лет, вдруг начала гаснуть на глазах». Корнев поймал себя на том, что старается не признавать факты.

То, что сделал дальше капитан, Шари Синг воспринял как оскорбление. Корнев со всей тщательностью заново проградуировал фотоэлемент, осмотрел все призмы и линзы в спектрографе, стёр с них какие-то незаметные пылинки и сам измерил яркость звезды. Результат оказался тот же.

Корнев заметил холодное молчание товарища:

— Не сердись, пожалуйста. Дело серьёзное, — сказал он, обдумывая решение. — Пройди по отсекам, закрепи все предметы. Я отлажу боковые двигатели.

— Что ты хочешь делать?

— Мы придадим «Фотону» поперечную скорость и заново измерим параллакс Г-1920.

— Ты думаешь, что земные астрономы ошиблись? Расстояние до звезды другое? Это чепуха, мой дорогой!

— Я ещё ничего не допускаю. Но нужно проверить. — Он расстегнул ремни. — За дело!

Боковые двигатели работали двое суток, наполняя звездолёт глухой дрожью и двойной — против обычной — весом ускорения. Теперь корабль не просто летел по лучу звезды Г-1920, но и отклонялся в сторону 5000 километров каждой секунды. Через 49 часов, когда отклонение стало заметно, Корнев и Синг измерили угловое перемещение звезды в небе. С молчаливого соглашения каждый из них проделал это отдельно, с максимальной точностью рассчитал расстояние от звездолёта до Г-1920. В другой раз каждый из них хорошо бы посмеялся, если бы кто предсказал, что их к сердцебиению испугает элементарная задачка для школьников: по двум углам и одной стороной найти треугольник... Они протянули друг другу бумажки с расчётами.

Расстояние от Солнца до звезды Г-1920 было 10,1 парсека. Сейчас после 15 лет полёта к ней с субсветовой скоростью «Фотона-4» она составляла 13,883 парсека! Расчёты совпадали с третьим знаком после запятой... Итак, все наблюдения сходились на одном неоспоримом факте: они летели к звезде, видели её впереди — и в то же время удалялись от неё. И именно на такое расстояние, на которое должны были приблизиться, — на 12 световых лет!

Они молчали, ошеломлённые полученным выводом. Затем Корнев произнёс через силу:

— Это значит... это значит, что там нет звезды Г-1920.

— А что там? — поднял голову Синг.

— Ничего. Видимость. Воображаемое изображение, как говорят оптики.

— А где же звезда?

— Там... — Капитан показал за спину. — Позади. Это же антиизлучающая звезда. Её лучи направлены не от неё, а к ней... Полтора десятилетия лететь не туда! М-м! — Капитан застонал, сдавив виски руками.

Шари смотрел на Корнева растерянно, его глаза округлились.

— Не к ней, а от... Ты сошёл с ума... Хотя, подожди. Мы и на Земле, и здесь смотрим навстречу световым волнам... Нет. Может, ещё что-нибудь? — Он замолчал, напряжённо раздумывая.

Корнев вдруг покрутил головой и усмехнулся.

— Ты чего? — спросил Шари.

— А? — Капитан с отсутствующим выражением лица посмотрел куда-то позади товарища. — Я пытался вспомнить, когда ещё люди попадали в такое идиотское положение. Похоже, что никогда.

— Бесплезное занятие, друг, — недовольно произнёс Синг. — Что будем делать? Тормозить? Лететь назад?

— Не спеши. Там, где потеряны годы, дни ничего не решают. — Капитан встал с кресла. — Обсудим это все вместе — тогда решим.

Установка «Засыпание—пробуждение» (сокращённо УЗП) была детищем биофизика Шари Синга — по идее и всех остальных — по исполнению. Вместе с Шари они вывезли с Земли лишь элементарные знания по этому вопросу: данные о моментальном замораживании и оттаивании под влиянием направленного УКВ-излучения. Вывезли для опытов морских свинок, кроликов и других мелких животных, схемы первых генераторов. Во время полёта создали установку, которая могла безболезненно выключать из жизни и возвращать к жизни человека.

И Корнев, и Синг не раз уже совершали пробуждение и не раз подвергались этому процессу сами. Однако ни привычка, ни обыденность обстановки не ослабляли впечатления от происходящего чуда. Оба хорошо знали, что названия «чудо» больше заслуживала противоположная операция — засыпание. Под действием лучей молекулярных генераторов, тормозящих тепловые колебания молекул и атомов, человеческое тело охлаждается так быстро и равномерно, что вода в тканях не успевает кристаллизоваться, жизнь сохраняется в каждой клетке, каждом нерве и мускуле. Человек превращается в кусок мёртвой стекловидной массы. Теперь сизый лёд должен был стать живым человеком. Надо было провести быстрое оттаивание.

Вкатывая на площадку перед молекулярным генератором очередной контейнер, Корнев был сосредоточен и угрюм.

Сосредоточен потому, что обдумывал, как и что скажет товарищам, угрюм потому, что понимал: решение будет трудным для всех. Как отнесется к случившемуся товарищи?

Отсек управления — самое просторное помещение на «Фотоне-4». Здесь собралась вся команда. Конструктор Стефан Март внимательно посмотрел на капитана и сказал:

— Иван, у тебя вид, как у гоголевского городничего перед тем, как он произносит: «Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить пренеприятное известие: к нам едет ревизор!»

Но экипаж не поддержал шутку. Все в напряжённом ожидании смотрели на капитана. Было что-то тревожное в этом неожиданном собрании.

— Так оно и есть, — ответил капитан Стефану. — Я действительно собрал вас для того, чтобы сообщить пренеприятное известие: мы летим... не в ту сторону.

— Неплохо сказано, — беззаботно произнёс физик Бруно.

— Нет, я совершенно серьёзно. — И Корнев лаконично и точно рассказал о наблюдениях и измерениях, проделанных им вместе с Сингом.

Все заволновались. «Вот так-так!», — воскликнул второй пилот Лев Николаев. Другие промолчали: вряд ли кто-то мог сейчас сказать что-нибудь убедительное.

— ...Видимо, следует начать торможение, — продолжал капитан. — Я не могу и не хочу решать этого сам: остановить машину на половине пути. Если товарищи сомневаются в правильности наших наблюдений и выводов, если есть идеи новых проверочных опытов, если, в конце концов, команда считает необходимым повторить все измерения, — прошу высказываться. Дело слишком серьёзное — здесь не до самолюбия и обид... Если возражений нет — предлагаю не теряя времени тормозить в энергосберегающем режиме. Затем обсудим, что делать дальше.

Поднялся Бруно; от его недавнего благодушия не осталось и следа.

— Я хочу познакомиться с записями в журналах наблюдений. И в последнем, и в старых.

Корнев подал ему пачку тонких синих книжек. Бруно углубился в них, начал что-то выписывать на отдельном листе бумаги.

— Послушай, Бруно! — прозвучал мягкий голос астро-механика Остапа Искры. — Может, ты найдёшь одну или две мелкие ошибки. Но не в этом же дело! Речь идёт не о том, насколько процентов Иван и Шари ошиблись при измерении яркости и параллакса Г-1920. А о том, действительно ли мы летим не в ту сторону или здесь что-то другое? — Остап помолчал и повторил по-украински: — Чи тут щось інше?

— А я этим и занимаюсь, — не поднимая головы от журналов, пробормотал Бруно.

— Может, какие-нибудь искажения пространства? — размышлял вслух Николаев. — Зеркальное отражение в пространстве... Нет, чепуха... Что же это?

Поднялся Стефан Март:

— Надо тормозить. Антиизлучающая звезда или что-то другое, но мы летим не туда. Это несомненно. Надо разворачиваться — вот и всё.

— Каждая секунда раздумий относит нас на 360 тысяч километров в противоположную сторону... — Марина, астро-роботаник и врач экспедиции схватилась за голову: — Пятнадцать лет лететь не туда!

— Стефан, но мы видим звезду Г-1920 там, в группе Плеяд, — звонко сказала 19-летняя Галка, радист. — Видим, понимаешь! Как поворачивать назад?

— Надо закрыть глаза, — тихо посоветовал Тони Летье, первый пилот. Лёвка прыснул.

— Полно, ребята! Не до шуток, — недовольно оборвал их Остап.

— Ага! — воскликнул Бруно и встал. Все повернулись к нему.

— Я хотел найти в журналах идею для проверочного эксперимента. И увидел, что единственный опыт, который ещё можно было бы поставить для проверки того, куда мы летим, уже поставлен. Да... Вот записи о нём. — Он поднял одну из книжек. — Помните, ещё в конце второго года полёта мы обнаружили, что курсовой гироскопический автомат систематически отводит «Фотон-4» вправо от звезды. Его «ошибка» за два года составила около полутора угловых секунд. Тогда две смены — Летье и Галя, затем Стефан и я — отрегулировали гироавтомат. И «исправили ошибку».

Да... Но автомат не врал! Он честно и строго держал звезду в том направлении, которое задали ему во время разгона, из расчёта, что звезда смещается в пространстве со скоростью около одной тысячной от скорости света. Так вот: автомат был прав, — обманывала звезда. Мы удалялись от неё, и её угловое смещение уменьшалось. Автомат же был настроен для увеличения угла отклонения.

— А мне ещё тогда досталось от Ивана за то, что я небрежно смонтировала схему гироавтомата, — добавила Галка.

Корнев покраснел.

— Вот попали в историю, Лев, а?

— Не говори...

— Надо тормозить — это совершенно очевидно, — закончил Бруно и сел.

— Значит? — Корнев окинул всех взглядом. Каждый одобрительно кивнул головой — «Да».

То, что совсем недавно было стенкой отсека, стало полом. Астронавты повернули и закрепили свои кресла в новом положении. Настраивать двигатели было обязанностью дежурных: Иван и Шари возились на балкончике у пультов, выверяя приборы. Потом они спустились вниз и сели в свои кресла.

Шума двигателей не было слышно, но каждый ощущал полёт. Тяга двигателей не создавала того безмятежно спокойного ускорения, которое свойственно гравитационным полям планет. Пульсирующие микровзрывы аннигилирующих порций антигелия и водяного пара упруго передавались корпусом «Фотона-4», и тела астронавтов воспринимали их в виде низкого музыкального гула.

— Интересно, насколько раньше Ньютона люди задумались бы над тяготением, если бы оно было вот таким — беспокойным? — сказал Бруно.

На его высказывание не обратили внимания — все думали о другом.

— На Земле нас всех засмеют, — сказал Остап. — За животы схватятся. «Те, кто не туда летел» — до смерти за нами закрепится, а?

— Но почему? — подняла пушистые брови Галка. — Мы же сделали огромное открытие — нашли в пространстве антиизлучающую звезду.

— Сделали? — Шари Синг вдруг вскочил с места. Глаза его странно сверкали при свете газовых трубок. — Ты действительно считаешь, что мы сделали это открытие? Интересно — когда? Тогда, когда сохранялись в холодильных контейнерах? Или когда упорно отворачивались от фактов наблюдений? Или когда «исправляли» гироавтомат? А? Мне, дорогая девочка, — ускорение подхватило Шари и он тяжело плюхнулся в кресло, — дважды выпадало счастье делать большие открытия. Это был труд, поиски, творчество... А сейчас я не испытываю радости, не испытываю восторга. Я чувствую стыд. «Нашли звезду!» Никогда не думал, что самый верный способ искать — это бежать с субсветовой скоростью от объекта поисков.

— Послушайте, а почему, собственно, так по-идиотски вышло? — спросил Лёвка. — Достаточно же было и нашего умения, и чувствительности приборов, чтобы уловить и распознать все эти эффекты в первые годы путешествия, а не через 15 лет!

— Это слишком противоречило бы нашим знаниям, представлениям о мире, — объяснил Бруно. — Мы не поверили, что всё это объективно. И списали на неисправность приборов... Эх, сколько явлений осталось и остаются неоткрытыми только потому, что люди сваливают на неточности приборов всё, что отклоняется от того, что им хотелось бы видеть!

— Тебя сегодня что-то несёт на глубокомыслие, — сказала Марина.

— Ребята, нам нельзя возвращаться на Землю, — снова разволновался Лёвка. — Мы погубим хорошее начинание — сверхдальние звездолёты класса «Мастерская». Вы помните, с каким боем нам удалось добиться полёта? А теперь — неудача... Разве и сейчас мало на Земле считающих, что всё на свете происходит лишь для того, чтобы подтвердить их правоту и неправоту всех остальных? Ненавижу таких людей и боюсь... Думаете, они не закричат сразу: «Ага! Мы говорили!» Наше возвращение будет истолковано как провал. Тогда тема дальних перелётов надолго прекратится.

— Лёвка прав, — поддержал Летье.

— Нам могут и не поверить на Земле, — добавил Остап. — Что мы представим, кроме догадок и факта воз-

вращения? Чем докажем, что действительно столкнулись с антиизлучающей звездой?

— А почему молчит капитан? — вмешалась в разговор Галина.

Все повернулись к капитану. Корнев сидел на диване в углу, опершись локтями на колени. Лицо его было в тени, только алюминиевым блеском светились седые пряди волос. Корнев выпрямился, откинувшись на спинку кресла. В его лице всё было серьёзным, значительным: мясистые губы, массивный подбородок, широкие брови, высокий покатый лоб, немного выпуклые зеленовато-серые глаза.

— Собственно, кто вам сказал, что мы возвращаемся в Солнечную? — спросил Корнев.

— А куда?! — воскликнул Тони. — Может, повернём на Альдебаран? Двойная звезда, очень интересные силовые поля. И только на два парсека дальше...

— Нет, — твёрдо сказал Корнев. — Мы полетим к той же звезде — Г-1920. Теперь по-настоящему.

— К Г-1920? — Летье вздохнул. — 14 парсеков до неё и ещё 10 от неё до Земли — около 80 световых лет! А топливо? А время? Может, ты сейчас вытащишь из кармана бессмертие и отрежешь всем по кусочку? Мне — двойную порцию!

— Оставь шутки, Тони! — рассердился Корнев. — Я говорю серьёзно.

Бруно прищурил глаза и произнёс мягко, но решительно:

— Прости, Иван, но это не стоит серьёзно обсуждать. Три торможения и два разгона... — Он подумал немного. — Это значит, что с нашим запасом топлива мы сможем развивать всего около 100 000 километров в секунду — в два с половиной раза меньшую скорость, чем сейчас. Полёт будет длиться 240 лет. Уже в первые 60 лет он станет бессмысленным — за это время можно долететь до Земли и оттуда на новом звездолёте — до Г-1920.

— Меня всегда восхищала твоя способность извлекать корень пятой степени из числа, — спокойно ответил Корнев. — Так быстро выполнить пересчёт режимов полёта — это не каждый может! Поэтому я считаю, что среди тех, кто полетит к Г-1920, должен быть Бруно.

— Среди тех, кто полетит? — удивлённо спросил Лев. — Не хочешь ли ты сказать, что...

— Да. Именно это я хочу сказать, — кивнул Корнев. — К звезде Г-1920 полетит только часть команды...

Шари Синг молча сел в кресло. Лёвка и Тони удивлённо переглянулись. Стефан Март спросил: «Что, что?» Бруно как-то странно усмехнулся. Галка ахнула. Марина всплеснула руками: «Что ты говоришь, Иван!»

Корнев встал, оглядел товарищей. Решение созрело у него давно, ещё когда они с Шари совершали пробуждение. Но сейчас было страшно. Он начал почти умоляюще:

— Послушайте! Нас послали к звезде Г-1920 — и надо долететь до неё. Ко всему, что здесь сказали, я хочу только добавить следующее. Первое: новая экспедиция к Г-1920 — дело хлопотное и маловероятное. Второе: мы сами сильно виноваты в том, что произошло. Мы летели к звезде чужой галактики, и следовало ждать от неё всего, вплоть до опрокидывания основных физических понятий! Так что нам, а не кому-то другому исправлять ошибку. И третье: тот антигелий, который напрасно сожжён, синтезируется людьми на Земле ценой огромного, я бы сказал, героического труда.

Корнев умолк.

— Хорошо, так что же ты предлагаешь? — спросил Остап.

— Я предлагаю уменьшить конечную массу «Фотона» настолько, чтобы можно было весь дальнейший полёт к Г-1920 и от неё до Солнца вести на скорости 0,9 от световой. Для этого нужно выбросить в космос всё лишнее оборудование, приборы, инструменты, продукты, бытовые вещи. Часть астронавтов также необходимо оставить в контейнерах в космосе... Надо подсчитать, сколько человек. Я буду тянуть жребий вместе со всеми.

— Боковые двигатели... Придётся маневрировать только кормовыми и маховиками. — Бруно, напряжённо согнувшийся в кресле, вдруг выпрямился. — Две трети запаса воды и пищи. Библиотека. Оранжерея. Половина радиодатчиков — все нельзя, потребуются... Все станки, две трети инструментов... и шесть человек в контейнерах. Только тогда можно развить скорость 0,88 от световой.

— Можно выбросить часть переборок. Запасной комплект счётных автоматов, — добавил Стефан.

— А если разведывательную ракету? — спросил Лев.

— Нет, она всегда нужна, — ответил капитан.

— Начнём с оборудования и вещей. Чтобы зря не тратить на них топлива, — в раздумьи сказал Корнев. — А с людьми... с ними надо вот как: катапультировать контейнеры, когда у «Фотона» будет разгон в сторону Г-1920 и, следовательно, в сторону Солнца около 20 000 километров в секунду. За ними с Земли прилетят. Из «Фотона» дать соответствующую радиограмму...

— Так что встретимся на родной планете. — Шари улыбнулся, открыв крепкие белые зубы. Но глаза у него были невесёлые.

— Ну, тогда, может, начнём жеребьёвку? — спросил Стефан.

Тони Летье закинул ногу за ногу и прищурил глаза.

— Вы намерены разыграть в «орла-решку» судьбу экспедиции? Да, да! Ведь речь идёт не только о каждом из нас, но об успехе или провале всего дела. — И уже спокойнее добавил: — Ну, скажите честно: разве всё равно, кто полетит к этой «звезде с обратным знаком», — Марина, Галка и Лёвка, или Корнев, Бруно Аскер и...

— ...и ты? — вставил Лёвка.

— Не знаю, может и я. Разве это равноценные силы для такой экспедиции?

— Что же ты предлагаешь? — спросил капитан.

— Перейти на более высокую степень демократии, чем изобрёл ты, — ответил Тони. — А именно: выдвинуть кандидатов, обсудить и голосовать.

— Ты высказываешь свои доводы так, что от них хочется отказаться, — в сердцах сказал Корнев. — Что касается сути вопроса, то в этом есть резон. Принимаем ли предложение Летье? — обратился капитан к команде.

— Принимаем, — послышались голоса.

— Теперь — конкретно, — продолжал ободрённый Летье. — Я предлагаю...

— Время терпит, — остановил его Корнев. — У нас впереди девяносто пять суток торможения. Сейчас начнём разгружать «Фотон». Оставить нужно самое необходимое для трёх человек. Остальные — в пространство! Кроме того, пусть каждый обдумает предложения и доказательства в пользу того или иного кандидата. Это решение тяжёлое и

сложное для нас. Торопиться не стоит. — Капитан поднялся на ноги. — За работу!

Это была страшная обязанность — разрушать то, что сделано собственными руками. Каждому астронавту пришлось выбрасывать именно то, что в прошедшие годы полёта он сам проектировал, собирал, на что тратил силы, умение, изобретательность.

...Через несколько часов все снова собрались в рубке управления: Остап, Шари, Стефан, Галка, Лев, Тони, Бруно, Марина, Иван — девять астронавтов.

Нелегко было людям, которые с детства верили в свою власть над природой, сейчас подчинить свою судьбу её неумолимым законам. Им придётся расстаться, расстаться здесь, в чёрной пустоте...

— Какие будут предложения? — спросил Корнев.

Астронавты молчали, никому не хотелось начинать. Чуть позже тяжело поднялся с кресла Остап.

— Два кандидата ясны для всех, — строго сказал он: — Иван Корнев и Бруно Аскер. Корнев высказал идею этого полёта, ему её и воплощать. И ещё — Корнев признанный нами командир. Человек он простой, но его высокие качества как товарища, руководителя и исследователя никто не поставит под сомнение... Теперь о Бруно. Это человек исключительных знаний. Я не встречал другого исследователя, который мог бы, как Бруно, превратить самую запутанную проблему в ряд экспериментов и уравнений. Откровенно говоря, он прекрасный человек.

— Ну-ну, — пробормотал смущённый Бруно. — Я ещё не умер. Прибереги это для моего некролога...

— Да, — сказал Корнев, когда Остап сел. — Кто ещё? Нужен третий.

Поднялся Тони Летье, сказал чётко и твёрдо:

— Если нет возражений — третьим полечу я.

К звезде

На звездолёте осталось трое. Корабль направлялся к капризной Г-1920.

Шли, как выразился Тони, «дни кипучего безделья». «Фотон-4», погасив двигатели, на уменьшенной скорости — 250 километров в секунду летел вперёд.

Время от времени астронавты запускали сквозь электромагнитную пушку звездолёта специальные шары-датчики, которые погружались в неизведанное пространство и лаконичными порциями радиосигналов сообщали об уровне радиации, о силовых полях, о присутствии ионизированной и пылевидной материи. Удалившись на пять-шесть миллионов километров от корабля, датчики постепенно замолкали. Пока их данные мало чем отличались от показаний, зарегистрированных в «обычном» межзвёздном пространстве.

Однако приближение загадочной звезды становилось всё более ощутимым. Возобновили непрерывные дежурства. Корнев, Бруно или Летье каждые два часа тщательно просматривали записи автоматов-наблюдателей, проверяли их точность. Иногда Корнев останавливал вращение звездолёта, чтобы посмотреть, не появилось ли что-нибудь новое у корабля. Тогда из-за наступления невесомости приходилось передвигаться по отсекам с помощью скоб и магнитных присосков на ботинках.

На двенадцатые сутки после окончания торможения Бруно с торжественным видом вошёл в рубку и положил перед товарищами три бумажки с таблицами, формулами и числами:

— Вот... вот... и вот!

Все эти дни он просиживал в обсерватории, измерял яркость пылающей звезды, рассчитывал угловые смещения «Фотона» относительно далёких звёзд. Он работал, как всегда пренебрегая электронным вычислителем («Э-э, что там! Он же не получит такого наслаждения от расчётов, как я»).

— Вот... смотрите: я определял скорость «Фотона» тремя независимыми способами — по эффекту для лучей Г-1920, по нарастанию её яркости и относительно далёких звёзд. Резуль-

таты совпадают. Двадцать дней назад наша скорость была 251,5 километра в секунду, а теперь — 250,61. Мы отклоняемся, понятно? Звезда отталкивает нас! Хотите проверить?

Корнев и Летье просмотрели расчёты:

— Итак, 1:0 в нашу пользу, — сказал Тони.

— 2:0, — поправил его Иван. — Обратное течение света и антигравитация.

— Если всё будет в порядке, — радостно продолжал Бруно, — то звезда сама затормозит звездолёт на расстоянии 28 миллионов километров от неё, а потом начнёт разгонять его в обратную сторону. Неплохо, а?

— Неплохо, — согласился Корнев и, подумав, добавил: — Если всё будет в порядке.

Всё вроде бы шло хорошо. Правда, астронавтов смутило открытие, сделанное Корневым. Это произошло через две недели после наблюдений Бруно. Однажды — это было условное утро — Летье и Бруно, прибиравшиеся в рубке управления, услышали в динамике команду:

— Внимание! Закрепитесь, приготовиться к маневрированию. Корабль ложится на поперечный курс.

Взвыли, набирая обороты, маховики. «Фотон» начал медленно поворачиваться. Затем ударили струи аннигиляционного огня в двигателях, осветив рубку мигающим белым светом... Тони и Бруно, быстро освободившись от ремней, направились к Корневу, чтобы узнать, в чём дело. Они столкнулись с ним в коридоре — капитан спешил в кормовую обсерваторию.

— Прошу за мной! — крикнул он на ходу.

В обсерватории Корнев ловко и быстро пристроил к окуляру телескопа усиливающий электронно-лучевой экран. Тёмно-зелёный овал открыл жидкую россыпь звёзд; среди них ярко пылал Антарес, красный гигант, который должен был служить ориентиром для обратного полёта. Левую часть экрана заполняли облака — клочья далёкой пылевидной, причудливо светящейся туманности.

— Смотрите, — взволнованно сказал Иван. — Слева от Антареса. Внимательно смотрите.

По светлой полосе туманности ползло чёрное пятнышко. Прошло несколько минут. Пятно ползло и — вдруг закрыло Антарес!

— Г-1920! — вырвалось у Бруно. — Настоящая!

Через десять минут снова заблестел гигант, вынырнув из-за чёрного пятна, которое растаяло в пространстве.

— Да... пять угловых секунд, — отсчитал капитан по координатной сетке экрана. — Угловые размеры совпадают с видимой лжезвездой. Увидели, наконец!

Затем Корнев новым манёвром направил звездолёт на обратный курс. И снова через полчаса тёмный сгусток материи закрыл звезду, проплыл сквозь клочок туманности и исчез с экрана... Сквозь прозрачный купол обсерватории с одной стороны было видно жёлто-оранжевое сияющее ничто; с другой — висела в пространстве, впитав в себя лучи, ещё не видимая простым глазом настоящая Г-1920.

А ещё через 19 дней повезло Тони.

«Фотон-4» приблизился к звезде Г-1920. Её чёрный диск теперь можно было увидеть на искрящемся фоне звёзд и туманностей без телескопа.

Скорость корабля снизилась почти наполовину. Была середина условной ночи. Корнев и Аскер спали в подвесных койках. Тони сидел в обсерватории, время от времени посматривая в окуляр телескопа. И вдруг товарищей разбудил его крик, раздавшийся в динамиках:

— Планета! Планета!

Капитан и физик вскочили на ноги. И, как были, босиком, прибежали в обсерваторию. Тони, как волчок, вертелся вместе с телескопом. Он включил противовращение и теперь то наводил трубу на оранжевый воображаемый свет Г-1920, то возвращал её на сто восемьдесят градусов, всматриваясь в окрестности чёрного диска. Из обсерватории веяло холодом.

— Эй, Тони! Дай нам посмотреть, — крикнул Бруно.

Лишь после этого взволнованный Летье прекратил вращение полусферы. Корнев и Бруно устроились на сиденье и поочерёдно начали всматриваться в телескоп.

Никаких деталей на крошечном теле планеты сразу увидеть не удалось. Но главное — она была, эта планета, о которой столько думал в пути Летье.

Планета была маленькой — чуть больше Меркурия. Она вращалась на очень близком расстоянии от звезды — следовательно, довольно быстро.

В последующие дни астронавты провели все наблюдения, которые только можно было сделать на таком расстоянии: измерили период вращения, массу, диаметр, изучили спектрограммы отражённого света. Атмосфера чужой планеты содержала кремнистую пыль, углекислоту, азот — и никаких признаков кислорода!

— На встречу с жителями этой планеты рассчитывать, к сожалению, не приходится, — вздохнул Тони. — Их там нет.

— Не горюй, — успокоил его Корнев. — Там могут быть довольно своеобразные существа. Жизнь очень разнообразна...

Теперь звездолёт двигался в пространстве с совсем незначительной скоростью — несколько километров в секунду. Ещё 2—3 суток — и чёрное тело Г-1920 остановит его совсем, а затем начнёт выталкивать чужеродное тело из своей области космоса. У астронавтов росло желание: скорее бы всё закончилось — и домой.

...Сегодня по кухне дежурил Корнев. Вдруг в комнату заглянул Бруно. Физик выглядел обеспокоенным.

— Иван, им уже давно пора возвращаться.

— Кому — им? — спросил командир, не поднимая головы.

— Астродатчикам.

— Гм-м? И правда! — Корнев озабоченно посмотрел на Бруно. — Они имели бóльшую начальную скорость, чем звездолёт, следовательно, подошли к звезде значительно ближе... Сила отталкивания растёт пропорционально квадрату расстояния. Значит, назад они должны лететь со скоростью... — Он сморщил лоб, начав что-то молча вычислять.

— Я уже подсчитал, — Бруно показал листок бумаги с расчётами. — Мы выпустили 12 шаров. Первые два должны были пройти мимо нас ещё 13 суток назад, третий — на день позже, четвёртый — ещё на день... И так далее. Словом, последний астродатчик должен был пролететь возле «Фотона» вчера.

— Не упустили мы их?

— Все двенадцать?! — возмутился Бруно. — Не думаю, чтобы ты это говорил серьёзно... Пойдём проверим записи приёмных аппаратов.

Они направились к радиорубке. Прослушали контрольные магнитные записи. Шелест межзвёздного водорода,

треск радиоизлучения звезды. Но чётких отрывочных сигналов телеграфного кода астродатчиков они не услышали.

— Бруно, может, они сгорели?

Физик покачал головой:

— Нет. Ни один из них не должен был подлетать так близко к чёрному телу Г-1920.

Кристаллические шары не возвращались. Г-1920, заслонившая уже заметную часть звёздного неба, словно поглотила их...

— Сколько у нас ещё осталось шаров? — спросил Корнев.

— Только два: один радиометрический и один телевизионный.

— Хорошо. Запустим их парой. Впереди — радиометрический, за ним — телевизионный. Его нужно настроить на слежение за первым...

— Ага! — догадался Тони. — И тогда второй покажет нам, что случилось с первым, до того, как с ним случится то же самое... Неплохо!

— Итак: скорость первого относительно «Фотона» — 40 километров в секунду. Второй запустить через сто секунд с такой же скоростью. За дело! — скомандовал Корнев.

Два толчка — один за другим с интервалом в 100 секунд — сотрясли звездолёт. Последние шары-астродатчики улетели в пространство. И снова — дни ожиданий. Астронавты непрерывно следили за экраном, на который телевизионный астродатчик передавал изображение первого шара: маленькая фосфоресцирующая сфера, движущаяся среди звёзд. Здесь же наготове стояла «кинопушка» — скоростной киноаппарат, делавший до миллиона снимков в секунду.

На четвёртый день изображение на экране начало тускнеть: слишком уж велико было расстояние. Корневу пришлось включить двигатель и увеличить скорость корабля до 45 километров в секунду. Теперь «Фотон» вслед за астродатчиками нёсся навстречу... чему? Люди и сами не знали. Впереди было что-то, поглотившее двенадцать кристаллических шаров. Нервы астронавтов были напряжены до предела.

...Это произошло внезапно. Никто не успел ничего разглядеть как следует. Экран вдруг прочертили беспорядоч-

ные линии, лихорадочно затрещала «кинопушка». Сигналы радиопередатчика, которые только что раздавались из динамика, сразу прекратились. Шар, сверкавший синеватым светом, исчез. Какие-то доли секунды экран ещё мерцал от линий и всплесков, затем покрывлся огненными зигзагами и погас...

Первым пришёл в себя Корнев, метнулся к мостику:

— Это метеоры! Включаю торможение с перегрузкой! Летье — подготовить защитную энергопушку! Аскер — следить за пространством через бортовые локаторы! Метеоры могут залететь и сюда... По местам!

Астронавты, надёжно закрепившись в креслах, поспешно настраивали приборы. Корнев лёг в кресло на мостике. «Хорошо, что корабль повёрнут двигателями от звезды... — промелькнула мысль. — Полторы минуты маневрирования занесли бы нас в самое пекло». Он нажал кнопки: двигатели загудели. Двойная сила тяжести прижала тело к мягкой обшивке.

— Вижу метеоры! — глуховатым голосом крикнул снизу Бруно. — Поток идёт мимо... Часть ответвляется... Один летит на нас! Тони!

— Энергопушка готова! — крикнул, заглушая рёв двигателей, Летье. — Переключаю автоматическое слежение на локаторы!

— Есть контакт!

— Переключаю систему маневрирования на локаторы! — крикнул сверху Корнев. — Закрепитесь прочнее — будет болтать!

— Есть контакт!

Теперь «Фотон-4» был готов отразить метеорную атаку. Астронавтам осталось только наблюдать, как сложится их судьба. Бруно смотрел на экран. Зеленоватые линии — это не страшно: их прочерчивают на экране летящие в сторону метеоры. А вот медленно плывущие по экрану пятнышки разной яркости — это уже опаснее: радиолуч отбивается от тех метеоров, которые летят либо к кораблю, либо от него... Чёрт! Он вцепился пальцами в перила: две точки медленно, очень медленно расползались на экране в разные стороны. Вилка! Мимо? Или?..

В эту секунду сработала система маневрирования. Двигатели смолкли.

Сплетённое ремнями тело повисло в воздухе, и сразу же его прижало к левому поручню, понесло в сторону, — набирая высокий тон, завывали поворотные маховики. «Фотон» отклонился, пропуская метеоры мимо себя...

Снова заревели двигатели — корабль понёсся с ещё большим ускорением, выходя из опасной зоны. У астронавтов напряглись мышцы, противодействуя навалившейся на них огромной силе тяжести. Очки Бруно до боли врезались в переносицу. Корневу казалось, что это не в корабль, а в его, Корнева, незащищённое тело целятся и вот-вот должны попасть губительные небесные шары. Снова невесомость. Поворот. Рывок. Невесомость. Снова рывок и поворот одновременно... Корабль боролся, как живое существо. Корнев на мгновение потерял сознание, но тут же пришёл в себя от крика Бруно:

— Один — прямо на нас!

Да, этот метеор летел прямо на корабль, и уклониться было невозможно. Неподвижная точка в самом центре экрана становилась всё ярче... Корабль встряхнуло от толчка: это рефлекторы энергопушки послали навстречу метеору огромной силы импульс энергии. На экране всё на мгновение расплылось — и снова из зелёного хаоса вынырнула яркая точка.

— Энерголуч не берёт! — закричал Тони, хоть кричать и не требовалось: в этот момент выключились двигатели и маховики, и стало тихо-тихо. — Он отразился, а не подействовал!

Толчок! Толчок! Толчок!.. Энергопушка посылала импульс за импульсом, но безрезультатно. На экране вместо маленькой точки уже пылал зелёный бесформенный осколок.

— Ну, готовьтесь, ребята, — тихо сказал Тони. — Сейчас...

«Только бы не в двигатель», — подумал Корнев.

Толчок! Толчок! Ещё и ещё...

— Выключи энергопушку, Тони! — вдруг не своим голосом заорал Бруно. — Это ж масса антивещества!

«Поздно... Сейчас попадёт. — И вдруг к чувству ужаса добавилось необычайное любопытство: — Как метеор будет взаимодействовать с нашим веществом?»

Удар неожиданно оказался довольно слабым. В тот же миг облегчённо заревели двигатели. Рванувшихся было с кресел астронавтов прижала перегрузка... Ещё десять минут «Фотон-4» лихорадочно маневрировал и — вышел из зоны метеоров! Двигатели смолкли. Маховики раскрутили корабль вокруг оси, создавая центробежное тяготение.

Астронавты отстегнули ремни, встали, разминая затёкшие мышцы. Сверху спустился Корнев с позеленевшим лицом: перегрузка и невесомость давались ему тяжело.

— Ладно, и сами хороши... — вяло улыбнулся он, поймав на себе сочувственные взгляды товарищей. — Ишь, как осунулись за полчаса... Бруно, дай-ка сигарету.

— И мне, — попросил Тони.

Оба неумело, но жадно затягивались ароматным дымом. Бруно тоже закурил, подошёл к пульту:

— Если верить приборам — всё в порядке... Гм! Куда же попало?

— Что ты там кричал о пушке? — слегка заикаясь, спросил Тони.

— А-а... — Бруно покачал головой. — Велика всё-таки инерция нашего мышления! Ведь поняли, что здесь антивещество. А как дошло до практического использования этого факта, дали маху! Энерголуч отталкивает тела обычной массы! А этот метеор мы не отбивали, а наоборот, с каждым импульсом разгоняли к себе...

— Пойдём, поищем, куда он попал, — сказал Корнев и погасил окурок.

Астронавты надели скафандры и начали осторожно обходить все отсеки. Метеор попал в бронеклопак обсерватории и пронзил его насквозь. Два отверстия в прозрачной броне точно повторяли друг друга: обезображенный тругольник с несколькими тупыми изломами на каждой стороне и двумя мелкими зазубринами. От дыр не расходились трещины, края не были оплавлены... Бруно взволнованно перебежал от одной пробоины к другой:

— Прекрасно, а? Как будто вырезано... Это не удар, не взрыв, не аннигиляция. Что это?

— Легко отделались, — сказал Корнев. — Залатаем, и обсерватория будет работать...

— Не раньше, чем я пересниму все эти фигуры! — повернул к нему шлем скафандра Бруно. — Это же новый тип распада...

— Пойдите! — вспомнил Летье. — Есть же ещё киноплёнка!

...Кадры ускоренной съёмки, сделанные «кинопушкой» по «информации» последнего из погибших астродатчиков, безусловно войдут в историю науки как событие, которое по своему значению не уступает, скажем, получению первых антипротонов. На киноплёнке был зафиксирован распад материи при взаимодействии вещества и антивещества. Вот к радиометрическому шару медленно приближается метеор размером со средний булыжник. Прикасается к шару — и проходит сквозь него! Ни толчка, ни взрыва — только из неровного отверстия в шаре выбрасываются струи чёрного газа. (Впоследствии по анализу излучений этого газа астронавты установили, что это нуклоны в необычном квантовом состоянии.) Метеор-булыжник выходит из шара уменьшенным: он будто обтаял. В шаре зияет большая дырка.

Ещё несколько мелких метеоров окончательно «съели» шар.

Когда «Фотон» повис в пространстве на безопасном расстоянии от зоны метеоров, Тони Летье вылетел на разведывательной ракете обследовать метеорный пояс. Он вернулся через 14 часов очень уставший, с глубоко впавшими глазами.

— Как сказал бы Остап, — «густо летят», — рассказывал он, снимая с помощью товарищей скафандр. — Густо, ой как густо! Метеорный пояс в Солнечной, между Марсом и Юпитером, — просто вакуум по сравнению с тем, что здесь происходит... Нам к тому же «повезло»: звездолёт шёл как раз в плоскости эклиптики Г-1920, в которой вращается и планета, и метеорный пояс. Я пролетел миллиона три километров поперёк пояса. Там — край: плотность потока метеоров уменьшается... Звездолёт, правда, не пролетит. А разведывательная ракета сможет пройти.

— Ты что так долго летал? — спросил Корнев.

— Ага... — Тони, освободившись от жёсткого скафандра, делал гимнастические упражнения, чтобы размять тело.

Он согнулся, выпрямился; мышцы напряжённо двигались под кожей. — Я пытался отогнать один метеорик. Крошечный — размером с кулак... Пытался оттолкнуть его антигравитацией ракеты и сбить с орбиты. Думал, может удастся пригнать к «Фотону»... Но ничего не вышло. Уклоняется. Нужны специальные приборы, какие-то улавливатели.

Корнев нахмурился:

— Слушай, пилот! Ты нарушил программу. Ты подумал, что это могло закончиться повреждением ракеты? Нам пришлось бы идти спасать тебя на звездолёте. Идти на экспедиционном звездолёте в самую гущу метеоров! Понимаешь?

— Я бы не дал вам этого сделать... — Тони побледнел. Он только теперь понял, что так могло произойти. — Я бы взорвал себя...

— Слушайте, а здорово было бы добыть метеор и исследовать его на Земле! — быстро заговорил Бруно, складывая в шкафчик скафандр Тони. — Я предчувствую, что сочетание массы антивещества с массой вещества даст новый принцип звездоплавания — без нынешних огромных затрат времени, без разрыва на десятки или сотни лет — ведь и такое будет! — земного времени и времени астронавтов. С помощью массы антивещества можно, кажется, ускорить все физические процессы.

— Нет, — ответил Корнев. — Этого мы делать не будем.

— Почему? — взглянул на него Бруно.

— Хотя бы потому, что мы не сможем транспортировать этот кусочек массы антивещества к Земле. Минимальное ускорение — и он пронзит «Фотон»! Это сделает следующая экспедиция. Она будет надёжно подготовлена на основе знаний, которые мы привезём на Землю.

— А ракета пролететь может, — немного погодя произнёс Тони.

Они втроём заводили магнитными манипуляторами коническое тело разведывательной ракеты в гнездо на носу «Фотона». Корнев молча передвигал рукоятки. Загудели моторчики, передвигая в вакууме гигантские штанги, охватившие серебристый корпус ракеты.

— Есть! — сказал Бруно, когда засветились все пять лампочек: он наблюдал за контрольным щитком. — Стоит на месте.

— А ракета сможет пролететь, — упрямо повторил Летье.

Иван молчал. Бруно тоже. Они вернулись к рубке. Каждый занялся своим делом. Иван поднялся на мостик — настраивать автомат управления двигателями. Бруно засел возле вычислителя, чтобы проверить, не увеличилась ли его погрешность. Тони записывал в вахтенный журнал отчёт о своём полёте. Вдруг он с силой захлопнул журнал:

— Очень просто! Надо облететь пояс по гиперболической траектории. Двое суток полёта туда, двое назад. Впрочем, назад даже меньше: звезда будет отталкивать и планета тоже... Да вы оглохли, что ли?

Товарищи молчали, хотя и хорошо понимали, о чём он говорит.

— Нет, вы только посмотрите на них! — возмутился Тони. Голос его звучал звонко и ехидно. — Они болтали про антивремя, храбро отвергали устоявшиеся представления... А теперь, когда можно всё проверить, когда до цели — рукой подать, они прикидываются глухонемыми!

— Ну, и силён же ты в риторике! — иронично буркнул Бруно, не поворачивая головы от вычислителя.

— Куда мне до тебя! — парировал Тони. — Так что вы всё-таки скажете по сути дела? Есть ли у звезды Г-1920 и её планеты обратный ход времени? По тем данным, которые у нас есть, ещё ничего сказать нельзя. Решающие наблюдения пока не проведены. А их можно выполнить там, на планете!

Он замолчал и начал сердито шагать по рубке.

— Ну хорошо. — Корнев, свесившись с мостика, посмотрел на Летье. — А что ты там увидишь? Ближко подлететь нельзя — это ясно. Атмосфера не пустит. Издали? В ракете телескоп слабенький, ничего не рассмотришь... Надо ракету переоборудовать для этого полёта. А переоборудовать нечем. Вот и получается, что визит на планету следует отложить до следующей экспедиции...

— ...которая произойдёт ещё через сто лет! — возмущённо сказал Тони.

— Это будет походить на твою недавнюю погоню за метеором, — рассудительно продолжал Корнев. — Масса острых ощущений — и всё напрасно.

— Я не такой уж любитель острых ощущений, как тебе кажется! — Тони покраснел от обиды. — Я просто уверен, что пролететь можно. И нужно!

— Постой, не кипятись, — повернул к нему голову Бруно. — Даже если ты увидишь какие-то детали на планете, думаешь, ты поймёшь, в каком направлении там развиваются физические процессы? Ничего подобного!

— Ох, как вы остепенились! — Тони яростно забегал по рубке. — Самое подробное теоретическое обоснование, что лететь на планету незачем. Может, и к звезде не стоило лететь, а? — Вдруг он что-то понял, успокоился, сел в кресло, положил ногу на ногу. Сказал размеренно:

— Слушайте, вы: старый хитрый Бруно и не очень старый, но всё равно хитрый Иван! За многие годы я немного научился читать ваши мысли. Так вот: я не верю в то, что вы сейчас так мудро излагали. Да и сами вы в это не верите... Если бы лететь на планету выпало вам, а не мне, каждый из вас нашёл бы столько же доказательств в пользу полёта, сколько сейчас вы находите против. Вы просто боитесь меня отпустить, да? Да, Бруно? — Он упрямо смотрел на физика.

Аскер не выдержал, отвёл взгляд.

— Вот видите! Быть вблизи планеты — и не взглянуть на неё! Это же целый новый мир, каким бы законам он ни подчинялся. Его нельзя не посмотреть. — Тони поднялся с кресла и закончил: — И лететь всё-таки мне!

Все молчали. Тони тихо повторил: «А всё-таки лететь мне!» И снова наступила тишина. Наконец Корнев сказал:

— Хорошо. Пусть будет так! — Взглянул на Тони. — Сутки отдыхать. А мы тем временем заправим ракету и ещё раз проверим управление...

Иван и Бруно ещё ползали в вакууме по рыбоподобному серебристому телу обвитой тяжами ракеты с финальной проверкой крепления антенн, а Летье уже устраивался в крохотной кабине на носу под колпаком из прозрачной брони. Затем капитан и физик перешли на переходный мостик. Летье вопросительно посмотрел на них.

— Всё в порядке? — услышал Корнев его голос в наушниках.

Капитан кивнул. И снова, как когда-то во время разговора с Бруно, с досадой подумал о себе: как же он плохо раз-

бирается в людях. Не понимал Бруно Аскера. Считал Тони задирой, скептиком, насмешником — и только... Нет, он совсем не знал настоящего Антони Летье — астронавта, исследователя, бойца. Сейчас за рулями ракеты сидел человек, собравший в единый сгусток свободу, энергию, мысль и умение для поединка с Неизвестным. Даже лицо у Тони изменилось: оно словно затвердело, исчез иронический прищур глаз, губы плотно сомкнуты. Только дымчатые глаза светились дерзко и весело, когда он смотрел вперёд — туда, где среди рассыпанных звёзд чернел сгусток Г-1920.

Человеку, который идёт на опасное дело, не говорят лишних слов. Товарищи в приветствии подняли руки. Тони сделал такой же жест.

— От борта! — услышали Корнев и Бруно его голос.

— Есть от борта!

Они втянули в люк перекидной мостик, вошли в «Фотон», задраили люк. Корнев взялся за рукоятки манипуляторов.

Теперь ракета свободно висела в гнезде. Вот Тони точным движением пристегнул к кистям рук пояски командных биоэлектрических датчиков, удобнее устроился в кресле, выжал атомное сцепление. Двигатели ракеты тоненько запели.

— Пилот Летье? — спросил Корнев.

— Готов.

— Разрешаю старт.

Мягкий толчок, иллюминатор затянуло серой светящейся пылью. Ракета вырвалась в пространство...

— ...Алло, «Фотон». Алло. Как слышите меня? — донёсся немного искажённый передатчиком голос Летье.

— Прекрасно, Тони. Как ты?

Пауза, за время которой радиосигнал преодолевал расстояние в миллионы километров, — до ракеты и от неё. Корнев и Бруно стояли у динамика.

— Всё нормально. Скорость — 1200 километров на секунду. Окончил первый разгон. Иду по касательной к краю метеоритного пояса. Слышу вас отлично... Локатор показывает благополучную пустоту.

Заговорил Корнев:

— Антенны ведут автоматическое слежение ракеты. Не выключай передатчик, иначе мы можем потерять радиослед. Определи и докладывай расстояние до планеты.

Снова мёртвая пауза, ещё длиннее.

— Хорошо. Время от времени давайте сигналы слышимости, лучше — телеграфным кодом... Вообще скучно вести диалог на расстоянии в миллионы километров. Словно разговариваешь с собеседником-тугодумом. Придётся переходить на монологи... Определяю параллакс планеты. Расстояние доложу через три минуты...

— ...По прямой — пятьдесят восемь миллионов километров. По моей траектории — около 110. Ещё почти сутки полёта... Интересно пилотировать в поле антитяжести, ребята, — всё время сносит с расчётной траектории... Впереди по-прежнему пусто и просторно. Передачу заканчиваю, ничего нет. Следующая — через три часа...

Корнев и Аскер по очереди дежурили у динамика. Время от времени Тони насвистывал, потом начал декламировать.

— Вот это глыба! — Наступила пауза, в течение которой было слышно напряжённое шипение двигателя. Затем Летье заговорил почти спокойным голосом: — Ракета просто чудо. Что значит — любительская работа. Только что мы с ней избежали встречи с болидом величиной с небоскрёб. И откуда он взялся? До зоны, по-моему, ещё миллиона полтора километров...

После паузы Летье добавил:

— Вортемолик аротлоп аноиллим... — Голос плавно затих.

— Что? Что? — насторожился Бруно. — Повтори.

— ...Плохая слышимость? — раздался снова нормальный голос пилота. — Я сказал, что уклонился от встречи с болидом. Кстати, похоже, что это первая ласточка. Точнее, первый летающий слон. Радиолокатор обещает ещё. Передачу прекращаю. Не будет времени...

Из динамика послышалось густое шипение — Тони снова включил двигатели ракеты. Иногда оно стихало, потом становилось громче; были слышны одиночные щелчки — искровые разряды переключающихся реле. Ракета маневрировала где-то там — в двадцати с лишним миллионах километров от «Фотона», пробираясь сквозь окраину метеоритного пояса. Корнев и Бруно напряжённо ждали у динамика. Прошло более двух часов. Шипение утихло.

— Уф-ф! — послышался громкий вздох Летье. — Эй, там, на «Фотоне»! Как слышите? Пояс прошёл... До планеты — семьдесят миллионов километров по моей траектории. Впереди — пусто...

— Молодец Тони! Слышим хорошо. Отдохни теперь, переведи управление на автопилот, — облегчённо закричал в микрофон Корнев.

... — До планеты — 42 миллиона километров по моей траектории, — сообщил Летье через пятнадцать часов полёта. — Иду по прямой. Немного сносит антитяготение звезды. Вижу почти весь диск планеты, только верхняя часть ещё накрыта ночью.

В телескоп ракеты был виден немного сплюснутый сверху мутно-оранжевый шарик. По нему плавали мелкие бурые пятна. Летье подумал: «Почти как Марс, когда летишь к нему от Земли. От Земли, — повторил он одними губами. — Земля. Далёкая-далёкая планета, а нет во всей Вселенной места более близкого и родного».

Пилот улыбнулся, откинул спинку кресла, уселся удобнее. Тело не устало — невесомость не напрягала мышцы. Устал мозг, устали нервы. «Это после прохождения пояса», — вяло подумал Тони, моргая глазами. Теперь впереди были десятки миллионов километров пустоты; можно отдохнуть, развеяться. «Да, в поясе пришлось поработать. Я немного приврал ребятам — метеоры и здесь шли довольно густо. Ладно, всё обошлось. Когда полечу назад, надо будет выбрать обходную траекторию... Хоть и не хочется. Скорее бы в звездолёт — и домой, на Землю. И им тоже, пожалуй, не терпится. Устали все...»

Тони всматривался в простор. Россыпи звёзд, красный глаз Антареса, чёрная дыра Г-1920, оранжевое щербатое пятнышко планеты, жёлтое лохматое псевдосолнце позади... «Невероятный мир. Ну и занесло же нас».

— Я на расстоянии полумиллиона километров от планеты, — сказал Летье во время очередной передачи. — Снизил скорость до 50 километров в секунду. Остальную погашу у самой цели — и так приборы показывают перерасход топлива из-за гравитационного отталкивания... Курс — точно в центр планеты, иначе относит в сторону. Звезда заметно подогревает корпус ракеты.

— Ты слышишь? Слышишь? — прошептал Бруно и больно сжал капитану плечо. — Что-то накладывается... Это не помеха.

— Слышу... — также шёпотом ответил Корнев. Он слышал и не верил: к голосу Тони примешивалось едва уловимое, но выразительное бормотанье на непонятном языке. Как будто две радиовещательные станции работали на близких волнах. — Включи дублирующий приёмник, поищи волну второго передатчика, — приказал он Бруно. («Неужели там какие-то существа?»)

— ...Планета сейчас освещена на три четверти. Зрительно она величиной с Луну, если смотреть с Земли. В телескоп ничего не разберёшь. Оранжевые облака, какая-то непроглядная красная муть. Досадно.

И снова за словами Летье послышался загадочный голос.

— Тони — внимание! — громко сказал в микрофон Корнев. — На твоей волне примешивается какая-то передача. Её направление — тоже от планеты. Внимательно следи за нашими сообщениями...

«Шестьдесят миллионов километров до него. Мой совет дойдёт через три с лишним минуты. Плохо, — Корнев озабоченно покачал головой. — За это время он пролетит ещё десять тысяч километров...»

— Не планета, а просто апельсин, — продолжал передавать Летье. — Сплошная оранжевая облачность. Хоть бы какой-нибудь просвет... Сейчас приставлю инфракрасную насадку к телескопу. Может быть, удастся найти зону прозрачности...

Некоторое время в динамике был слышен стук и позвякивание. Тони возился с насадкой. В эти секунды астронавты снова услышали отчётливые фразы чужеродного шёпота: «...итсончарзорп уноз итйан ятсаду тежом упокселет к укладсан юунсаркарфни юлва...» Затем снова громко заговорил пилот:

— Да! Вероятность увидеть здесь стариков, превращающихся в юношей и младенцев, равна нулю, ребята. Планета ещё не остыла. В инфракрасных лучах удаётся разглядеть моря из лавы... Бурлит планета. Однако о ходе времени пока ничего сказать нельзя. Есть движение в лавовых морях:

воронки, какие-то валы перемещаются... Да разве поймёшь, в каком времени это происходит? В нашем, в противоположном или под углом? Может, если поближе, то рассмотрю всё подробнее и тогда... Ага! Вижу острова. Они раскалены, температура поверхности — градусов семьсот. Похоже, они плавают в море лавы... Что? — наконец услышал Тони голос Корнева. — Ерунда какая-то! Я же слышу только вас — и без накладки, совсем чисто...

— ...месвос икдалкан зеб и сав окьлот ушылс... — слышалась бормотание. Оно стало громче.

Некоторое время ракета молчала. Затем снова заговорил Тони:

— Расстояние до планеты — 390 тысяч километров. Немного сносит в сторону. Пожалуй, пройду мимо неё по касательной к атмосфере...

— ...ерэфсомта к йоньлетасак оп ёен омим удйорп... — раздалось снова, теперь уже громко. Корневу вдруг этот голос показался очень знакомым.

Бруно со сдвинутыми на лоб очками, присев на корточки у динамика, напряжённо шевелил губами, водил пальцем по полу, от невероятно интенсивной работы мозга его лицо покраснело, лоб обильно покрылся потом. Вдруг он вскочил и неистово закричал:

— Тони, тормози!!! Это — «зеркальное эхо»! Не приближайся к планете, тормози и отходи в сторону! Впереди — слой «зеркального эха». Это... я не знаю что, но страшная опасность. Уходи от планеты, слышишь?

— Летье! — присоединил свой голос и Корнев. — Приказываю немедленно тормозить с максимальной перегрузкой. Уходи в сторону.

— Эх! — Физик в отчаянии схватился за голову, забегал по отсеку. — Поздно! Не успеет, не услышит... Три минуты, пока дойдёт сигнал, пока ещё начнёт тормозить. Скорость, инерция, пространство — всё против нас.

У Корнева сверкнула мысль: в бормотании на странном языке он узнал голос Летье! «Зеркальное эхо? Что это такое?» — Но расспрашивать Бруно было некогда.

— ...На лавовых морях планеты вижу какие-то вспучивания, — говорил тем временем Тони. Бормотание теперь возникало почти одновременно с его фразами. — Как будто

поднимаются и опускаются огромные волдыри... Нужны подробности, детали, а я их ещё не вижу. Ничего, потерпите немного: вот приближусь ещё тысяч на сто километров, будут и подробности...

— ...итсонбордоп и тудуб... — повторил его голос.

— Мальчишка... Дерзкий мальчишка с горячим сердцем. Неужели не услышит? Не успеет?.. — говорил Бруно. Он сидел на полу, тёр ладонью грудь у сердца. Лицо его побледнело. Интуицией опытного учёного он понял, что «зеркальное эхо», переворачивающее фразы Тони, — отголосок какого-то мощного и неясного явления, происходящего в пространстве вблизи планеты. Туда, как бабочка на огонь, мчалась ракета. Интуиция подсказала, что явление таит в себе смертельную опасность. Как и многие другие процессы в космосе, оно с безразличной неумолимостью может поглотить, разрушить частичку приближающейся материи — разведывательную ракету и живое существо в ней — человека, с дерзким, любознательным умом и пламенным сердцем искателя. — Неужели не успеет?..

Корнев посмотрел на него, хотел сказать что-то успокоительное. Но сказать было нечего. Он стиснул зубы и промолчал.

— Ты прав, старый Бруно! Радуйся и кричи «ура». Никакого антивремени нет. Всё... — Голос Тони стал вдруг быстро стихать, словно он удалялся от микрофона. Зато «зеркальное эхо» теперь гремело во всю силу.

И вдруг всё стихло.

Капитан ещё долго взывал к тихому чёрному пространству: «Алло, Тони. Вызывает звездолёт...» — но напрасно. Бруно сидел на полу и плакал. Смотреть, как взрослый, сильный мужчина плачет, Корневу было тяжело и страшно.

Овладев собой, Бруно поднялся и стал прослушивать магнитную запись передачи с ракеты. Все места, где вмешивалось бормотанье «зеркального эха», он отметил на бобине белым карандашом. Последний кусок ленты, где «эхо» заглушило Летье, он отрезал, разделил по паузам на мелкие кусочки и сложил их в обратном порядке.

— Слушай, Иван.

Шипение, потом из динамика зазвучал возбуждённый, немного сбивчивый рассказ Тони:

— Здесь вулканы... Всё на месте — причины и следствия... Сначала вулкан выталкивает лаву и камни, они поднимаются вверх... потом теряют скорость и падают на вишнёвые склоны вулкана. Одним словом, всё как на Земле, как и должно быть. А жаль... — Голос Летье прервался.

Несколько секунд астронавты смотрели на плавно вращающиеся бобины. Бруно выключил магнитофон.

— И всё-таки я не так уж прав, — сказал он задумчиво. — Всё гораздо сложнее... Какой большой и сложный мир! Как скудны ещё наши знания о нём!

— Это «зеркальное эхо», — спросил Корнев. — Что ты думаешь о нём?

— Впервые оно появилось, когда ракета Тони пронеслась мимо огромного болида. Очень близко, очевидно, — заговорил Бруно. — Я тогда принимал сам, думал померещилось... Потом никакого «эха» не было. А потом оно снова появилась — при сближении ракеты с планетой. Повидимому, большие скопления антивещества окружены зоной пространства с особыми свойствами. Какими? Кто знает... Это исследуют те, кто прилетит сюда после нас. Одно из свойств такой зоны — зеркальное радиоэхо. Зеркальное — вот что важно. Радиоволны не просто отражаются, но и последовательность сигналов меняется на обратную...

— Это можно истолковать как антивремя? — спросил Корнев.

— Не в большей степени, чем то, что антивремя есть в магнитной плёнке, которую я переклеил в обратном порядке, — пожал плечами физик. — Нет, Иван, «антивремя» — слишком примитивная гипотеза для этого мира.

— А как ты понял, что зона этого проклятого пространства находится так близко от ракеты? До планеты ведь было ещё далеко.

— Никогда не прощу себе, что понял это поздно, — голос Бруно задрожал. — Ведь так редко случается, что надо осмыслить всё сразу, без осторожных учёных раздумий, — и не смог... Может, ему удалось бы уйти от зоны. Но вся беда в том, что я с опозданием понял, что бормотание — это перевёрнутые фразы рассказа Тони... Было два признака быстрого сближения. Во-первых, всё меньше становилась пауза между словами Тони и эхом его слов. Во-вторых,

громкость эха нарастала слишком быстро... Ракета приближалась к этой страшной и невидимой оболочке вокруг планеты. Потом она вошла в запретную зону и... Я даже не могу представить, что и как там произошло.

Бруно умолк. Иван почувствовал, как к горлу подкатывает тяжёлый комок...

Они прождали ещё тридцать дней, усиленно раздувая последние искорки надежды: может, только радиопередатчик испортился? Может быть, только радио и часть двигателей? Может, ракету или хотя бы её останки вытолкнет сюда антигяготение звезды или её планеты? Может... В их поступке не было другого обоснования, кроме извечного человеческого: а что, если?.. И Бруно, и Корнев были не новичками в космосе. Они понимали, что никаких «а что, если» не будет, что могучие и тупые силы Вселенной на мелочи не размениваются и когда уже разрушают, то сразу всё.

Антигяготение сносило звездолёт, но Корнев короткими толчками двигателей упорно возвращал его в предыдущую точку, в ту точку, с которой стартовала ракета Тони Летье.

На тридцать первый день капитан, не говоря ни слова, тяжело сошёл по лестнице к пульту, включил маховики поворота. «Фотон-4» вздрогнул, начал медленно разворачиваться в пустоте. Бруно тоже сошёл на мостик, встал рядом.

В овальном окне курсового телескопа медленно проплывали созвездия. Вот промелькнул ярко-жёлтый Альдебаран, за ним снизу плотной группкой взошли семь одинаково неярких звёздочек. Шесть из них образовывали знакомый ковшик Плеяд. Седьмая — бело-жёлтая, поярче других, — разместилась в центре ковша.

— Солнце... — тихо и нежно произнёс Бруно. — Солнце...

Когда жёлтая звезда — Солнце подошла к перекрестию телескопа, Корнев переключил маховики, звездолёт замер. Оба молча сели в стартовые кресла. Капитан по привычке хотел было подать в микрофон команду предстартового внимания, но вовремя спохватился и, с досадой поморщившись, нажал на кнопки двигателей. Вес, от которого они уже отвыкли, налил тела упругостью. Тонкое, чуть слышное гудение заполнило звездолёт.

— Исследование окончено. Через шесть релятивистских лет будем дома, — сказал Корнев.

В. Савченко, инженер, писатель

— Теперь, наверное, раньше. Года через четыре...

— Да, правда, — согласился Иван. — Долетим за четыре... Впрочем, для нас всё равно: что шесть, что четыре — в контейнерах сидеть. Дела не меняет. На Земле пройдёт почти сто лет, а?

Они помолчали.

— Ну, с этим я ещё поборюсь, — твёрдо произнёс Бруно. — Не дело это — лететь навека от людей, с Земли. Теперь я знаю направление поиска: надо преодолеть инерцию, скомпенсировать массы тел... И знаешь, Иван: нам ещё придётся вернуться сюда. Обязательно. Тони хотел, но вот... А он был прав: новую экспедицию сюда должны вести те, кто здесь побывал.

Корнев молча кивнул.

...Впереди, немного справа по курсу, светилась в пустоте предательским оранжевым сиянием несуществующая звезда Г-1920. Её настоящий чёрный шар уже невозможно было увидеть: его закрыл белый столб огня, вырывающийся из звездолёта.

Привид часу

Уривок з науково-фантастичної повісті

За десять з лишком парсеків від Сонця мчить у холодному просторі маленька жовто-оранжева зірочка, яка належить до сузір'я Тельця. Вона настільки непримітна, що навіть не має назви, — тільки номер у каталозі Гумбріджа: Г-1920. Неозброєним оком її можна побачити лише з Місяця, на якому не перешкоджає атмосфера. Зірочка мчить до далекої групи Плеяд з незвичайно великою для системи Млечної Путі швидкістю — 360 км/сек. Астрономи Михайлов і Архангельський опрацювали результати спостережень за рухом Г-1920 і прийшли до висновку: тіло, що рухається по траєкторії зірки Г-1920 з такою швидкістю, не може належати до галактичної системи Млечної Путі. Отже, Г-1920 прилетіла з чужої галактики. Михайлов і Архангельський навіть указали, з якої саме, — із спіральної галактики М-33 в Трикутнику.

Позагалактична гостя в нашій системі! Сотні мільярдів років розвивалися дві галактичні системи: Млечної Путі і М-33. Розділені неймовірно великою відстанню, вони були, по суті, ізольовані одна від одної, оскільки навряд чи хтось вважав би взаємовпливом ті слабкі промені світла, якими обмінювалися ці величезні згустки матерії, — промені, які вловлював лише телескоп.

Чи все відбувалося тут і там за однаковими законами? Двісті вісімдесят тисяч парсеків до М-33 — майже мільярд світлових років. А тут, майже поруч, за якісь десять парсеків — зірка звідти... Подорож до неї була рівнозначна неможливому навіть у фантастично далекому майбутньому польоту до М-33. Цілком очевидно, що для науки це становило незрівнянно більший інтерес, ніж польоти до «звичайних» зірок.

Але... «якісь десять парсеків» навіть промінь світла проходить за тридцять три земні роки! Людям на цю подорож довелося б витратити понад сімдесят років. Було ясно: не в силах людина витримати такий політ. «Років через 40—50, — запевняли спеціалісти, — коли вдасться підвищити швидкість зоряних машин до 0,95 від світлової, люди зможуть задовольнити свою цікавість відносно Г-1920».

...Тоді вони — Корнев і ще вісім товаришів — сказали всій Сонячній: «Ми летимо до зірки Г-1920. І не через

півстоліття, а зараз — на зорельоті «Фотон-4» із звичайними двигунами, що допускають швидкість лише 0,8 від світлової». Їх дехто називав героями, безумцями, неуками... Коли ж поставили проект Корнева на голосування, людство Сонячної проголосувало: «За політ!»

Підготовка експедиції зайняла багато часу. Вони вилетіли 15 років тому, за земним рахунком часу. Старт було дано на вивідній станції на Плутоні. Від Сонця віддалялась трьохсотметрова герметична цистерна з потужними анігіляційними двигунами, що викидала голубі стовпи полум'я. На три чверті ця цистерна була заповнена анігілюючим паливом, одну восьму займав склад з різноманітними матеріалами, продуктами, інструментами, приладами. А в носовому відсіці розмістились дев'ять астронавтів — сім чоловіків і дві жінки.

Шарі Синг, увійшовши до кімнати, зиркнув на капітана чорними очима, пригладив п'ятернею буйну чуприну і відповів на запитання Корнева раніше, ніж той встиг його задати:

— Все те ж саме! Яскравість зірки не збільшується. В жодній частині спектру. Отже, ефект Доплера тут ні при чому.

Синг запнувся, з-під лоба повів білками:

— Якби це не було очевидно дурницею, я б сказав, що яскравість зменшується.

Їх було двоє на кораблі. Інші сім чоловік екіпажу знаходились у контейнерах установки «Засинання-Пробудження» і «спали» при дуже низькій температурі. Після перших років польоту астронавти перейшли на режим піврічних чергувань по двоє. І життя, і працю треба було економити.

— А швидкість? — запитав Корнев, витираючи руки.

— Нормальна, — 0,82 від світлової. Чому б вона мала змінюватись? Двигуни ж погашені! — Синг почав ходити по кімнаті. — Слухай, Іване, ти що-небудь розумієш? Ми летимо до зірки, а вона меркне! Ми пройшли вже половину шляху. Г-1920 повинна виблискувати у чотири рази яскравіше, а вона...

— Фотоелементи в порядку?

— Облиш, друже! — Синг зупинився і махнув рукою. — Там немає чому бути не в порядку! Це просто кристали — і нічого більше.

— А ти все ж таки перевір.

— Добре. — Шарі повернувся до дверей.

— Зачекай! — покликав його Корнєв. — Я з тобою.

Стометровий коридор вів до рубки керування і носової обсерваторії. Тут було досить холодно — як завжди, коли не працювали двигуни. По стінах — наглухо задрасні овальні люки холодильників, де зберігалися запаси їжи; далі — оранжерея, за нею — вкриті інесм двері відсіку «Засинання-Пробудження», від яких віяло колочим холодом. Проходячи повз ці двері, Корнєв подумав, що через 36 годин вони з Сингом повернуть до життя наступну пару, а самі на півроку увійдуть до контейнерів. Та й пора — вже відчувалася втома від одноманітності...

Синг відкинув масивні двері, які замикали коридор, і зробив крок, здавалося, прямо у вируючий зоряний простір. Корнєв, що йшов позаду, хоча й знав броньову міцність прозорої півсфери обсерваторії, з інстинктивним острахом ставив ноги на східці, що вели у безодню. Тут також було холодно: порожнеча витягувала тепло крізь півсферу.

— Увімкнути освітлення? — запитав Шарі.

— Ні, нехай звикають очі.

Вони навпомацки знайшли сидіння, закріпилися на них ремнями. Синг включив протиобертання кулі обсерваторії. Зірки сповільнили свій запаморочливий біг, але натомість з'явилося нудотне відчуття стрімкого падіння — давався ознаки перехід до невагомості. Корнєв поморщився, відчуваючи, що тіло його вкривається потом, а в роті набігає слина, і через силу посміхнувся. На чому тільки він не літав, але так і не переміг у собі приступів «космічної хвороби».

За прозорою півсферою найяскравіше палав Альдебаран. Через величезну швидкість «Фотона-4» він здавався не жовто-червоним, як з Землі, а біло-голубим.

— Бачиш, яким він став яскравим, — вказав Шарі. — Зразу відчувається, що до Альдебарана зараз не 12 парсеків, а лише 7. А наша Г-1920...

За кілька хвилин очі призвичаїлися до темряви і при світлі зірок можна було розрізнити не лише контури багатоб'єктивного телескопа, схожого на дерево з обрубаними гілками, але й шкали приладів, рисочки ділень на мікрометричних ноніусах. Закінчився і перехід до невагомості. Тепер вони обоє ніби спочивали у невідчутно легкій воді. Шарі по-

шукав у столі, вибрав найбільш чутливий фотоелемент і почав перевіряти його за стандартною світловою точкою.

Корнев нахилився до окуляра. Розсип зірок у колі телескопа став густим, однак він легко відшукав біля самого перехрестя окуляра неяскураву зірочку. Величезна швидкість зорельоту перетворила її з жовтогарячої на біло-блакитну. «В чому ж справа? Шкода, що ми не вели безперервні спостереження за нею з початку польоту — природна психологія мандрівника: навіщо здалеку спостерігати те, на що можна буде досхоchu надивитися зблизька? До того ж астрономи знали цю зірку понад сто років, і ніхто не помічав у неї коливань яскравості, як у перемінних зірок».

Шарі тим часом припасував новий фотоелемент до спектроскопічної приставки телескопа, настроїв її.

— Подивися, Іване.

Корнев побачив на екрані райдужні смужки спектра. Безперечно, яскравість зірки зменшилася у порівнянні із земними даними. Рази в чотири, принаймні... Це було так несподівано і незвичайно, що спочатку капітан навіть не відчув замішання. «Ми ж летимо до зірки, а не віддаляємося від неї! Такого не буває: зірка, що однаково світила тисячі, мільйони років, раптом почала гаснути на очах». Корнев піймав себе на тому, що силкується не визнавати фактів.

Те, що зробив далі капітан, Шарі Синг сприйняв як образ. Корнев з усіма подробицями заново проградував фотоелемент, оглянув всі призми і лінзи в спектографі, зчистив з них якісь непомітні порошинки, і сам виміряв яскравість зірки. Результат виявився той самий.

Корнев помітив холодне мовчання товариша:

— Не сердься, будь ласка. Справа серйозна, — сказав він обдумуючи рішення. — Пройди по відсіках, закріпи всі предмети. Я налагоджу бокові двигуни.

— Що ти хочеш робити?

— Ми створимо поперечну швидкість «Фотону» і заново виміряємо паралакс Г-1920.

— Ти гадаєш... земні астрономи помилилися? Відстань до зірки інша? Це нісенітниця, мій дорогий!

— Я ще нічого не припускаю. Але треба перевірити. — Він розстібнув ремені. — За діло!

Бокові двигуни працювали дві доби, наповнюючи зореліт глухим дрижанням і подвійною — проти звичайної — вагою прискорення. Тепер корабель не просто летів за променем зірки Г-1920, але й відхилявся у бік на 5000 кілометрів кожної секунди. Через 49 годин, коли відхилення стало помітним, Корнєв і Синг виміряли кутове переміщення зірки в небі. З мовчазної угоди кожний з них проробив це окремо, з максимальною точністю розрахував відстань від зорельоте до Г-1920. Іншим разом кожний з них добре б посміявся, якби хтось напророкував, що їх до серцебиття налякає елементарна задачка для школярів: за двома кутами і однією стороною знайти трикутник... Вони протягли один одному папірці з розрахунками.

Відстань від Сонця до зірки Г-1920 була 10,1 парсека. Зараз, після 15 років польоту до неї з субсвітловою швидкістю «Фотона-4» вона становила 13,883 парсека! Розрахунки збігалися до третього знака після коми... Отже, всі спостереження сходилися на одному незаперечному факті: вони летіли до зірки, бачили її попереду — і в той же час віддалялись від неї. І саме на таку відстань, на яку повинні були наблизитися, — на 12 світлових років!

Вони мовчали, приголомшені одержаним висновком. Потім Корнєв вимовив через силу:

— Це означає... це означає, що там немає зірки Г-1920.

— А що ж там? — підвів голову Синг.

— Нічогосінько. Видимість. Уявне зображення, як кажуть оптики.

— А де ж зірка?

— Там... — капітан показав за спину. — Позаду. Це ж антивипромінююча зірка. Проміння її спрямоване не від неї, а на неї... Півтора десятиріччя летіти не туди! М-м! — капітан застогнав, здавивши скроні руками.

Шарі дивився на Корнєва розгублено, його очі стали круглими:

— Не до неї, а від... Ти з глузду з'їхав... Хоча, зачекай. Ми і на Землі, і тут дивимось назустріч світловим хвилям... Ні. Може, ще щось? — він замовк, напружено роздумуючи.

Корнєв раптом покрутив головою і посміхнувся.

— Ти чого? — спитав Шарі.

— Га? — капітан з відсутнім виразом обличчя глянув десь поза товариша. — Я намагався пригадати: коли ще люди потрапляли у таке ідіотське становище? Схоже, що ніколи.

— Даремне заняття, друже, — невдоволено промовив Синг. — Що будемо робити? Гальмувати? Летіти назад?

— Не поспішай. Там, де втрачені роки, дні нічого не вирішують, — капітан підвівся з крісла. — Обговоримо це всі разом — тоді вирішимо.

Установка «Засинання-Пробудження» (скорочено УЗП) була дітищем біофізика Шарі Синга — за ідеєю і всіх інших — за виконанням. Разом з Шарі вони вивезли з Землі лише елементарні знання у цій справі: дані про моментальне заморожування і відтаювання під впливом спрямованого УКВ-випромінювання. Вивезли для дослідів морських свинок, кроликів та інших дрібних тварин, схеми перших генераторів. Під час польоту самі створили установку, яка могла безболісно виключати з життя і повертати до життя людину.

І Корнев, і Синг не один раз вже здійснювали пробудження і не один раз піддавалися цьому процесові самі. Однак ні звичка, ні буденність обстановки не ослаблювали враження від того чуда, що відбувалося. Обидва добре знали, що назви «чудо» більше заслуговувала протилежна операція — засинання. Під дією променів молекулярних генераторів, що гальмують теплові коливання молекул і атомів, людське тіло охолоджується так раптово і рівномірно, що вода в тканинах не встигає кристалізуватися, — життя зберігається в кожній клітині, кожному нерві і м'язі. Людина перетворюється на кусок мертвої скловидної маси. Тепер сизий лід повинен був стати живою людиною. Треба було лише провести раптове відтаювання.

Вкочуючи на площадку перед молекулярним генератором черговий контейнер, Корнев був зосереджений і похмурий. Зосереджений тому, що обмірковував, як і що скаже товаришам, похмурий тому, що розумів: рішення буде важким для всіх. Як поставляться до того, що трапилося, товариші?

Відсік керування — найпросторіше приміщення на «Фотоні-4». Тут зібралась уся команда. Конструктор Стефан Март уважно поглянув на капітана і сказав:

— Іване, у тебе такий вигляд, як у гоголівського городничого перед тим, як він вимовляє: «Я запросив вас, панове, для

того, щоб повідомити про найприкрішу новину: до нас їде ревізор!»

Але екіпаж не підтримав жарту. Всі у напруженому чеканні дивилися на капітана. Було щось тривожне у цих несподіваних зборах.

— Так воно і є, — відказав капітан Стефану. — Я дійсно зібрав вас для того, щоб повідомити про найнеприємнішу новину: ми летимо... не в той бік.

— Непогано сказано, — безтурботно промовив фізик Бруно.

— Ні, я цілком серйозно. — І Корнев лаконічно і точно розповів про спостереження і виміри, пророблені ним разом з Сингом.

Всі захвилювалися. «Оце так-так!», — вигукнув другий пілот Ніколаєв. Інші промовчали: навряд чи хтось міг зараз сказати щось переконливе.

— ...Мабуть, варто почати гальмування, — продовжував капітан. — Я не можу і не хочу вирішувати цього сам: зупинити машину на половині дороги. Якщо товариші мають сумніви щодо правильності наших спостережень і висновків, якщо є ідеї нових перевірочних дослідів, якщо, зрештою, команда вважає за необхідне повторити всі виміри, — нехай висловлюються. Справа надто серйозна — тут не до самолюбства і образ... Якщо заперечень немає — пропоную не гаючи часу гальмувати в заощаджувальному режимі. Потім обговоримо, що робити далі.

Піднявся Бруно; від його недавньої благодушності не залишилось і сліду.

— Я хочу познайомитися з записами в журналах спостережень. І в останньому, і в старих.

Корнев подав йому пачку тонких синіх книжок. Бруно заглибився в них, почав щось виписувати на окремий аркуш паперу.

— Послухай, Бруно! — прозвучав м'який голос астромеханіка Остапа Іскри. — Може, ти й знайдеш одну чи дві дрібні помилки. Так не в цьому ж справа! Йдеться не про те, наскільки процентів Іван і Шарі помилилися при вимірюванні яскравості і паралакса Г-1920. Чи дійсно ми летимо не в той бік, чи тут щось інше? — Остап помовчав і повторив по-українськи: — Чи тут щось інше?

— А я цим і займаюсь, — не підводячи голови від журналів, пробурмотів Бруно.

— Може, якісь спотворення простору? — розмірковував уголос Ніколаєв. — Дзеркальне відтворення у просторі... Ні, нісенітниця... Що ж це?

Підвівся Стефан Март:

— Треба гальмувати. Антивипромінююча зірка чи щось інше, але ми летимо не туди. Це безсумнівно. Треба завертати — от і все.

— Кожна секунда роздумів відносить нас на 360 тисяч кілометрів у протилежний бік... — Марина, астроботанік і лікар експедиції, схопилась за голову: — П'ятнадцять років летіти не туди!

— Стефане, але ж ми бачимо зірку Г-1920 там, в групі Плеяд, — дзвінко сказала 19-річна Галка, радист. — Бачимо, розумієш! Як же повертати назад?

— Треба заплющити очі, — тихо порадив Тоні Летье, перший пілот. Льовка пирснув.

— Годі, хлопці! Не до жартів, — невдоволено обірвав їх Остап.

— Ага! — вигукнув у цю мить Бруно і встав. Всі повернулися до нього.

— Я хотів знайти в журналах ідею для перевірного експерименту. І побачив, що єдиний дослід, який ще можна було б поставити для перевірки того, куди ми летимо, вже поставлений. Так... Ось його записи, — він підняв одну з книжок. — Пам'ятаєте, ще наприкінці другого року польоту ми виявили, що курсовий гіроскопічний автомат систематично відводить «Фотон-4» праворуч від зірки. Його «помилка» за два роки становила майже півтори кутові секунди. Тоді дві зміни — Летье і Галя, потім Стефан і я відрегулювали гіроавтомат. І «виправили помилку». Так... Але автомат не брехав! Він чесно і строго тримав зореліт у тому напрямку в просторі, який надали йому під час розгону, з розрахунком, що зірка зміщується у просторі із швидкістю близько однієї тисячної від швидкості світла. Так ось: автомат був правий, — обманювала зірка. Ми віддалялись від неї, і її кутове зміщення зменшувалося. Автомат же був настроєний на збільшення кута відхилення.

— А мені ще тоді дісталось від Івана за те, що я неухажно монтувала схему гіроавтомата, — додала Галка.

Корнев почервонів.

— Ото потрапили в історію, Левко, га?

— Не кажи...

— Треба гальмувати — це абсолютно очевидно, — закінчив Бруно і сів.

— Отже? — Корнев окинув всіх поглядом. Кожний схвально кивнув головою — «Так».

Те, що зовсім недавно було стінкою відсіку, стало підлогою. Астронавти повернули і закріпили свої крісла в новому положенні. Настроювати двигуни було обов'язком чергових: Іван і Шарі поралися на балкончику біля пультів, вивіряючи прилади. Потім вони зійшли вниз і сіли у свої крісла.

Шуму двигунів не було чути, але кожний відчував політ. Тяга двигунів не створювала безтурботно спокійного прискорення, подібно до гравітаційних полів планет. Пульсуючі мікровибухи аніглюючих порцій антигелію і водяної пари пружно віддавалися корпусом «Фотона-4», і тіло астронавтів сприймало їх у вигляді низького музикального стугону.

— Цікаво, наскільки раніше від Ньютона люди замислилися б над тяжінням, якби воно було ось таким — неспокійним? — сказав Бруно.

На його висловлення не звернули уваги — всі думали про інше.

— На Землі нас всіх засміють, — промовив Остап. — За животи схопляться. «Ті, що не туди летіли» — до смерті за нами закріпиться, га?

— Але ж чому? — підняла пухнасті брови Галка. — Ми ж зробили величезне відкриття — знайшли в просторі антиви-промінюючу зірку.

— Зробили?! — Шарі Синг раптом схопився з місця. Очі його дивно виблискували при світлі газових трубок. — Ти дійсно вважаєш, що ми зробили це відкриття? Цікаво — коли? Тоді як зберігались у холодильних контейнерах? Або коли вперто відверталися від фактів спостережень? Або ж коли «виправляли» гіроавтомат? Га? Мені, дорога дівчинко, — прискорення підхопило Шарі і він важко плюхнувся у крісло, — випало щастя двічі робити великі відкриття. То була праця, пошуки, творчість... А зараз я не відчуваю ра-

дості, не відчуваю захвату. Я відчуваю сором. «Знайшли зірку!» Ніколи не думав, що найвірніший спосіб шукати — це тікати з субсвітловою швидкістю від об'єкту шукання.

— Послухайте, а чому, власне, так по-ідіотськи вийшло? — запитав Льовка. — Вдосталь же було і нашого вміння, і чутливості приладів, щоб вловити і розпізнати всі ці ефекти у перші ж роки подорожі, а не через 15 років!

— Це надто суперечило б нашим знанням, уявленням про світ, — пояснив Бруно. — Ми не повірили, що все це — об'єктивне. І звернули на несправність приладів... Ех, скільки явищ залишилося й залишається невідкритими лише тому, що люди звалюють на неточності приладів все, що відхиляється від того, що їм хотілося б бачити!

— Тебе сьогодні щось несе на глибокодумність, — сказала Марина.

— Хлопці, нам не можна повертатись на Землю, — знову захвилювався Льовка. — Ми занепастимо добре починання — наддалекі зорельоти типу «Майстерня». Ви пригадуєте, з яким боєм нам вдалося добитися польоту? А тепер — невдача... Хіба і зараз мало на Землі таких, що вважають, ніби усе на світі трапляється лише для того, щоб підтвердити їхню правоту і неправоту всіх інших? Ненавиджу таких людей і боюся... Гадаєте, вони не закричать відразу: «Ага! Ми казали!» Наше повернення будуть тлумачити як провал. Тоді справа дальніх перельотів надовго припиниться...

— Льовка має рацію, — підтримав Летєє.

— Нам можуть і не повірити на Землі, — додав Остап. — Що ми представимо, крім здогадок і факту повернення? Чим доведемо, що дійсно зіткнулися з антивипромінюючою зіркою?

— А чому мовчить капітан? — втруtilась у розмову Галина.

Всі повернулися до капітана. Корнев сидів на дивані в кутку, спершись ліктями на коліна. Обличчя його було в тіні, лише алюмінієвим блиском світилися сиві пасма волосся. Корнев випростався, відкинувшись на спинку крісла. В його обличчі все було значущим: м'ясисті губи, масивне підборіддя, широкі брови, високий похилий лоб, трохи випуклі зеленувато-сірі очі.

— Власне, хто вам сказав, що ми повертаємось на Сонячну? — запитав Корнев.

— А куди?! — вигукнув Тоні. — Може, повернемо до Альдебарану? Подвійна зірка, дуже цікаві силові поля. І лише на два парсеки далі...

— Ні, — твердо сказав Корнев. — Ми полетимо до тієї ж самої зірки, — до Г-1920. Тепер по-справжньому.

— До Г-1920? — Летє зітхнув. — 14 парсеків до неї і ще 10 від неї до Землі — близько 80 світлових років! А паливо? А час? Може, ти зараз витягнеш з кишені безсмертя і відрижеш всім по шматочку? Мені — подвійну порцію!

— Облиш жарти, Тоні! — розсердився Корнев. — Я говорю серйозно.

Бруно примружив очі і промовив м'яко, але рішуче:

— Пробач, Іване, але це не варто обговорювати серйозно. Три гальмування і два розгони... — він трохи подумав. — Це означає, що з нашим запасом палива ми зможемо розвивати лише близько 100 000 кілометрів на секунду — в два з половиною рази меншу швидкість, ніж зараз. Політ триватиме 240 років. Уже в перші 60 років він стане безглуздим — за цей час можна долетіти до Землі і звідти на новому зорельоті — до Г-1920...

— Мене завжди захоплювала твоя здатність добувати корінь п'ятого ступеня з числа, — спокійно відказав Корнев. — Так швидко виконати перерахунок режимів польоту — це не кожний може! Тому я вважаю, що серед тих, хто полетить до Г-1920, повинен бути Бруно.

— Серед тих, хто полетить? — здивовано спитав Лев. — Чи не хочеш ти сказати, що...

— Так. Саме це я хочу сказати, — кивнув Корнев. — До зірки Г-1920 полетить лише частина команди...

Шарі Синг мовчки сів у крісло. Льовка і Тоні здивовано Perezirнулися. Стефан Март спитав: «Що, що?» Бруно якимось дивно посміхнувся. Галка ахнула. Марина сплеснула руками: «Що ти кажеш, Іване!»

Корнев встав, оглянув товаришів. Рішення визріло у нього давно, ще коли вони з Шарі здійснювали пробудження. Але зараз було страшно. Він почав майже благально:

— Послухайте! Нас послали до зірки Г-1920 — і треба долетіти до неї. До всього, що тут сказали, я хочу лише додати

таке. Перше: нова експедиція до Г-1920 — справа клопітлива і малоймовірна. Друге: ми самі дуже винні у тому, що сталося. Ми летіли до зірки чужої галактики і слід було чекати від неї усього, аж до перевернення основних фізичних понять! Так що нам, а не комусь іншому виправляти помилку. І третє: той антигелій, який даремно спалено, синтезується людьми на Землі ціною величезної, я б сказав, героїчної праці.

Корнев замовк.

— Гаразд, так що ж ти пропонуєш? — запитав Остап.

— Я пропоную: зменшити остаточну масу «Фотона» настільки, щоб можна було весь дальший політ до Г-1920 і від неї до Сонця вести на швидкості 0,9 від світлової. Для цього потрібно викинути у космос все зайве устаткування, прилади, інструменти, харчі, побутові речі. Частину астронавтів також необхідно залишити в контейнерах у космосі... Треба підрахувати, скільки саме чоловік. Я буду тягнути жеребок разом з усіма.

— Бокові двигуни... Доведеться маневрувати лише кормовими і маховиками. — Бруно, що напружено зігнувся в кріслі, раптом випростався. — Дві третини запасу води та їжі. Бібліотеку. Оранжерею. Половину радіодатчиків — всі не можна, будуть потрібні... Всі верстати, дві третини інструменту... і шість чоловік у контейнерах. Лише тоді можна розвинути швидкість 0,88 від світлової.

— Можна ще викинути частину перебірок. Запасний комплект лічильних автоматів, — додав Стефан.

— А якщо розвідувальну ракету? — запитав Лев.

— Ні, вона завжди потрібна, — відповів капітан.

— Почнемо з устаткування і речей. Щоб даремно не витратити на них палива, — в роздумі сказав Корнев. — А з людьми... з ними треба ось як: катапультиувати контейнери, коли «Фотон» матиме розгін в бік Г-1920 і, отже, в бік Сонця близько 20 000 кілометрів на секунду. За ними з Землі прилетять. З «Фотона» дадуть відповідну радіограму...

— Так що зустрінемося на рідній планеті. — Шарі посміхнувся, відкривши міцні білі зуби. Але очі його були невеселі.

— Ну, то, може, розпочнемо жеребкування? — запитав Стефан.

Тоні Летєє закинув ногу за ногу і примружив очі.

— Ви маєте намір розіграти в «орла-решку» долю експедиції? Так, так! Адже йдеться не лише про кожного з нас, а про успіх чи провал всієї справи. — І вже спокійніше додав: — Ну, скажіть щиро: хіба байдуже, хто полетить до цієї «зірки із зворотним знаком», — Марина, Галка і Льовка, чи Корнєв, Бруно Аскер і...

— ...і ти? — вставив Льовка.

— Не знаю, може і я. Хіба це рівноцінні сили для такої експедиції?

— Що ж ти пропонуєш? — запитав капітан.

— Перейти на більш високий ступінь демократії, ніж той, що винайшов ти, — відповів Тоні. — А саме: висунути кандидатів, обговорити й голосувати.

— Ти висловлюєш свої докази так, що від них хочеться відмовитися, — спересердя сказав Корнєв. — Що ж до суті питання, то в цьому є рація. Приймаємо пропозицію Летєс? — звернувся капітан до команди.

— Приймаємо, — почувлися голоси.

— Тепер — конкретно, — продовжував підбадьорений Летєс. — Я пропоную...

— Час терпить, — зупинив його Корнєв. — У нас попереду дев'яносто п'ять днів гальмування. Зараз почнемо розвантажувати «Фотон». Залишити треба найнеобхідніше для трьох осіб. Решту — у простір! Крім того, нехай кожний обдумає пропозиції і докази на користь того чи іншого кандидата. Це рішення — важке і складне для нас. Поспішати не варто, — капітан звівся на ноги. — За роботу!

Це був страшний обов'язок — руйнувати те, що зроблено власними руками. Кожному астронавтові довелося викидати саме те, що в минулі роки польоту він сам проектував, збирав, на що витрачав сили, вміння, винахідливість.

...За кілька годин всі знову зібрались у рубці керування: Остап, Шарі, Стефан, Галка, Лев, Тоні, Бруно, Марина, Іван — дев'ять астронавтів.

Нелегко було людям, які з дитинства вірили у свою владу над природою, зараз підкорити свою долю її невблаганним законам. Їм доведеться розлучитися, розлучитися тут, у чорній порожнечі...

— Які будуть пропозиції? — запитав Корнєв.

Астронавти мовчали, нікому не хотілося починати. Трохи згодом важко підвівся з крісла Остап.

— Двоє кандидатів ясні для всіх, — суворо сказав він. — Іван Корнєв і Бруно Аскер. Корнєв висловив ідею цього польоту, йому її і здійснювати. І ще — Корнєв визнаний нами командир. Людина він проста, але його високі якості як товариша, керівника і дослідника ніхто не поставить під сумнів... Тепер про Бруно. Це людина виняткових знань. Я не зустрічав іншого дослідника, який міг би, як Бруно, перетворити найзаплутанішу проблему на низку експериментів і рівнянь. Відверто кажучи, він чудова людина.

— Ну-ну, — пробурмотів зніяковілий Бруно. — Я ще не помер. Прибережи це для мого некролога...

— Так, — сказав Корнєв, коли Остап сів. — Ще хто? Потрібен третій.

Піднявся Тоні Летє, сказав чітко і твердо:

— Якщо немає заперечень — третім полечу я.

ДО ЗІРКИ

На зорельоті лишилося троє. Корабель прямував до примхливої Г-1920.

Минали, як висловився Тоні, «дні кипучого неробства». «Фотон-4», загасивши двигуни, на зменшеній швидкості — 250 кілометрів на секунду летів уперед.

Час від часу астронавти запускали крізь електромагнітну гармату зорельота спеціальні кулі-датчики, які занурювалися у незвіданий простір і лаконічними порціями радіосигналів повідомляли про рівень радіації, про силові поля, про присутність іонізованої та пиловидної матерії. Віддалившись на п'ять-шість мільйонів кілометрів від корабля, датчики поступово замовкали. Поки що їх дані мало чим відрізнялися від показань, що були зареєстровані у «звичайному» міжзоряному просторі.

Однак наближення загадкової зірки ставало дедалі відчутнішим. Відновили безперервні чергування. Корнєв, Бруно або Летє кожні дві години ретельно переглядали записи автоматів-спостерігачів, перевіряли їх точність. Іноді Корнєв зупиняв обертання зорельота, щоб подивитися, чи не

з'явилося щось нове біля корабля. Тоді через настання невагомості доводилось просуватися по відсіках за допомогою скоб та магнітних присосків на черевиках.

На дванадцятую добу після закінчення гальмування Бруно з урочистим виглядом увійшов до рубки і поклав перед товаришами три папірці з таблицями, формулами і числами:

— Ось... ось... і ось!

Всі ці дні він просиджував в обсерваторії, вимірював яскравість палаючої зірки, підраховував кутові зміщення «Фотона» відносно далеких зірок. Він працював, як завжди нехтуючи електронним обчислювачем («Е-е, що там! Він же не матиме такої насолоди від розрахунків, як я»).

— Ось... дивіться: я визначав швидкість «Фотона» трьома незалежними засобами — за ефектом для променів Г-1920, за наростанням її яскравості та відносно далеких зірок. Результати збігаються. Двадцять днів тому наша швидкість була 251,5 кілометра на секунду, а тепер — 250,61. Ми уповільнюємося, зрозуміло? Зірка відштовхує нас! Бажаєте перевірити?

Корнев і Летє продивилися розрахунки:

— Отже, 1:0 на нашу користь, — сказав Тоні.

— 2:0, — виправив його Іван. — Зворотна течія світла й антигравітація.

— Якщо все буде гаразд, — радісно продовжував Бруно, — то зірка сама загальмує зореліт на відстані 28 мільйонів кілометрів від неї, а потім — почне розганяти його у зворотний бік. Непогано, а?

— Непогано, — погодився Корнев і, подумавши, додав: — Якщо все буде гаразд.

Все нібито йшло добре. Щоправда, астронавтів збентежило відкриття, зроблене Корневим. Це трапилося через два тижні після спостережень Бруно. Якось — це був умовний ранок — Летє і Бруно, що прибирали у рубці керування, почули у динаміку команду:

— Увага! Закріпитися, приготуватися до маневрування. Корабель лягає на поперечний курс.

Завили, набираючи обороти, маховики. «Фотон» почав повільно повертатися. Потім ударили струмені анігіляційного вогню у двигунах, освітивши рубку мигтючим білим світлом... Тоні й Бруно, швидко звільнившись від ременів, попрямували до Корнева, щоб довідатися, в чому справа. Вони

зіткнулися з ним у коридорі — капітан поспішав до кормової обсерваторії.

— Прошу за мною! — гукнув він на ходу.

В обсерваторії Корнеєв вправно і швидко приладнав до окуляра телескопа підсилюючий електронно-променеий екран. Темно-зелений овал відкрив рідкий розсип зірок; серед них яскраво палав Антарес, червоний гігант, який мав правити за орієнтир для зворотного польоту. Ліву частину екрана заповнювали хмарки — клаптики далекої пиловидної туманності, що химерно світилася.

— Дивіться, — схвильовано сказав Іван. — Ліворуч від Антареса. Уважно дивіться.

По світлій смузі туманності повзла чорна плямка. Минуло кілька хвилин. Плямка повзла і — раптом закрила Антарес!

— Г-1920! — вихопилося у Бруно. — Справжня!

За десять хвилин знову заблищав гігант, виринувши з-за чорної плями, яка розтанула у просторі.

— Так... п'ять кутових секунд, — відрахував капітан по координатній сітці екрана. — Кутові розміри збігаються з видимою лже-зіркою. Побачили нарешті!

Потім Корнеєв новим маневром спрямував зореліт на зворотний курс. І знову за півгодини темний згусток матерії закрив зірку, проплив крізь клаптик туманності і зник з екрана... Через прозорий купол обсерваторії було видно з одного боку жовто-оранжеве сяюче ніщо; з іншого — висіла у просторі, увібравши в себе промені, ще не видима простим оком справжня Г-1920.

А ще за 19 днів пощастило Тоні.

«Фотон-4» наблизився до зірки Г-1920. Її чорний диск тепер можна було побачити на іскристому фоні зірок і туманностей без телескопа.

Швидкість корабля зменшилась майже наполовину. Була середина умовної ночі. Корнеєв і Аскер спали у підвісних покоях. Тоні сидів у обсерваторії, час від часу дивлячись в окуляр телескопа. І раптом товаришів розбудив його крик, що пролунав у динаміках:

— Планета! Планета!

Капітан і фізик скочили на ноги. І, як були, босоніж, прибігли до обсерваторії. Тоні, мов дзига, крутився разом з телескопом. Він увімкнув протиобертання і тепер то наводив

трубу на оранжеве уявне світло Г-1920, то повертав її на сто вісімдесят градусів, вдивляючись в околиці чорного диска. З обсерваторії віяло холодом.

— Гей, Тоні! Дай і нам подивитись, — крикнув Бруно.

Лише після цього схвильований Летєе припинив обертання півсфери. Корнеєв і Бруно влаштувалися на сидінні і по черзі почали вдивлятися у телескоп...

Ніяких деталей на крихітному тілі планети зразу побачити не вдалося. Та головне — вона була, ця планета, про яку стільки думав дорогою Летєе.

Планета була маленькою — трохи більшою від Меркурія. Вона оберталася на дуже близькій відстані від зірки — виходить, досить швидко.

Наступними днями астронавти провели всі спостереження, які тільки можна було зробити на такій відстані: виміряли період обертання, масу, поперечник, вивчили спектрограми відбитого світла. Атмосфера чужої планети містила кремністий пил, вуглекислоту, азот — і жодних ознак кисню!

— На зустріч з мешканцями цієї планети розраховувати, на жаль, не доводиться, — зітхнув Тоні. — Їх там немає.

— Не журися, — заспокоїв його Корнеєв. — Там можуть виявитись досить своєрідні істоти. Життя дуже різноманітне...

Тепер зореліт рухався у просторі із зовсім незначною швидкістю — кілька кілометрів на секунду. Ще 2—3 доби — і чорне тіло Г-1920 зупинить його зовсім, а потім почне виштовхувати чужорідне тіло геть із своєї області космосу. У астронавтів дедалі зростало бажання: скоріше б усе закінчилось — і додому.

...Сьогодні по кухні чергував Корнеєв. Раптом в кімнату зазирнув Бруно. Фізик виглядав занепокоєним.

— Иван, їм уже давно час повертатися.

— Кому — їм? — запитав командир не підводячи голови.

— Астродатчикам.

— Гм-м? Та й справді! — Корнеєв стурбовано подивився на Бруно. — Вони мали більшу початкову швидкість, ніж зореліт, отже, підійшли до зірки значно ближче... Сила відштовхування зростає пропорціонально квадрату відстані. Значить, назад вони повинні летіти швидко... — він зморщив чоло, почав щось мовчки обчислювати.

— Я вже підрахував, — Бруно показав папірець з розрахунками. — Ми випустили 12 куль. Перші дві повинні були пройти повз нас ще 13 діб тому, третя — на день пізніше, четверта — ще на день... І так далі. Словом, останній астродатчик мав пролетіти біля «Фотона» учора.

— Чи не прогавили ми їх?

— Усі дванадцять?! — обурився Бруно. — Не думаю, щоб ти це говорив серйозно... Ходімо перевіримо записи приймальних апаратів.

Вони рушили до радіорубки. Прослухали контрольні магнітні записи. Шелестіння міжзоряного водню, тріск радіоіонізаційних зірок. Але чітких уривчастих сигналів телеграфного коду астродатчиків вони не почули...

— Бруно, може, вони згоріли?

Фізик захитав головою:

— Ні. Жоден з них не повинен був підлітати так близько до чорного тіла Г-1920.

Кристалні кулі не поверталися. Г-1920, яка заслонила вже помітну частину зоряного неба, немовби поглинула їх...

— Скільки у нас ще залишилося куль? — спитав Корнев.

— Тільки дві: одна радіометрична та одна телевізійна.

— Добре. Запустимо їх парою. Попереду — радіометрична, за нею — телевізійна. Її треба настроїти на слідкування за першою...

— Ага! — здогадався Тоні. — І тоді друга покаже нам, що трапилося з першою, до того, як з нею трапиться те ж саме... Непогано!

— Отже: швидкість першої відносно «Фотона» — 40 кілометрів на секунду. Другу запустити через... сто секунд з такою ж швидкістю. За діло! — скомандував Корнев.

Два поштовхи — один за одним з інтервалом у 100 секунд — струсили зореліт. Останні кулі-астродатчики полетіли в простір. І знову — дні чекань. Астронавти безперервно стежили за екраном, на який телевізійний астродатчик передавав зображення першої кулі: маленька фосфоресцююча сфера, яка рухається серед зірок. Тут же напоготові стояла «кіногармата» — швидкісний кіноапарат, який робив до мільйона знімків на секунду.

На четвертий день зображення на екрані почало тьмяніти: надто вже великою була відстань. Корневу довелося включи-

ти двигун і збільшити швидкість корабля до 45 кілометрів на секунду. Тепер «Фотон» слідом за астродатчиками мчав назустріч... чому? Люди й самі не знали. Попереду було щось таке, що поглинуло дванадцять кристалічних куль. Нерви астронавтів були вкрай напружені.

...Це сталося раптово. Ніхто не встиг нічого розгледіти як слід. Екран раptom покреслили безладні лінії, гарячково застрекотіла «кіногармата». Сигнали радіопередавача, які тільки-но лунали з динаміка, одразу припинилися. Кулька, що виблискувала синюватим світлом, зникла. Якісь частки секунди екран ще миготів від ліній і сплесків, потім вкрився вогняними зигзагами і погас...

Першим отямився Корнеєв, метнувся до містка:

— Це метеори! Включаю гальмування з перевантаженням! Летєє — підготувати відбивну енергогармату! Аскер — стежити за простором через бортові локатори! Метеори можуть залетіти і сюди... По місцях!

Астронавти, міцно закріпившись у кріслах, поспішно настроювали прилади. Корнеєв ліг у крісло на містку. «Добре, що корабель повернуто двигунами від зірки...— промайнула думка. — Півтори хвилини маневрування занесли б нас у самісіньке пекло». Він натиснув кнопки: двигуни загули. Подвоєна сила тяжіння притиснула тіло до м'якої обшивки...

— Бачу метеори! — глухуватим голосом гукнув знизу Бруно. — Потік іде повз... Частина відгалужується... Один летить на нас! Тоні!

— Енергогармата готова! — крикнув, заглушаючи рев двигунів, Летєє. — Перемикаю на автоматичне слідкування до локаторів!

— Єсть контакт!

— Вмикаю систему маневрування до локаторів! — гукнув зверху Корнеєв. — Закріпіться міцніше — кидатиме!

— Єсть контакт!

Тепер «Фотон-4» був готовий відбити метеорну атаку. Астронавтам залишилось лише спостерігати, як складеться їх доля... Бруно дививсь на екран. Зеленуваті лінії — це не страшно: їх прокреслюють на екрані метеори, які летять вбік. А от різні щодо яскравості цятки, які повільно плывуть по екрану, — це вже небезпечніше: радіопромінь відбивається від тих метеорів, які летять або до корабля, або від нього... Чорт! Він

учепився пальцями в поручні: дві цятки повільно, дуже повільно розповзались на екрані у різні боки. Вилка! Мимо? Або?..

Цієї секунди спрацювала система маневрування. Двигуни замовкли.

Сповите пасами тіло зависло в повітрі, і одразу ж його притиснуло до лівого поручня, понесло вбік, — набираючи високого тону, завили поворотні маховики. «Фотон» відхилився, пропускаючи метеори повз себе...

Знову заревли двигуни — корабель понісся з ще більшим прискоренням, виходячи з небезпечної зони. У астронавтів напружились м'язи, протидіючи величезній силі тяжіння, що навалилася на них. Окуляри Бруно до болю врізались у перенісся. Корневу здавалось, що це не в корабель, а в його, Корнева, захищене тіло ціляться і от-от мають влучити згубні небесні кулі. Знову невагомість. Поворот. Ривок. Невагомість. Знову ривок і поворот одночасно... Корабель боровся, як жива істота. Корнев на мить знепритомнів, але тут же прийшов до пам'яті від крику Бруно:

— Один — просто на нас!

Так, цей метеор летів прямо на корабель, і ухилитись було неможливо. Нерухома цятка в самому центрі екрана ставала дедалі яскравішою... Корабель струснуло від поштовху: це рефлектори енергогармати послали назустріч метеорові величезної сили імпульс енергії. На екрані все на мить розпливлося — і знову із зеленуватого хаосу виринула яскрава цятка.

— Енергопромінь не бере! — закричав Тоні, хоч кричати й не треба було: цієї миті виключились двигуни і маховики, і стало тихо-тихо. — Він відбився, але не подіяв!

Поштовх! Поштовх! Поштовх!.. Енергогармата посилала імпульс за імпульсом, але безрезультатно. На екрані замість маленької цятки вже палав зелений безформений осколок.

— Ну, — готуйтеся, хлопці, — вже тихо сказав Тоні. — Зараз...

«Тільки б не в двигун», — подумав Корнев.

Поштовх! Поштовх! Ще і ще...

— Вимкни енергогармату, Тоні! — раптом не своїм голосом заревів Бруно. — Це ж маса антиречовини!

«Пізно... Зараз влучить, — і раптом до почуття жаху додалась надзвичайна цікавість: — Як метеор взаємодіятиме з нашою речовиною?»

Удар неждано виявився досить слабким. Тієї ж миті полегшено заревли двигуни. Астронавтів, які рвонулися було з крісел, притиснуло перевантаження... Ще десять хвилин «Фотон-4» гарячково маневрував і — вийшов із зони метеорів! Двигуни замовкли. Маховики закрутили корабель навколо осі, виробляючи відцентрове тяжіння.

Астронавти відстібнули паси, встали, розминаючи за-терплі м'язи. Зверху спустився Корнєв з позеленілим обличчям: перевантаження і невагомість дались йому взнаки.

— Гаразд, і самі гарні... — кволо посміхнувся він, впіймавши на собі співчутливі погляди товаришів. — Ач, як змарніли за півгодини... Бруно, дай-но сигарету.

— І мені, — попрохав Тоні.

Обидва невміло, але жадібно затягувались ароматним димом. Бруно також запалив, підійшов до пульта:

— Якщо вірити приладам — усе в порядку... Гм! Куди влучило?

— Що ти там к-кричав про гармату? — трохи заїкаючись, спитав Тоні.

— А-а... — Бруно покрутив головою. — Велика все-таки інерція нашого мислення! Адже збагнули, що тут антире-човина. А коли дійшло до практичного використання цього факту — дали маху! Енергопромінь відштовхує тіла звичай-ної маси! А цей метеор ми не відбивали, а навпаки, — з кожним імпульсом розганяли до себе...

— Ходімо, пошукаємо, куди він влучив, — сказав Корнєв і загасив недокурок.

Астронавти наділи скафандри і почали обережно обходити всі відсіки. Метеор влучив у бронековпак обсерваторії і прони-зав його наскрізь. Два отвори в прозорій броні точно повто-рювали один одний: спотворений трикутник з кількома тупими зламами на кожній стороні і двома дрібними зазублинами. Від дірок не розходилися тріщини, краї не були оплавлені... Бруно схвильовано перебігав від однієї пробоїни до іншої:

— Чудово, га? Неначе вирізано... Це не удар, не вибух, не анігіляція. Що ж це?

— Легко обійшлося, — сказав Корнєв. — Залатаємо, і об-серваторія працюватиме...

— Не раніше, ніж я перезніму всі ці фігури! — повернув до нього шлем скафандра Бруно. — Це ж новий тип розпаду...

— Стривайте! — згадав Летєє. — Адже є ще кіноплівка!

...Кадри прискореної з'їомки, зроблені «кіногарматою» за «інформацією» останнього із загиблих астродатчиків, безумовно, увійдуть в історію науки як подія, що за своїм значенням не поступається, скажімо, перед одержанням перших антипротонів. На кіноплівці було зафіксовано розпад матерії при взаємодії речовини і антиречовини. Ось до радіометричної кулі повільно наближається метеор розміром у середній буличник. Торкається кулі — і проходить крізь неї! Ні поштовху, ні вибуху — тільки з нерівного отвору в кулі викидаються струмини чорного газу. (Згодом з аналізу випромінювань цього газу астронавти встановили, що це — нуклони в незвичайному квантовому стані.) Метеорбуличник виходить з кулі зменшеним: він ніби обтаяв. У кулі зяє велика дірка.

Ще кілька дрібних метеорів остаточно «з'їли» кулю.

Коли «Фотон» повиснув у просторі на безпечній віддалі від зони метеорів, Тоні Летєє вилетів на розвідувальній ракеті обстежити метеорний пояс. Він повернувся через 14 годин дуже втомлений, з глибоко запаленими очима.

— Як сказав би Остап, — «щільно летять», — розповідав він, знімаючи з допомогою товаришів скафандр. — Щільно, ой, як щільно! Метеорний пояс у Сонячній, між Марсом та Юпітером, — просто вакуум порівняно з тим, що тут діється... Нам до того ж «пощастило»: зореліт ішов саме в площині екліптики Г-1920, в якій обертається і планета, і метеорний пояс. Я пролетів мільйонів зо три кілометрів упоперек пояса. Там — край: щільність потоку метеорів зменшується... Зореліт, правда, не пролетить. А розвідувальна ракета зможе пройти.

— Ти чого так довго літав? — запитав Корнеєв.

— Ага... — Тоні, звільнившись від жорсткого скафандра, робив гімнастичні вправи, щоб розім'яти тіло. Він зігнувся, випростався; м'язи напружено рухались під шкірою. — Я робив спробу відігнати один метеорик. Малесенький — розміром з кулак... Намагався відштовхнути його антитяжінням ракети і збити з орбіти. Думав, може вдасться пригнати до «Фотона»... Проте нічого не вийшло. Ухиляється. Потрібні спеціальні прилади, якісь вловлювачі.

Корнеєв нахмурився:

— Слухай, пілоте! Ти порушив програму. Ти подумав про те, що це могло закінчитись пошкодженням ракети? Нам довелося б іти рятувати тебе на зорельоті. Ити на експедиційно-му зорельоті в саму гущавину метеорів! Розумієш?

— Я б не дав вам цього зробити... — Тоні зблід. Він тільки тепер збагнув, що так могло статись. — Я б підірвав себе...

— Слушайте, а здорово було б — добути метеор і дослідити його на Землі! — жваво загомонів Бруно, складаючи в шафку скафандр Тоні. — Я передчуваю, що поєднання маси антиречовини з масою речовини дасть новий принцип зореплавання — без сучасної величезної затрати часу, без розриву на десятки чи сотні років — адже і таке буде! — земного часу і часу астронавтів. За допомогою маси антиречовини можна, здається, прискорити всі фізичні процеси...

— Ні, — відповів Корнев. — Цього ми робити не будемо.

— Чому? — глянув на нього Бруно.

— Та хоч би тому, що ми не зможемо транспортувати цей кусочок маси антиречовини до Землі. Найменше прискорення — і він проніже «Фотон»! Це зробить наступна експедиція. Вона буде надійно підготовлена на основі знань, які ми привеземо на Землю.

— А ракета пролетіти може, — трохи згодом вимовив Тоні.

Вони втрюх заводили магнітними маніпуляторами конічне тіло розвідувальної ракети в гніздо на носі «Фотона». Корнев мовчки пересував рукоятки. Загули моторчики, пересуваючи у вакуумі велетенські штанги, які охопили сріблястий корпус ракети.

— Єсть! — сказав Бруно, коли засвітилися усі п'ять лампочок: він спостерігав за контрольним щитком. — Стоїть на місці.

— А ракета зможе пролетіти, — уперто повторив Летьє.

Іван мовчав. Бруно — теж. Вони повернулись до рубки. Кожний зайнявся своїм ділом. Іван піднявся на місток — настроювати автомат керування двигунами. Бруно засів біля обчислювача, щоб перевірити, чи не збільшилась його похибка. Тоні записував у вахтовий журнал звіт про свій політ. Раптом він з силою захлопнув журнал:

— Дуже просто! Треба облетіти пояс по гіперболічній траєкторії. Дві доби польоту туди, дві — назад. А втім, назад

навіть менше: зоря відштовхуватиме і планета також... Та ви оглухли, чи що?!

Товариші мовчали, хоч і добре розуміли, про що він говорить.

— Ні, ви тільки погляньте на них! — обурився Тоні. Голос його звучав дзвінко і єхидно. — Вони базікали про античас, хоробро відкидали усталені уявлення... А тепер, коли можна все перевірити, коли до мети — рукою подати, вони вдають з себе глухонімих!

— Ну, та й сильний ти з риторики! — іронічно буркнув Бруно, не повертаючи голови від обчислювача.

— Куди мені до тебе! — відпаривував Тоні. — То що ж ви все-таки скажете про суть проблеми? Чи є у зорі Г-1920 та її планети зворотний біг часу? За тими даними, які в нас є, ще нічого сказати не можна. Вирішальних спостережень поки що не проведено. А їх можна здійснити там, на планеті!

Він замовк і почав сердито крокувати по рубці.

— Ну, гаразд. — Корнєв, звисившись з містка, подивився на Летьє. — А що ти там побачиш? Близько підлетіти не можна — це ясно. Атмосфера не пустить. Здаля? У ракеті телескоп слабенький, нічого не роздивишся... Треба ракету переобладнати для цього польоту. А переобладнати нічим. От і виходить, що візит до планети слід відкласти до наступної експедиції...

— ...яка відбудеться ще через сто років! — обурено сказав Тоні.

— Це скидатиметься на твою недавню погоню за метеором, — розсудливо продовжував Корнєв. — Багато гострих відчуттів — і все марно.

— Я не такий вже любитель гострих відчуттів, як тобі здається! — Тоні почервонів від образу. — Я просто впевнений, що пролетіти можна. І треба!

— Стривайте, не кип'ятись, — повернув до нього голову Бруно. — Навіть якщо ти й побачиш якісь деталі на планеті, думаєш, ти зрозумієш, в який бік там розвиваються фізичні процеси? Нічого подібного!

— Ох, які ви розсудливі зробились! — Тоні люто забігав по рубці. — Найдокладніше теоретичне обґрунтування, що летіти до планети нема чого. Може, й до зірки не варто було

летіти, га? — Раптом він щось зрозумів, заспокоївся, сів у крісло, поклав ногу на ногу. Сказав розмірено:

— Слушайте, ви: старий, хитрий Бруно і не дуже старий, але все одно хитрий, Іване! За багато років я трохи навчився читати ваші думки. Так, от: я не вірю в те, що ви зараз так мудро викладали. Та й самі ви в це не вірите... Якби летіти до планети випадало вам, а не мені, кожен з вас знайшов би стільки ж доказів на користь польоту, скільки ви зараз знаходите проти. Ви просто боїтеся мене пускати, так? Так, Бруно? — Він уперто дивився на фізика.

Аскер не витримав, відвів погляд.

— Ну, от, бачите! Бути поблизу планети — і не подивитись на неї! Це ж цілий новий світ, яким би законам він не підлягав. Його не можна не побачити. — Тоні підвівся з крісла й закінчив: — І летіти все-таки мені!

Усі мовчали. Тоні тихо повторив: «А все-таки летіти мені!» І знову настала тиша. Нарешті Корнев сказав:

— Гарзд. Хай буде так! — глянув на Тоні. — Добу відпочинку. А ми тим часом заправимо ракету і ще раз перевіriamo керування...

Іван і Бруно ще повзали у вакуумі по рибоподібному сріблястому тілу сповитої тяжами ракети, перевіряючи востаннє кріплення антен, а Летє вже влаштувався в крихітній кабіні на носу під ковпаком з прозорою броні. Потім капітан і фізик перейшли на перехідний місток. Летє запитально подивився на них.

— Усе в порядку? — почув Корнев його голос у навушниках.

Капітан кивнув. І знову, як колись під час розмови з Бруно, з прикриттю подумав про себе: як же він погано розбирається в людях. Не розумів Бруно Аскера. Вважав Тоні задирою, скептиком, насмішником — і тільки... Ні, він зовсім не знав справжнього Антоні Летє — астронавта, дослідника, бійця. Зараз за рулями ракети сиділа людина, яка збрала в єдиний згусток волю, енергію, думку і вміння для поєдинку з Невідомим. Навіть обличчя в Тоні змінилося: воно немовби затверділо, зникло іронічне примруження очей, губи були щільно стулені. Тільки димчасті очі світилися зухвало й весело, коли він дивився вперед — туди, де серед розсипаних зірок чорнів згусток Г-1920.

Людині, яка йде на небезпечне діло, не говорять зайвих слів. Товариші у привітанні підняли руки. Тоні зробив такий саме жест.

— Від борта! — почули Корнев і Бруно його голос.

— Єсть від борта!

Вони втягли в люк перекидний місток, увійшли в «Фотон», задраїли люк. Корнев узявся за рукоятки маніпуляторів.

Тепер ракета вільно висіла у гнізді. Ось Тоні точним рухом пристібнув до кистей паски командних біоелектричних датчиків, зручніше вмовстився в кріслі, витиснув атомне зчеплення. Двигуни ракети тоненько заспівали.

— Пілот Летєє? — запитав Корнев.

— Готовий.

— Дозволяю старт.

М'який поштовх, ілюмінатор затягло сірим світним пиллом. Ракета вирвалася у простір...

— ...Алло, «Фотон». Алло. Як чуєте мене? — долинув трохи спотворений передавачем голос Летєє.

— Чудово, Тоні. Як ти?

Пауза, за час якої радіосигнал долав відстань у мільйони кілометрів, — до ракети і від неї. Корнев і Бруно стояли біля динаміка.

— Усе нормально. Швидкість — 1200 кілометрів на секунду. Закінчив перший розгін. Іду по дотичній до краю метеоритного пояса. Чую вас відмінно... Локатор показує благополучну пустоту.

Заговорив Корнев:

— Антени ведуть автоматичне слідкування ракети. Не микай передавача, інакше ми можемо загубити радіослід. Визнач і доповідай відстань до планети.

Знову мертва пауза, ще довша.

— Гаразд. Час від часу давайте сигнали чутності, краще — телеграфним кодом... Взагалі нудно вести діалог на віддалі у мільйони кілометрів. Ніби розмовляєш із співрозмовником-тугодумом. Доведеться переходити на монологи... Визначаю паралакс планети. Відстань доповім через три хвилини...

— ...По прямій—п'ятдесят вісім мільйонів кілометрів. По моїй траскторії — близько 110. Ще майже доба польоту... Цікаво пілотувати в полі антитяжіння, хлопці, — весь час

зносить з розрахункової траєкторії... Попереду, як і раніше, порожньо і просторо. Передачу закінчую, нічого немає. Наступна — через три години...

Корнев і Аскер по черзі вартували біля динаміка. Час від часу Тоні насвистував, потім почав декламувати.

— Оце так глиба! — запала пауза, протягом якої було чути напружене шипіння двигуна. Потім Летєє заговорив майже спокійним голосом: — Ракета просто чудо. Що значить — любительська робота. Щойно ми з нею уникнули зустрічі з болідом завбільшки у хмарочос. І звідки він узявся? До зони, по-моєму, ще мільйона півтора кілометрів...

Після паузи Летєє додав:

— Вірмолік аротвіп анойлім... — голос плавно затих.

— Що? Що? — насторожився Бруно. — Повтори.

— ...Погана чутність? — почувся знову нормальний голос пілота. — Я сказав, що ухилився від зустрічі з болідом. До речі, схоже, що це — перша ластівка. Точніше, перший літаючий слон. Радіолокатор обіцяє ще. Передачу припиняю. Не буде часу...

З динаміка почулося густе шипіння — Тоні знову включив двигуни ракети. Іноді воно стихало, потім ставало гучнішим; було чути поодинокі цоки — іскрові розряди реле, що перемикались. Ракета маневрувала десь там — за двадцять з лишком мільйонів кілометрів від «Фотона», пробираючись крізь окраїну метеоритного пояса. Корнев і Бруно напружено чекали біля динаміка. Минуло більш як дві години. Шипіння вщухло.

— Уф-ф! — почувся гучне зітхання Летєє. — Гей, там, на «Фотоні!» Як чуєте? Пояс пройшов... До планети — сімдесят мільйонів кілометрів по моїй траєкторії. Попереду — порожньо...

— Молодець Тоні! Чуємо добре. Відпочинь тепер, переведи керування на автопілота, — полегшено закричав у мікрофон Корнев.

... — До планети — 42 мільйони кілометрів по моїй траєкторії, — повідомив Летєє через п'ятнадцять годин польоту. — Іду по прямій. Трохи зносить антитяжіння зірки. Бачу майже весь диск планети, тільки верхня частина ще оповита ніччю.

У телескоп ракети було видно трохи сплюснуту зверху каламутно-оранжеву кульку. По ній плавали дрібні бурі плями. Летє подумав: «Майже як Марс, коли до нього летіти від Землі. Від Землі, — повторив він самими губами. — Земля. Далека-далека планета, а немає в усьому Всесвіті місця ближчого і ріднішого».

Пілот посміхнувся, рухом відкинув спинку крісла, усівся зручніше. Тіло не втомилось — невагомість не напружувала м'язів. Втомився мозок, втомилися нерви. «Це останнє проходження пояса», — мляво подумав Тоні, кліпаючи очима. Тепер попереду були десятки мільйонів кілометрів пустоти; можна відпочити, розвіятись. «Так, у поясі довелося попрацювати. Я трохи прибрехав хлопцям — метеори і тут ішли досить густо. Гарзд, усе обійшлося. Коли полечу назад, доведеться обрати обхідну траєкторію... Хоч і не хочеться. Швидше б у зореліт — і до дому, на Землю. І їм теж, мабуть, не терпиться. Втомились усі...»

Тоні вдивлявся у простір. Розсипи зірок, червоне око Антареса, чорна діра Г-1920, оранжева шербата плямка планети, жовте кошлате псевдосонце позаду... «Неймовірний світ. Ну й занесло ж нас».

— Я на відстані півмільйона кілометрів від планети, — доповів Летє під час чергової передачі. — Знизив швидкість до 50 кілометрів на секунду. Решту погашу біля самої мети — і так прилади показують перевитрату пального через гравітаційне відштовхування... Курс — точно в центр планети, інакше відносить вбік. Зірка помітно підігріває корпус ракети...

— Ти чуєш? Чуєш? — прошепотів Бруно і боляче стиснув капітанові плече. — Щось накладається... Це не перешкоди.

— Чую... — так само пошепки відповів Корнєв. Він чув і не йняв віри: до голосу Тоні домішувалося ледве вловиме, але виразне мурмотіння незрозумілою мовою. Неначе дві радіомовні станції працювали на близьких хвилях. — Увімкни дублюючий приймач, пошукай хвилю другого передавача, — наказав він Бруно. («Невже там якісь істоти?»)

— ...Планета зараз освітлена на три чверті. Візуально вона завбільшки з Місяць, якщо дивитися з Землі. У телескоп нічого не розбереш. Оранжеві хмари, якась непроглядна червона каламуть. Прикро.

І знову за словами Летє почувся загадковий голос.

— Тоні — увага! — голосно сказав у мікрофон Корнев. — На твоїй хвилі домішується якась передача. Її напрямок — також від планети. Уважно стеж за нашими повідомленнями...

«Шістдесят мільйонів кілометрів до нього. Моя порада дійде через три з лишком хвилини. Погано, — Корнев занепокоєно похитав головою. — За цей час він пролетить ще десять тисяч кілометрів...»

— Не планета, а просто апельсин, — продовжував передавати Летьє. — Суцільна оранжева хмарність. Хоч би який-небудь провіт... Зараз приставлю інфрачервону насадку до телескопа. Може, вдасться знайти зону прозорості...

Деякий час у динаміку було чути стукіт і дзв'якання. Тоні вовтузився з насадкою. У ці секунди астронавти знову виразно почули фрази чужорідного шепоту: «...ітсорозорп уноз итйанз ястьсадв ежом апокселет од укдасан уновречарфні юлва...» Потім знову голосно заговорив пілот:

— Еге! Імовірність побачити тут старих, що перетворюються на юнаків і немовлят, дорівнює нулю, хлопці. Планета ще не охолола. В інфрапромінні вдається розгледіти моря з лави... Вирує планета. Однак про біг часу поки що нічого сказати не можна. Є рух у лавових морях: воронки, якісь вали переміщуються... Та хіба знаєш, в якому перебігу часу це відбувається? У нашому, в протилежному чи під кутом? Може, коли підлечу ближче, то роздивлюсь це детальніше і тоді... Ага! Бачу острови. Вони розжарені, температура поверхні — градусів сімсот. Схоже, що вони плавають у морі лави... Що? — нарешті Тоні почув голос Корнева. — Дурниця якась! Я ж чую тільки вас — і без накладки, зовсім чисто...

— місвоз икдалкан зеб і сав икліт юуч... — почулося мурмотіння. Воно стало голоснішим.

Деякий час ракета мовчала. Потім знову заговорив Тоні:

— Відстань до планети — 390 тисяч кілометрів. Трохи зносить убік. Мабуть, пройду повз неї по дотичній до атмосфери...

— ...ирефсомта од йінчитод оп іен звоп удйорп... — пролунало знову, тепер уже голосно. Корневу раптом цей голос здався дуже знайомим.

Бруно із зсунутими на лоб окулярами, присівши навпочіпки біля динаміка, напружено ворухив губами, водив пальцем

по підлозі, від не ймовірно інтенсивної роботи мозку його обличчя почервоніло, лоб рясно вкрився потом. Раптом він скочив і несамовито закричав:

— Тоні, гальмуй!!! Це — «дзеркальна луна»! Не наближайся до планети, гальмуй і відходь убік! Попереду — шар «дзеркальної луни». Це... я не знаю що, але страшенна небезпека. Відходь від планети, чуєш?

— Летєє! — приєднав свій голос і Корнєв. — Наказую негайно гальмувати з максимальним перевантаженням. Відходь убік.

— Ех! — фізик у розпачі схопився за голову, забігав по відсіку. — Пізно! Не встигне, не почує... Три хвилини, поки дійде сигнал, та поки ще почне гальмувати. Швидкість, інерція, простір — усе проти нас.

У Корнєва саянула думка: у мурмотінні на дивній мові він упізнав голос Летєє! «Дзеркальна луна? Що це таке?» — але розпитувати Бруно не було коли.

— ...На лавових морях планети бачу якісь спучування, — говорив тим часом Тоні. Мурмотіння тепер виникало майже одночасно з його фразами. — Неначе здіймаються й опускаються величезні пухирі... Потрібні подробиці, деталі, а я їх ще не бачу. Нічого, потерпіть трошки: ось наближусь ще тисяч на сто кілометрів, будуть і подробиці...

— ...іцибордоп і тьудуб... — повторив його голос.

— Хлопчисько... Зухвалий хлопчисько з гарячим серцем. Невже не почує? Не встигне?.. — говорив Бруно. Він сидів на підлозі, тер долонею груди біля серця. Обличчя його було бліде. Інтуїцією досвідченого вченого він зрозумів, що «дзеркальна луна», яка перекручувала фрази Тоні, — відголосок якогось могутнього і неясного явища, що відбувається в просторі поблизу планети. Туди, як метелик на вогонь, мчала ракета. Інтуїція підказала, що явище таїть у собі смертельну небезпеку. Як і багато інших процесів у космосі, воно з байдужою невблаганністю може поглинути, зруйнувати крихітку матерії, що до нього наближається, — розвідувальну ракету і живу істоту в ній — людину, з зухвалим, допитливим розумом і полум'яним серцем шукача. — Невже не встигне?..

Корнєв подивився на нього, хотів сказати щось заспокійливе. Але сказати було нічого. Він стиснув зуби і промовчав.

— Ти правий, старий Бруно! Радій і вигукуй «ура». Ніякого античасу немає. Усе... — голос Тоні став раптом швидко стихати, неначе він віддалявся від мікрофона. Зате «дзеркальна луна» тепер гриміла на всю силу.

І раптом усе стихло.

Капітан ще довго звертався до тихого чорного простору: «Алло, Тоні. Викликає зореліт...» — але даремно. А Бруно сидів на підлозі і плакав. Бачити, як дорослий, сильний мужчина плаче, Корневу було важко і страшно.

Опанувавши себе, Бруно підвівся і став прослуховувати магнітний запис передачі з ракети. Усі місця, де втручалось мурмотіння «дзеркальної луни», він окреслив на бобіні білим олівцем. Останній кусок стрічки, де «луна» заглушила Летє, він відрізав, поділив по паузах на дрібні шматочки і склав їх у зворотному порядку.

— Слухай, Іване.

Шипіння, потім з динаміка зазвучала збуджена, трохи плутана розповідь Тоні:

— Тут вулкани... Усе на місці — причини і наслідки... Спочатку вулкан виштовхує лаву і каміння, вони піднімаються вгору... потім втрачають швидкість і падають на вишневі схили вулкана. Одним словом, усе — як на Землі, як і повинно бути. А шкода... — голос Летє урвався.

Кілька секунд астронавти дивилися на бобіни, що плавно обертались. Бруно вимкнув магнітофон.

— І все-таки я не такий вже і правий, — сказав він задумливо. — Усе значно складніше... Який великий і складний світ! Які мізерні ще наші знання про нього!

— Ця «дзеркальна луна», — спитав Корневу. — Що ти думаєш про неї?

— Вперше вона з'явилася, коли ракета Тоні пронеслася повз величезний болід. Дуже близько, очевидно, — заговорив Бруно. — Я тоді приймав сам, думав примарилося... Потім ніякої «луни» не було. А згодом вона знову з'явилася — при зближенні ракети з планетою. Мабуть, великі скупчення антитречовини, оточені зоною простору з особливими властивостями. Якими? Хто знає... Це дослідять ті, хто прилетить сюди після нас. Одна з властивостей такої зони — дзеркальна радіолуна. Дзеркальна — ось що важливо. Радіохвилі не про-

сто відбиваються, а й послідовність сигналів змінюється на зворотну...

— Це можна витлумачити як античас? — спитав Корнєв.

— Не в більшій мірі, ніж те, що античас є в магнітній плівці, яку я переклеїв у зворотному порядку, — знизав плечима фізик. — Ні, Іване, «античас» — надто примітивна гіпотеза для цього світу.

— А як ти зрозумів, що зона цього проклятого простору знаходиться так близько від ракети? Адже до планети було ще далеко?

— Ніколи не пробачу собі, що збагнув це пізно, — голос Бруно затремтів. — Адже так рідко трапляється, що треба осмислити все зразу, без обережних вчених роздумів, — і не зміг... Може, йому ще вдалося б відійти від зони. Та все лихо в тому, що я із запізненням зрозумів, що мурмотіння — це перекручені фрази розповіді Тоні... Було дві ознаки швидкого зближення. По-перше, дедалі меншою ставала пауза між словами Тоні і луною його слів. По-друге, гучність луни наростала надто швидко... Ракета наближалася до цієї страшної і невидимої оболонки навколо планети. Потім вона увійшла в заборонну зону і... Я навіть не можу собі уявити, що і як там сталося.

Бруно замовк. Іван відчув, як до горла йому підкочується важка грудка...

Вони дочекали ще тридцять днів, посилено роздуваючи останні іскринки надії: може, тільки радіопередавач зіпсувався? Може, тільки радіо і частина двигунів? Може, ракету або хоч її рештки виштовхне сюди антитяжіння зірки або її планети? Може... В їхньому вчинку не було нічого обгрунтованого, лише одвічне людське: а що коли?.. І Бруно, і Корнєв були не новачками в космосі. Вони розуміли, що жодних «а що коли» не буде, що могутні і тупі сили Всесвіту на дрібне не розмінюються, і коли вже руйнують, то зразу все.

Антитяжіння зносило зореліт, але Корнєв короткими поштовхами двигунів уперто повертав його в попередню точку, у ту точку, з якої стартувала ракета Тоні Летєє.

На тридцять перший день капітан, не кажучи ні слова, важко зійшов сходами до пульта, включив маховики повороту. «Фотон-4» здригнувся, почав повільно розвертатись у протилежну сторону. Бруно теж зійшов на місток, став поруч.

В овальному вікні курсового телескопа повільно пропливали сузір'я. Ось промайнув яскраво-жовтий Альдебаран, за ним низу щільною групою зійшли сім однаково неяскових зірочок. Шість з них утворювали знайомий ковшик Плеяд. Сьома — біло-жовта, яскравіша порівняно з іншими, — влаштувалась у центрі ковша.

— Сонце... — тихо й ніжно промовив Бруно. — Сонце...

Коли жовта зірка — Сонце підійшла до перехрестя телескопа, Корнев переключив маховики, зореліт завмер. Обидва мовчки сіли в стартові крісла. Капітан за звичкою хотів було подати в мікрофон команду передстартової уваги, але вчасно схаменувся і, з досадою поморщившись, натиснув на кнопки двигунів. Вага, від якої вони вже відвикли, пружно налила тіла. Тонке, ледь чутне гудіння заповнило зореліт.

— Дослідження закінчено. Через шість релятивістських років будемо вдома, — сказав Корнев.

— Тепер, мабуть, раніше. Років через чотири...

— Так, правда, — погодився Іван. — Долетимо за чотири... А втім, для нас усе одно: що шість, що чотири — в контейнерах сидіти. Справи не міняє. На Землі мине майже сто років, га?

Вони помовчали.

— Ну, з цим я ще поборюсь, — твердо вимовив Бруно. — Не діло це — летіти навіки від людей, з Землі. Тепер я знаю напрямок шукань: треба долати інерцію, скомпенсувати маси тіл... І знаєш, Іване: нам ще доведеться повернутися сюди. Обов'язково. Тоні хотів, та от... А він мав рацію: нову експедицію сюди повинні вести ті, хто тут побував.

Корнев мовчки кивнув.

...Попереду, трохи праворуч по курсу, світилась у пустоті зрадливим оранжевим сяйвом неіснуюча зірка Г-1920. Її справжню чорну кулю вже неможливо було побачити: її закрив білий стовп вогню, що виривався із зорельота.

Призрак времени

От автора

Через сорок лет вернуться к вещи, которую считал своей неудачей, и найти для неё новое решение, само по себе, наверно, фантастика. Повесть написана в 1961 году, долго нигде не брали, возвращали с ругательными отзывами. Наконец, опубликовал в переводе на украинский в киевском журнале «Наука та життя», на украинском же и издал в «Молоди» позорным по тем временам для фантастики тиражом 30 тыс. экземпляров. И стояла, как сирота, эта книжица на полке — единственная непереиздававшаяся, ни на какой язык непереведённая.

Насколько я махнул на неё рукой, видно из того, что перенёс отсюда в роман «За перевалом» эпизод с перехватом; так раскурочивают негодные для работы устройства. И рукопись утратил. Обычно я сжигаю рукописи после издания на русском, когда есть из чего сделать расклейку; а с этой не стал и дожидаться. Настолько мне внушили, что вещь никуда не годится.

В 2000-м перечитал: да нет, какого чёрта, — идея-то хороша. И до сих пор не эксплуатируется. Да и исполнение не хуже, чем нынче пишут. И — взялся переводить обратно на родной язык. Вчитался — ожили персонажи, завели проблемы — со второй половины стал писать заново. Затем и первой досталось.

Теперь судите: удача или неудача.

Что же до даты звёздного старта — и не первого! — в 2048 году, то это писалось ведь на стыке 50-х и 60-х годов минувшего уже века, когда всё человечество было удивлено и обрадовано, что космическая эра началась. И я, фантаст, тоже: писал о таком, но не думал, что это будет при мне.

Сейчас ситуация fifty-fifty: или окончательное ожлобление-вырождение, переход — сначала интеллектуально и духовно — на четвереньки (затем, понятно, и физически); или новый взлёт, при котором до звёзд и, само собой, до звездолётов будет рукой подать.

Пролог. Ледяные астероиды

1

Рустам Синг дежурил в диспетчерском пункте грузовой трассы Земля — Космосстрой — Венера — Меркурий последний час.

Ночная Земля мерцала скоплениями огней в городах и на дорогах Африканского континента. Красновато-жёлтый рассвет подсвечивал лишь край Атлантического океана. А здесь, на стационарной орбите, в чёрном небе ещё владычествовало косматое от протуберанцев солнце. Оно нанизывало, будто стеклянные горошинки, на свои лучи маневровые ракеты, которые сновали между шаровыми и дисковыми ангарами Космосстроя.

На востоке от диспетчерского пункта лучи обрывал конус ночи. Там по искусственному Млечному пути тянулась вереница огней.

Работа несложная: следить на экранах и световых табло за движением автоматических ракет, принимать рапорты контрольных автоматов с трасс, скучать, ожидая, пока случится что-то непредвиденное, когда понадобится человеческая инициатива (за все дежурства Рустама такого не было ни разу), да ещё то и дело препираться с теми, кто отправляет и получает грузы, — ибо их никогда не устраивает оптимальный расчётный режим перевозок. Рустам усмехнулся: стоило бы слово «оптимальный» заменить иным — оптимум, который никого не устраивает.

Тихо прогудел зуммер возле телеэкрана «Земля». Ну, вот, пожалуйста!

Рустам недовольно подошёл к пульту.

— Диспетчер Синг!

— Конструктор Ферров, Антарктида, Институт вакуумных материалов, — отрекомендовался лысый мужчина с роскошной рыжей бородой. Было видно, что он крайне возмущён. — П-п-почему до сих пор не отправлены на венерианскую станцию мои аппараты лучевой сварки?!

— Ваши аппараты... — Рустам скользнул глазами по таблице очерёдности грузов. — Ваши аппараты пойдут послезавтра малой скоростью.

— П-послезавтра? Малой? Я же телеграфировал на Венеру, что отправлю их сегодня и средней! Вот! — Бородач помахал какой-то бумажкой.

— Если бы вы сконструировали свои аппараты полегче, — заметил диспетчер, — тогда...

— Вот как! — В голосе землянина чувствовался сарказм. — А вы, юноша, когда-либо сами занимались таким делом?

Рустаму было двадцать четыре года, и он терпеть не мог, когда его называли юношей.

— Не занимался и не собираюсь заниматься, дорогой товарищ, поскольку лучевая сварка давно устарела, и я, откровенно говоря, не понимаю, зачем вы отправляете такие изделия на венерианские стройки! На Земле не удалось пристроить?

У землянина отвисла челюсть. Он хотел что-то ответить на ехидное замечание, но не успел. В этот момент в диспетчерской прозвучало:

— Сообщает патрульный автомат 12: неизвестное тело приближается из внешнего Космоса к средней области трассы. Координаты 69 градусов восточной и 15,5 южной...

Рустам, забыв попрощаться с землянином, подскочил к главному пульту.

— Траектория тела пересекается с трассой под углом три градуса, — чётко докладывал автомат-патруль. — На предупредительные сигналы не отзывается, признаков управляемости не обнаружено...

Рустам поднял палец над клавишей «Уничтожение метеоров», чтоб выпустить самонаводящиеся атомные торпеды. («Наконец-то будет о чём рассказать!») И замер с поднятой рукой — потому что автомат продолжал:

— Скорость тела девяносто мегаметров в секунду. Радиополучения ни в каких диапазонах нет... — размеренно звучал его голос.

«Девяносто мегаметров в секунду, почти треть от световой! Тело из иной системы!»

Вот и произошёл тот чрезвычайный случай, когда нужна инициатива, когда человек обязан превзойти машины в точности и быстроте мысли.

...В свободное от работы время Рустам и его товарищи по смене сами придумывали задачи о наиболее опасных ситуациях на трассе и соревновались, кто лучше справится с ними. Теперь это пригодилось.

Мозг диспетчера мгновенно оценил расстояние от двенадцатого патрульного до трассы, по которой один за другим на расстоянии сотен километров шли транспорты, и определил самый опасный участок. Драгоценная секунда, кою пришлось бы потратить, чтобы проследить это на световой схеме трассы, была сэкономлена. Теперь нужно управиться с необходимыми клавишами на пульте.

Рустам на самые нужные налёг локтем, одновременно ладонью прикрыв часть фотоэлементов. Транспорты веером начали расходиться прочь от опасного места.

Синг нажал ещё клавишу — от соседнего ангара, распустив огненно-белые веера, рванули в нужном направлении три электромагнитных автомата-перехватчика с аннигилятными двигателями.

Нажать-отпустить! Двенадцатый патруль начал корректировать полёт перехватчиков, одновременно сообщая:

— Неизвестное тело имеет форму параллелепипеда. Анализ вещества по отражённым спектрам — лёд. Вес около тонны...

Рустам дал команду перехватчикам:

— Отвести тело от Солнца!

Только теперь он смог взглянуть на схему трассы. Там между светлячков ракет, что ползли будто муравьи, мимо неподвижных рубиновых точек астромаяков и патрулей электронный луч гнал голубую капельку. Она сблизилась с цепочкой светлячков и на какой-то миг на экране сомкнулась с ними. У Синга похолодело в груди: сейчас вспышка!.. Но ледяной астероид попал в «окно». За ним, описав пологие дуги, кинулись зелёные чёрточки перехватчиков...

— Уфф... — Он вытер вспотевший лоб, отошёл — и встретился взглядом с землянином. Тот всё видел и слышал.

— Премного благодарен! — поклонился Синг экрану.

— За что?!

— Что вы ничего не сказали под руку. Большой кристалл льда, а?

— Чепуха! — Конструктор из Антарктиды горячо закрутил бородой. — Таких кристаллов не бывает. Это искусственное тело! Извещайте по всей Солнечной!

— И то. Будьте здоровы!..

Рустам перебросил рычажок переключателя телевизифона на отметку «Молния»

Радиоволны понесли его голос и изображение по Солнечной системе:

— Внимание! Внимание! Чрезвычайно важно!.. — Он старался выглядеть спокойным. — Только что обнаружено искусственное тело, которое летит со стороны созвездия Тельца со скоростью 90 тысяч километров в секунду. Это ледяной параллелепипед весом около тонны. К нему полетели перехватчики, но они смогут только отвести тело от Солнца. Предлагаю послать вдогонку звездолёт... Внимание! Следите за сектором пространства от созвездия Тельца. Возможно, заметится что-то ещё новое. Передаю угловые координаты...

Двадцать пять часов спустя наблюдатели Внешней обсерватории на Плутоне заметили ещё два ледяных астероида, мчавшихся от созвездия Тельца.

Шестьдесят восемь суток понадобилось звездолётам, чтобы догнать астероиды, выловить их и доставить на Землю, в Астроград.

Три глыбы льда были совершенно одинаковы по форме и размерам. Незримая космическая пыль сделала своё: грани параллелепипедов, некогда, вероятно, прозрачные, стали матовыми. Астролётчики, которые транспортировали глыбы, ничего не заметили внутри них; только электромагниты обнаружили присутствие железа. На всякий случай, чтоб сохранить космический холод, астероиды поместили в контейнеры с жидким гелием.

Когда в Астрограде их переместили из контейнеров в закрытый бассейн, наполненный таким же гелием, матовые грани астероидов будто растворились в жидкости. Люди, что собрались над колпаком бассейна, да и не только они — все

жители Земли на телеэкранах — увидели внутри ледяных глыб людей. Две молодые женщины и плотный пожилой мужчина застыли там. Они были настолько очевидно земные, наши, что допущение, будто прилетели «братья по разуму», сразу отпало.

Способ безракетного путешествия в Космосе человека, сверхбыстро охлаждённого почти до абсолютного нуля в защитной ледяной оболочке, применяли в Солнечной третьье десятилетие. Поэтому вернуть этих троих к жизни не составило труда.

Тем не менее мир был потрясён. Три землянина путешествовали в глыбах льда не от одной планеты к другой с типичными здесь скоростями; они летели со скоростью дальних звездолётов и прошли такие же расстояния. Чудо, что они не затерялись во Вселенной.

...Рустам Синг, увидев на экране, как из камеры теплового пробуждения вышла сероглазая красавица, схватился за голову:

— И такую женщину я едва не испепелил ядерной ракетой!

2

Высокий, слегка сутулый человек не спеша шагал по лестнице к комнате на пятом этаже, где отдыхали три астронавта. Председатель Звёздного комитета Остап Искра весь день сегодня провёл в Центральном архиве звездоплавания. И сейчас заново вспоминал то, что ему удалось узнать из старых научных отчётов, микрофильмов, фотографий, рапортов патрульных автоматов, даже газетных вырезок об этих троих.

...На расстоянии десяти парсеков от Солнца в холодном просторе летит жёлто-оранжевая, то есть невысокого накала, звезда, которую относят к созвездию Тельца. У неё нет названия. В звёздном каталоге Гумбриджа есть только номер Г-1830. Невооружённым глазом её можно различить только с Луны, где не мешает атмосфера. Звезда мчит к далёкой группе Плеяд с необыкновенно большой скоростью 376 километров в секунду.

Лет восемьдесят назад учёные Центральной Лунной обсерватории обработали данные многовековых наблюдений за движением Г-1830 и пришли к сенсационному выводу: тело, что движется с такой скоростью по траектории звезды, не может принадлежать к системе Млечного Пути. То есть Г-1830 залетела сюда из другой галактики. Астрономы даже определили, из какой именно: из спиральной галактики М-33 в созвездии Треугольника.

Внегалактическая гостья в нашей системе! Сотни миллиардов лет две галактики — Млечный Путь и М-33 — развивались независимо и изолированно друг от друга — если не принимать во внимание слабые, уловимые лишь телескопами лучи света, коими обменивались эти громадные сгустки материи. 730 тысяч парсеков разделяют Млечный Путь и М-33 — два с половиной миллиона световых лет. И вот звезда оттуда летит поблизости, рядом, на расстоянии десятка парсеков — рукой подать. Путешествие к ней равно полёту в галактику М-33.

Своя Галактика в то время казалась достаточно хорошо исследованной; поэтому чужая особенно привлекала. Наиболее всего нарастанием разнообразия сущего во Вселенной по мере удаления от Земли. На жарких каменистых плато Венеры космонавты обнаружили небелковую кремнийорганическую жизнь: там птероящеры водились в раскалённых пещерах, а ихтиозавры жили в озёрах асфальтовой смолы. На раскалённой стороне Меркурия обитали металлоорганические насекомые. Первые автоматические ракеты, вышедшие за границы радиозумового фона Солнечной системы, принесли записи осмысленных сигналов, что шли из звёздного ядра Галактики. Два десятилетия назад автоматические звездолёты зафиксировали у двух планет ближайшей к Солнцу звезды Проксима Центавра группы метеоров, которые «произвольно меняли орбиты». По анализу их электромагнитных излучений учёные пришли к чрезвычайному открытию: там, в открытом Космосе, в вакууме, живут сознательно-разумные кристаллические существа!

Выходило: чем дальше от Земли, чем более отличались от земных условия развития материи, тем необычайней с точки

зрения людей был путь этого развития к высшей своей форме — Жизни, Разуму. Каковы же они около звезды из другой галактики, которая пролетала мимо на расстоянии всего десятка парсеков?

...«Какие-то десять парсеков...» Искра покачал головой. Свет пролетает их за тридцать три года. Это значит даже сейчас, на высокой субсветовой тридцать пять лет туда, столько же обратно. А тогда, вначале Эры звездоплавания... Антивещество синтезировали искусственно. Снаряжение звёздной экспедиции стоило столько же, сколько год жизни всего человечества. Техника анабиоза ещё не вышла из лабораторий, да и там экспериментировали более на обезьянах и собаках.

Такое путешествие в то время было за пределом и человеческих сил. Нет, сильных и смелых людей было достаточно. Но в психике всех остался след двадцатого столетия — века революций, войн, невиданных открытий и изобретений, кипения страстей и борьбы... Каждый, где бы он ни был, чувствовал, что дышит тем же воздухом, как и все, что дела и события на другой стороне планеты касаются и его, что спутник, пролетевший над ним, вызвал у него те же мысли, что и у миллионов других людей. Каждый чувствовал себя членом сложнейшей многомиллиардной семьи людей.

Мир расширился, жизнь людей стала многогранной и наполненной; за год человек исполнял больше замыслов и дел, чем в XX веке за десятилетие.

И — вырвать человека из круговорота жизни, обречь на многолетнее (даже многодесятилетнее) прозябание в Космосе обещало почти верное поражение.

...О, если бы в межзвёздных перелётах и вправду были опасности, которые гораздо описывать писатели в своих романах: облака зловеще-разумной пыли, коя разрушала обшивку кораблей, смертоносное излучение, космические ямы с потусторонними свойствами, а тем более космические чудовища или железные роботы-диктаторы! Но уже во время первых полётов автоматических ракет стало ясно: Космос таков в себе нечто куда более простое и страшное: опасность под названием Ничто. Ничего нет, даже смен дня и ночи. Даже тяготения, света, звуков. Тишина. Пустота. Тьма.

Тогда в памяти людей ещё не сгладились впечатления о поражении... нет, просто конфузе — с звездолётом «Фрегат». Машину оснастили уникальным оборудованием с безошибочно и точно действующими автоматами. Они вели корабль по курсу, делая все необходимые расчёты, перемещали грузы, готовили пищу, транслировали музыку и переговоры... даже открывали двери. А какой был конкурс для участников первого звёздного полёта! Все они должны были быть даровитыми учёными, хорошими спортсменами, не чуждаться музыки, живописи и литературы, обладать юмором, привлекательной внешностью и т. д., и т. п.

Отобрали двадцать ярких индивидуальностей и отправили к Альфе Центавра по трассе, проложенной автоматическими ракетами.

И... «Фрегат» вернулся, не пролетев и трети пути. Ещё бы! Людей, кои привыкли к ежедневной напряжённой деятельности, к разнообразию земной жизни, избалованных общим вниманием, вдруг обрекли на многолетнее безделье и забвение. Для них остановилась жизнь. Двадцать неповторимых индивидуумов осатанели от ничегонеделания, от купаний в шаровом бассейне, от упражнений на снарядах, даже от утончённых бесед друг с другом. Они насмерть перессорились, стали враждовать, интриговать — жизнь на корабле стала невозможной, опасной. Вернулись ни с чем.

Вспыхнули споры. Инженеры начали сочинять иные проекты. Может, вообще отставить людей от этого дела, целиком перепоручить исследование Вселенной автоматам? Но они лишь расширяют и уточняют сферу Известного, ибо в принципе неспособны заметить Новое, ради чего и стоит лететь... Установить в околосолнечном пространстве многокилометровые телескопы-рефлекторы идеальной кривизны? В них можно рассмотреть планеты около ближних звёзд так же подробно, как видим Марс и Юпитер. Но и это не то...

Кто-то даже предложил создать на окраине Солнечной системы «спутник-интернат», в коем воспитывать будущих астронавтов с детства, с младенчества... Но автор этого проекта на всякий случай решил остаться анонимом.

Возобновились теоретические и экспериментальные поиски «принципа сверхскорости», который позволил бы отка-

заться от положения теории относительности, что ничто материальное не может превзойти скорость света в вакууме. Возглавил поиски выдающийся физик Бруно Аскер. Учёные ломали головы, как с наименьшим расходом времени преодолеть будничные для Вселенной, но сверхогромные для нас дистанции, что разделяют звёзды, — но не нашли ничего, что опровергло бы преобразования Лоренца (приписываемые Эйнштейну).

— Нынешних знаний явно мало, чтобы перейти к следующему в сравнении с релятивистской механикой этапу в теории движения и, понятно, в самом движении, — характеризовал ситуацию Бруно Аскер. — Нужны новые сведения о веществе, пространстве, мире. Чтобы добыть их, возможно, придётся лететь не за десятки, а за сотни и тысячи парсеков. А чтоб лететь, необходимо знать сейчас то, что узнаем только после полётов, — принцип сверхскорости. Получается замкнутый круг.

А мир звёзд манил! Гипотетические сверхсвойства белых карликов и нейтронных звёзд, сияющая пустота красных гигантов, направленное излучение космических частиц, шорох межзвёздного водорода, невыразительное бормотание в радиодиапазоне гаснущих светил... Наблюдатели на неземных обсерваториях открывали всё новые планеты у далёких звёзд.

А жёлто-красная Г-1830, гостя из другой галактики, уходила со скоростью 376 километров в секунду, удалялась каждый год на два размера Солнечной системы. На семнадцать миллиардов километров ежегодно удалялась нераскрытая тайна... Звёзды мерцали в земном небе, неподвижными россыпями сияли над Луной и Марсом — влекли, будто поощряли людей, которые уже поняли вкус своего могущества.¹

¹ В издании 2002 года в данном абзаце сбой вёрстки с утратой связности текста. Выпавший фрагмент восстановлен по смыслу и по соответствующему фрагменту украиноязычного издания 1964 года. (Прим. ред.)

Зов звёзд! Остап Искра хорошо знал, что это такое. В ясную ночь не можешь спать, до галлюцинаций выразительно представляешь сумеречные отблески на корпусе космолёта, раскалённый до голубизны от громадной скорости рой звёзд впереди. Мысли просты и величественны, забываешь о трудно пройденных парсеках пустоты и тьмы, о сосущем сердце одиночестве; остаётся лишь одно: что там, около ярчайшей звезды впереди?.. Не один раз этот зов срывал с Земли и бросал в пространство Остапа.

«Нужно набраться терпения, — говорили умудрённо-умеренные. — Может быть, через полстолетия и удастся снарядить экспедицию к загадочной Г-1830. А пока — увьи!..»

Тогда шестеро заявили: «Мы полетим к Г-1830. Полетим сейчас... строя в пути звездолёт. На скорости 0,8 от световой!»

...Впрочем, сначала их было трое. Конструктор Стефан Март, инженер-космостроевец Иван Корень и межпланетник Антон Летье. Они опубликовали свой проект-программу сразу и полёта в звездолёте «типа мастерская», и достройки его.

Звездолёт-мастерская... Искра вспомнил фотоснимки этих троих, найденные в архиве. Смотрел и удивлялся. Ну, Антон Летье, тридцатидвухлетний красавец и ас номер один, понятно; тонкие черты лица, дерзкая улыбка и такой же взгляд, выющиеся волосы. Такому всё даётся легко, сама жизнь игра... Стефан Март смотрел со снимка холодно и решительно, стиснув губы. Тоже, видать, человек честлюбивый и упрямый, готовый лечь костями, но доказать своё. Но вот Иван Корень. Простое мясистое лицо, короткие волосы с сильной сединой, толстые губы, простодушный взгляд несколько выкаченных глаз. Он выглядел медлительным, осторожным — из тех, что семь раз отмерят, один отрежут.

Трудно было поверить, что именно ему принадлежала эта отчаянная идея.

Через некоторое время к ним присоединились две женщины: Марина Плашек — лекарь, биолог и девятнадцатилетняя Галина Крон — инженер-радиотехник.

Даже теперь такой — в принципе необоснованный — проект Звёздный комитет взял бы под сомнение. В пространство должен был подняться не звездолёт, а просто трехсотметровая цистерна с фотонными двигателями, большим запасом материалов, станков, инструментов, продовольствием... и экипажем из шести человек. Достроить и оборудовать звездолёт эти смельчаки намеревались сами — в Космосе.

«На приключения лучше не рассчитывайте, — предупреждал членов экспедиции Корень, — лететь доведётся годы и годы, десятилетия. Это будни. Жизнь человека наполняют и делают содержательными работа и творчество. Ни развлечения, ни спорт, ни что иное их не заменяют. Вот и спланируем всё так, чтоб никогда не остаться без дела, исполнять задуманное, проявлять мастерство».

Словом, Корень был человеком дела. Он хорошо всё прикинул: за 12 лет пути шесть работающих специалистов смогут оборудовать звездолёт, даже трудясь без натуги.

Но всё равно проект многих шокировал. Столько проектных институтов и заводов, сотни тысяч специалистов трудятся над проблемой звездоплавания... и на тебе. Обойдутся без них. Нет, шалишь!..

«Послать людей в дальний Космос на таком, с позволения сказать, звездолёте — то же самое, что отправить их прямо на тот свет!»

«Если им посчастливится вылететь из Солнечной, всё равно они не смогут затормозить у звезды».

«Даже если затормозят у Г-1830, всё равно астронавты не в силах будут развернуться обратно...» — и так далее, и тому подобное.

Наиболее яростно, как свидетельствовали пожелтелые страницы газет и протоколов заседаний многих комиссий, ополчился на проект Бруно Аскер — физик, математик, космолог, выдающийся учёный того времени. Студенты на видеолекциях и по сей день видят этого толстого дядю, слышат его грубый голос и далёкую от академической изысканности речь. Ныне он классик.

А потом случилось непредвиденное: Бруно стал шестым участником экспедиции. Вероятно, это и решило судьбу голосования в Звёздном комитете.

Астронавты стартовали отсюда, из Астрограда, шестьдесят девять лет назад, в октябрьский день 2048 года — на звездолёте, который даже не имел названия. «Назовём, когда построим», — пообещал Корень.

И вот трое из шести вернулись... без корабля.

3

Остап Искра приоткрыл дверь и остановился на пороге комнаты.

Глаза всех троих были прикованы к горам и морю, что расстилалось внизу. Женщины стояли на балконе обнявшись, мужчина несколько в стороне оперся о перила. Искра на мгновение увидел всё их глазами, глазами людей, которые много лет смотрели только на приборы и на чёрное небо в колючих точках звёзд.

И он, когда возвращался оттуда, жадно вбирал глазами белоснежные тучки, которые легко плыли в голубизне, синеватые снежные вершины гор, зелёные, пронизанные лучами солнца волны, разбивавшиеся, налетая на парпет набережной, на брызги и пену; на потоки машин, мчащихся по улицам, на зелень двухярусных бульваров, на фигуры и лица незнакомых, но родных людей... Он точно так вдыхал терпкий воздух, подставлял тело свежему предвечернему ветру с моря.

Остап Искра приблизился к троим.

— Ну... здравствуйте. Здравствуйте, Галина Крон. Я ведь не ошибся?

Девушка улыбнулась одними синими глазами, подала руку.

— А вы Марина Плашек?

— Да, здравствуйте, — услышал в ответ приятный чистый голос.

— Стефан Март, конструктор?

— Удивительно точно, — не без едкости усмехнулся тот, крепко стиснул протянутую руку. — Я просто в восторге. А вы?..

— Искра, председатель Звёздного комитета. — Остап прошёлся по комнате, сдвинул в ряд кресла, выкатил их на балкон. — Садитесь... и рассказывайте. Что с вашим звездолётом-мастерской, где он? Где остальные?

— Как, радиogramмы не получены, вы ничего не знаете?!.. — Голос Галины Крон задрожал. — Выходит...

— Ничего не выходит, Галинка, — сказал Стефан Март, усаживаясь в кресло. — Не забывай, что на Земле прошло... какой сейчас год, председатель?

— Две тысячи сто семнадцатый.

— ...прошло 69 лет. За эти семь десятилетий было столько событий, что радиogramму могли потерять или забыть.

— Не потеряли, не забыли... во всяком разе, то, что дошло... — Искра достал лист бумаги, развернул. — Но дошли, к сожалению, обрывки. Вот: «...ние, Солнечная!» — вероятно, «Внимание». «Буревестник»... шумы... «мы летим со скоростью ноль девяносто одна от световой...» — Искра вопросительно взглянул на троих. — Выходит, сильно превысили расчётную скорость?

— Да, — кивнул Март. — Что там дальше?

— Снова шумы, нерасшифрованные слова... «Местонахождение Г-1830...» — опять шум. «...маршрута такие...» Вот фраза, которую разобрали, но она всех озадачила: «...яркость Г-1830...» — шум — «...пропорционально квадрату расстояния до неё. Параллакс тоже...» — Председатель удивлённо поднял голову. — Зачем сообщать такое, из школьных учебников?

— Яркость звезды уменьшается пропорционально квадрату полётного расстояния до неё! — сердито сказала Марина. — Уменьшается, понимаете!

— Уменьшается!?! — Остап поражённо глядел на женщину. Прижатый рукой листик на его колене трепетал на ветру. — Та-ак... «Повторяю, параллакс уменьшается...» — шумы — «Столкнулись с... течением... Вынуждены и должны...» — шумы — «...чтобы исследовать это явление...» — Искра вздохнул, подал листок Галине Крон. — Вот и всё.

Остальное не расшифровали даже вероятностные машины. Если учесть, сколько эти сигналы шли в пространстве, и это чудо... Вообще здесь все вспомнили, что ваш полёт изначально, прошу прощения, отдавал авантюрой. Даже название кораблю вы дали в пути, привыкли к нему... а здесь ломали голову: что за «Буревестник»!

Астронавты не слушали его, склонились над листком, заворожённо смотрели.

— Значит, они всё-таки пролетели в расчётное время! — воскликнула Галина. — Удалось. И сейчас, наверно, возвращаются...

— Почему такой шум, искажения? — Март вопросительно глянул на Галину. — Может, передатчик?

— Передатчик был в порядке! — уверенно ответила инженер-радиотехник. — Просто предел слышимости, эфир Солнечной заполнен радиопередачами... Плюс скорость 0,91 от световой, доплеровские сдвиги частот. Всё ведь было на пределе...

— И даже за, — кивнул конструктор. Задумчиво продекламировал: — «...как к нумизмату стёршийся пятак, или как свет умерших звёзд доходит». Ну, приняли радиограмму — и что дальше? — повернулся он к Искре.

— Мы... то есть не мы. Тогда, в 2078-м, я был в своей первой экспедиции. Руководство комитета, судя по протоколам, недоумевало. Во-первых, при таком превышении скорости вы должны были сжечь весь запас аннигилята. А без него — сами понимаете... Если учесть, что к вашей экспедиции многие относились скептически...

— Ну, конечно!

— Словом, решили, что вы попали в беду. Надо спасать. Но на такой скорости вас мог догнать только звездолёт-автомат с радиоприводом. Его и послали — в том же 2078-м, в октябре. На скорости 0,93 от световой по вашей трассе. Он оставлял радиобуи, по которым передавал сообщения...

— Какие же?

— Однотипные: прошёл столько-то, ничего не обнаружил... через год: прошёл ещё столько-то, ничего не обнаружил... И так все эти годы. Как по-вашему, что мог подумать и решить Звёздный комитет?..

— Что звездолёт погиб. Спасателя уже отозвали?

— Приказ радировали вчера. После перехвата вас... увы, только троих. Аварийный выброс команды в ледяных астероидах — самый красноречивый признак, что «Буревестника» вашего больше нет. Жаль, что обнаружили не всех... или они придут позже? Вы ведь тоже не одновременно. Что у вас там произошло?

— Они придут намного позже!.. — Галина рассмеялась, закинув голову; но в её смехе был оттенок истерии. — И не в анабиозе. Дождаться бы...

— Дорогой председатель Искра, вы выловили всех! — Марина смотрела на него ласково и благодарно. — Мы надеялись, что долетит и будет перехвачен хоть кто-то, чтобы рассказать... ну, в лучшем случае двое. Но перехватить в объёме Солнечной троих!..

— Да, техника эти семьдесят лет не стояла на месте! — добавил Март.

— Хорошо, оставим восторги на потом, — поднял ладони Искра. — Кстати, вы должны быть наиболее благодарны тем, кто вас так точно направил. Но сначала вопросы. Что произошло? Где ещё трое? Где звездолёт, если он не погиб и на трассе его нет? Ведь пространство есть пространство, сами понимаете; всё видно. И наконец, что означает та фраза из радиограммы и ваша расшифровка её: что яркость звезды Г-1830 *уменьшается* от приближения к ней?!

— Пространство есть пространство... — раздумчиво повторила Марина Плашек. — И время есть время — так?

— Вы вроде как сомневаетесь в этом? — Искра пожал плечами. Он чувствовал некоторую неловкость с самого начала беседы: он был старше и по возрасту, и по положению — и в то же время явно моложе, *меньше* их, переживших такое.

— Выходит, старый Бруно был прав, — так же задумчиво вела та. — Есть вещи, которые можно познать только в упор. На местности. Там.

Галина рывком поднялась с кресла, подошла к перилам, взглянула в небо, показала рукой вверх и в сторону гор:

— Они теперь во-он там! В созвездии Скорпиона.

Все четверо были астронавты — и не нуждались в звёздных картах, чтобы даже днём на Земле сориентироваться во вселенском пространстве. Но Искра был ошеломлён: женщина указала не на созвездие Тельца, кое сейчас было внизу на востоке, под горизонтом, а в противоположную сторону!

— Да... — кивнул Март. — Уже лет шесть, как долетели — к звезде. Должны возвращаться. И им очень не помешала бы помощь. На обратном пути. А может быть, даже — извините, Галина и Марина, — и спасение. — Он повернулся к Искре. — Давайте, начну я. Потому что в тот день дежурили мы с Иваном Коренем...

Часть первая

С точностью до наоборот

1. «Открытие, оно же закрытие...»

1

В механическом отсеке звучала чистая мелодия скрипок. У каждого астронавта были свои любимые композиторы, свои избранные записи. Иван Корень любил Третий концерт Бетховена для фортепьяно с оркестром. Под эту музыку хорошо работалось и думалось. Вступление скрипок в темпе медленного марша. Потом нежная певучая мелодия... Сейчас вступит фортепьяно.

В динамике щёлкнуло, послышался тенорок Стефана Марта:

— Иван, а ведь со звездой что-то случилось...

— Случилось? — Капитан выключил станок, удивлённо соскочил на динамик. — Испортилась, что ли?

— Наверно, да. Она, осторожно говоря, не становится ярче.

— Но это оптический обман — от увеличения скорости, — подумав, спокойно сказал Корень. — Звезда была оранжевой, потом пожелтела, теперь она голубая. Эффект

Доплера. А наибольшая чувствительность глаза приходится на жёлтый цвет...

— Спасибо, я тоже всё это проходил! Но вот сейчас смотрю — и глазам не верю.

— Ну, хорошо, проверь приборами распределение яркости звезды по спектру. Ты ведь понимаешь, что это чепуха?

— Понимаю, Вань, понимаю. В том-то и дело, что я всё понимаю... — Голос затих. Щелчок — и снова зазвучала музыка, соло фортепьяно в бетховенском концерте.

Корень снова включил электроэрозионный станок. Синие искры начали хлестать латунный цилиндр, выплёвывать в бензол чёрные крошки и муть. После электрорезца оставался глубокий трапециевидный паз. Искры погасли. Корень извлёк из ванны тёплую втулку, остро пахнущую бензолом, потрогал поверхность паза: шершавая. Вытер втулку, зажал в тиски. Достал из ящика напильник с мелкой бархатной насечкой, начал осторожно притирать грани паза.

Вечная музыка звучала среди вечных звёзд. Руки Ивана делали другое не менее вечное дело, без которого ничего не было бы: работу. Созидание. И сложный ритм концерта Бетховена удивительным образом совпадал с движениями рук Кореня. Он даже начал тихо подмурлыкивать.

Всё идёт хорошо, на славу: и втулка, и экспедиция... жизнь удалась.

Минуло пятнадцать лет со дня старта, по внутреннему счёту девять. Если вычесть время анабиоза, каждый из них прожил в звездолёте не более четырёх лет. А сколько сделано!

Тогда от Солнечной удалялась, выбрасывая голубые столбы пламени, трехсотметровая герметическая цистерна. На три четверти она была заполнена аннигилятом, восьмую часть занимал склад материалов, инструментов, приборов и продовольствия. В носовом, угнетающе пустом и неудобном отсеке сидели на ящиках шестеро, четверо мужчин и две женщины. Они посматривали на голые стены с сизыми следами сварки и раздумывали, с чего начать.

— Да-а... — усмехнулся Корень своим воспоминаниям, бросил втулку в банку с чистым толуолом: отмыть масло.

Цистерна без названия (его решили дать, когда всё сделают, обустроят) ввинчивалась в пространство. Внутри же — да и снаружи — кипела работа.

Первые годы трудились все астронавты: свинчивали параболические решётки антенн в пустоте под бешенно крутящимися звёздами, собирали схемы, налаживали и выверяли курсовые автоматы, малярничали, прессовали из пластмасс бытовые приспособления, проектировали и монтировали душевые и санузел так, чтобы отходы шли на удобрение в оранжерею, склонялись над станками, отыскивали в гигантском корпусе корабля игольчатые отверстия истечения воздуха, переплавляли отходы материалов, готовили пищу...

Но наиболее увлечённо каждый исполнял своё любимое дело. Вряд ли кто из членов экипажа создал бы такую оранжерею, кроме Марины Плашек. А кто лучше Галины Крон озвучил бы все отсеки! Всегда есть музыка — вместо угнетающей тишины пространства: стереозвучание, будто сидишь в хорошем концертном зале, той же полноты диапазон. Это нужно уметь и любить.

«Как много может сделать человек!» — подумал Корень. На Земле твой труд растворяется в работе многих, не так заметен. А здесь — вот она, совершенная звёздная машина, сгусток их работы, мысли, творчества; их корабль, жилище, инструмент исследования Вселенной. «Буревестник!» Они шестеро создали это за 4 релятивистских года жизни. Теперь работу даже приходится экономить...

Стефан вошёл в мастерскую, глянул растерянно исподлобья:

— Яркость звезды не увеличилась против стартовой. Ни в одной части спектра. Так что эффект Доплера ни при чём. — Главный конструктор утомлённо прижмурился. — Знаешь, по-моему, яркость даже уменьшилась...

Они вдвоём дежурили на корабле. Остальные спали в контейнерах анабиозной установки при температуре, близкой к абсолютному нулю. Когда самое нужное: обсерватории, энергосистема, оранжерея, каюты и кухня, система автоматического управления двигателями — было исполнено, перешли

на режим трехмесячного дежурства по двое. И силы, и жизнь также следовало экономить.

— А скорость?

— Та же, 0,82 от световой. С чего бы ей меняться! Двигатели выключены. — Стефан пригладил пятернёй редкие волосы. — Слушай, ты что-то понимаешь? Мы летим к звезде, а она темнеет, будто удаляется! Мы прошли почти половину пути. Г-1830 должна светить втрое ярче, а она...

— Фотоэлементы в порядке?

— А с чего им быть не в порядке, это же кристаллы!

— Полупроводниковые, очень чувствительные. Сравни с эталонами.

— Хорошо. — Стефан повернулся к двери.

— Постой! — окликнул Корень. — Пошли вместе.

В стометровом коридоре, что вёл мимо рубки управления к носовой обсерватории, тоже звучало фортепьяно с оркестром. Здесь было прохладно — всегда, когда не работали двигатели. Корень и Март прошли мимо оранжереи; там пышно цвели розы и пионы, зеленели овощные грядки, выстроились карликовые, специально выведенные для пассажирских планетолётов яблоньки и апельсиновые деревца. Миновали овальные двери кают, люки пищевых холодильников, покрытые инеем двери отсека с установкой «Засыпание — Пробуждение» — от неё веял колючий холод. Проходя мимо, Корень подумал, что через 36 часов они со Стефаном вернут к жизни двух астронавтов, а сами залезут в контейнеры и на три месяца превратятся в куски льда. Да и пора, они уже устали от однообразия пути.

Выгнутые стены коридора были расписаны от пола до трапа — им пользовались, когда работали двигатели и ускорение меняло привычные представления о «верхе» и «ниже». Чего здесь только не было! Закат над тёмно-синим морем, кровавой полосой между призрачными облаками... Вот голубой ветер прижал к жёлтому песку неземного вида растения, срывает и несёт красно-жёлтые лепестки... Зелёные поля по бокам гудронового шоссе, а на нём у горизонта маленький мотоциклист... Всё намалёвано размашисто и ярко: Антон Летье не любит смешивать краски.

- Скоро ему негде будет рисовать, — заметил Март.
— Ничего. Закрасит и начнёт по новой.

Стефан открыл массивные двери в конце коридора — и, так казалось, ступил прямо в бешено вращающийся звёздный простор. Корень, следуя за ним, хоть и знал, что прозрачная полусфера обсерватории прочна, как броня, ступил на неё с инстинктивной опаской. Здесь тоже было холодно: Космос высасывал тепло сквозь полусферу.

— Включить освещение? — спросил Март.

— Не надо, пусть глаза привыкают.

Они на ощупь нашли сиденья, закрепились в них.

Капитан включил противовращение обсерватории.

Звёзды замедлили головокружительный бег. Возникло тошнотворное ощущение стремительного падения — переход к невесомости. Корень чувствовал, как на коже выступает липкий пот, во рту набирается слюна. Через силу усмехнулся: на чём он только не летал, а так и не избавился от этих приступов морской болезни; только и того, что наловчился их скрывать.

За прозрачной полусферой ярче всех пылал Альдебаран. Из-за скорости «Буревестника» он выглядел не жёлто-красным, как с Земли, а бело-голубым.

— Видишь, какой он стал. — Стефан указал рукой. — Чувствуется, что до него уже не 12 парсек, а восемь. А наша Г-1830 наоборот...

Через несколько минут их глаза привыкли к темноте. Теперь в свете звёзд можно было различить не только контур многообъективного телескопа, похожего на дерево с обрубленными ветвями, но и шкалы приборов, риски делений на микрометрических конусах. Болезненный переход к невесомости кончился, астронавты будто окунулись в спокойную, неощутимо лёгкую воду.

Конструктор поискал в шкафчике, выбрал самый чувствительный фотоэлемент, стал проверять его по стандартной световой точке.

Корень склонился к окуляру. Россыпь звёзд в круге телескопа стала гуще. Капитан сразу отыскал в центре, у перекрестия, неяркую звёздочку. Громадная скорость звездолёта пре-

вратила её из оранжевой в бело-голубую. «В чём дело? Мы не следили за ней постоянно — так, присматривали. Зачем издали наблюдать то, на что досыта насмотришься вблизи?.. Обнаружилась переменность? Так вдруг? Астрономы наблюдали Г-1830 два века — и не заметили колебаний яркости. В чём же дело?»

Стефан приладил фотоэлемент к спектроскопической приставке телескопа, настроил.

— Смотри сам.

Корень глянул на радужные полосы на экранчике, числа под ними. Бесспорно, яркость уменьшилась. Почти вдвое. Приборы не ввали — там нечему врать... Так не бывает, чтоб звезда, которая ровно светила века... да что! — миллионы лет, вдруг, когда к ней полетели, начала угасать.

Промерил ещё раз, сам переградуировал шкалу, внимательно осмотрел всё и вся, вытер незримые пылинки; всё равно.

Включили свет и компьютер. Иван вывел на экран справочные данные, формулу, которую помнил со школьных времён. Ввёл пройденную «Буревестником» дистанцию, поправки на скорость, спектральные сдвиги... просчитал точно.

И вышло точно: звезда, к которой они летели — сиречь приближались, — уменьшила яркость ровно настолько, как если бы они на такое расстояние *удалились* от неё. По всему спектру.

Корень повернулся к Марту.

— Ты что-нибудь понимаешь?

Тот отрицательно покачал головой:

— Пока лишь только величие Вселенной... Что собираешься делать?

— Надо измерить параллакс Г-1830.

— Думаешь, астрономы ошиблись, расстояние до звезды иное? Этого не может быть!

— И такого убывания яркости тоже. А оно есть... Не забудь поставить подпорки к деревьям, а то ломаем.

Он развернул «Буревестник» на 90 градусов и включил двигатели. Сорок восемь часов они наполняли звездолёт рав-

номерным тугим дрожанием и двойным ускорением, двойной тяжестью. Теперь корабль сносился в сторону от луча Г-1830 на 5000 километров за каждую секунду.

Через двое суток смещение стало заметным. Корень и Март измерили угол, на который сместилась звезда. Молча, каждый отдельно они взяли данные измерений и подсчитали расстояние от звездолёта до Г-1830. В другое время оба рассмеялись бы, если бы кто-то сказал, что их встревожит элементарная задачка для младшекласников: по двум углам и стороне вычислить треугольник... Но сейчас им было не до смеха.

Астронавты обменялись бумажками.

От Солнца до звезды было 10,1 парсеков. После пятнадцати лет полёта «Буревестника» к Г-1830 с субсветовой скоростью расстояние до неё составляло 13,883 парсека! Расчёты совпали до третьего знака после запятой... Не было сомнений: они летели к звезде, видели её впереди — и в то же время удалялись от неё. Причём как раз на столько, на сколько должны были приблизиться — на 12 световых лет.

Оба молчали, оглушённые этим открытием. Корень, болезненно наморщив лоб, через силу произнёс:

— Время... Больше нечему быть. Только оно.

— О чём ты? — не понял Март.

— Об этой звезде. Понимаешь, у неё время течёт противоположно нашему. Потому так и получилось. Она не впереди, а позади нас... — Он схватился за голову. — Полтора десятилетия лететь не туда, не в ту сторону!..

Стефан смотрел на Кореня растерянно, даже с испугом.

— Ты с ума сошёл!.. Постой... если знак времени изменить, то по уравнениям Максвелла электромагнитные волны света пойдут не от источника, а к нему. К нему!.. Мы же и на Земле, и здесь смотрим навстречу этим волнам. Не спиной же воспринимать... Постой, может что-то ещё?

Капитан поднялся, покрутил головой:

— Ну и положеньице!

— Так что, будем тормозить? Туда, — Стефан мотнул головой в сторону созвездия Тельца, — лететь явно нет смысла.

— Не спеши. Где потеряны годы, дни ничего не решают. Надо посоветоваться.

Не оранжерея, а Анабиозная Установка «Засыпание — Пробуждение» была главным детищем и главной работой Марины Плашек. На Земле она лишь изучала это дело; с собой взяла несколько кроликов для первых опытов. После обустройства «Буревестника» к конструированию установки подключились все (в собственных интересах, как резонно заметила Марина) — и сделали на совесть. «Даже неизвестно, есть ли такие на Земле!» — заявил тогда Летье. («Сейчас-то, пожалуй, уже есть», — подумал Корень.) Второе после звездолётов устройство, принявшее вызов Вселенной, её надчеловеческих пространств и времён: устройство для прерывания жизнедеятельности. Многократно, вроде включений и выключений компьютера.

Корень не раз пробуждал товарищей, подвергался этому процессу сам — и всякий раз удивлялся происходящему. По настоящему удивляться следовало противоположной операции, засыпанию: под воздействием резонансного облучения генератора молекулярных колебаний тепловая тряска молекул и атомов мгновенно замедлялась; тело человека охлаждалось так быстро, что влага в тканях не успевала кристаллизоваться — каждая клетка, мускул и нерв оставались целы и живы. Но человек при этом превращался в стеклоподобную глыбу; это было противно и страшно.

А превращение в миг пробуждения сизого куска аморфного льда в человека — это было чудо.

Март стал у пульта молекулярных генераторов. Корень надел асбестовые рукавицы, вкатил на площадку покрытый инеем контейнер с смёрзшим в лёд человеком. Капитан был сосредоточен и хмур.

Он очистил от инея верхнюю грань контейнера. Там, в прозрачной толще льда, застыл мужчина. Глаза его были закрыты, под белой кожей выразительно выступали мышцы. Антон Летье, или просто Тони, первый пилот.

Иван установил контейнер под рефлекторы генераторов. Стефан повернул выключатель. Мощный поток сверхвысокочастотной энергии прошёл сразу лёд и тело. В неулови-

мый миг восстановилось тепловое движение молекул. Лёд стал водой. Тело Тони из синего превратилось в бледно-розовое.

Но пилот не проявил признаков жизни. Обмякшее тело безвольно качалось в воде.

— Что это с ним? — обеспокоился Март.

— Придуривается... — бормотнул Корень, закатал рукава, погрузил руки в воду и энергично пощекотал Тони. Тот сразу подхватился, выпрямился, по грудь высунулся из воды.

— А, это ты, Иван... погоди, а почему? Мы ведь дежуриим после Галинки и Марины. — В его глазах мелькнуло разочарование.

Расплёскивая воду, он выскочил из контейнера, тряхнул головой, откинул назад мокрые волосы. Вопросительно взглянул на товарищей.

— Что-то случилось, ребята?

Вместо ответа Корень протянул ему полотенце.

— Одевайся, сбор через тридцать минут в отсеке управления.

Нагая Марина Плашек просвечивала сквозь мутноватый слой льда, как в полумраке: это подчёркивало извечную прекрасную тайну женственности, женского тела. Сейчас она раскроет лучисто-серые глаза, соберёт в тяжёлый узел пепельные волосы и слегка смущённо усмехнётся. Иван положил руку на край контейнера — холод почувствовался и сквозь асбестовые рукавицы.

Женщины на корабле... Марина, Галя. Обе чудесные, каждая по-своему. Рядом с ними хотелось быть красивым и остроумным. Хотелось нравиться им. Понятное дело, что за товарищеским отношением прятались и другие чувства. Но никто не пытался сблизиться, понимая, как это усложнит жизнь на корабле.

Прятать такие чувства было легче, пока астронавты жили на звездолёте все вместе, трудились, все были на виду. Когда же начались дежурства по двое, «нестойкое лирическое равновесие», как называл ситуацию Бруно, могло быстро нарушиться. Поэтому капитан своей властью определил: Марина и Галя дежурят в одной смене. И точка.

... Первым Марина после пробуждения увидела Корень, улынулась радостно и удивлённо; на щеках возникли чудесные ямочки. Потом заметила и Марта — уголки губ дрогнули, улыбка исчезла.

Отжимая мокрые волосы, она смотрела на них.

— Давно я не видела вас такими небритыми, парни. Что-то случилось, а?

Корень коснулся ладонью подбородка, наткнулся на щетину.

— В самом деле, не побрились...

Бруно Аскер даже во льду, казалось, о чём-то размышлял.

— Полнеете, физик. Если так пойдёт, следующий раз вас не удастся проморозить, — заметил Март, помогая ему выбраться из контейнера.

... Корень не раз спрашивал себя: вот если бы он, Иван Корень, сперва яростно напал на проект звездолёта-мастерской, а потом пришёл проситься в состав экспедиции, — приняли бы его? Никогда и ни за что. Посмеялись бы в лицо. Потому что он человек обыкновенный; Иван это давно понял и не печалился напрасно. Правда, сделал и достиг в жизни немало. Но всё созданное им не имело всепокоряющего блеска таланта; ну, умел работать, бороться, отстаивать своё, добиваться результатов — но и только.

А Бруно приняли. Бруно Аскер! Этим всё сказано.

Корень усмехнулся, вспомнив юбилей Аскера, тридцатилетие «плодотворной научной деятельности». В надлежащий день и час у входа в лабораторию Аскера (он тогда работал в области ядерного аннигилята) собрались учёные, студенты, корреспонденты, просто любопытствующие. Бруно вышел в синем, перепачканном графитом и маслом халате. Из толпы выделился пожилой солидный дядя с бумажкой в руке, откашлялся... Но юбиляр его опередил, заговорил первый: «Любовь к круглым числам свойственна тем, кто плохо умеет считать. К тому же я сторонник двоичной системы. А в ней 30 число некруглое...» — и пошёл по своим делам.

Бруно вылез из контейнера пробуждения, как из бассейна: отфыркнулся, вытряс воду из правого уха.

— Заболеваем зеркальной болезнью, физик, — решил Корень присоединить и своё мнение к предыдущему.

— Что за болезнь, впервые слышу, — покосился в его сторону Бруно, вынимая из шкафчика одежду.

— А это когда свои ноги могут увидеть только в зеркале...

— Хм... остроумно, но и только. — Бруно легко наклонился, достал ладонями пол. — Понадобится — похудею. — Достал из штанов сигарету, закурил, пошёл.

«Уже понадобилось», — едва не крикнул ему вслед Корень.

Остался последний контейнер. Иней на нём оттаял, пока размораживали других. Галина Крон лежала во льду, закинув руки за голову. Корень подкатил контейнер к площадке генераторов, когда в отсек вошла Марина.

— Капитан, я давно собиралась сказать тебе... — решительно начала она — и запнулась. Повернулась к Марту. — Стефан, оставь нас, пожалуйста. Мы управимся вдвоём.

Тот вопросительно посмотрел на Кореня.

— Хорошо, иди, Стефан.

Когда Март вышел, Марина сказала, смущённо улыбнувшись:

— Понимаешь, Иван... Галина ждёт ребёнка.

У Кореня на миг потемнело в глазах. Только этого сейчас не хватало. Он внимательно посмотрел в контейнер. Да, похоже. Животик Галины был несколько выпячен вверх. «Лететь?..» Похоже. Стало понятно разочарование в глазах пилота при пробуждении.

Как-то выходило, что Крон всегда работала с Тони. А однажды капитан, зайдя в оранжерею, увидел, как Галина расстrepала шевелюру пилоту. От счастья тот был похож на мальчишку. Корень не придал тогда этому значения. И зря...

— Марина, — капитан чувствовал себя неловко, — но вы же дежурили вместе!..

И заметил, как женщина закусила губу, а в глазах появились лукавые искорки.

«Вот так, капитан. Девушка полюбила — и все твои хитрые психологические построения, все приказы разлетелись,

как пожелтевшие листья под ветром. Не важно, что Космос, что усложнится и без того непростая жизнь всех... Она любит, у неё будет ребёнок. Это первично. Это выше расчётов... Надо оберегать её от перегрузок, от тяжёлой работы.»

— Иван, они любят друг друга. Любят!

От её взгляда Кореню стало ещё более не по себе.

— Я понимаю... — вспомнил, для чего делает экстренное пробуждение, не сдержал досаду: — Ах, как же это не вовремя!

Марина теперь смотрела на него холодно.

— Вы правы, капитан, это действительно не вовремя... Вы, похоже, такой правильный человек, что для вас подобное никогда не окажется «вовремя».

Корень тяжело вздохнул, сдерживая вспыхнувший гнев. Побагровел, отчеканил:

— Ошибаетесь, биолог Плашек. Я люблю детей, как все. У меня не было своих, не было семьи — так уж получилось. А сейчас я вспомнил о дисциплине и товариществе. И о том, что до ближайшего родильного дома более четырёх парсек.

— Извини, Иван, — тихо сказала Плашек.

У того играли желваки.

— Становись к генераторам... — Надел рукавицы, выкачал контейнер на площадку.

3

Отсек управления был самым большим помещением на «Буревестнике».

Передняя стена в экранах, табло, циферблатах, индикаторных лампах. Перед ней поворачивающийся пролёт штурманского мостика; он закреплён в боковых стенах шарнирами, чтобы поворачиваться и по векторам ускорений. Здесь скошенные тумбы пультов, кубы путевых самописцев, навигационные гироавтоматы.

Потолок отсека по диагонали пересекает чёрная полоса с фосфоресцирующими вкраплениями — звёздная карта их направления. Световое перо ведёт по ней зелёную линию, их путь — ведёт в сторону оранжевой точки на краю полосы...

«А карту-то придётся исправлять, а то и менять», — подумал Корень.

Включили верхний свет. Газовые трубки за шторками фильтров залили отсек мягким жёлто-зелёным, будто в солнечный день в лесу, светом.

Астронавты расселись в креслах у стен. Тони Летье, поглядев на капитана, не сдержался:

— Иван, ты выглядишь, как гоголевский городничий перед фразой: «Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить неприятнейшее известие...»

Все, кроме Кореня и Марта, заулыбались.

— Ты угадал, так оно и есть, — кивнул пилоту капитан. — Я в самом деле пробудил вас, чтобы сообщить неприятнейший факт: мы летим не туда.

— Неплохо сказано, — спокойно пробасил Бруно.

— Я говорю ответственно и серьёзно! Мы действительно летим не в ту сторону. С самого начала.

В отсеке стало тихо. Астронавты недоумённо и тревожно смотрели на капитана. Тот рассказал о наблюдениях Стефана Марта и своей проверке их.

— Звезды Г-1830, к которой мы командированы, звезды со странными параметрами — там нет, надо тормозить и поворачивать, — заключил Корень. — Мы со Стефаном не могли это решить за всех. Если кто-то сомневается в правоте наших выводов, у кого-то есть идеи дополнительной проверки, — высказывайтесь. Дело очень серьёзное, не до самолюбий. Если этого нет — надо решать, как быть дальше.

Поднялся Бруно. От его благодушия не осталось и следа.

— Я хочу посмотреть записи в путевом журнале. И последние, и старые.

Корень передал ему стопку тонких синих книжечек. Аскер углубился в них.

— Слушай, физик! — Тони со всеми был на «ты». — Возможно, ты найдёшь пару блох, мелких ошибок — но разве в этом дело! Речь не о том, на сколько процентов они ошиблись, измеряя яркость и параллакс Г-1830. Важно другое: действительно ли мы летим не в ту сторону, или здесь что-то иное?

— Вот я это и проверяю, — буркнул Бруно, не поднимая головы.

— Может, какие-то искажения пространства? — вслух размышлял пилот. Зеркальные отражения?.. Преломления, как в воде?..

В интонациях его фраз была не присущая Летье растерянность.

— Что бы там ни было: отражения, преломления или обратное время, но в направлении, куда мы летим, звезды нет, — сухо молвил Март. — Это строгий факт. Надо поворачивать обратно. — И он снова тоскливо уставился в пол.

— Мы удаляемся... каждая секунда размышлений уносит нас на 390 тысяч километров не в ту сторону! — Марина нерво стискивала пальцы. — Полтора десятилетия летели не туда!..

— Иван, но мы же видим звезду Г-1830 там, около группы Плеяд, — звонко произнесла Галина. — Видим, понимаешь? Как же повернуть назад... от неё?

— Зажмуриться, — негромко посоветовал Летье.

Стефан поднял голову, с укоризной взглянул на пилота. «Он ещё шутит... А реально со звезду всё ясно. Её там нет и не было никогда. Законы механики и оптики неумолимы. Надо поворачивать оглобли. Домой, на Землю. Экспедиция провалилась».

Всё не удалось. К чертям, домой. Хватит. Стефан вдруг почувствовал, как ему всё здесь надоело. Даже лица товарищей. «Ну, что они обсуждают! Просто тянут время. Привыкают к факту, к коему я уже привык... В конце концов, ничего исключительного: природа в который уже раз поставила человека на своё место. Носом в угол. И каждый раз мы пытаемся противопоставить могучим проявлениям сложности мира комариный писк своих рассуждений. «Мы видим...» — сказала Галина. — Ты и в зеркале себя видишь. И очень приятно...»

— Ага, вот! — воскликнул Бруно, встал.

Все повернулись к нему.

— Я искал в журналах идею опыта, которым можно было бы проверить, куда мы на самом деле летим, и нашёл... только не идею, а сам эксперимент. Он был поставлен ещё в конце третьего года полёта, когда мы все трудились в поте лица.

В основном, капитаном и Летье, но и при моём участии, да и вашем — в обсуждениях и согласии. Помните, тогда обнаружилось, что курсовой гироскоп-автомат постоянно сносит корабль вправо от целевой звезды? «Ошибка» за три года составила почти две угловых секунды. Тогда Корень и Летье «исправили» автомат. Отрегулировали так, чтобы не сносило. Да, мы это обсуждали и согласились, и я согласился. Дело же очевидное... — Он перевёл дух, оглядел всех. — Но гироавтомат-то был исправен! Он строго вёл звездолёт в направлении на Г-1830, которое мы задали при старте и разгоне — с учётом, что звезда уходит вправо с определённой угловой скоростью. Мы же задали ему и поправку, что по мере приближения скорость сноса будет расти. Но она *уменьшалась*, раз мы уходим от звезды! Автомат не врал, врала Г-1830... и в дураках оказались мы.

Аскер не сел, а рухнул в кресло. Из него будто выпустили воздух; даже полные, ещё недавно округлые щёки обвисли.

Побагровевший Корень взял тетрадки журнала, листал, нашёл те записи. Хотя он и так всё помнил. Бруно прав, так и было.

Ничего не изменилось в отсеке. Так же лился сверху жёлтый свет. Так же сидели в креслах астронавты. Но теперь каждый понимал: они со скоростью молнии мчат в неизвестность. Уж если Бруно не смог опровергнуть выводы Кореня и Марта, а наоборот, подтвердил их, значит, так всё и есть.

— «Фрегат» летел-летел, не долетел... — нарушил молчание Тони. «Буревестник» летел ещё дальше и дольше — с тем же результатом... «Те, что пятнадцать лет летели не туда» — до смерти за нами останется. Пальцем будут указывать.

— Ну почему?.. — подняла пушистые брови Галина. — Ведь, что ни говори, мы сделали такое открытие: звезда с обратным течением времени.

— Да, действительно, — поддержала Марина.

— Это в гораздо большей степени закрытие, чем открытие, — невесело сказал Летье. — Закрытие звёздной карты неба, например. И надолго. Теперь на каждую звезду нужно глядеть с сомнением: то ли она там, где видим, то ли в противоположной стороне. А проверить можно только нашим спо-

собом: лететь не туда. А звёзд-то в небе ого-го. К каждой не полетишь...

— Но эта же из другой галактики, — возразил Март. — Альдебаран-то вон как увеличил яркость. Значит, с ним всё в порядке.

— Насчёт другой галактики это предположение, которое ещё надо доказать, — ответил пилот. — Да и галактика эта, выходит, вовсе не в Треугольнике, а неизвестно где...

— «Мы сделали открытие!..» — вдруг с ядом повторил Бруно и так свирепо взглянул на инженера-радистку, что та съёжилась. — «Такое открытие!..» И когда же, интересно, мы его сделали? Когда спали в контейнерах? Когда «исправляли» курсовой гироавтомат? Когда отворачивались от фактов и плевали на наблюдения?.. Мне доводилось делать открытия, я знаю, какой это труд, какой мучительный поиск истины... и какая потом, когда достигнешь её, радость, даже гордость собой. А сейчас ни радости, ни гордости — стыд. «Нашли звезду с обратным течением времени...» Вот не думал, что наилучший способ такого поиска — удирать с субсветовой скоростью от предмета поиска!

Снова воцарилась тишина в отсеке. Унылая тишина.

— Ну что? — нарушил её Стефан. — Надо начинать торможение... — поглядел на капитана.

И все посмотрели на Кореня. Он сидел, сложив руки на груди. Усмехнулся.

— По-дурному пятнадцать лет летели не в ту сторону, теперь так же по-дурному сразу и тормозить... Будто самосвал со щёбёнкой, чтоб на забор не наехать. Ещё бы, это же *очевидно!* То было очевидно, что надо туда лететь, а теперь сразу очевидно, что надо тормозить и поворачивать... Не слишком ли много «очевидного»?

— «...как тот, кто заблуждался и встречным послан в сторону другую», — продекламировал Март; у него была склонность цитировать поэтов.

— Насчёт заблуждения верно, — скосил глаза в его сторону капитан. — Вот только «встречного», который объяснил бы дальнейший маршрут и вообще что к чему, нет. Надо самим. Несколько дней инерционного полёта сейчас ничего не изменят. А вот необдуманный расход аннигилята — многое.

Решит же ситуацию, в которой мы очутились, прежде всего глубокое обдумывание её — с обсуждением и спорами. Понимаете... — Он оглядел всех. — Мир-то, оказывается, не такой. От самых глубин. Вот и надо повникать. А уж тогда соответственно действовать.

— Правильно, поддерживаю! — пробасил Бруно. — Светлая у тебя всё-таки голова, Иван.

— Куда уж светлей... — тот поднялся. — Особенно с гирикомпасом. Десять лет назад могли разобраться — или хоть насторожиться, десять лет!.. Ладно. Отдыхайте, потом продолжим.

2. Парадокс Марины Плашек

1

Небо над городом покрылось тучами, потемнело. Только западный край его подсвечивало солнце.

Искра поднялся, тронул рычаг: над балконом развернулся тент. Почти тотчас по нему застучали капли дождя.

— Дождь! — Галина протянула руки, подставила ладони под большие капли. — Смотрите, идёт «слепой дождь»!

Косые струи, подсвеченные низким солнцем, забарабанили по тенту, рассыпались радужной пылью на крышах соседних домов, образовали ручьи и лужи на асфальте. Люди спрятались под деревьями, улица обезлюдела. Только машины сновали по мокрой автостраде.

Астронавты молча и жадно всматривались в затуманившуюся картину города среди нахмурившихся гор.

— Сейчас будет молния! И гром! Ну!.. — воскликнула Крон.

— Молнии не будет, грома тоже, — сказал председатель. — Вечерняя поливка города: промыть улицы, освежить воздух. Через минуту кончится.

Верно, через минуту тучи растаяли в синеем небе. Заблестели под солнцем крыши, над асфальтом поднялся пар.

— Жаль... — вздохнула Галина, села.

... Искра сказал это автоматически, дал справку, как робот. Сам думал о другом, об услышанном только что. Мысли

были тревожные, почти панические — в ключе: этого ещё не хватало!

Он хорошо понимал состояние астронавтов «Буревестника», узнавших, что летят не туда. Люди готовили себя к подвигам, трудам и опасностям, а попали в дурацкое положение. Да если бы только они!.. Обратное течение времени. Открыто не в лаборатории под микроскопом — во Вселенной. Как мощное явление. И вполне возможно, что равноправное с обычным.

Остап перебрал в уме звёздные экспедиции за эти семь десятилетий. Их было послано четырнадцать. Не вернулись, потому что ещё рано по срокам, три. Не вернулись, хотя все сроки прошли, то есть, видимо, погибли — четыре; включая и «Буревестник», кой теперь вроде как ожил. Те семь, что вернулись и привезли интересные наблюдения и результаты, все они летели *туда*. То есть подтвердили, по большому счёту, что мир такой. Каким его видим.

...А что если и те три «погибшие экспедиции» мы поспешили списать? Если и те астронавты как-то вернутся или дадут о себе знать? Это почти наверное будет означать, что и они столкнулись с какими-то суперявлениями и супероткрытиями во Вселенной, смешавшими все их карты; то есть по крупному, что мир *не такой*.

— Рассказывайте дальше вы, Марина, — предложил Март. — Вы принимали более активное участие в дискуссии, чем я. Один ваш парадокс многого стоит!..

— Если бы его не высказала я, его высказали бы другие, — улыбнулась та. — Это витало в воздухе. Понимаете, — повернула она голову к Искре, — мы, что называется, завелись. Почувствовали злость исследователей, даже ярость...

— У Бруно это точно была ярость, — усмехнулась Галина.

— Да. Но он-то и задал тон всему.

2

Ярость это была, или что-то иное, но за часы, на которые они расстались, произошло то, чего не могли добиться

от Аскера за годы — ни намёками, ни подтруниваниями, ни прямыми замечаниями: он похудел. В отсек управления он пришёл постройневший и даже, кажется, помолодевший. Чисто выбрит, движения и жесты собранно-чёткие; и в глазах действительно затаённый гнев исследователя, гнев мысли.

— Прежде всего приношу свои извинения нашим женщинам, — начал он, едва войдя в отсек, — за то, что вёл себя неподобающим образом: повысил голос, наговорил резкостей... — И голос у Бруно стал чётче, яснее. — На самом деле они — прежде всего Галинка — правы. Действительно произошло величайшее открытие — и мы на острие его. Так ли, иначе ли, по-дурному, по-умному... без нас не обошлось. Теперь предаваться унынию, распускать нюни, самобичеваться — пустое дело. Словом, я был неправ, а Галина права. И Марина тоже.

Физик повернулся к ним, сидевшим рядом в углу, чопорно склонил лысую голову.

— Ещё раз прошу простить...

Галина порозовела, с улыбкой кивнула. Марина поступила иначе: протянула руку тыльной стороной ладони вперёд. Бруно понял, сделал шаг, поцеловал руку. Такое астронавты видели только в старых фильмах.

— Ага, можешь, — невозмутимо одобрил Корень. — Теперь давай высказывайся по существу. Я ж вижу, что тебе есть что сказать.

— Ещё как есть-то... Понимаете, мы пожинаяем сейчас плоды многовековой трусости мышления.

Физик не сел в кресло, ходил около него, останавливался, опирался на спинку. Будто возле кафедры в университетской аудитории, а не на мчавшем в неизвестность звездолёте.

— И трусости, как ни прискорбно, именно физиков — в том числе и меня. Ведь в плане теоретическом что произошло? Да ничего особенного: математические решения со знаком «минус» надо уважать точно так, как и решения со знаком «плюс». Только и всего. Это всё мы в школе проходили... Тем не менее в истории науки, истории фундаментальных открытий только один человек имел мудрое мужество так сделать. Вы знаете имя этого человека, потому что благо-

даря ему существует звездоплавание. Он открыл для него антивещество...

— Дирак, — негромко молвил Корень.

— Да. Поль Адриен Морис Дирак, первая половина XX века. Он построил теорию материи, по которой вещество порождается вакуумом как флюктуации этой плотнейшей среды. Вакуум, пространство — океан, вещество — рябь на поверхности его... В смысле математическом эти флюктуации — решения квадратного уравнения. А их, как известно, два: одно с плюсом перед корнем, другое с минусом. С плюсовым решением было ясно, это обычное вещество. Минусовое не с чем было отождествить, его по всем канонам полагалось отбросить. Но Дирак предположил, что и оно описывает вещество, только пока неизвестное нам: в нём противоположны знаки зарядов. У атомного ядра он отрицателен, а у электронов положителен... Дальше вы знаете: открытие позитрона, открытие антипротона — и так до синтеза антивещества. Дирак же предсказал и явление аннигиляции вещества и антивещества с выделением огромной энергии: ведь + и — взаимно уничтожаются. Т. е. тоже из самой простой тематики.

— Он получил Нобелевскую премию, высшую награду для учёного в те времена, был вознесён, канонизирован... а теорию его, между тем, потихоньку удушили подушками. В ту пору свирепствовал «кризис физики»: резкое противоречие новых фактов естествознания с прежними представлениями о мире и себе — что первичны тела (то есть и мы, ибо мы тела), пространство — это пустота с полями и всё такое. Должен сказать, что кризис этот не прекратился до сих пор, просто о нём перестали говорить. Больше того: сейчас мы с вами такие жертвы этого кризиса, как в давние времена банкроты и безработные были жертвами кризисов экономики.

— Выбор был не между частностями, теоретическими направлениями — а грубо прямой, между крайностями: или этот мир таков, как мы его воспринимаем, с телами и пустотой между ними, или совсем иной: есть плотная мировая Среда, а в ней различимы нами лишь неоднородности-флюктуации; они и есть «тела». Так вот, теория Дирака подтверждала именно Среду — и такой плотности, что против

неё прежние модели — мирового эфира и тому подобное — были жалки: ядерной! И вещество действительно порождалось Средой просто и прямо, не только в смысле математическом. Это означало то, до чего сейчас дозреваем мы и, в частности, капитан Корень: мир совершенно не такой.

— И... все корифеи естествознания перед этой моделью, перед перспективой общего потрясения умов — струсили. Да извинят меня дамы, навалили в штаны. Валили они в них и потом, вплоть до нашего времени...

— Включая и тебя, — безжалостно заключил Корень. — Ты ведь тоже на Земле в корифеях ходил.

Бруно побагровел по самую лысину, замолк. Потом сказал с трудом:

— Да, включая и меня. И виноват наиболее в происшедшем здесь именно я. Одним своим присутствием, кое избавляло остальных от необходимости глубоко думать. Ну ещё бы, с нами такой авторитет!.. Ухх... — Он постучал себя по широкому лбу кулаком, крепко постучал.

— Ладно, так что там дальше с теорией Дирака? — направил разговор Летье.

— Что?.. Наиболее блестяще подтвердившаяся теория естествознания была отвергнута. Антивещество приняли, математический аппарат, из коего оно вытекает, тоже — куда ж денешься! Но модель ни-ни. Она забыта, как и Кризис физики... Тем самым был скомпрометирован и глубочайший Дираков подход: что за любым математическим решением — пусть с минусом или в мнимых числах — есть какая-то реальность... — Аскер помолчал, оглядел всех. — Тем самым так же неявно подушками было удушено и время со знаком минус, или, говоря острожнее, идея распространения света со знаком минус: не от источника, а *к нему*.

— Да, на Земле такого нет, в Солнечной системе тоже не обнаружили. Всюду, если видим что-то, то уверенно приближаемся: оно, это что-то, растёт в размерах и оказывается на месте, где видели. Но что такое десятиллиарднокилометровый поперечник Солнечной системы, которую свет пролетает за неполные сутки, в масштабах Вселенной, где дистанции измеряют световыми годами, световыми тысячелетиями и даже, если до иных галактик, миллионами световых лет?

Пятачок. Точка... Почему же распространили представления из этой точки на всю необъятность?

— Но и в первых звёздных полётах тоже ничего не обнаружили, — сказал Летье.

— Ну, присоединили к пяточку хвостик в несколько парсек, — пожал плечами физик. — Много ли это?.. — Он заходил по отсеку. — И ведь не требовалось ни теоретических изысков, ни глубин. Просто чтоб заискрило что-то в умах, витало в воздухе: посматривайте, мол. Мало ли что здесь так!.. Тогда бы и мы посматривали на Г-1830 внимательней с самого начала, а не через 17 лет. И с гирокомпасом не опозорились бы.

Пришла очередь снова побагроветь капитану. Гирокомпас он себе простить не мог. Опустил голову.

3

После речи Бруно в отсеке стало тихо. Каждый отнёс к себе его слова. Корифей ты или не корифей, это никого не избавляло от необходимости думать; в том числе и на глубочайшие темы, о каких не думают на Земле. О свойствах пространства и времени, например. Лететь-то им, быть один на один с этими свойствами им. И тоже не заискрило...

«Недоумковатость... — вертелось в голове Стефана Марта. — Приготовили себя к опасностям в виде каких-то активных проявлений космоса, даже к опасности долгого пути в одиночестве... а вот к беде по имени «недоумковатость» нет. И сейчас мы не столько жертвы, сколько дураки».

К себе, впрочем, он относил всё это в меньшей степени. Во-первых, заметил неладное именно он; и поднял тревогу тоже. Во-вторых, свою работу он, конструктор звездолёта в космосе, в пути, выполнил блестяще. Ему есть с чем вернуться на Землю, есть что показать. А вот остальным...

— Ничего не понимаю... — как-то растерянно улыбнулась Марина, посмотрела на всех. — Мы открыли звезду с обратным течением времени, так? Пусть. Давайте рассуждать логично. Допустим, у звезды есть планета, а на ней мыслящие существа... Логически допустимо, верно?

— Да, ну и что? — повернулся к ней Летье.

— Для тех существ их время течёт «нормально». По-нашему же наоборот: там старики превращаются в юношей, потом в младенцев... но это, можно сказать, их внутреннее дело. Для них всё выглядит так, будто это мы развиваемся от стариков к младенцам...

— ...но это наше внутреннее дело, — вставил Летье. — Одну из кинолент намотали не с того конца. Герой сначала гибнет, потом бредется...

— ... высаживая щетину на лицо, — добавил Корень.

— Да, — кивнула Марина, — и пока эти два мира не взаимодействуют, такое движение времён устраивает и нас, и тех существ — если они там есть. Но теперь системы взаимодействуют! Мы видим «антилучи» Г-1830, наблюдаем физическое явление, подчиняющееся иному времени.

— Вообще полностью изолированных систем нет, — заметил Бруно, усаживаясь в своё кресло. Его тоже заинтересовали размышления биолога.

— Теперь допустим, что мы сближаемся. Ну... к примеру, наш «Буревестник» подлетает к Г-1830 и её предполагаемой планете. Существа на ней заметят наш звездолёт. Это уже взаимодействие — и примем этот момент за общий ноль. Но... по логике времени за ним для существ планеты далее пойдёт прошлое: минуты, потом часы и дни, годы, века, когда они ещё не видели нас... — Марина перевела дух. — И, наоборот, до этого момента, даже вот сейчас, антивремя Г-1830 разворачивает в обратном направлении их будущее, в котором есть и наблюдения, и воспоминания о нашем прилёте. То есть даже, хотя мы в 14 парсеках оттуда, они знают о нас, о прилёте... и какой это звездолёт, от какого созвездия приблизился. Выходит, о нашем полёте на той планете знали до того, как мы стартовали... и даже до того, как родились? Как это может быть? Какая-то «божественная обусловленность»?.. — Марина снова растерянно улыбнулась.

— Где-то у тебя логическая ошибка, — сказал Летье.

— «Парадокс Марины Плашек»! Неплохо, — со вкусом сказал Бруно, удобней устраиваясь в кресле. — Стало быть, незачем туда и лететь? Мы там уже побывали, о нас помнят...

— Мы и не сможем туда полететь, — промолвил Март.

— Погодите, не об этом речь! — Марина встала. — И не о том, как назвать этот парадокс. Дело в другом: допустить, что у Г-1830 «антивремя», значит прийти к абсурду, к нелепому раздвоению события. По-моему, это имеет не только теоретический интерес. Возможно...

— ...что-то ещё поймём, всё станет на место и звезда окажется всё-таки там, где надо? — Бруно мотнул лысой головой в сторону носа корабля. — Это вы хотели сказать, Марина?

Женщина пожала плечами:

— Не совсем. Такой парадокс означает, что мы ещё не разобрались в сути происшедшего. Во всяком случае, недостаточно, чтобы принимать решения и действовать. А ведь это нам и надо...

— Верно. Что ж, давайте вникать дальше... Кто, собственно, первый высказал могучую мысль, что звезда Г-1830 живёт в антивремени? — Бруно оглядел всех.

— Ну, я, — подал голос Корень. — А что?

— Тогда объясни нам, пожалуйста, что такое время? Простое, не «анти».

— Время... гм... это объективно реальная форма существования развивающейся материи... — Капитан пытался вспомнить институтский курс философии. Как и любой нормальный человек, он был убеждён в материальности мира, но в работе и жизни более полагался на здравый смысл, опыт и интуицию, чем на теории. — Мир существует в пространстве и времени. Все процессы и явления протекают во времени... Устраивает?

— Не совсем. Пока что ты как святой Августин, который говорил: «Пока меня не спрашивают, я знаю, что есть время. Но когда спросят — ничего не могу объяснить!» Напрягись и превзойди того святого, ты сможешь. Дай что-то попроще, для практики.

— Проще? Длительность событий — вот что время. Мы видим, что одно событие, например, прыжок кота на мышь, меньше, короче, чем, скажем, обращение Земли вокруг Солнца. Поскольку все события имеют длительность точно так, как все предметы размеры, возникает универсальное понятие времени, вмещающего все события с их длительностями.

ми, наряду с понятием пространства — вместителища размеров. Вот...

— Неплохо, — кивнул физик. — Но что же тогда «анти-время»? Антидлительность? Чепуха. Продолжительность не имеет обратного знака, как и протяжённость и размер. Так что же за зверь «антивремя»?

— Погоди, — Корень поднял ладонь. — Время — продолжительность событий от начала к концу...

— А антивремя — длительность его от конца к началу? Браво!

— Где начало того конца, которым кончается начало? — глубокомысленно произнёс Стефан Март.

Все оживились, будто свежий ветерок овеял их. Астронавты хоть не действиями, но силой мысли пытались противостоять тупику, куда загнала их Вселенная.

— Не запутывай меня! — отчаянно взмахнул рукой Корень. — Я вот что имел в виду, когда употребил термин «антивремя». В известной нам части мира события происходят в определённых последовательностях. В частности, раскалённое термоядерными процессами внутри, Солнце испускает фотоны — и они растекаются от него во все стороны. Подчёркиваю: *от него*. Если же мы наблюдаем обратное: свет звезды идёт *к ней*, — почему не сделать вывод, что время Г-1830 течёт в обратном направлении?

— Потому что это неверно! — отрубил Бруно. — Не последовательность событий задана ходом времени. Она задаёт его! Это ещё называют, если помнишь, связью причин и следствий. И с этой стороны всё ясно: следствие — то, что гипотетические существа Марины у Г-1830 заметят наш «Буревестник», — никогда не наступит раньше причины, то есть прибытия нас туда. И нечего себе головы морочить.

— Что ж, может, и так, — сдался Иван.

— Да, это объясняет, — кивнула Марина, — хотя и не всё...

— Нет, я удивляюсь на вас, — подхватился с места Тони Летье. — И на тебя, Марина, и особенно на Ивана. Профессор давит на вас своим апломбом и авторитетом — и вы легко отказываетесь от своих правильных идей...

— Так или не так, — вздохнул Стефан, — что это меняет?..

Аскер повернулся к Тони, насупил лохматые брови.

— Чем сбивать с толка других, пилот, скажи что-то своё... если есть что.

— Есть! — запальчиво ответил Летье. — Время — нечто куда большее, нежели длительность событий. В этом сходятся представления людей и в философии, и в мифологии — начиная от бога Хроноса, поглощающего своих детей, то есть всё, что он породил, — и в искусстве, особенно поэзии... все эпосы мира в конечном счёте о времени! — и науки. В частности, представляемая тобою физика с универсальным символом t во множестве формул и уравнений, описывающих самые разные явления.

— Какой каскад терминов, какая эрудиция! — Бруно поцокал языком. — Только я на Земле возвратил зачётки не одной сотне студентов, которые маскировали незнание предмета подобной трескотнёй. Чтоб они пришли ещё раз...

— По сути, по сути, профессор!

— В твоих доводах нет сути. В подтверждение мысли «время это нечто» ты опираешься на гипотезы, кои сами ещё нужно доказать...

4

— Постой, Бруно! — прозвучал из угла отсека высокий звонкий голос Галины. — Не прошло и часа, как ты говорил о трусости мышления, ошибках и непонимании, в том числе и собственном... и тебе было стыдно. А сейчас ты снова на коне, будто на учёном диспуте на Земле, где победить противников значит переговорить их. Но мы не на Земле. И нужно не побеждать-убеждать Тони, меня, Ивана и всех, а... как-то выходить из ситуации. Нас ежесекундно относит на сотни тысяч километров в сторону Плеяд, а вы...

«Устами младенца...» — подумал Стефан.

И снова все увидели, как Бруно умеет краснеть. Он смотрел на Крон, приоткрыв рот, видно, намеревался и ей ответить; тем временем краска заливала его лицо, достигла лба и лысины. Он сел, опустил голову. Все молчали.

— Ты права, девочка, ах, как ты права... — медленно проговорил физик. — А я просто старый самодовольный индюк.

Привык ставить на своём. И студенты-то ведь часто со мной соглашались, лишь бы не было хуже, и сотрудники... Вот и ответ на твои недоумения, Марина, на недоумения всех. Нас заносит. Вместо поиска истин — победа над оппонентами. Не знаем ни что такое время, ни толком о мире причин и следствий, древнеиндийской кармы... Истина не в том — и спасибо тебе, Галинка, что я хоть сейчас уловил её. Есть огромная Вселенная, мы в ней меньше мошек. Да что — меньше вирусов. И что бы с нами ни происходило, от выдуманных ли «причин» к «следствиям», или реальных, если они есть, или наоборот — всё это не может быть главным во Вселенских делах. Подробности десятого порядка. А мы всё корчим из себя... и я тоже — будто мы пуп Вселенной. А вот если мы так, а что будет с нами и не нами такими же там-то?.. Понимаешь, разрешение твоего парадокса не в том, что те гипотетические существа увидят и как они стареют-молодеют... оно в том, что и они такие же микроскопические недоумки, как и мы, малые подробности на непонимаемом Главном.

— Ну, это тебя снова занесло, — не согласился Корень, — только теперь в иную крайность.

— Пока что занесло всех нас, — молвил Стефан. — И так далеко, как ещё никого никогда.

— Так я об этом и говорю, — сказала Галина. — Нам нужно туда лететь? Там есть звезда?

— Нет! — помотал головой Бруно.

— Нету, Галинка... — грустно усмехнулся Летье; он утратил интерес к спору. — Не о чем и говорить.

Все посмотрели на капитана.

— Подождите, — сказал Корень. — Бруно, сначала резюме. Оно у тебя есть.

— Резюме? Если осторожно и честно, то мы столкнулись с явлением обратного течения света. Световых лучей, фотонов. Не от некоего центра-источника, а к нему... но там уже не источник, а сток? — Аскер пожал плечами. — А уж что за этим: иное время, антивремя или что-то ещё... судить не берусь. Отсюда мы это не распознаем.

— Так, поговорили. — Корень поднялся. — Суммирую я. Яркость целевой звезды Г-1830 уменьшилась втрое, расстояние, измеренное мною и Мартом, возросло на 4 парсека. Бру-

но дополнил это третьим... кхе-гм! — результатом: гироавтомат не врал; мы его переградуировали напрасно. Достаточно ли всего этого для вывода: звезды там, — он указал на оранжевую точку на звёздной карте, — нет?

— Да.

— Вполне.

— Да.

— Да...

— Увы, да.

— Объявляю торможение в экономическом режиме.

Ускорение 0,6 g.

— В экономическом? — поднял брови Март.

— Всем действовать по штатному расписанию, подготовить свои помещения, закрепить предметы, слить жидкости... как всегда. После выхода на расчётное ускорение продолжим разговор. — Капитан помолчал, посмотрел на товарищей. — То, что мы сейчас решили, как вы понимаете, ещё далеко не всё.

5

После подготовительных работ дежурные Корень и Март поднялись на мостик. Остальные астронавты, собравшиеся к этому времени в отсеке управления, закрепились ремнями в креслах. За стеной в кормовой части завывали, набирая обороты, маховики противовращения; постепенно, будто уходил под ногами пол, исчезала тяжесть. Раздраили смотровой люк: звёзды в нём замедляли свой круговорот; невесомость совпала с их неподвижностью. Затем заработали маховики поворота, направляя звездолёт в сторону Солнца. В иллюминаторе и на овальном экране впереди снова сдвинулись и замелькали созвездия. Астронавтов притиснуло к спинкам кресел. Несколько минут маховички в шахте гироавтомата завывали на разные голоса, успокаивая «Буревестник» в новом положении.

Пришёл черёд двигателей. Включение их почувствовали просто: передняя стена отсека поднялась и стала потолком. Мостик с двумя астронавтами повернулся на шарнирах в новое положение. Сидевшие в креслах теперь лежали в них. Они высвободились из ремней, повернули и закрепили сиденья на недавнем полу, ныне боковой стенке.

Иван и Стефан, выверив все приборы, спустились к товарищам.

Теперь каждый переживал ощущение полёта. Тяга двигателей не создавала целиком спокойное ускорение, подобное тяготению планет. Сотрясения от микровзрывов аннигилирующих порций антигелия и водяного пара упруго передавались по корпусу «Буревестника»; тело чувствовало инфранизкий музыкальный гул.

— Интересно, насколько раньше Ньютона люди задумались бы над тяготением, если бы оно так давало себя знать? — задумчиво молвил Бруно.

На его высказывание не обратили внимания; каждый думал о другом.

— Немного же мы привезём на Землю, — вздохнула Марина, — после трёх десятилетий скитаний в кмосе. Только и того, что вернёмся сами сравнительно молодыми — спасибо анабиозу и относительности. Да ещё звездолёт.

— Это уже немало, — вставил Март.

— Освистают и это начинание, не обольщайся, — заметил Летье. — Все, кто был против звездолёта-мастерской, и безрезультатный возврат наш истолкуют в свою пользу. «Ага! Мы ж предупреждали!..» А какой шум устроят деятели из ГИПРОЗВЕЗДа: «Вот, не послушали нас!.. Летели бы в нормальном звездолёте... А то всё у вас, не как у людей, даже время!»

Марина и Галина рассмеялись. Но Стефан смотрел на пилота без улыбки:

— Почему же — безрезультатный? Сообщим факт потрясающей силы: не все звёзды там, где их видят.

— Да кто поверит-то? — вступил физик. — Я задаю сейчас себе вопрос: если бы я не полетел с вами... а вы помните, как я напал на ваш проект, — и дожил до возвращения «Буревестника» с такой новостью, я поверил бы вам? Принял бы за чистую монету эти наши не слишком обильные и шаткие наблюдения? А вы знаете, какой я был до самого недавнего времени, пока новые обстоятельства и Галинка, спасибо ей, малость не вразумили меня?.. — Он посмотрел на товарищей. — Как бы вас встретил *тот* Бруно Аскер, учёный в

законе, в авторитете?.. Я бы вас в ключья разнёс. Посмешищем сделал. И уверяю вас, *таких* Бруно Аскеров там гораздо больше, чем обновлённых. И всех эта новость — да ещё возврат с полдороги — шокирует и ополчит. Она заденет такие интересы!..

Он перевёл дух, продолжал:

— Тони вспомнил о позиции ГИПРОЗВЕЗДА. А какой окажется позиция Звёздного Комитета Земли... теперь уже, наверно, не Земли, а Солнечной. Позиция людей, которые снаряжают дорогостоящие экспедиции, направляют их к определённым звёздам... а звезды этой там может теперь и не быть?

— Вообще-то да, — кивнул пилот, — это наиболее обескураживает. Мы привезём не открытие, а закрытие. Закрытие звёздной карты мира, не чего-нибудь! Ведь в принципе теперь на любую звезду, у которой не побывали, надо смотреть так: то ли она там, то ли наоборот. Хочу я человек — хочу я чайник.

— А и в самом деле: нас ещё и к психиатрам могут отправить на обследование, — закутил головой Аскер. — Брр... перспектива. Тем не менее пилот прав: требуется новая звёздная карта. В ней надо учитывать оба типа: звёзды-источники, которые светят, и звёздные стоки типа Г-1830 — которые вбирают лучи. Может, даже галактики-источники и галактики-стоки... Н-да!

— Почему молчит капитан? — спросила Галина.

— Правда, Иван, чего ты отмалчиваешься?

Все повернулись к Кореню. Тот сидел, подперев рукой подбородок. Лицо было в тени, только волосы сияли алюминиевым блеском в свете газовых трубок да лоснился кончик толстого носа. Он распрямился, откинулся к спинке кресла. Черты его лица были крупны, даже несколько размашисты: мясистые губы, массивный подбородок, широкие брови, высокий покатый лоб, выпуклые глаза, кои смотрели всегда внимательно.

— Кто вам сказал, что мы летим назад?

— Тогда куда же? — воскликнул Летье. — Сместимся к Альдебарану? Двойная звезда, очень интересные силовые поля, нерасшифрованные сигналы. И всего на два парсека дальше.

— Нет. Мы полетим туда, куда нас послали: к Г-1830.

— К настоящей Г-1830!? — Тони присвистнул. — 14 парсеков до неё и ещё 10 до Солнца — почти 80 световых лет. А топливо? А то самое время?.. Может, у тебя в кармане бесмертие — и ты отрежешь всем по кусочку?

— Перестань, Тони! — рассердился Иван. — Я говорю вполне серьёзно.

В отсеке стало тихо.

— Извини, Иван, но это целиком несерьёзно, — нарушил молчание Стефан. Три торможения и два разгона вместо запланированных двух и одного. При нашем запасе аннигилята можно рассчитывать на скорость до 100 тысяч километров в секунду — в 2,5 раза меньшую, чем сейчас. Полёт продлится 240 лет... Да, у нас надёжная система анабиоза. Но уже в первые 60 лет он просто утратит смысл, ведь за это время можно долететь до Земли, а оттуда на новом звездолёте до Г-1830 и обратно.

— Я всегда восхищался твоей способностью быстро вычислять всё в уме, Стефан. Компьютера не надо, — спокойно ответил Корень. — Но позволь внести поправки. В нынешнем комфортном режиме полёта всех шестерых — да, так. Но если минимизировать всё... *всё!* — до последней крайности, сможем. С субсветовой. Вот на это и направь свой математический и конструкторский дар. — Капитан встал, посмотрел на товарищей. — Нас послали *исследовать* звезду Г-1830 со странным поведением. Мы уже начали это делать, кое-что открыли...

— Хорошенькое кое-что! — подал голос Бруно.

— Да. Уж как вышло. Вот и надо продолжать, выложиться в этом. Не забывайте: мы не принадлежим себе. Участие в звёздной экспедиции не только шанс попасть в историю и на мемориальную доску. Вспомните, чего стоило синтезировать для нас тонны антигелия, всё остальное. Это труд миллионов. И вы сами понимаете: если мы привезём на Землю скандальный факт «А звезды-то там нет», это скомпрометирует не только нас — это пустяк! — всю эту тему, всё направление. Ни через 200, ни через тысячу лет никто туда не полетит. Звёзд много, одна другой притягательнее. А знание действительно исключительно важное. И надо

набрать его побольше. А для этого нет иного варианта, как лететь *туда*...

— Что ж, резонно, — пробасил Бруно. — И что ты конкретно предлагаешь?

— Уменьшить конечную массу «Буревестника» настолько, чтобы лететь к Г-1830, а от неё к Солнцу, как и раньше, с субсветовой скоростью. Для этого придётся частично демонтировать звездолёт, оставить в космосе лишнее оборудование, инструмент, припасы, обиходные вещи. Придётся гораздо больше времени проводить во льду. Надо внимательно осмотреться, составить перечень, рассчитать — и решить... Тогда мы не проиграем во времени в сравнении с экспедицией, которую пошлёт, — Корень нажал голосом, — вместо нас и после нас.

Конструктор Март нервно барабанил пальцами по подлокотнику; для него подобный поворот дел выглядел катастрофой, крушением всех планов.

— Ну, и дальше? — едко усмехнулся он. — Ломать не строить, ума не надо, справимся. Ну, опустошим и уменьшим звездолёт. А потом? Лететь туда — не знаю куда, искать то — не знаю что? Как в сказке! И снова окажемся в дураках.

— Ты серьёзно? — посмотрел удивлённо на него Корень.

— Конечно. Мы столкнулись с самым простым фактом: свет звезды распространяется не в ту сторону. Не туда. И не можем решить, антивремя это или что-то ещё. А там сложнейший непонятный мир. Прилетим, удивимся и повернём назад, ничегошеньки не поняв.

— Так по-твоему, люди не должны туда летать? — воскликнула Галина.

— Почему? Люди вообще — да. Но не мы. Такая экспедиция должна готовиться с Земли. Годами, понимаешь. А не партизанским налётом. Вернёмся, расскажем и покажем наши наблюдения. Да, скорее всего, будет скандал и позор. Но рано или поздно истина восторжествует, так всегда бывает. Придётся некоторое время походить в мучениках науки. Но это честнее и мужественнее, чем пускаться... извини, Иван, — в авантюру. Пять торможений и разгонов вместо трёх, подумайте об этом!

— Зачем так говорить!

— Неужто учёным на Земле виднее?

— По-моему, Стефан прав...

— Лучше нас к этому никто не подготовлен.

— Ты не прав, Мартик, насчёт авантюры и поражения, — перекрыл поднявшийся в отсеке шум Летье. — Раз в четырнадцать парсеках мы наткнулись на такое, ясно же, какое это богатое явление. Чем ближе подлетим, тем больше наберём материала, это же очевидно. Вернёмся не с пустыми руками — а там пусть на Земле разбираются. Так что я — за.

— Вот что, — поднял руку Корень, — надо считать. Довод о пяти субсветовых ускорениях/торможениях вместо трёх очень серьёзен, это все мы понимаем. Не потянем — значит, действительно авантюра, придётся возвращаться. Расчёты поручаю Марту и Аскеру. Всё.

3. Человек в пятой степени

1

Галина Крон передвинула кресло к краю балкона, развернула к поручням.

Над тёмно-синим морем краешек заходящего солнца расплылся между длинными тучами алой полосой. Верхняя туча окрасилась розово-серо; но скоро этот цвет перешёл в сизый, который густел, темнел. Далеко справа от моря розовели снежные вершины гор. В провалы между ними падали тёмно-синие тени.

«Странно, — думала Галина, — перед нами сидит и внимательно слушает пожилой почтенный дядька, который в момент старта «Буревестника» ещё не родился. Он мне в отцы годится, если не в деды. Для него всё, что мы рассказываем, далёкое прошлое. А для меня — почти вчера, несколько дней назад...»

Тогда все вернулись к своим делам. Она отправилась в радиорубку. Открыла овальные дверцы, остановилась на пороге, окинула взглядом своё хозяйство: радиопередатчики, трансляционный узел, автоматы наводки локаторов. Вошла, нажала несколько клавиш на пульте. На контрольном щите вспыхнули зелёные индикаторные числа, стрелки приборов

дружно отклонились вправо. Ни одна красная лампочка не загорелась: всё было в порядке.

В никелированной скобе на сером боку транслятора торчал букетик коричневых стебельков с шишечками осыпавшихся цветов и скрученными сухими листочками. Он напомнил Галине, что последний раз она была здесь год назад. Цветы из оранжереи принёс Тони. Девушка взяла стебли: от них пахло прелью и пылью.

«Целый год... На Земле у меня уже родился бы сын. Почему сын, может, дочка?.. Нет, пусть сын. Непременно сын. А здесь никто ещё и не знает, кроме Марины. Даже Тони».

Внезапно её охватила тревога, похолодело в груди. Как же теперь будет? Год назад и ей, и Тони казалось, что самое трудное: создание звездолёта в полёте — позади. Настроение было лёгкое — теперь оно выглядит крайним легкомыслием. Если они полетят к настоящей Г-1830 на «облегчённом», то есть реально опустошённом звездолёте, жизнь станет очень трудной. А она ждёт ребёнка. Мечтала, как будет с ним гулять в оранжерее... Какая уж теперь оранжерея, она первая полетит за борт.

Галина швырнула букетик в мусоропровод. «Они разошлись — или ещё спорят?» — нажала клавишу на щитке транслятора.

— Послушайте, — прозвучал в динамике тенор Стефана Марта, — а может... никакой звезды и там нет? Вообще нет? Нет, правда. Её нет там, где мы её видим. Почему из этого вытекает, что она есть в противоположной стороне, где мы ничего не видим?

— А что есть?! — это воскликнул Бруно.

— Марево, призрак. Оптический пространственный парадокс, кой мы по своей тупости не понимаем. Вот и будем гоняться за привидениями, блуждать по Вселенной, как савраска без узды.

— Даже если так, всё равно нужно лететь туда, — весомо сказал Аскер. — Чтобы прочно установить, что там ничего нет. Для подлинного исследователя отрицательный результат равен положительному.

— Стефан, хватит морочить голову себе и другим, — прозвучал голос Кореня. — Тем более что у тебя много работы. Иди считать.

— Эхе-хе! — Судя по голосу, Март поднялся с кресла. — В прежние времена вашу категоричность называли словами «сжечь корабли». Жалко жечь-то. Это же не древнеримская галера — звездолёт. И строили-то сами. Уникальнейше. В Космосе. А теперь...

«Что же будет? — думала Галина, обхватив себя руками за плечи. — Поговорить с Тони?..»

2

Март сел за компьютер, обложившись папками с чертежами. Он, генеральный конструктор, должен был выяснить, насколько удастся облегчить звездолёт, что именно выбросить, как демонтировать оборудование.

Галина вместе с Бруно трудилась в отсеке «Засыпание — Пробуждение». Если быть точным, то трудилась она сама: исполняла теоретические идеи и расчёты физика; воплощала в схемы. Тратить ещё 600 дней на торможение и новый разгон с прежним удобным для экипажа ускорением в 1 g теперь было недопустимой роскошью. Физик придумал способ сэкономить полтора года: «Буревестник» мог выдержать до 80 g — но, понятное дело, без людей. Вместо них «дежурить» будет электронная схема. Её сейчас и собирали.

Радистка вставляла в гнезда панели миниатюрные, похожие на чёрные пуговицы микросхемы, соединяла их проводами, проверяла тестами. Бруно Аскер сопел у неё за плечом.

— Всё-таки страшновато доверять жизнь даже совершеннейшим механизмам, — вздохнул он. — Малая ошибка, одна ненадёжная деталь — и мы, обледенелые, будем мчаться в пустоте миллионы лет, пока не сгорим у какой-то звезды...

— Не пугайтесь, профессор, — тонким голосом заметила Галина. — Более пятнадцати лет вы только то и делаете, что доверяете свою драгоценную жизнь всяческим механизмам и приборам. И ничего. А тут тем более — электроника.

— Не совсем так, девочка, — возразил тот. — Всегда кто-то дежурил...

— Готово! — Галина распрямилась, откинула прядь волос со лба. — Пробуем. Ставлю выдержку 5 минут ровно.

Схема работала чётко. От её импульсных команд вода в контейнере под лучами молекулярных генераторов мгновенно обращалась то в ледяной монолит, то — через точно отмеренные электронным реле промежутки времени — снова в воду. Радистка довольно посмотрела на физика.

— Так-так... — неопределённо пробормотал тот. — Теперь попробуем иначе.

Взял панель и с силой швырнул её на пол. От удара она изогнулась.

— Ой, вы что?! — Галина схватилась за голову.

— А ускорение в 80 g это почти такой же удар, — пояснил Аскер. — Ну-ка, включи теперь.

Как ни странно, но автомат работал. Только время выдержки у одного реле изменилось.

— Нужно поставить дублирующую микросхему, — вздохнула Галина, берясь за панель.

В это время Корень и Летье лазили по скобам в шахте гидроавтомата. Над и под ними перекрещивались темно лоснящиеся валы с маховыми дисками, змеились кабели от электродвигателей. Проверяли дотошно.

Внезапно в люке шахты возникла голова.

— Иван, ты здесь? — Это был Март.

— Да.

— Поднимайся, пошли, — конструктор был взволнован. — Там такое выходит...

Через полчаса капитан созвал в отсек управления всех.

3

Стефан приколол на стене несколько листков, распечатку своих расчётов.

Корень стал возле них.

— Здесь всё просчитано: что выбрасывать, последовательность демонтажа. Но дело вот в чём... — Он нерешительно взглянул на товарищей. — Лучше объяснить по порядку. Основа расчётов вот в чём...

Ему явно трудно было начать. Таким хмурым и растерянным капитана ещё не видели.

— На звездолёте есть установки, работающие непрерывно: при разгоне, при замедлении, при полёте по инерции и когда мы спим в контейнерах. Их надёжность и долговечность — это жизнь корабля. Вы их знаете: курсовой гироавтомат, блоки автоматики Установки «Засыпание — Пробуждение», астронавигатор... Сколько они действуют, столько времени можем лететь — и расстояния соответственные. Мы рассчитывали на два конца по десять парсек со скоростью 0,82 от световой. Это 49 лет по внутреннему счёту. На такой срок, округлённо на полвека, или на 450 тысяч часов работы, рассчитаны эти приборы. Ясно, почему не на больший: кто ж знал! — Иван сумрачно усмехнулся. — Оборудование отслужило 10 внутренних лет, осталось сорок. Не так и мало — но теперь нужно пролететь ещё 24 парсека, 14 до реальной звезды и 10 от неё к Солнцу. Дальше всё математически однозначно. Чтобы уложиться в эти сорок внутренних лет, придётся развить скорость не меньше 0,91 от световой. Но чтоб поддерживать её с нашими запасами антигелия, придётся уменьшить конечную массу звездолёта во столько раз... — Капитан провёл ладонью по лицу, помолчал. — Словом, средств для жизни здесь будет в обрез на троих.

Смысл сказанного дошёл не сразу.

— На троих... — повторила Марина. — Это значит?..

— Это значит, что глубокомысленные разговоры исчерпаны, мы возвращаемся на Землю. — Стефан Март широко улыбнулся.

— Нет! — Корень стиснул спинку кресла, около которого стоял, так, что у него побелели пальцы. — Всё будет по расчётам: трое полетят к Г-1830, трое к Солнцу!

Галина поднялась, смотрела на капитана широко раскрытыми глазами:

— Это... это жестоко — выбрасывать людей за борт! — Её голос дрожал. Я... я не хочу.

— Никто никого силой выбрасывать не будет, — сурово сказал Летье.

Марина подошла к листкам, начала читать вслух:

— Второй маневровый двигатель... три четверти запаса воды и пищи. Библиотека. Оранжерея. Половина радиопере-

датчиков. Все каюты, их оборудование. Все личные вещи. Трое людей в контейнерах... Слушайте, а если разведракету?

— Тогда незачем и лететь, — сказал Тони. — Как там без неё!

— Ракету и обсерваторию сбросим после исследований у звезды, — сказал Корень. — Это учтено.

— Неужели ничего нельзя придумать? Чтоб не выбрасываться... — Плашек смотрела на него с такой отчаянной надеждой, что тому стало не по себе. — Пусть трое пересидят весь полёт в контейнерах. Всё-таки веселей. И замена, если кто-то... ну, выйдет из строя.

— Нельзя! Пятая степень, понимаете! — Бруно, который сидел в кресле, напряжённо согнувшись, вдруг распрямился. — Три торможения, два разгона. Скорость полёта зависит от конечной массы в пятой степени. Три человека в контейнерах с водой... или льдом, всё равно — лишние четыре тонны.

— Три астронавта смогут долететь до Г-1830 при условии, что весь путь будут в контейнерах, — добавил Корень. — И обратный тоже.

— Но мы же не просто масса! Мы люди! — вскипела Галина. — Решали сложнейшие проблемы — и на тебе...

— А здесь как раз всё очень просто, понимаешь, — перебил физик. — Просто, ясно и непреложно — стена без лазеек. Возможно, около Г-1830 посчастливится раздобыть знания, кои помогут преодолеть эту стену. Но сначала надо туда долететь. И оттуда тоже.

— Да, жестокая вещь математика! — Летье покрутил головой.

— Послушайте! — оживился ещё более Аскер, оглядел всех. — Да ведь это перст. Перст судьбы. Именно и нужно разделиться. Будем смотреть прямо: у тех, кто полетит к звезде, шансы уцелеть и вернуться... осторожно говоря, далеко не сто процентов.

— Пожалуй, что и не пятьдесят, — поддал пилот.

— Так что в случае чего хоть как-то какая-то информация об открытии дойдёт до человечества.

— Ну, и как вы это себе представляете? — спросила Марина.

— Мёртвый груз надо выбрасывать сейчас. А контейнеры с людьми катапультируем, когда разгоним «Буревестник» до 0,3 от световой к Г-1830. Это ведь и в сторону Солнца. Лет через пятнадцать они будут в Солнечной. Из звездолёта, пролетая мимо, дадим радиограмму. Должны перехватить.

— Так что, может, ещё встретимся на Земле. — Летье усмехнулся, показал белые крепкие зубы. Но в глазах его веселья не было.

— Мёртвый груз... живой груз... ну, что ты такое говоришь, Иван! — Галина смотрела на него сердито. — Что ты говоришь!..

— Извини, не так выразился, Галинка... А, да разве в этом дело! — Корень махнул рукой, сел.

— Трое в контейнерах, — промолвил Стефан. — Малой скоростью, как неспешный багаж.

— Да перестань ты! — с досадой сказал пилот.

— Что перестань! Что вы дурачков из себя строите! — подхватился с кресла конструктор. — Выбросить в Космос троих товарищей, выкинуть всё, почти всё, что сотворили головой и руками... в изрядной мере этой головой, — он показал на свою, — и этими руками! И ради чего? Чтоб лететь неведомо куда, где ничего мы не обнаружили, не видим, — вероятно, на неизбежную... — У него перехватило дыхание. — На черта эта плакатная жертвенность? Ах, мы идём до конца, несмотря ни на что! Какие герои!.. Глупость это, а не героизм. Мужественней и честнее вернуться на Землю с тем, что узнали. А если опасаетесь, что обвинят в неудаче, в поражении, — вот он звездолёт, созданный в пустоте, в полёте. Разве это не успех? Там, может, и поныне это не освоили. А вы хотите всё разгромить и выбросить...

— Я тебя хорошо понимаю, Стефан. — Капитан повернулся к Марту, голос его стал мягче. — Понимаю ещё с тех пор, когда мы с тобой начали проектировать такой звездолёт. Тебя захватила идея создать его в необычных условиях, в полёте. Ты конструктор. Чудесный конструктор, что и говорить. Но звездолёты создают, чтобы лететь. Он не цель, а средство для достижения цели. Не стыда мы боимся, это мелко перед Вселенной, Вселенской жизнью, часть которой — мы. Как и человечество. Главное в такой жизни: достигать

поставленной цели, разве нет? Без этого ничего не было бы. Вот мы и хотим её достичь, довести дело до конца. Никакого плаката, никакой жертвенности.

— Ладно, — помолчав, сказал Стефан. — Ни к чему эти психологические копания. Считай, что меня убедили — не столько твои слова, сколько молчание остальных. Только не думал я вернуться на Землю в свежемороженом виде.

— А может, тебе и не придётся, — заметил Иван. — Сейчас кинем жребий...

— Зачем жребий, давайте разыграем это дело в карты, — вдруг вступил Тони. — Если их нет, я нарисую. В подкидного, а! Судьбу экспедиции.

— Да будет тебе! — укоризненно бросил ему Бруно.

— Что — будет! — Пилот повысил голос. — Разве всё равно, кто полетит к этой звезде: Марина, Галина и Стефан Март или Корень, Аскер и...

— ... и ты! — прищурился конструктор.

— Да, и я. Разве это равные силы для работы там?

— Он прав, — грустно и спокойно сказала Плашек. — Это не для меня. Я врач, биолог — там это не главное.

— Что ты предлагаешь? — спросил капитан у Летье.

— Как водится: обсудить и проголосовать.

— Что ж... пожалуй.

— Теперь конкретно, — подхватился Тони. — Предлагаю...

— Подожди, — властно остановил его Корень. — Это решим потом. Сначала самое неотложное: демонтаж, форсированное торможение и разгон... Сейчас объявляю ночь на семь часов. Отдыхайте и думайте. Дежурит Стефан. Всё.

Астронавты начали расходиться.

— «Объявляю ночь!» — Летье шутливо толкнул Ивана около дверей. — Прямо как всевышний в первый день творения.

— Эх, Тони, был бы я всевышним... — тот коротко усмехнулся, — я бы сотворил из ничего тонн двести антгелия. А потом мы бы показали всем богам!

4. Стефан Март

1

— А как получилось, — спросил глава Звёздного комитета, — что один ледяной контейнер опередил два других на целые сутки? Кстати, кто в нём находился?

— Я, — смущённо ответил конструктор Март.

Уже опустилась ночь. На улицах засияли пунктиры белых фонарей, матричные россыпи светящихся окон, разноцветные линии вывесок и реклам. Далёкие огоньки мерцали во влажном воздухе. В небе мерцали, переливались всеми красками, от алого до голубого, большие звёзды. Спутники Космостроя вереницей белых точек пересекали искрящуюся пыль Млечного Пути. Над чёрными тополями набережной плыла яркая Венера.

— Неужто вы стартовали не сразу? Или система катапультирования сработала нечётко?

— Система сработала отлично. — В голосе Галины Крон слышалась насмешка. — Нечётко сработал её конструктор.

Март посмотрел на девушку беспомощно:

— Да что «нечётко». Некрасиво — точнее будет. Вспомнить совестно. Заблудился я тогда во всём: в обстоятельствах, в своих идиотски честолюбивых мыслях...

Из-за чёрных изломов гор, тянучи за собой счетверённый хвост стартового пламени, рванулась ввысь ракета. Трепетный жёлтый свет на секунды осветил всё вокруг. Огненный хвост за ракетой быстро укорачивался, унося её к звёздам. И только когда он сник, послышался грохот стартового движения.

— Наиболее меня угнетает, — молвил Март, — что и они там сейчас думают обо мне плохо.

«Если бы...» — чуть не сказала Марина; но покосилась на Галину, смолчала.

2

«Буревестник» тоже стартовал в бесконечной звёздной ночи, но не с космодрома. Собственная инерция ещё тянула его назад, он боролся с нею, отталкиваясь от пространства

полукилометровыми столбами бело-голубого огня. Если бы это было в атмосфере, даже в верхних слоях, грохот аннигиляции ломал бы скалы и деревья; но чёрная пустота глотала столб беззвучно.

Стефан перемещался по отсекам звездолёта и, заглядывая в список, отмечал мелом места, где через несколько часов команда будет всё развинчивать, резать, ломать. «Так, наверно, католики рисовали кресты на дверях гугенотов перед Варфоломеевской ночью, — подумал он. — Ладно, разметку я сделаю, но сам ломать не буду, премного благодарен!»

Он карабкался по скобам. Теперь, когда двигатели работали, коридор корабля превратился в полуторастометровую шахту. Снизу тянуло теплом.

...Кабинетные конструкторы «ГИПРОЗВЕЗДа» пораскрывали бы рты, увидев, как он решил задачу с двигателями. «Проект самосъедания звездолёта» — так некогда окрестили его идею эти остряки. А он сделал. И в каких условиях: в космосе, на субсветовой скорости! Теперь пояс аннигиляционных камер силой своей тяги сам постепенно смещался вперёд по корпусу «Буревестника», а стенки и перегородки опустелых топливных емкостей вместо того, чтобы висеть на корме ненужным балластом, тоже сгорали. Это изобретение позволило нарастить скорость корабля на 6000 километров в секунду.

Деревья оранжереи торчали из плотной земляной стены, как дула пушек, окутанные зелёным дымом. Стефан посмотрел, удивился: кому это пришло в голову поставить подпорки под ветви? Это уже ни к чему.

«Да это же мы с капитаном — когда измеряли параллакс Г-1830!» — вспомнил он и грустно улыбнулся. Трое суток минуло с той поры, трое суток, кои перевернули их жизнь.

Стефан дотянулся до ближней карликовой яблоньки, сорвал крупное яблоко, рассматривал: оно было ещё зеленовато-твёрдое, на прозрачной кожице проступали белые точки. Первые яблоки — их так ждали; а сейчас никто и не вспомнил. Положил в карман куртки, полез по скобам вверх.

Появились белые овалы дверей. Март остановился, перевёл дыхание. Жилые каюты. Он спроектировал их наподобие люлек чёртова колеса, с гироскопичным подвесом.

В них можно спокойно спать и работать даже при маневрировании.

«Теперь они не нужны, балласт». Стефан принялся ставить меловые крестики на едва заметных выпуклостях в обшивке — крышках подшипников. Ничего он не покажет на Земле. Всё вылетит. Пропадёт в пустоте.

Вдруг рука конструктора замерла в воздухе. Постой, а это идея! Проектировать звездолёты так, чтобы, когда какое-то оборудование становится ненужным, его легко можно отделить и выбросить. Например, телескопы в обратном полёте не нужны, да и вся обсерватория; достаточно астронавигатора. Зачем тратить на них драгоценный аннигилят?.. Только не выбрасывать, а сжигать в камерах. Да, конечно, и это учесть в проектном запасе топлива. Это же новый принцип конструирования звездолётов, развитие того «самосъедания»!

Есть с чем вернуться на Землю, есть!

Стефан Март повеселел. «Нет, я вам не просто масса!» Ему вдруг захотелось петь и декламировать стихи во весь голос. Но он сдержал себя: в каютах спят.

3

В каютах не спали.

Иван Корень лежал, закинув руки за голову, смотрел в потолок.

«...лететь только троим. Тот Боливар не мог вынести двоих — а теперь упрощённый укороченный опустошённый «Буревестник» не потянет шестерых. Само собой, что и для троих оставшихся время жизни будет отмерено только пребыванием у звезды; всё остальное — анабиоз с редкими пробуждениями для коррекции курса. Мини-запас продуктов, воды, воздуха. Всё сверх него — прочь.

И трёх лишних астронавтов. Лишних!.. Куда? Как?

Да, в Солнечной в годы их сборов и старта практиковали уже перелёты в ледяных глыбах-соленоидах, разгоняемых электромагнитными катапультами до больших скоростей. В состоянии мгновенного молекулярного анабиоза. И перехват такими же катапультами, торможение в местах финиша — у других планет и межпланетных станций. Но это в пределах

Солнечной. На перелёт таким способом в несколько парсеков и с гораздо большей скоростью ещё никто не отваживался.

...А мы отважимся. Нам деваться некуда.

...С тех пор это дело там должно развиваться, усовершенствоваться.

...Надежда именно на огромную скорость. Звездолётную. С такой скоростью в Солнечную систему естественные тела не входят. Должны засечь на подлёте.

Вопрос: кто?

...Вероятности пропасть как у Г-1830, так и в ледяной глыбе в космосе примерно равны. Хоть жребий бросай.

...Не жребий, а польза дела выберет. Мы не принадлежим себе. Не нужно и голосовать. Ясно, что лечу я, Летье и... Аскер или Март?»

Капитан заколебался. Переложил затёкшие под головой ладони. Стефан был ему ближе: единомышленник и соратник ещё с Земли, от замысла полёта. Но физик там, у Г-1830, явно более к месту. Тем более такой.

Тони и Галина тоже не спали.

— Пусть летят к звезде... если она есть. А для нас хватит интересных дел и на Земле, правда ж, Тони? Что ты молчишь?

— Эх, искупаться бы сейчас... лучше в море. Я заплыл бы далеко-далеко. А потом жарился бы на солнышке, на песочке.

— Хорошо и просто по улицам бродить. Лица людей, разговоры и шум, дома, деревья, машины...

— Знаешь, Галинка, а ведь выходит, что мы знаем звёздные карты с точностью до наоборот. Не одна Г-1830 такое может учудить, для одной звёздочки это слишком мощное явление. Да и не одна галактика. Возле каждого объекта Метагалактики теперь надо ставить знак вопроса: то ли он там, то ли в противоположном месте, то ли под углом... и под каким, скажите мне! Звездолётчикам придётся смотреть в оба, чтоб не вышло, как у нас. Но это же страшно интересно. А вдруг и в самом деле там антивремя? И мы, люди с малюсенькой планетки, овладеем им... Иван прав, ради этого стоит рискнуть. Хорошо будет, когда все вернёмся. Раньше всех те, что в контейнерах: закрыли глаза здесь, откроют на Земле.

Представляешь: через несколько дней ты будешь на Земле, дома!

— А ты? Ты хочешь лететь?

— Конечно. Я обязан, это моя работа. Но не волнуйся, всё будет тип-топ. Семь посадок на спутники Юпитера, две на Сатурн... на Титанию, на Нептун. Десяток рейсов через астероидный пояс за Марсом. И как видишь, цел.

Помолчали.

— Тони...

— Что?

— Нет, ничего.

— Ты чем-то расстроена, Галинка?

— Это так... обидно и противно покоряться уравнениям. «Пятая степень!» «Лишняя масса!» Будто я уже не человек, а просто пятьдесят пять килограмм.

— Тем более, что в тебе их не пятьдесят пять, а пятьдесят три.

— Да нет, наверно, уже пятьдесят пять...

4

И Бруно Аскер не спал, сидел у компьютера, считал, прикидывал. Но идея (Идея! Идеища!!!) выпирала такая, что вряд ли ей (Ей! Её Величеству!) требовалось дотошное обоснование и числовое оформление.

...Переживания этих дней были самыми сильными в его жизни, в жизни большого учёного и таких же масштабов деятеля, в жизни с крупными делами и достижениями, а стало быть, и с сильными чувствами. Так вот, все те против нынешних — пустячок. Даже не пустяк.

...На Земле казалось, что, если мыслишь вселенскими категориями, да ещё строго, то вроде как сопоставим с ней, соразмерен. Мы-ста, ха! Вот тебя и ткнули носом в твою малость. Да не только твою — человечества. Мы-ста...

...Нет, милый, Вселенскому действию — спокойненькому, небрежному: 15 лет (её мгновение) несло нас не туда — можно противопоставить только действие. И возможность такового (Его! Его Величества Вседействия!) есть.

«Пойти к капитану? Ох, нет: тяжелодум, сама обстоятельность. Не воспримет. Здесь надо быть авантюристом, верить в

удачу. Надо потолковать с пилотом. Ничего, что мы оппони- ровали, — он как раз такой».

Включил связь, набрал код каюты Летье:

— Антон. Это Аскер. Пожалуйста, приди.

— Чего это вдруг? — У Летье был недовольный голос. — Я занят.

— Ничего. Очень нужно. Приди сейчас ко мне — а то я приду к вам.

Пилот появился с хмурым видом:

— Что за пожар? Ты ж знаешь...

— Знаю, но всё это сопли. Слушай...

Когда Антон Летье, астронавт, выслушал и понял, для не- го всё вдруг изменилось. Жизнь покрупнела, стала Вселен- ской — а до этого только казалась такой. Со всеми её посад- ками на спутники Юпитера и куда-то ещё. Да, всё, кроме это- го замысла, теперь было сопли, пустячок — даже не пустяк: в тот же список и что в каюте ждёт любимая девушка, и что летели не туда. Туда. Просто это они отступали для разбега.

Он забыл, что обещал Галинке быстро вернуться.

— Пошли к Ивану. — Посмотрел Аскеру в глаза, улыб- нулся. — А ты недаром физик. Голова. Это ж надо!..

— А то! — ответил тот.

5. Во Вселенной поступают по-вселенски

1

Они заявили к капитану в каюту.

Корень как раз складывал в ящик всё лишнее, включая книги. На выброс.

— Ну? — глянул он на них исподлобья; появление вместе двоих не слишком ладивших меж собой членов экипажа сра- зу его насторожило; ясно, что неспроста. — С чем пришли?

— А с чего начать: с плохого или с хорошего? — спросил Летье.

— Начни с хорошего.

— Тогда я, — вмешался Брун. — Ускорений будет не пять, а четыре.

— Как так?

— Ну... это трудно постижимый и, тем не менее, чёткий факт релятивизма. Если бы Г-1830 оказалась на месте, мы затормозили бы там, вышли на орбиту у неё, выключили двигатели, поработали, потом стали бы разгоняться к Солнцу, было бы два отдельных ускорения. От 0,82 с до нуля, потом от нуля до 0,82 с. Теперь же не так: мы *уже* разгоняемся в сторону Г-1830, уже набираем скорость к ней. В силу отсутствия единой системы отсчёта ускорение важнее скорости, понимаешь?

— Не очень...

— Да я и сам не очень, но это так. Мы не гасим скорость, а поворачиваем её вектор в 4-мерном континууме. Если бы остановились у звезды, то гасили бы, а так нет. Короче, вот что: при непрерывной работе двигателей невозможно отличить, ускоряется ли корабль от нулевой скорости... как, скажем, при старте от Солнца — или отрицательной, не в ту сторону. Для релятивизма нету нулей и нету не тех сторон, когда вышел на субсветовую...

— Это значит, — нетерпеливо вмешался Летье, — что на самом деле идёт не торможение с переходом в ускорение, а *двойной разгон*. Я вам ещё добавлю: не четыре, а три с половиной ускорения достаточно. Как мы собираемся отправить троих с 0,3 с в расчёте на то, что заметят, удивятся и перехватят, — так ведь и сами можем возвратиться в Солнечную с пустыми баками на полусветовой. Ведь они же предупредят. Там подготовятся...

— А если не долетят наши в глыбах? — спросил капитан. — Или там не перехватят?

— Ну... тогда и нам туда же дорога. И теперь итоговая скорость оказывается не 0,82 с, а... сколько, физик?

— По моим расчётам 0,953 с.

2

— Ага. Это действительно хорошая новость. Под неё я выдержу и плохую, давайте.

— Да плохую ты и сам знаешь, Иван. Только делаешь вид, — спокойно сказал Тони. — Мы не вернёмся. Ни на по-

лусветовой, ни на какой. Дай бог долететь. Если сгинем не у той Г-1830, в сложно-непонятном мире, то на обратном пути. Слишком уж всё на пределе, без запаса надёжности. Да и конструктор был прав: можем ничего серьёзного более там не открыть — так, пустячки. Не из-за чего будет особо стараться уцелеть и вернуться...

— Не та тональность, Антон, — вмешался Аскер. — Не то говоришь. Эта «плохая» на самом деле очень хороша. И не только потому, что ускорений будет не пять и не три с половиной, а только одно. Мы создадим Вселенское Действие! Да, одно ускорение — но зато это будет по-вселенски.

...Капитан, как и Летье, сразу всё понял — и тоже вдруг почувствовал хорошее настроение, прилив сил. Благодаря этой Идее он перестал быть ничтожеством в Космосе, мошкой. Это угнетало его более всего. «Ага!..» Конечно, только одно ускорение; как у предков-запорожцев или тех, что воевали в кровавом XX веке. Подниматься в атаку — и вперёд. Жизнь ли, смерть — не в этом дело. Вперёд!

Как-то всё вдруг встало на места. Даже то, что во всех их спорах наиболее уместны (результативны, как выразились бы рационалисты) оказывались наивные реплики и суждения Галины Крон, самой молодой и младшей по должности. Они направляли мысли, а в конечном счёте и решения. Она носила ребёнка, она была мать — как и Вселенная. Она глубже всех их чувствовала ситуацию.

— Ну-ну, развей свою мысль. Так что?

— А то, что во Вселенной нужно поступать по-вселенски, — продолжил Брун. — Как она с нами, спокойненько зашвырнув нас не парсеки не туда, так и мы с ней. Ну, не то что совсем так, не на равных, куда нам, — но с полной отдачей. А это будет вот как...

И он изложил план. Будет только один разгон — в звезду Г-1830. В него надо вложить весь заряд аннигилята, тогда удастся выйти на скорость, очень близкую к световой, на 0,999 с. Масса «Буревестника» в силу релятивизма возрастет раз в 30. А поскольку Г-1830, скорее всего, антивещественна, будет удар-вспышка, кои нарушат внутреннее равновесие этой странной

звезды. Равновесие её и так должно быть шатким из-за чужеродности мира, наложения противоположных процессов...

— Это, во-первых, заметят издалека, может быть, не только из Солнечной даже, — увлечённо, будто и не смертный приговор себе и им двоим, излагал Аскер. — В двух направлениях заметят: в ложном и подлинном. Во-вторых, это хорошо и надолго взбаламутит там пространство, 4-континуум — и новым исследователям, когда они прилетят, будет что наблюдать и открыть. Мало не покажется...

— Камикадзе... — молвил Летье. — Были такие ребята в XX веке в Японии.

— Такие были не только в Японии, — сказал Корень. — И в России, и у французов, англичан. Шли на таран в самолёте, в танке, на подлодке. Погибнуть с наибольшей эффективностью. Вот и мы будем так. Всё верно.

— Слушайте, вы не о том! — всё не мог остановиться в развитии замысла Бруно. — Вполне возможно, что это открытие переплюнуло и теорию Дирака. У него только вещество и антивещество. А раз здесь попахивает антивременем, то ведь тем самым и антипространством!

— Это как? — не понял пилот.

— А столь же плотной средой, но с целиком противоположными свойствами. То есть возможна аннигиляция двух пространств, нашего и того, у Г-1830. Представляете, как мы можем шархнуть!..

Самое замечательное, думал потом Иван Корень, что от этого самоубийственного решения он пришёл в хорошее настроение. Да и двое его коллег тоже. Вряд ли так было бы на Земле — на Земле без войн и невзгод, в комфортном мире, где бы жить да жить. А здесь, во Вселенной, другое дело: они почувствовали себя частью её и поэтому — людьми.

Звездолёт будет многие годы лететь к подлинной звезде Г-1830, видимой сзади; глыбы с замороженными Мартом, Мариной Плашек и Галиной будут ещё дольше плестись в пустоте к Солнечной — и потом ещё десятилетия они будут там доказывать своё. Вообще вся история с «Буревестником» растянется на век. А жить этим троим оставалось несколько дней. Хорошо, если с неделю.

6. День разрушения (Время есть — времени нет)

1

Музыка звучала в звездолёте — в отсеках, каютах, коридоре. Но теперь всюду к звукам скрипок, флейт, фортепиано, контрабасов, арф примешивался стук, скрежет и лязг металла, шипение электрорезаков.

Летье и Аскер в скафандрах с магнитными присосками на массивных башмаках двигались по корпусу, отделяли газовыми резаками второй маневровый двигатель, его сопла, многотонную камеру сгорания из чёрного монолита.

— На совесть делали, не отдерёшь... — бормотал пилот в микрофон в шлеме.

Наконец камера помалу отделилась от обшивки. «Буревестник» тряхнуло. Бруно не устоял, сел. Камера мягко зацепилась за выступ ближнего люка — и корабль снова дрогнул. Летье подбежал, противоестественно стоя под прямым углом к поднимаемому Аскеру, отталкивал чёрный цилиндр руками. Физик помог; отпихнули. Уфф!.. Камера пошла за корму, растворилась во тьме среди звёзд.

Избавившись от лишней массы, звездолёт сразу надал; двое на его обшивке легли, держались руками за скобы.

— Иван, сбавь тягу, а то нас унесёт! — крикнул пилот.

Стефан, который уклонился от демонтажа, разорял библиофильмофонотеку. Он разложил в две кучи книги, микрофильмы, кассеты, диски с записями текстов и музыки, рукописи, отчёты. В одну то, что ему нравилось, в другую прочее. Кучи вышли равные. «Много...» — вздохнул он, берясь за ревизию первой. Взял в руки одну книгу, другую, несколько папок — и внезапно озлился, принялся кидать в люк переходной камеры всё подряд. Уцелели только необходимые справочники да несколько музыкальных записей. Через четверть часа вслед за библиотекой в космос полетели и дюралюминиевые стеллажи.

Марина со слезами на глазах уничтожала оранжерею. Не просто было вырастить в условиях звёздного полёта эти жёлтые, алые и синие розы, гордые пионы, кусты помидоров,

даже огурцы и морковку, яблоки и апельсины. В этом уголке земной природы астронавты отдыхали, отходили душой. Сколько труда и изобретательности вложили они во всякие приспособления, от складных подпорок до гироскопических гнёзд для саженцев, чтоб спасти их при ускорениях!

Сейчас через переходную камеру в пустоту летели и флора, и почвы, и механика. Марина видела в иллюминатор, как беззвучно лопались в холодном пространстве налитые красным соком помидоры, свёртывались мгновенно в чёрные стручки листья пионов...

Наконец Корень отладил астронавигатор так, что он автоматически менял тягу двигателей от уменьшения массы. Уточнил курс на Солнце. Опускался по коридорной шахте — и не узнавал корабля. Вокруг был разгром. За пустыми гнёздами кают виднелись ребристые бока с пятнами сварки. Мимо пополз вверх на нейлоновом канате какой-то куб с обрывками кабеля. Капитан не сразу узнал в нём электроэрозионный станок, на котором ещё недавно работал.

«Больше всего кают жаль, — подумал он. — Это выбросили за борт личную жизнь. А какая теперь будет?»

А музыка всё звучала в шахте. Вот нежно, величественно и печально повела мелодию скрипка, к ней присоединился фагот, потом рожок и флейта, гобой — и весь оркестр. Увертюра «Ромео и Джульетта» Чайковского, узнал Иван.

Они встретились посредине шахты. Марина устало поднималась от оранжереи: комбинезон испачкан, волосы растрепались. На площадке молча постояли, прижавшись друг к другу. Иван поцеловал её в глаза, почувствовал привкус соли. «Плакала.» Поцеловал и руки, маленькие, в ссадинах и земле. Так, не сказав ни слова, оба двинулись дальше: он вниз, она вверх.

Опустился в ассенизационный отсек. Здесь кончалась жилая часть звездолёта. В углу Стефан наращивал винипластовую трубку на торчащий из стены отросток.

— Для чего это? — спросил Корень.

— Для дерьма, — коротко и зло пояснил конструктор. — Оранжереи теперь нет, пусть идёт в топливные камеры. Аннигилирует.

— Дельно. Помочь?

— Справлюсь, не надо. Странное существо человек, а, Иван?

— Почему? Человек просто человек, вот и всё... Но знаешь, это приспособление может почти и не понадобиться.

Сидящий на корточках Март уставился на него:

— Как это? Не понял.

«Сказать ему сейчас? — заколебался капитан. — Нет, не созрело».

— Позже поговорим. У Солнца.

Музыка Чайковского торжественно и страстно звучала в корабле — и оборвалась.

Это Галина рывком перебросила выключатель. Повыдёргивала разъёмы, бросила их и дисковую систему в общую кучу, взяла инструмент, двинулась по кораблю снимать динамики.

Площадка у переходной камеры была завалена предметами. Лететь разобрал каюты.

Увидев девушку, протянул к ней руки, чтобы помочь перебраться через хаос.

— Слушай, Галинка, вот удивятся где-то в центре Галактики, когда выловят это кресло! «Космический летательный аппарат небывалой конструкции!» Восторгаться будут: вот техника, куда нам с нашими спиралодисками!

Та смотрела на него с улыбкой: «Старше меня — а какой он ещё мальчишка. Это я и люблю в нём больше всего.»

— погоди, — пилот пошарил по карманам, достал кусочек мела, написал на спинке кресла: «Тони + Галя = любовь навсегда! Привет, жукоглазые! Дышите носом, если он у вас есть». Затолкнул кресло в люк камеры, нажал кнопку. — Пусть ломают головы.

Бруно Аскер, раскрасневшийся и потный, сердито зыркал по сторонам, выискивая, где ещё содрать электропроводку, гибкие трубы для воды и газа; сматывал то и другое в бунты. Снимал и распределительные щиты.

Все работали споро, понимая: чем раньше они повыбрасывают в космос ставшие теперь балластом вещи, тем больше сэкономят драгоценного антигелия.

Впрочем, разрушать — не строить. Управились за два дня. Отдыхали вповалку в отсеке управления, единственном нетронутым. Кроме него, уцелела установка «Засыпание — Пробуждение», электромагнитная катапульта, обсерватория, малая часть запасов и инструментов; и лежала в стартовом гнезде одноместная разведывательная ракета «Ласточка».

Напоследок астронавты, как смогли, сгладили следы разрушения.

2

Потом все собрались в отсеке УЗП.

— Делаем цикл сверхускоренного торможения и вместе — обратный разгон до 0,3 от световой, — объявил Корень. — Через час, время, за которое надо успеть погрузиться в свои контейнеры, астронавигатор автоматически переведёт двигатели в форсированный режим. Тяга будет 80 g. Когда выйдем в район Солнечной системы, тяга вернётся на 0,8 g и произойдёт наше пробуждение. Что ж, — он взглянул на товарищей, на Марину, коротко усмехнулся, — начинайте. Я последний...

Астронавты раздевались (одежда при мгновенном замораживании могла повредить тело), погружались в контейнеры. Корень подводил очередной бак под лучи молекулярных генераторов, командовал: «Товсь!» — и погружившийся с головой человек от нажатия кнопки превращался в ледяной монолит в глыбе льда. Капитан откатывал сразу покрывшиеся инеем контейнеры в магнитные гнёзда, закреплял их там. Он управился за 45 минут.

Поставил под лучи генераторов свой контейнер, включил ток электромагнитов. Теперь его контейнер, как и колонны генераторов, наглухо прикипели стальными основаниями к полу; 80-кратная перегрузка не пошевеливает их.

Разделся. Перевёл управление на ту автоматическую схему, которую собрали и надёжно, ударом об пол, проверили Аскер и Галина. Набрал там выдержку на пультике «120 часов», включил 60-секундную задержку перед срабатыванием.

Вдохнул полную грудь воздуха, прыгнул в бак, погрузился с головой и стал ждать. Наверно, он проделал всё излишне быстро. Или секунды теперь текли медленнее. Как бы там ни было, Корень почувствовал дискомфорт; воздух распирает лёгкие. «Перемудрили Аскер и Крон, — раздражённо подумал он. — Переавтоматизировали! Конечно! Нужно было провести кнопку включения ко мне в бак, не ставить выдержку. Жди теперь! — Он выпустил воздух, тот пошёл перед лицом крупными пузырями. — Да что такое!?! Неужто их автомат испортился! Как быть?..»

Вскоре он уже изнемогал от удушья, судорожно сжал челюсти и губы, чтобы не втянуть в лёгкие воду. «Выскочить из контейнера?»

...Перед глазами вдруг возникла картина, запомнившаяся со времени отработки метода: подопытный кролик, перепуганный погружением, дёргался, пока не освободился от тянувшего на дно груза, выскочил из воды... и прямо в воздухе его приняли и обработали лучи генератора. Белый стеклоподобный комок грянулся об пол и разлетелся на мелкие осколки.

В глазах Корень возникла красная мгла. Он понял, что сейчас потеряет сознание. Заскрежетал зубами от натуги. В полную силу оттолкнулся ногами, вылетел из бака, покатился по полу. Поднялся. Плечи и грудь в ссадинах. «В чём же дело?»

Подошёл к автомату Бруно—Крон. Алюминиевая панель лоснилась в свете ламп. Посмотрел на счётчик: вместо числа «120», которое он только что установил, там стояло «000».

Он глубоко дышал, не мог надышаться. Что такое? Минуту 120 часов — или... Если нет, то вот-вот заработает программа разгона в астронавигаторе, ускорение в 80 g размажет его по стенкам. И некому будет пробудить остальных.

«Прошло 120 часов, пять суток форсажа?!..»

Иван огляделся. Ничего не изменилось в отсеке. В прозрачных контейнерах застыли синеватые тела пятерых астронавтов. Зеркальные антенны генераторов были направлены на бак, из которого он выскочил. На полу лужа — это он расплескал, выскакивая.

Подошёл к баку, опустил руку: вода вроде теплой той, в которую он погрузился. Но, может, подогрелась от его тела?

По всем ощущениям, по памяти мозга и тела — прошли минуты от того, как он погрузился в бак. Неужто же пять суток!

...Прежде всегда кто-то дежурил, он и будил. «А, привет! Ну, как тут?..» — и тому подобное. Это было ощущением и первым переживанием пробуждения — и оно маскировало идеально отлаженную биофизику процесса: что генераторы входили в резонанс с колебаниями молекул тела сразу — за тысячные доли секунды останавливали их. Выход почти на абсолютный нуль; в этом была гарантия, что ни одна клетка плоти их не повредится. А при пробуждении точно так сразу все колебания возбуждались. «Выкл» и «вкл» быстрее, чем это делают с компьютером; там ещё операционную систему надо загружать.

Юношей Корень служил во флоте; его не раз будили заступать на вахту. Тоже можно было не сомневаться, что предшественник отдежурил положенные часы. А теперь... Он тщательно обтёрся полотенцем, достал одежду, начал одеваться — а тело всё ещё ждало удара в 80 г. Дикое противоречие между ощущениями и сознанием.

«Ты лишь несколько минут назад залез в контейнер, — доказывали чувства. — Ты вдохнул полной грудью, окунулся и ждал, пока сработают генераторы. Ты подумал даже, что лучше бы их включать кнопкой из бака... Выходит, ты начал думать это 120 часов назад, а закончил сейчас, после размораживания! Ты же едва не задохнулся...»

Он растерянно пригладил мокрые волосы.

Вроде всё так... но между ощущениями «до» и «после» не было разрыва. За это время должно произойти много событий: астронавигатор запустил двигатели на форсаж, из дюэз вырвались многокилометровые столбы белого огня. Огромная тяга погасила скорость в 0,8 от световой да ещё придала кораблю противоположную, в сторону Солнца. (По Бруно это одно и то же, но по расходу топлива, наверно, нет.) «Буревестник» пролетел в обратном направлении почти всё расстояние, на которое они до этого убили многие годы. Потом астронавигатор переключил двигатели в режим малой тяги, цикл форсажа кончился.

«Кончился? А если он ещё не начался? Ведь чувствам тоже надо верить, иначе зачем они... Самодетельный авто-

мат мог не сработать, или пробудил меня сразу же. Импульсы счётной схемы те же шестерёнки: где-то «зацепилось» не так — и выскочило сразу заданное конечное число. Тогда...»

Его будто по голове ударило. Цикл форсажа в самом деле может начаться вот-вот. Тогда у него оставалось на всё про всё минут 15. Истратил до погружения пять да сейчас на эту пси-маету столько же. Ещё через пять минут его тело станет весить тонн пятьдесят — и недолго проживёт. За дело!

Капитан действовал быстро и чётко: заморозил воду в своём контейнере, выключил электромагнит, откатил, вкатил под антенны генераторов контейнер Летье, снова включил электромагнит и снова установил на том автомате выдержку «120» часов.

Всё. Теперь в случае чего Тони разбудит остальных.

Отошёл к стене. Тело ждало удара. На всякий случай попрощался с жизнью.

«Эх, как всё не так получилось!..»

Было не страшно — досадно.

Прошло не менее пяти минут. Отсек и весь корабль по-прежнему обнимала тишина; в ней чуть слышно пикал счётчик автомата. Значит?..

Он с опаской, всё ещё ожидая форсажа, поднялся в отсек управления. Световые цифры астрокалендаря показывали «3657» — три тысячи шестьсот пятьдесят седьмой день полёта. А было «3652». Синяя риска на шкале индикатора скоростей стояла влево от нуля (влево, в другую сторону!) против отметки «0,31 с». Включил на большом экране маршрутную карту: там две линии накладывались, общая была явно толще, чем прежде. «Значит?..» — Корень начал чувствовать себя дураком.

«А если и эти приборы врут? — обожгла мысль. — Вспомни, как ты уверен был, что приборы показывают не тот снос. Может, ещё какой-то фокус от этой Г-1830».

— Нет, так можно и умом тронуться... — Капитан поднялся в носовую обсерваторию. За прозрачным куполом впереди по курсу ярким накалом пылали созвездия Скорпиона, Стрельца, Змееносца — те, что прежде из-за спектрального

сдвига удаления были сплошь тусклы и красноваты. Непода­лёку от Антареса и затмевая его сияла белая звезда. Солнце.

Для полного успокоения он измерил скорость по эффекту Доплера: 96 тысяч километров в секунду в направлении на своё светило. Всё правильно.

3

Корень вернулся в анабиозный отсек. Пробудив команду, он рассказал о своих переживаниях и панических действиях.

— Надо управлять автоматикой из последнего контейне­ра, — сердито заключил он. — И крупно показывать счёт времени. А то не поймёшь: минули секунды или месяцы.

— Да-а... — протянул Летье, натягивая штаны; и вдруг, поражённый мыслью, застыл на одной ноге. — Послушайте! А если бы мы не тормозили от субсветовой, а неподвижно висели в пространстве?

— Неподвижно относительно чего? — уточнил Аскер. — Все тела во Вселенной двигаются.

— Ну... если бы двигались, как и другие тела в Галактике, с малой скоростью, десятки километров в секунду, или там сотни... и не было бы часов и приборов. Смогли бы мы опре­делить, сколько пролежали в анабиозе: пятьдесят минут или пятьдесят лет?

— Боюсь, что нет, — покачал головой физик. — Вот ты­сячи лет мы заметили бы — по смещению звёзд в созвездиях.

— А если бы, — Тони натянул штанину, стал на две но­ги, — мы находились в межгалактическом пространстве, в тысячах парсек от галактик. Как тогда?

— Тогда смогли бы различать промежутки времени в миллионы лет, не мельче.

— То есть практически не заметили бы совсем течения времени?

— Вывод: нельзя заметить то, чего нет! — поднял палец Бруно.

— Если бы да кабы... — не без досады сказал Корень. — Хватит перекабыльствовать. Есть ли время, нет ли — у нас его сейчас действительно в обрез. А дел много.

Отсек управления теперь остался единственным более-менее пристойным помещением на корабле. Все собрались там — и чувствовали себя, как на вокзале.

Корень без обиняков изложил дальнейшую программу:

— Март и Бруно займутся подготовкой к выбросу через электромагнитную катапульту трёх контейнеров. Проверить, настроить, тяжи для перемещения — всё такое. Я и Летье точно ориентируем «Буревестник» на Солнце. Ошибка в доли угловой секунды... сами понимаете. А вы, — он посмотрел на женщин, — приведите себя в порядок. Женское тело штука более деликатная, чем мужское. Вам виднее что и как. Вот и давайте.

Физик и конструктор молча направились в носовую часть, к катапульте. Летье — к гиросистеме. Капитан тоже направился к выходу, но Марина мягко положила свою ладонь на его руку.

— Женское тело начинается с сердца, Вань. И с души. Галинка, оставь нас на часок. Потом будет у тебя такой с Тони.

И не было в этот час ни капитана, ни биолога — Иван да Марья. Последние в уходящей в тьму веков и пространств веренице Иванов да Марий, коим надо расставаться: то из-за войны, нашествия, то ради больших дел и замыслов, то в бега подаваться... а то и на отсидку. Одному сражаться, трудиться, мытариться, другой ждать — и неизвестно, дождётся ли. И обстановка расставаний у Иванов да Марий всегда была некомфортная и наспех.

И обстановка свидания была, почти как у многих тех Иванов да Марий, что урывали своё, где придётся: кто на полянке, кто под кустом или на стогу, в сарае... Лежали прямо на полу, на своей одежде. Марина ласкала Ивана вовсю, как могла и умела. Ласкала и молила: его, Вселенную, судьбу, бога:

— Ребёночка!.. Пусть зачнётся. Господи, пусть хоть в этом нам повезёт!

Потом Корень мягко сказал:

— Мы ведь не вернёмся, Маш. Да ты, похоже, почувствовала это.

И рассказал о замысле — или заговоре? — троих.

Их час кончился.

— Надо рассказать это Стефану и Галине, — молвил Корень, одеваясь. — У вас, если честно, шансы тоже невелики — всем троим долететь. А на Земле должны знать.

— Гале не надо, — покачала головой Марина. — Нельзя ей сейчас это знать. Ничего, долетим. Цельтесь точнее.

Потом был час у Тони и Галины. Пилот, предупреждённый капитаном, ничего ей не рассказал. Только одно:

— На всякий случай запомни: сектор Антареса. Самый чёткий ориентир. Искать в случае чего там. Сектор Антареса, помни!

Он не уточнил, что искать, или кого.

5

— Это ты хорошо придумал, что катапульта рядом с отсеком УЗП, — похвали физик Стефана Марта. — Удобно. Будто знал наперёд.

— Это не я придумал, ещё до меня. Аварийный выброс экипажа. Но всегда должен кто-то остаться и исполнить его.

— Ага. А теперь мы пожелание Ивана заодно исполним — насчёт управления из контейнера.

Исполнили. Системы замораживания и выброса действительно стыковались хорошо — контейнеры по направляющим могли скользнуть в люльку катапульты, потом выстрелиться — один за другим.

Март собирал инструмент. Работа была кончена.

— Вы, главное, наведите точненько. Чтоб в Солнечной засекли и перехватили. А то будем лететь, как сказал поэт, в звёзды врезываясь.

— А я сейчас пойду к ним, — сказал Бруно. — Это действительно сейчас самое-самое.

Он ушёл. Март остался один на один с установкой, катапультой и своими мыслями.

— ... и мне безумно захотелось хоть как-то проявить волю свою. — Он открыто смотрел на Искру. — Это ощущение безысходности. Щепка в бурлящем потоке причин и след-

ствий, обстоятельств... и последний пинок судьбы: заморозят — и лети!.. — он вздохнул. — Вот и решил хоть это сделать сам. Пнуть себя.

6

— А почему Летье говорил о секторе Антареса? — спросил Остап. — Что за сектор такой! И так настойчиво...

— Ну... он, видимо, имел в виду звёздную плоскость: Солнце, Антарес, Г-1830 — подлинная, — подумав, ответила Галина. — Участок этот. Дело в том, что они могли перерасходовать горючее. Тогда антигитогение той звезды отклонит «Буревестник» — они смогут выйти не на траекторию к Солнцу, но хотя бы в этот сектор. Так что если корабль-спасатель не встретит их на траектории, ему следует отклониться в этот сектор, искать там.

— А что, грамотно, — склонил голову Стефан.

— Так вы пошлёте встречный корабль? — звонко спросила Галина. — С этим нельзя тянуть.

Искра помолчал, покачал головой:

— Нет. Я наперёд знаю мнения членов Звёздного Комитета. Не убедит их ваш рассказ, выши доводы. Послать навстречу... в противоположную сторону! Самое большее, что можно обещать: будем высматривать и в той стороне. Ждать, пока «Буревестник» приблизится — пусть и на большой скорости, перехватим... В подходящее время можно будет выслать астроразведчика. А сейчас... нет.

— Что же, вы за сумасшедших нас принимаете?! — Крон гневно вскинула голову. — За вралей или дураков?.. Хорошенькое дело, хорошенькая встреча.

Она быстро вышла из комнаты.

Марина поднялась, хотела пойти за ней, передумала, села. Минута прошла в тягостном молчании.

— Они не вернуться, Остап, — печально и уверенно сказала Плашек. — Их нет ни на обратной траектории, ни в секторе Антареса... нигде. Уже шесть лет. И «Буревестника» нет.

И она рассказала всё, что велел передать Корень.

Стефан был поражён не менее Искры:

— Вот оно что! Вот что имел в виду Иван в той реплике... что ассенизация им может не понадобиться.

— Тебе предназначалась не только та реплика об ассенизации, — взглянула в его сторону Марина, — вся эта информация. Ведь я могла не долететь. Но ты смылся.

Март опустил голову.

— А почему Галине не сказали? — спросил Искра. — И сейчас не знает.

— Это я убедила капитана. Не хочу, чтобы она родила мёртвого ребёнка. Ко всем её стрессам добавить ещё этот... — Она поднялась. — Извините, я всё-таки пойду к ней.

Председатель Искра и конструктор Март остались вдвоём. Остап размышлял, как убедить членов Комитета послать в ту сторону хотя бы автоматическую наблюдательную станцию. С обсерваторией и спектрально сдвинутыми приборами. Те, погибшие, именно на такое крепко рассчитывали.

А Стефан был просто раздавлен свалившейся на него новостью. И более всего тем, что «Буревестника» больше нет. Уже шесть лет! Даже «огрызок» его не вернётся. Гибель товарищей... ну, они сами это избрали; да и все уходящие в Космос к такому готовы, это обыденно. Но *его* корабль, сконструированный им и собранный в полёте «Буревестничек»!.. Ничего он теперь не докажет.

Часть вторая. Камикадзе космоса

1. Расставание во Вселенной

1

Снова все собрались в отсеке управления — и снова чувствовали себя, как на вокзале. Беженцами. Попитались тем, что осталось, — а осталось немного.

— Двигатели перегрелись, должны остыть, — сказал Корень. — Так что и ночевать будем здесь. Располагайтесь.

— Матрацы могли бы оставить, — проворчал Бруно, оглядывая угол около пульта, где ему предстояло лечь, — и одеяла. Поторопились...

— Привыкай, физик, — улыбнулся ему Летье. — Отныне не только их, но и наши с тобой места для снов без сновидений — контейнеры анабиоза. При минус двухсот семидесяти по Цельсию... О! Что это?

Под ногами у всех мягко качнулся пол; металл корпуса передал отдалённые стуки.

— Это Стефан! — Тони бросился в коридор. За ним двинулись остальные.

— Не спешите! — крикнул им вслед Корень. — Вы его уже не догоните.

Он не пошёл в отсек УЗП, повернулся к пульта, включил обзорный экран. Круги звёзд на нём образовали туннель из сверкающих обручей. Там, где туннель сходилась, сыпь звёзд заслоняло маленькое тёмное тело. Корень включил прожектор: тело-параллелепипед блеснуло алмазными гранями.

Вернулся пилот и, держа перед глазами листок, растерянно прочёл:

— «Март сделал своё дело — Март может удалиться. Терпеть не могу прощаться. Не знаю, с кем встречаюсь в Солнечной, да и встречаюсь ли? Иван! Можешь считать это проверкой на автономное управление изнутри». И всё... Тони скомкал бумажку. — Пижон!

— Как по-дурачки всё получилось! — Конструктор Март взялся за голову. Тогда мне казалось, что я поступаю героически... а теперь и вспомнить тошно.

— Это бывает, — мягко сказал Искра, — когда люди надолго оторваны от Земли. Психиатры именуют это «потерей социальной ориентации».

— Я вижу, космомедицина здесь шагнула далеко вперёд, — слышался позади них насмешливый голос Плашек; она вернулась, стояла, прислонясь к двери. — Но, по-моему, Антон Летье поставил более точный диагноз.

Она села в кресло, продолжила рассказ.

— Ладно, всё! — Капитан поиграл желваками, положил бумажку Марта в карман. — Приказываю всем расслабиться и отдыхать. Вы не хуже меня знаете, как это важно.

И был час последний в отсеке УЗП, минуты расставания.

— Вы всё-таки осторожней, ребята, — говорила Марина, когда они последний раз выверяли направление корабля на Солнце, затем в отсеке все приборы. — А то ещё ускорение катапульты вышвырнет нас так, что глыбы расколются. А потом в Солнечной нас с Галинкой соберут не так...

Она шутила. Она ещё находила в себе силы шутить.

Наконец, всё было подготовлено. Наполненные водой контейнеры установили в ленточную обойму. Затвор электромагнитной пушки раскрылся, готовый принять первый замороженный бак с человеком. Корень и Аскер заняли места у молекулярных генераторов, нацелили их параболические зеркала на ближний к катапульте куб. Летье стоял у пульта гарматы.

— Насчёт точности не сомневайтесь, мимо не пролетите, — сказал Бруно. — Поле тяготения Солнца издали подправит, притянет...

Сейчас все осознали, что и те, и другие: кто останется в «Буревестнике» и кто сейчас улетит из него — отправляются почти на верную погибель. Исчезли улыбки; стало не до шуток, не до разговоров.

Корень до боли стиснул челюсти и не отваживался ослабить их. «Надо что-то сказать. Непременно...» Он боялся, что голос не послушается его.

— Н-ну... мы — люди. И мы расстаёмся. Нам жаль и не хочется. Но так сложилось. Мы во Вселенной — и обязаны поступать по-вселенски...

Не он сказал, что хотел; сказалось само. И, похоже, не то.

— Иван! — Марина бросилась к нему, обняла тёплыми руками, принялась быстро покрывать поцелуями его лицо.

— Маша... не надо... прошу... хватит... — голос у Кореня дрогнул. — Всё, иди. Ты первая.

Галина тоже рванулась к Летье, обняла. Пилот мягко, но властно взял её за руки.

— Галиночка, запомни наиглавнейшее: сектор Антареса. Сектор Антареса! А про остальное лучше забудь. Я тебя не люблю.

Он опустил её руки, отнял свои.

— Да?.. — растерянно сказала радистка и опустила голову. Что она ещё могла сказать.

— Всё. Раздеваться и в контейнеры! — скомандовал Корень.

Марина Плашек погрузила в бак своё ослепительно-красивое тело. Лишняя вода выплеснулась, на полу растеклись лужи. За ней заняла своё место Галина. Над водой были только головы — и они казались отделёнными от тел.

— Марина, товсь!

— Прощайте, товарищи!

Голова её ушла под воду. Корень и Аскер одновременно пустили в ход генераторы — и на них пахнуло теплом, жаром. Это мгновенно выделилась вся тепловая энергия воды и тела женщины. И была в этом тепле составляющая, которая помнилась Ивану Кореню до последнего часа жизни: жар её, Марины, рук и её поцелуев, ласк. А через секунду повеяло лютым холодом, контейнер враз покрылся колючим инеем.

Летье перекинул рычажок. Далее катапульта действовала сама: с лязгом обойма передвинула контейнер, он лёг в затвор, вокруг сомкнулись соленоиды. Удар магнитного поля, от которого шатнуло пол под ногами, выбросил врача-биолога Марину Плашек в звёздный космос.

— Галина Крон, товсь!

— До свиданья, товарищи! До свидания, Тони! — Голова девушки скрылась под водой.

Далее всё было так же.

— Прощай, Галинка, — тихо сказал Летье, перебросив рычажок.

3

«Что же дальше?» — чуть не спросил Остап, но вовремя спохватился. Дальше не было ничего. Ничего, которое длилось полвека, пока Марина Плашек не открыла свои прекрасные серые глаза здесь, в Астрограде.

Было уже полночь. Автомат городской осветительной сети одну за другой выключал шеренги уличных фонарей. Казалось, ночь улица за улицей стирает световую карту города. Вскоре остались только алые сигнальные точки на радио-

мачтах, кое-где светились окна в домах да всю сверкали в небе звёзды и огни Космосстроя.

— Смотрите! — Марина показала рукой.

На востоке, там, где россыпь звёзд обрывали чёрные изломы и зубрины гор, поднималось неяркое созвездие Скорпиона. В нём над пунктиром из мерцающих звёздочек оранжевой углинкой костра пылал звёздный гигант Антарес.

Председатель Искра по-новому смотрел на знакомую картину. Выходит, где-то поблизости Антареса в действительности находится эта загадочная Г-1830, которая вырабатывает антивремя и вбирает лучи?

— Скажите, товарищ председатель, — спросила Плашек, — а как бы вы действовали в такой ситуации? На нашем месте, на месте Ивана... капитана Кореня?

— Серьёзный вопрос, — усмехнулся тот. — Сразу и не ответишь...

Но оба астронавта смотрели на него так требовательно, что он понял: пустяками здесь не отговоришься. Для них его ответ — оценка экспедиции, их дел, их жизни.

Глава Звёздного Комитета задумался; он ещё раз перебрал в уме всё, что знал об этом и что ему рассказали сейчас. Поднял голову:

— Знаете, а вероятно, так же.

4

Это было на Земле, в Астрограде, в сентябре 2117 года.

Через 69 лет после старта «Буревестника» (тогда — безымянного экспериментального звездолёта). Через 52 года — полвека! — после того, как астронавты обнаружили, что летят не туда, переиграли всё, отправили троих в Солнечную в глыбах льда. Через 39 лет после пролёта «Буревестника» около Солнца, отправления радиogramм, в коих мало что поняли.

Через 6 лет после достижения звездолётом продлинной Г-1830 и вероятной гибели корабля и троих астронавтов там.

Для троих прилетевших в глыбах льда эти полвека сократились буквально до нескольких дней; однако в большом мире они прошли наполненные событиями. И им — Марине, Галине, Марту — далее предстояло жить, как все, рутинно, день за днём.

... И Искра был не слишком уверен, поэтому и употребил слово «вероятно».

На заседании Звёздного Комитета его сообщение и рассказ троих (в основном, Марины Плашек) был выслушан со скептическим интересом. Предложение послать в том направлении, в сторону Антареса, если не звездолёт, то автоматическую наблюдательную базу... вообще хоть что-нибудь — не поддержали.

Да что он — Галина Крон, когда родила сына, а Марина рассказала ей о том, что до тех пор скрывала, тоже не очень поверила. Не пор той причине, по какой усомнились другие: ей просто очень не хотелось, чтобы Летье, её Тони не был жив. А выходило, что уже годы минули от его конца. Она к этому не была готова — и не хотела быть готова. Она такое намечала: ладно, пусть сама постареет, со временем не поспоришь, но Тони вернётся, увидит своего сына... а по возрасту младшего брата. Она будет им обоим как мать и старшая сестра... Ну и всё такое.

Марина осталась бобылкой — прекрасной легендарной бобылкой, внимания коей жаждали и добивались многие мужчины. Её это мало занимало. Не повезло им с Иваном, не завязался тогда в последний час их горькой любви-расставания ребёночек. Свою неистраченную материнскую нежность она отдала Витьке, Витюшке, Виктору Летье, сыну Галины.

Но главное, она чувствовала себя если и не на «Буревестнике», то всё равно во Вселенной. Это было не просто чувство долга: то, что они там открыли и поняли, было так громадно, настолько превосходило как её личную жизнь, так и рутинную жизнь человечества, что не посвятить *этому* всю себя было невозможно.

И Галину настроила: в этом верность Тони и товарищам, не только сына растить. Они вдвоём — когда подросток Виктор, то троём — ездили всюду, выступали с лекциями и докладами, писали статьи и письма, встречались с влиятельными людьми.

Когда стало ясно, что «в сторону Антареса» (так это всюду называли, избегая даже формулировки «в сторону истинного местонахождения звезды Г-1830») ничего не пошлют, сосредоточили всю силу своего убеждения на том, чтобы в

нужный год — и в канун его — внимание наблюдателей космоса по всей Солнечной было наиболее обращено к этим двум направлениям: к видимой в созвездии Тельца быстролетящей Г-1830 — и в *строго противоположном*. Около Антареса. К созвездию Скорпиона.

Этого добились.

Стефан Март отошёл от них. Его взяли на хорошую должность в ГИПРОЗВЕЗД. Там он тоже доказывал своё: что звездолёты не дома, поэтому наилучше их строить в полёте силами участников полёта.

А мир Земли, мир Солнечной жил себе, поглощённый обилием пустых проблем и дел. Марина, Галя и её сын, как могли, поддерживали интерес к *их* проблеме... да не их, а Вселенской — но ведь от начала всего прошёл почти век.

5

... И так минули 27 лет. Это был расчётный срок, в который должны исполниться прогнозы и надежды, разрешиться сомнения-недоумения.

Стефан Март и Остап Искра до этой даты, 2143 года, не дотянули. Марине было под пятьдесят, Галине 45, обе седые; её Виктору, подающему надежды теоретику в области пространства-времени, так похожему на отца, как раз двадцать семь.

Их всюду выслушивали с большим интересом. Расспрашивали. Размышляли, крутили головами. Но когда доходило до необходимости решать — всё буксовало.

Как это, в самом деле: послать звездолёт в сторону, противоположную той, где обнаружена целевая звезда! «Нас не поймут».

Бруно Аскер, затерявшийся в космосе, теперь, когда он не мог занять чью-то кафедру и чьё-то тёплое место в науке, проходил на Земле и в Солнечной в докладах и монографиях как гениальный физик. Но и гениальным тоже следует быть в рамках — как и на портретах. А этот его замысел ни в какие не лез — и не признавался.

— Ну, сопоставьте, пожалуйста, размер и массу звездолёта с размерами и массой звезды. Пусть и небольшой. Даже при релятивистском разгоне внедрение его в звезду будет булавочным уколом.

— Но энергия релятивистского разгона, — возражали другие, — может намного превзойти энергию аннигиляции. То есть как если бы звездолёт был из антивещества.

— Но ведь и это немного для звезды, посчитайте баланс энергий!

Третьи, однако, доказывали — по такому балансу, — что если бы звездолёт так врезался в планету типа Земля, от неё остался бы только пар.

Дело было во Вселенной, и всё в конечном счёте решали простые числа. Если в 2111 году «Буревестник» действительно достиг того места — также в десяти парсеках от Солнечной, но в другую сторону, — и там что-то случилось и произошло (что?!), то в 2143-м должен прийти оттуда (откуда?) какой-то световой сигнал (какой?). Или — про другой версии — вернуться корабль: поскольку же он летит не со скоростью света, то это, видимо, ещё на год или два позже.

2. Мимо Земли

1

Оставшись одни, они из отсека управления долго следили, как удалялись, превращались в искорки, в точки, в ничто два ледяных контейнера — новые тела Вселенной. Затем вернулись к установке УЗП, прибрали отсек.

— Тоскливо теперь будет, — вздохнул Аскер.

— Зато сможешь проверить свои расчёты, — кинул ему Тони.

— Какие ещё расчёты? — не понял тот.

— Ну, о «времени надоедания».

— А! — Тот махнул рукой. — Нашёл о чём вспомнить.

Была у него во время борьбы против проекта Кореня — Марта и такая теория, и выведенные «формулы надоедания астронавтов друг другу».

«Не осталось у нас времени ни тосковать, ни горевать, ни надоедать друг другу, — подумал Иван. — Только цель и дело. Во Вселенной по-вселенски».

— Зачем ты так ей сказал? — спросил он пилота.

— А затем! — Тот понял, о чём речь. Он, закатав штаны, собирал губкой воду с пола. — Зачем ей любить воспоминание? А она такая, будет любить и ждать. Молодая же, пусть найдёт кого-то, не портит себе жизнь.

— А ребёнок?

— Ребёнок? — Тони замер с губкой в руке, на ноги ему стекала вода. — Да ты что?!

— Неужто она тебе ничего не сказала? — поразился капитан. — Вот это да... чёрт бы вас взял, молодых любовников!

Бруно ошарашенно смотрел на обоих: и он впервые услышал об этом.

2

За двое суток, пока двигатели остывали, контейнеры отдалились на восемь тысяч километров. Но прожектор, наведённый капитаном, всё ещё нащупывал их в прозрачной пустоте, телескоп обсерватории различал. Даже по изменению блеска можно было угадать, что они медленно вращаются.

Но вот пространство обзора в телескопе сместилось, блёстки исчезли в окуляре. Это Летье маневровыми двигателями сместил «Буревестник» на прежний — хотя теперь, собственно, новый — курс. Иван выключил прожектор. На душе стало спокойно и пусто.

В отсеке УЗП, «основном месте нашего обитания», как шутил Аскер, тоже всё было готово. На счётчике автомата набрали «44700» — часов. Им доведётся на пять лет с месяцем выключить себя из жизни. Кнопки управления теперь были в баке Кореня.

— До встречи у Солнца! — Тони первый вскочил в свой контейнер.

— До встречи!

Капитан заморозил товарищей, влез в прохладную воду, осмотрелся напоследок. Через четверть минуты после того, как его обработают генераторы УЗП, погаснет свет на кораб-

ле, из двигателей снова выдвинутся многокилометровые форсажные столбы белого пламени; звездолёт, тёмный и безмолвный, будет разгоняться до скорости 0,91 от световой, летя прочь от оранжевой лжезвезды за кормой.

«Выключаю время», — подумал Иван, набрал воздуха в лёгкие, нырнул и нажал нужную кнопку.

«Выключаю время». И он помимо воли едва не нажал кнопку второй раз: был почти уверен, что система не сработала. Ничего ж не почувствовал — а значит, и не произошло. Только воспоминание о том, что случилось с ним прошлый раз, удержало руку. Вылез. В отсеке было темно. Вода стала тёплой. Мозг и тело Ивана зафиксировали только эти два факта: стало темно, вода подогрелась.

Нашупал выключатель пакетника, повернул, зажётся свет. Даже тишина была прежней.

Ничего не изменилось в отсеке, только воздух стал немного затхлым и пахнул горячим металлом. Корень снял крышку с автомата: ага, латунные винтики позеленели, оловянные точки у микросхем стали серыми.

Прежде чем вернуть к жизни товарищей, капитан направился в обсерваторию. Звёздный туннель, в котором летел «Буревестник», блистал обручами ярче и голубее. Он включил противовращение: туннель рассыпался звёздными россыпями и пылью. Под его ногами ослепительно сияла жёлто-белая звезда: у неё можно было различить маленький диск. Из-за невесомости капитану показалось, что он падает на неё.

«Солнце. Всё в порядке».

И тишина была не прежней: двигатели отработали своё, разогнали корабль до 0,91 от световой, отключились. Поэтому звёзды впереди сместились по спектрам в голубую сторону, звёзды позади в красную; и только с боков светили нормально. В том числе и Солнце.

Корень отправился пробуждать тех двоих.

3

Ждали третий час — все трое в чувствительных наушниках, каждый у своего приёмника и в своём диапазоне. Ждали

хоть какого-то радиосигнала; только тогда имело смысл посылать свои сообщения с заведомо более слабого, чем работающие в Солнечной, радиопередатчика корабля.

И спорили, что передавать. Только о факте обнаружения «лжезвезды», о своём решении повернуть к ней и о тех троих в ледяных глыбах, что придут сюда через десятилетия, — или и о своём проекте «атаковать звезду». Бруно настаивал на последнем, Корень и Летье находили, что это будет перебор.

— И так ведь примут за сумасшедших, по одному факту антивремени... или «антитечения света», всё равно. А если ещё это добавить...

— Определённо решат, что у нас крыша поехала. Ты взгляни на все факты глазами нормальных землян: поворотили в другую сторону, выбросили в космос троих, половину экипажа — и всё ради того, чтоб в звезду врезаться, ни больше, ни меньше. Ну, ясно же!

— Марина расскажет, подготовит. Она умеет.

— Это если долетит.

— Эх, Стефан как подвёл нас! Удвоил бы вероятность.

— И Галинке напрасно не сказали.

— Да я и слов-то не подберу, — развёл руками Корень; первая часть сообщения лежала перед ним, написанная на листке. — Вот чувствую, что правильно, так надо — а объяснить другим, тем более не побывавшим в нашей шкуре... нет!

Аскер смотрел на них с ироническим прищуром:

— Слушайте, друзья, если вы увиливаете не только от сообщения об этом, но и от самого решения: мол, доберёмся до Г-1830, а там, может, переиграем, полетим назад... то дудки. Скорость 0,91 с означает, что у нас не хватит теперь топлива даже погасить её у звезды. Не то что лететь обратно. Всё уже решено.

Все трое замолкли. Наверно, было что-то подобное в душах капитана и пилота; умом решили, а подсознание противилось.

— А ведь это значит, что мы сейчас видим наше Солнышко в последний раз, — молвил Корень.

— Наше Солнышко и наши места... — добавил пилот.

— Вот-вот, — утвердительно кивнул физик. — Созрели. А слова ничего, слова я подберу.

Он неявным образом теперь становился главным — как автор идеи.

— Тс-с... — поднял руку Летье. Сбросил наушник, птицей взлетел на мостик, включил на полную громкость динамики открытой связи. Астронавты затихли. До сих пор антенны корабля улавливали только шум радиоизлучений Вселенной — шорох туч межзвёздной пыли и ионизированного водорода, невнятный шёпот угасших звёзд и далёких галактик. Теперь сквозь этот фон, похожий на отдалённый шелест морского прибоя на галечном берегу, пробивались размеренные тонкие звуки: «Пи-и... пи-пи-пи... пи-и...» Вот пиканье прекратилось. Через минуту послышалось вновь.

— Приводной радиобуй, — прошептал Корень. — Включи противовращение, Тони.

Невесомость. «Буревестник» завис в пустоте, направив, как насторожившийся зверь уши, параболоиды антенн к далёкому Солнцу. Сигналы теперь шли уверенно и постоянно.

— Радиобуй 186, — расшифровал морзянку Летье.

Аскер вывел на экран компьютера таблицы из «Каталога искусственных небесных тел», сменил их. Нашёл.

— Приёмник буй работает в полосе 450–451 мегагерц. Чувствительность две тысячных пиковольта. Маловато, чтобы слышать нас!.. Далёко проходим. Буй через промежуточный астромаяк связан с навигационной станцией на Нептуне.

— Нептун!.. — Тони смотрел на динамики, как на чудо. — Это ж почти Земля, я там год работал!

4

В течение следующего часа поймали ещё сигналы радиобуя 195, связанного с Титанией, спутником Урана, тоже на пределе слышимости. И это было всё. Звездолёт мчал мимо Солнечной почти со скоростью света, скоро уйдёт из зоны связи — времени терять было нельзя.

Учли доплеровские поправки на скорость сноса, стали передавать. Голосом, компьютерными цифровыми импульсами, старой доброй морзянкой. Первую часть сообщения дал Корень:

«Внимание, Солнечная! Внимание, Солнечная! Говорит звездолёт «Буревестник», стартовавший к быстролетящей звезде Г-1830 в октябре 2048 года. Проходим на скорости 0,91 с мимо Системы. Установили, что яркость звезды убывает — повторяю: убывает — пропорционально квадрату расстояния при сближении с ней. Соответственно уменьшается — повторяю, уменьшается — параллакс. Видимо, столкнулись с обратным течением времени. Курс изменён на обратный, в точку 268 градусов 35 минут галактической долготы, 14 градусов 15 минут северной галактической широты. Видимый ориентир — альфа Скорпиона Антарес. Направляемся к истинному местонахождению звезды Г-1830, лучи которой направлены к ней. Повторяю: лучи Г-1830 направлены к ней. Три наших астронавта: Марина Плашек, Галина Крон и Стефан Март летят к Солнечной в анабиозных контейнерах; их скорость 0,3 с, придут ориентировочно в 2115–17 годах. Следите за пространством в том секторе, в направлении созвездия Тельца. Перехватите их!

Капитан «Буревестника» Иван Корень»

Вторую часть — на страх земным ретроградам — выдал Аскер. Грубым голосом в микрофон, набычившись, склонив лысину, как рога.

«Внимание, Солнечная, говорит Бруно Аскер, физик. Открытое нами явление звезды с обратным течением света и, вероятно, времени равно и чужеродно, и крайне важно. Мы рассчитываем... (здесь всё-таки и у него, хоть он и подтрунивал над товарищами, перехватило голос, пришлось откашляться) рассчитываем врезаться в истинную невидимую Г-1830 на скорости, максимально близкой к световой. И так создать сильное возмущение, кое может привести к потере звездой Г-1830 устойчивости. Тогда это возмущение будет наблюдаемо в межзвёздных масштабах. Следите как за нашим новым направлением, за указанной точкой, так и за видимой Г-1830. Вероятный год достижения Солнечной возмущения — 2143-й. Шлите сюда ещё экспедицию. Прощайте.

Бруно Аскер»

Передать закодированной в морзянку и цифровые сигналы эту часть не успели: корабль вышел из зоны радиосвязи. Поэтому сообщение Кореня хоть с грехом пополам, но уловили в Солнечной, а добавленное Бруно Аскером затерялось в пустоте.

За эти часы звезда по имени Солнце заметно переместилась. Теперь они удалялись от него.

— Ничего удивительного, релятивистский эффект, — сказал Бруно. Привыкайте, это отныне наша будничность. При 0,91 с мы по своему времени движемся со скоростью 750 тысяч километров в секунду...

— Ого! — Тони присвистнул.

— ...и за время от пробуждения прошли добрый десяток миллиардов кэ-мэ, то есть размер Солнечной. Далее будет ещё круче.

И он изложил дальнейшую программу. Она была проста: разгоняться в экономическом режиме до исчерпания запасов антигелия. Удастся достичь скорости 0,995 с, а тем и 22-кратного релятивистского утяжеления. Будет с чем врезаться в ту звезду. И ускорение времени тоже. Эти поправки надо учесть и в графике «Засыпание—Пробуждение»...

— Хороши поправки — в десятки раз! — фыркнул пилот.

— ...с приближением к Г-1830 даст знать себя гравитационное поле её. Скорее всего это будет антитяготение, отталкивание. Это чревато отклонением курса. Так что важно не прозевать. Иначе наш полёт превратится просто в глупость...

«...глупость, при которой мы останемся живы, — думал Иван, слушая физика. — Бессмысленно живы, летя неизвестно куда и зачем. Так что он прав: важно не прозевать. И не оплошать».

— Раз мы сейчас отхватили размер Солнечной системы за часы, — перебил он Аскера, — то при 22-кратном убыстрении это за десяток-другой минут, так?

— Да. — Тот понял, к чему это сказано. — На все действия у звезды Г-1830 — а ещё неясно, что там и как и какие они будут, — у нас будут десятки минут. И на решения тоже. На такие, в которых нельзя ошибиться. На всё по всё.

— Хорошо. — Капитан поднялся. — Сейчас регламентные работы пред долгим анабиозом. Окончательно всё планировать уместней в том пробуждении.

Они принялись за эти работы.

5

...А Солнце уходило, удалялось, желтело и тускнело. Грустно было сознавать, что оно такая же звезда, как все другие в Галактике. Никогда оно не станет для людей — и для них — просто звездой. Уходил, удалялся их мир: девять неразличимых отсюда планет, одна из которых Земля. Голубые реки и озёра, зелёные леса, горы, моря... города, дороги, ветер, синее небо... и люди, люди, множество разных людей, незнакомых — и теперь особенно дорогих.

Кондиционированный воздух звездолёта с нужным процентом влажности и хвойным запахом показался им затхлым; лица товарищей — серыми.

Закончив работы, они сошлись в отсеке управления. Попитались — позволили себе такую роскошь. Еды в холодильнике осталось ещё на два пробуждения в пределах суток каждое.

— Радиogramмы уже должны быть на Земле, — мечтательно сказал Тони. — Хоть одна какая-то дойдёт. Частоты знают. Может ответят, а?

— Они там ещё долго буду раскумекивать, что к чему, — молвил Бруно. — Оглушительный же факт: звездолёт не возвращается в Солнечную, а проходит мимо!

— Дело не в том, — сказал Корень. — Чтобы ответить, там надо собрать сверхантенну в космосе. В сотни километров диаметром. Да не около Земли, а на орбите Плутона. Это работа на месяцы. Так что не ждите.

— Эх, под дождик бы сейчас, — неожиданно сказал Летье. — Босиком по лужам, как в детстве. «Дождик, дождик, пуще! Раста трава гуще!..»

— А на лужах от капель пузыри выскакивают, — поддержал пилота Аскер. — Весёлые такие. И лопаются...

Корень поднялся; лицо было твёрдое.

— Ладно, всё. Готовиться к анабиозу.

И «Буревестник» на многие годы снова погрузился в тишину и молчание.

3. Доказательство по-вселенски

1

Пробуждение вблизи Г-1830, на расстоянии 5 световых дней от неё, было последним; для них в их релятивистском сверхразгоне всё дальнейшее длилось несколько часов.

— Побриться! Подчепуриться! Одеть чистое!.. — весело скомандовал Корень, когда его товарищи вылезли из баков. Сам он был выбрит, из ворота чистой рубахи выглядывала тельняшка; её Иван хранил ещё с флотской службы, надевал крайне редко — последний раз при старте «Буревестника». Сейчас он был энергичен и подтянут, глаза блестя.

— А то б мы без тебя не догадались, — искоса взглянув на него, буркнул Аскер.

Не имело значения, что они через несколько часов умрут. Весило лишь одно: умереть оптимально. Не хуже, чем рассчитали и спланировали.

В эти десятилетия слепого полёта были дежурные пробуждения — для корректировки курса. В предпоследнем Бруно обнаружил чуточное искривление курса. Несколько дней следили постоянно. Физик не разрешал исправлять курс: наблюдал, как меняется положение звёзд-ориентиров, вычислял. Всё стало ясно: это было отталкивание Г-1830, то предвиденное им антитяготение. Так звезда выдала себя: она именно там, куда летели.

Исправили курс, задали поправки гироавтомату — и снова в контейнеры УЗП. Припасы почти иссякли.

Вообще по обстоятельствам этих последних дней и часов своей жизни они почти что и не были людьми; так, на самый минимум поддержания тонуса и жизнедеятельности. Чтоб быть в форме. И тем не менее они сейчас были больше люди, чем все родившиеся на той планете.

Сама картина релятивистского полёта, при которой яркое звёздное небо было только впереди, тусклее по бокам — и там зримо менялось расположение ближних светил — и инфракрасно-чёрное позади, делала их звёздными существами, людьми Вселенной.

2

Теперь, на подлёте, звезду увидели и в носовой телескоп. Чёрная дыра, заслоняющая, будто заглатывающая окрестный звёздный планктон. Она росла — и вскоре была заметна без телескопа прямо по курсу.

Тони хохотал в восторге, стоя в носовой обсерватории, хлопал себя по бокам, крутил головой.

— Ты чего? — озадаченно спросил Корень.

— Нет, ну ничему же нельзя верить, ничему и никому, даже звёздам! Я ведь до сих пор, знаешь, всё-таки сомневался: есть ли то, к чему летим? Доводы-то косвенные. А теперь вижу: вот она, чертовка. Но коли так, прочие-то звёзды, каталоговые светила, кои заполняют небесное пространство... там ли они, сердешные? Есть ли они?.. Вот и верь после этого глазам своим!

И пилот снова засмеялся, закрутил головой.

Вскоре в телескоп заметили и другую быстро смещающуюся чёрную дырочку в трёх десятках поперечников от звезды-дыры.

— Будь я проклят, но это же планета! — сказал Тони. — Планета Марины, а? И как теперь будет с тем её парадоксом? Есть там кто или нет?

— Есть ли, нет ли, но если у нас получится, то ничего не будет: ни планеты, ни парадокса, — ответил Корень.

— Чепуха всё это, кабинетщина, — поморщился Бруно. — Выбросите из головы.

Роли были чётко спланированы и распределены. Главное, не дать Г-1830 своим антигравитацией (кое всё росло и около тела звезды будет чудовищно сильным) сбить звездолёт с точного курса на центр её. Не оттолкнуть, об этом при такой

скорости не могло быть и речи; но — чуть сместит, чуть зазеваются — и проскользнут по касательной. И всё зря.

Умирать им пролагалось с наибольшим ущербом для Г-1830, не иначе.

Для этого Бруно Аскер впереди, корректирует все сносы движением маховика гироавтомата — по перекрестию на центр чёрной дыры, Корень на корме единственным маневровым двигателем — тоже по перекрестию на видимый в инфракрасных лучах диск лже-Г-1830 позади, на её центр. «Будем держать курс и в хвост, и в гриву», — сказал капитан.

И так до последнего, сколько хватит сил и жизни их.

И самая серьёзная корректировка — при старте «Ласточки» с Летье. В неё сложили, упаковали дискеты с данными наблюдений, снимки, числа измерений. Тони должен будет вывести разведракету в тот «сектор Антареса», чтобы когда — и если — здесь появятся другие исследователи, им легче было её искать. Ясно было, что отвернуть от звезды-дыры на такой скорости можно было только при самых больших ускорениях, кои, когда пойдёт форсаж, пилоту не вынести — да и смысла пережить их особенного нет.

Как раз пошла самая интереснятина для съёмок и замеров: та же «планета Марины» вот... Ничего, что разбираться в этом материале будут не они. Важно его добыть и сбержечь.

...Первые межпланетные станции с Земли шли в дальний космос, за Юпитер, Сатурн, Нептун многие месяцы. Их звездолёт здесь одолевал такие дистанции за минуты.

3

Они ещё успели постоять в обнимку в носовой обсерватории: Бруно в серёдке, Иван справа, Антон слева. Вращение выключено, веса нет, ноги держат на полу магнитные присоски в башмаках. Чёрная дыра Г-1830 впереди выглядела маленьким диском, с просяное зёрнышко. Дистанция была подальше, чем от Плутона до Солнца — Летье помнил вид своего светила оттуда.

— Когда начиналось космоплавание, — задумчиво сказал Иван, — каждому, кто побывал на орбите, присваивали геройские звания. И слава на всю планету, награды... А что

их интересный, содержательный полёт по риску против героизма шедших в атаку солдат? У космонавтов погибал один из двадцати, а в атаках каждый третий. А то и второй. А то и все.

— Так за содержательность полёта и награждали, — вступился за своих Тони.

— Ладно вам, говоруны, — сказал Бруно. — Антон, ты вот в «Ласточке» непременно говори что-нибудь.

— Что?

— Не важно. Ну, стихи читай, что ли. Громко, отчётливо. Я буду слушать. Если есть нуль-слой, это как-то отразится.

— Ну, допустим. Но этот факт «Ласточка» уже с собой не унесёт.

— Знать-то всё равно надо. Лучше, чем не знать.

Чёрное «зёрнышко» Г-1830 за время этого разговора стало заметно крупнее просяного.

— Всё, за дело! — сказал капитан.

4

Летье собрал с датчиков и приборов последние данные, снимки. Сложил всё в герметический ящик из титана. В кормовом отсеке пожал руку Ивану; разговаривать больше было некогда. Заглянул в носовой, махнул рукой оглянувшегося на него от пульта Аскеру — и быстро по скобам к гнезду «Ласточки». Так же быстро всё упаковал, закрепил, закрепиться в кресле — старт. Двое оставшихся почувствовали его: дрогнул корпус, сместились перекрестия на носовом и кормовом экранах. Быстро исправили. «Буревестник» снова шёл строго по лучу к центру Г-1830. Она уже была размером с Луну.

Бруно увидел, как в верхней части чёрного диска взметнулся протуберанец — размером больше него. Диск рос, и протуберанец рос.

Хуже всего пришлось Кореню — он погиб первым. Звезда позади была ложной и из-за релятивистского смещения спектров даже незримой, тепловой. Но жар от неё, от стекавших

из мирового пространства в чёрную воронку Г-1830 лучей — был настоящий. И он нарастал точно так, как если бы звездолёт не уходил прочь, а падал на звезду, падал на солнце.

«Так вот что чувствовали те, кого сжигали на кострах», — подумал Иван напоследок. Горела одежда и волосы, жгло кожу — но странно: он чувствовал покой и величие. — Что ж, хоть не я первый... Главное, чтоб не зря...»

Поворот пальцами регулятора на щитке возбудил бы боковой импульс в дюзах маневрового двигателя — и, вероятно, увёл бы от жара, уменьшил его. Он не сделал этого движения пальцами.

Последне, что он почувствовал: как по лицу что-то текло; это были не слёзы — лопнувшие глаза.

К Бруно этот жар пришёл позже. Чёрная дыра Г-1830 уже распространилась на половину экрана; ясно было, что не промахнутся, не соскользнут по касательной. Но не промахнуться это не всё. Аскер понимал несоизмеримость тел и энергий звездолёта, даже с релятивистски умноженной массой, и звезды.

Поэтому он и просил Летье, чтобы тот из ракеты дал связь, дал голос и слова.

Но тот пока молчал.

5

Ни одна ракета не стартовала ещё со звездолёта, летящего с почти световой скоростью. И главное, вперёд, то есть добавила себе все эти Лоренцовы коэффициенты. Но Тони понимал, что всё просто: ориентир — Антарес, гнать в ту сторону, вывести двигатель на сверхфорсаж. И добавлять огня в одну дюзу, чтобы отворотить от чёрного ада подлинной Г-1830 впереди и от жара-накала её фантома позади. Как между Сциллой и Харибдой. И заодно как можно круче изогнуть траекторию, чтоб всё-таки не к Антаресу летела его «Ласточка». Ищи её там, свищи.

Так что было не до стихов. Одна рука на штурвале, пальцы другой на пульте, глаза в «сектор Антареса» и на немилую чёрную дыру. Ускорение поворота всё нарастало.

«Не то. Съехало. Вот другое из Маяковского».

И в кабине рядом с Григом, седым лохматым стариком-композитором в Космосе был другой звёздный человек, давний и вечно молодой поэт. Застреленный властями два века назад за свою популярность — с имитацией самоубийства.

Вашу мысль,
мечтающую на размягчённом мозгу,
как выжиревший лакей на засаленной кушетке,
буду дразнить об окровавленный сердца лоскут:
досыта изъиздеваюсь, нахальный и едкий...

«... и у меня внутри уже окровавленный сердца лоскут.
И не только сердца. Ни хрена!»

У меня в душе ни одного седого волоса,
и старческой нежности нет в ней!
Мир огрёмив мощью голоса,
иду — красивый,
двадцатидвухлетний.

6

И Бруно услышал! Сначала эти слова сквозь трески разрядов — трудно было узнать голос Тони; затем и то, о чём мечтал, чего ждал и предвидел: перевёртыши!

- ...сердца лоскут...
- ...туксол... адрес...
- ...мир огрёмив...
- ...виморго рим...

Это значило, что нуль-слой есть! Ракета «Ласточка» около него проходила.

Конечно! Есть наше пространство-время — и чуждое с противоположными свойствами; как не быть промежуточному слою. Где и то и сё, и не то и не сё... чёрт знает что, то время, то антивремя. Потом разберутся. Главное, он есть. И в звезду внедряется на наибольшей из скоростей не просто тело с массой, но и наше пространство в чуждое. То, что по Дираку в миллионы раз плотнее и мощнее. Теперь другое дело!..

...И вдруг Бруно Аскера осенило: это вторжение! Эта мысль не вытекала и не могла вытекать из его знаний и тео-

ретических построений. Просто Галактика даровала ему такое понимание. Да, это вторжение. Оно длится миллионы лет — не так и много по вселенским меркам. И самой Галактике нашей непросто было разобраться: что, как и откуда. Они своей «неудачной» экспедицией ей в этом помогли. А сейчас ещё более — отражают вторжение передовой звезды той галактики, что виделась в Тельце, а была в Скорпионе...

— Тони, Иван! Мы отражаем вторжение! — заорал он возбуждённо в микрофон среди накаляющихся стен носового отсека. — Понимаете: мы отражаем вторжение!.. Вы слышите меня?

Но те уже не слышали. В кормовом отсеке дымился, обугливался труп Кореня. У Антона Летье от перегрузки остановилось ставшее многопудовым сердце.

7

Теперь на плавающем сзади «Буревестнике» один Бруно Аскер, забывший своё имя, просто Физик-Устремление, пёр в чёрный огонь Г-1830.

Он стоял у пульта.

«Теперь я настоящий физик, не ради успеха и признания, не тварь дрожащая. Сейчас это ощутит и сама Г-1830, коварная звезда. Ощутит крепко, останется здесь вмятина во взбаламученном пространстве, останется долго. Пусть другие прилетают, исследуют. Немало откроют — даже если и не земляне».

Он снова постиг Вселенский смысл происходящего. Идёт Вторжение — той галактики, из Треугольника — то есть видимой в Треугольнике. И они вместе со звездолётом часть своей Галактики, не только тела её, но и ума, души. И теперь, когда поняли и достигли, значительная часть. Действующий орган, от точности и умелости которго зависит многое.

...и постиг он извечную мудрую силу своей науки, мощь её идей, открытий, даже ошибок и заблуждений. Потому именно эта наука так и изменила, в конечном счёте, жизнь людей на Земле и вывела их в космос, во Вселенную — из мирка в большой настоящий мир. Мощь эта прежде всего

состояла в том, что *было что познавать*. Познавалось — через все мелкие ложные представления, слепые тыканья — Тело Вселенной, Её Жизнь во всём размахе, плотности и глупине. И шло присоединение к Ней.

Суть присоединения была проста: не тела какие-то, не массы их несли скрытую энергию $E=Mc^2$. Это он сам был Mc^2 — и своего тела, и массой всего звездолёта; а с учётом релятивистского разгона так и гораздо больше.

— Я — Mc^2 , эм-цэ-квадрат, я!!! Не Е, а Я!!!

Ничто была пред этим присоединением сейчас его паникующая от более всеми нервами белковая земная плоть, как ничто была и земная жизнь. Сейчас Бруно был и Средой Дирака, и праkritи древних индусов, эфиром, Дао китайцев — был Телом Галактики, в коем звёзды лишь заметные вкрапления.

Немыслимо плотным живым, звёздно-горячим Телом.

Выростом этого тела, разящим другое, чуждое.

И когда «Буревестник», всеящий, как три десятка звездолётов, с горящей и плавящейся обшивкой вторгся в чёрную хромосферу Г-1830, которая жгла и светила сзади, хоть и была впереди, горящий Бруно, не чувствуя боли, кричал:

— Победа! ПОО-ОБЕ-ЕЕДАААА!.. — потом, сползая на пол, хрипел в агонии, но и хрипел победно.

«И мёртвые, прежде чем упасть, делают шаг вперёд». (Стихи об атаке, не помню чьи.)

Эпилог

Всё это произошло за 6 лет до возврата на Землю тех троих. Но информация о случившемся у звезды Г-1830 дойдёт гораздо куда позже.

Да, для Земли они — давно погибшие. Но для Вселенной живы. И будут живы всюду до тех пор и до тех мест, куда донесут световые лучи информацию о синхронных событиях: вспышки лже-звезды Г-1830 и колыханий пространства,

звёздных «кругов на воде» в истинном её месте. Разные существа в Галактике уловят это, будут строить догадки, наблюдать, исследовать — и что-то поймут о мире большее, чем понимали до этого.

Звёзды — газоплазменные шары — не очень устойчивые образования во Вселенной. При таких температурах: тысячи градусов снаружи и до миллионов в центре — и процессах внутри оно и не удивительно. В сущности это кое-как обуздывающий сам себя миллиардолетний термоядерный взрыв. Когда обуздываются с трудом — переменные, пульсирующие; когда процесс сбрасывает узду — вспышка новой или сверхновой.

Таран разогнанного хоть и до многократного релятивистского умножения массы «Буревестника» был для Г-1830 мельче булавочного укола. И тем не менее «булавка» шар проколола, он лопнул. Будущие исследователи, не только земные, видимо, докажут, что решающую роль здесь сыграло не вещество (хотя оно и было «анти» для той звезды), а внедрение куда более плотной субстанции — самого пространства нашей Галактики; оно ведь тоже было «анти».

Увидели в Солнечной системе в октябре 2143 следующее:

Известная два века, «справочная» Г-1830 вспыхнула Новой. На сверхновую её блеск не тянул, но видна была и в сумерках — ярче Венеры. Это с десяти-то парсеков. Вспышка длилась с неделю, потом стала опадать.

В противоположной стороне, в созвездии Скорпиона, телескопы заметили и засняли нечто не столь эффектно яркое, но куда более сенсационное: пространство там пошло... кругами. Все звёзды в том месте, вплоть до мельчайших, составлявших тот участок Млечного Пути, изменяли согласованно видимое расположение так, будто бы они отражались в пруду, в который бросили камень.

Точка, от которой расходились «звёздные круги», по координатам была строго противоположна видимой Г-1830; эти числа совпадали с сообщёнными Аскером и Коренем в их более полно расшифрованных радиограммах.

Кроме Земли и Солнечной, оба события — вспышка и «круги» — были замечены ещё в двух местах окрестного космоса. Там тоже оценили их синхронность и необычность. Были направлены космолетчики для исследований.

Но теперь и из Солнечной, понятное дело, тоже.

В следующие века в районе истинного нахождения Г-1830 побывало немало экспедиций, велись обширные исследования. Выловили в «секторе Антареса» разведракету с погибшего «Буревестника».

Наиболее всех исследователей занимали два направления: нуль-слой (от него ожидалось перемещение вне времени) и есть ли ещё в Галактике звёзды, подобные этой? Таких обнаружили немало — по их светящимся фантомам. Потому что призраки они и есть призраки: никаких таких звёзд не было, как не было и светившей Г-1830. Налиествовала видимость, коя всегда давала о себе знать *по лучу*, впадавшему в «яму» истинной антизвезды. Как лучи эти стекались к «яме» со всех сторон, так и звёзды-призраки, в отличие от подлинных, обнаруживались жителями разных мест Галактики в несовпадающих местах и даже направлениях. Как только они смогли сравнить свои звёздные карты, всё стало на места.

По лучам от фантомов находили места «антизвёзд». И оказалось, что все они — со стороны той спиральной галактики, что видна была в Треугольнике, а на самом деле находилась в Скорпионе. И гораздо ближе, чем предполагали.

Но это уже другая история.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 5

ПРИВИДЕНИЕ ВРЕМЕНИ

(научно-фантастическая повесть)7

ПРИЛОЖЕНИЕ 151

Привид часу (науково-фантастична повість)... 153

Привидение времени (отрывок
из научно-фантастической повести)..... 275

Привид часу (уривок
з науково-фантастичної повісті) 311

Призрак времени 345

